Дмитрій Дриль.

МАЛОЛѢТНІЕ ПРЕСТУПНИКИ.

ЭТЮДЪ ПО ВОПРОСУ О ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ, ЕЯ ФАКТОРАХЪ И СРЕДСТВАХЪ БОРЬБЫ СЪ НЕЙ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ВВЕДЕНІЕ.

Очеркъ развитія ученія новой позитивной школы уголовнаго права, явленій наслѣдственности порочныхъ особенностей организма и явленій приспособляемости, какъ основаній воспитанія и перевоспитанія.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.
1884.

Оглавленіе.

Главы.		Стр.
	Предисловіе.	V
I.	Вліяніе преступленія на экономію общественной жизни. Краткая характеристика основныхъ положеній позитивной школы уголовнаго права	1
II.	Очеркъ психіатрическихъ ученій, имѣвшихъ соотношеніе съ уголовнымъ правомъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ и до Morel'я включительно	19
III.	Новѣйшія психіатрическія ученія и вытекающее изъ нихъ понятіе о порочной организаціи. Порочная организація, какъ необходимое условіе преступности. Подтверждающіе факты. Общіе выводы	62
IV.	Gall, Prosper Despine, Thomson, Nicolson	120
V.	Lombroso, Vergilio, 2-е изданіе «L'uomo delinquente» .	160
VI.	Ново-италіанская школа уголовнаго права, Kraepelin, Lacasssagne, Le Bon.	191
VII.	Положеніе науки уголовнаго права въ ряду другихъ наукъ. Научная система уголовнаго права	241
VIII.	Очеркъ явленій наслѣдственности порочныхъ особенностей организма и явленій приспособленія, какъ основаній воспитанія и перевоспитанія.	267
IX.	Заключеніе.	315

Предисловіе.

Трудъ, первый выпускъ котораго въ настоящее время выходитъ въ свѣтъ, задуманъ авторомъ въ довольно обширныхъ размѣрахъ. Цѣль его—изученіе вопроса о человѣческой преступности, ея факторахъ и средствахъ борьбы съ ней. Въ первомъ выпускѣ изложены основныя положенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и руководящія начала.

Второй выпускъ будетъ спеціально посвященъ изслѣдованію вопроса о малолѣтнихъ преступникахъ.—зародышахъ преступниковъ взрослыхъ, и о ихъ питомникѣ. — заброшенныхъ дѣтяхъ. Эти два первые выпуска составятъ собою одно цѣлое. Изслѣдованію же вопроса о взрослыхъ преступникахъ будетъ посвященъ второй томъ. Таковъ задуманный планъ. Дозволятъ-ли обстоятельства выполнить его,– за это авторъ, конечно, ручаться не можетъ. Хотя многое подготовлено, но многое еще остается подготовить.

Причины преступленій авторъ дѣлитъ: 1) на ближайшія или непосредственныя, кроющіяся въ порочностяхъ психофизической организаціи дѣятеля: 2) на болѣе отдаленныя или посредственныя, заключающіяся въ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ вырабатываются первыя, какъ болѣе или менѣе устоичивые факторы преступленій и. 3) на предрасполагающія, подъ вліяніемъ которыхъ уже сложившіяся дефективныя или дурноуравновѣшенныя организаціи наталкиваются на преступленія. Ближайшему изученію не-

посредственныхъ причинъ въ значительной мѣрѣ и будетъ посвященъ второй выпускъ.

Почему авторъ имѣетъ въ виду начать съ изслѣдованія о малолѣтнихъ преступникахъ, — это понятно само собой. Малолѣтніе преступники, являясь зародышами взрослыхъ, представляютъ зачатки особенностей послѣднихъ и, вслѣдствіе своей меньшей устойчивости, легче и глубже поддаются реформѣ.

Выпуская въ свѣтъ начало своего труда, авторъ хорошо сознаетъ его крупные недостатки. Онъ далекъ отъ мысли считать затронутые имъ вопросы вполнѣ правильно разрѣшенными. Не претендуя на слишкомъ многое, онъ будетъ считать свою задачу выполненной, если ему, въ числѣ прочихъ, удастся хотя отчасти поспособствовать правильной постановкѣ основныхъ вопросовъ научной системы уголовнаго права, рѣшеніе которыхъ должно выпасть на долю болѣе сильныхъ и способныхъ научныхъ дѣятелей.

Авторъ.

Москва, августъ, 1884 г.

МАЛОЛѢТНІЕ ПРЕСТУПНИКИ.

Этюдъ по вопросу о человѣческой преступности, ея факторахъ и средствахъ борьбы съ ней.

The real problem is not so much to improve prisons as to abolish them, — not so much to make them better as to make them useless [1]).
E. C. Wines (The State of Prisons, p. 73).

ВВЕДЕНІЕ.

Очеркъ развитія ученія новой позитивной школы уголовнаго права.

I.

Изученіе человѣческой преступности, ея факторовъ и средствъ борьбы съ ней образуетъ одинъ изъ труднѣйшихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и важнѣйшихъ отдѣловъ человѣческаго вѣдѣнія, затрогивающій самые насущные, животрепещущіе интересы общественной жизни. Я говорю: одинъ изъ труднѣйшихъ потому, что въ преступленіи весь человѣкъ со всѣми тончайшими движеніями его психической сферы; я говорю: одинъ изъ важнѣйшихъ потому, что преступность даннаго общества это продуктъ его болѣзней, его неурядицъ.

Однако, на первый взглядъ можетъ казаться, что вопросъ о преступности представляетъ собою вопросъ значительно выдѣленный и обособленный въ ряду другихъ обще-

---

[1]) „Истинная задача состоитъ не столько въ томъ, чтобы усовершенствовать тюрьмы, сколько въ томъ, чтобы уничтожить ихъ,—не столько въ томъ, чтобы улучшить ихъ, сколько въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ безполезными".

ственныхъ вопросовъ, вопросъ, мало затрогивающій здоровыя стороны общественной жизни и могущій претендовать лишь на слабую степень общественнаго вниманія. Преступленія на первый взглядъ могутъ казаться лишь сравнительно незначительными нарушеніями правильнаго теченія общественной жизни, происходящими притомъ лишь въ отдѣльныхъ точкахъ, если можно такъ выразиться, того громаднаго пространства, на которомъ совершается смѣна соціальныхъ явленій, нарушеніями, сравнительно скоро и легко возстановляемыми дѣйствіями органовъ общественной власти.

Такъ дѣйствительно значительное большинство, повидимому, и смотритъ на преступленія, которыя останавливаютъ на себѣ его вниманіе или только тогда, когда они представляютъ поражающія воображеніе особенности, или же когда преступленія вообще, а однородныя въ частности слишкомъ быстро возрастаютъ въ числѣ. Въ первомъ случаѣ выдающіяся по условіямъ своей обстановки преступленія вызываютъ къ себѣ со стороны общества такое же отношеніе, какое вызываетъ и всякій интересный трагическій романъ, дающій мѣсто убивающимъ время разговорамъ, а во второмъ (какъ это, напр., имѣло мѣсто въ 60-хъ годахъ при развитіи гарротерства въ Англіи и какъ это имѣетъ теперь мѣсто во Франціи по вопросу о быстромъ возрастаніи рецидива) обыкновенно начинаютъ раздаваться настойчивыя требованія энергическихъ дѣйствій со стороны уголовной юстиціи и усиленія суровости наказаній, предназначенныхъ распространять спасительный страхъ между дѣйствительными и готовящимися совершителями преступленій.

Изслѣдованіе же причинъ или факторовъ явленій, занимающее видное мѣсто въ точныхъ наукахъ, по отношенію къ вопросу о преступности, къ несчастію, пока еще мало останавливаетъ на себѣ вниманіе и все ограничивается лишь моментами самого преступнаго дѣянія, которые и служатъ исключительными предметами не только общественнаго, но въ большинствѣ случаевъ и судебнаго обсужденія. То же и по отношенію къ послѣдующей судьбѣ виновника дѣянія. Послѣ приговора, въ силу котораго онъ становится признаннымъ преступникомъ, его судьба мало

или даже и вовсе не останавливаетъ на себѣ вниманія общества. На время своего наказанія, иногда пожизненнаго, преступники становятся ломтями отрѣзанными, тюремными людьми или, какъ выражаются наши арестанты, людьми особаго „каторжнаго званія“ [2]), забота о которыхъ всецѣло передается ближайшей тюремной администраціи, причемъ члены послѣдней въ значительномъ большинствѣ случаевъ являются людьми рѣшительно неподготовленными и неспособными къ возлагаемой на нихъ важной дѣятельности [3]). Но не только общество вообще, но часто даже и люди, болѣе близко стоящіе къ тюремному дѣлу, немногаго и требуютъ отъ членовъ ближайшей тюремной администраціи. Это немногое сводится къ возможно крѣпкому охраненію порученныхъ ихъ надзору арестантовъ во время отбыванія послѣдними постановленныхъ судомъ наказаній. А что дѣлается за этотъ періодъ времени за стѣнами тюрьмы, какимъ воздѣйствіямъ подвергаются осужденные, какія новыя особенности прививаются этими воздѣйствіями къ ихъ характеру, къ ихъ нравственной личности, насколько эти особенности способны гарантировать общество отъ новыхъ преступленій со стороны осужденныхъ? — все это вопросы, хотя и наиболѣе существенные, но, къ сожалѣнію, еще слабо проникающіе въ сознаніе общества и мало останавливающіе на себѣ его вниманіе.

---

[2]) *Максимовъ*. Сибирь и каторга, I, с. 217.

[3]) Такъ, напр., въ одной изъ осмотрѣнныхъ мною тюремъ за-границей директоромъ состоитъ лицо, непосредственно передъ тѣмъ занимавшее должность акцизнаго чиновника. Понятно, что свои акцизныя воззрѣнія, если можно такъ выразиться, г. директоръ заноситъ и въ свою дѣятельность внутри тюрьмы и полагаетъ, что его единственная задача, — возможно тщательнѣе охранять и заставлять возможно болѣе производить ввѣренныхъ его надзору арестантовъ. Нравственная же сторона послѣднихъ, ихъ возможное исправленіе — все это вопросы, по его мнѣнію, выходящіе изъ сферы его компетенціи. Ѣдкія нападки на существующую тюремную администрацію д-ра Mittelstadt'a, сочиненіе котораго—Gegen d. Freiheitsstrafen — вышедшее не однимъ изданіемъ, надѣлало столько шуму въ Германіи, едва-ли можно считать слишкомъ преувеличенными. Указавъ, что персоналъ тюремной администраціи обыкновенно комплектуется, какъ попало, изъ людей всякаго сорта, поступающихъ сюда вовсе не по призванію, авторъ ядовито замѣчаетъ на стр. 47: „Es ist schwer zu sagen, wo dieselben ihren innern Beruf für ihre schwierige Mission hergehabt haben“.

А между тѣмъ, едва-ли есть много вопросовъ, которые, какъ это замѣчено уже выше, такъ глубоко затрогивали бы всѣ стороны общественной жизни и были бы соединены такою интимною связью съ интересами всѣхъ и каждаго, какъ вопросъ о преступности и послѣдующихъ за приговоромъ воздѣйствіяхъ на преступника, предназначенныхъ для того, чтобы, если возможно, сдѣлать изъ послѣдняго терпимаго члена общества. „Изъ всѣхъ явленій нравственнаго міра“, совершенно справедливо замѣчаетъ Guerry, „наиболѣе вредныя для общества суть тѣ, знать которыя представляется наиболѣе интереса и которыя должны быть вообще возможно лучше констатируемы: это—преступленія“ [4]). Не говоря о томъ, какъ дорого обходится обществу содержаніе преступниковъ и преступныхъ пауперовъ [5]), ложащееся тяжелымъ бременемъ на общественныя кассы, черпающія свои средства изъ кармановъ плательщиковъ; не говоря о невыгодахъ отвлеченія отъ производительнаго труда множества рукъ и головъ, нужныхъ для охраненія, сыска, суда и содержанія всѣхъ этихъ лицъ въ тюрьмахъ и иныхъ учрежденіяхъ [6]); не говоря о непосредственныхъ

---

[4]) Statistique morale de l'Angl., compar. avec la statistiq. morale de la Erance. Introduction. XXIII.

[5]) Примѣрный разсчетъ стоимости содержанія преступниковъ и преступныхъ пауперовъ, сдѣланный Dugdal'емъ въ его изслѣдованіи, озаглавленномъ «The Jukes“, будетъ приведенъ въ концѣ книги. Д-ръ Br. Thomson въ своей статьѣ „The Psychology of criminals (Journal of Ment. Science за 1870 г., стр. 339) высчитываетъ, что 458 рецидивистовъ, не принимая во вниманіе стоимость ихъ преступленій, обошлись обществу по меньшей мѣрѣ въ 132,020 фунтовъ стерлинговъ (приблизительно въ 1,320,200 руб. сер.).

[6]) Интересны указанія на приблизительную стоимость охраны у Moreau-Christophe: „Monde des Coquins“ стр. 77 и слѣд. и въ статьѣ Lacassagne: Marche de la criminalité en France (Revue scientifique, май 1881 г.). Расходы Франціи на общественную безопасность, тюрьмы и уголовное правосудіе послѣдній авторъ опредѣляетъ въ 41,694,720 франк. (приблизительно, при теперешней цѣнности нашего рубля, 16,677,888 р.).—Еще недавно въ италіанскомъ парламентѣ раздавались жалобы, что расходы на тюрьмы и общественную безопасность, составляющіе 45 мил. лиръ или 77% всего бюджета министерства внутреннихъ дѣлъ, неудержимо ростутъ изъ года въ годъ, что

значительныхъ ущербахъ, причиняемыхъ преступленіемъ и о посредственномъ вредѣ, являющемся слѣдствіемъ вносимаго преступленіемъ страха, горести и отчаянія, ослабляющихъ силы множества людей, такъ или иначе задѣтыхъ преступленіемъ; не говоря также о порчѣ и одичаніи, вносимыхъ въ общество какъ самымъ преступленіемъ, такъ и наказаніемъ, превращающимъ на болѣе или менѣе долгій срокъ личность согражданина въ уголовнаго раба—я укажу здѣсь лишь на одну изъ сторонъ сложнаго вопроса о преступности и притомъ, по моему мнѣнію, на одну изъ наиболѣе важныхъ его сторонъ. Преступленіе—это лишь одинъ изъ симптомовъ тѣхъ или другихъ анормальностей въ общественныхъ отношеніяхъ и въ условіяхъ общественной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и одинъ изъ симптомовъ дефективности или порочности психо-физической организаціи дѣятеля, обусловливаемой (по меньшей мѣрѣ въ громадномъ большинствѣ случаевъ) упомянутыми анормальностями. „Человѣкъ“, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ д-ръ Le Bon, „всегда поступаетъ соотвѣтственно особенностямъ своей организаціи и соотвѣтственно особенностямъ той среды, въ которой эта организація функціонируетъ“ [7]). Ближайшее выясненіе этого положенія и составитъ задачу послѣдующихъ строкъ.

Въ каждомъ обществѣ, въ каждый данный моментъ его существованія есть опредѣленный *типъ нормальнаго общественнаго человѣка*. Употребляя здѣсь выраженіе „нормальный общественный человѣкъ“, я разумѣю подъ нимъ человѣка, способнаго къ *самостоятельной* жизни въ обществѣ себѣ подобныхъ. Этотъ типъ не представляется неподвижнымъ. Напротивъ, онъ ростетъ и измѣняется вмѣстѣ съ ростомъ самого общества и вмѣстѣ съ измѣненіями въ условіяхъ общественной жизни, а потому въ разныя времена и у различныхъ народовъ онъ представляется различнымъ. Типъ этотъ точно опредѣлить и очертить крайне затруд-

---

тюрьмы Италіи стали для нея какой-то бочкой Данаидъ, и что, не смотря на всѣ заботы очистить ихъ отъ пребывающихъ уже въ нихъ арестантовъ, невозможно устранить ихъ переполненіе, потому что учрежденія общественной безопасности постоянно пополняютъ тюрьмы вновь доставляемыми преступниками. см. Bulletin de la Société générale des prisons, № 3, 1883, 356 и сл.

[7]) Le Bon. La question des criminels. Revue philosofique, май 1881. Тотъ же взглядъ проводитъ и Д-ръ Lacassagne въ цитированной уже выше статьѣ.

нительно, но эта трудность ничего не говоритъ противъ его существованія, съ необходимостью вызываемаго тѣмъ общимъ правиломъ, что повсюду и всегда между взаимодѣйствующими явленіями, для существованія правильнаго устойчиваго отношенія, необходимо должна существовать извѣстная, строго опредѣленная степень соотвѣтствія. Нѣтъ этой степени на лицо, и самое отношеніе не можетъ существовать и искажается. Вотъ эту-то *строго опредѣленную минимальную степень соотвѣтствія всей психо-физической структуры личности съ условіями жизни окружающаго ея общества, степень необходимую для самостоятельной жизни въ немъ* я и называю *типомъ нормальнаго общественнаго человѣка*. Это есть *minimum приспособленности къ самостоятельной* жизни въ обществѣ, безъ котораго эта послѣдняя становится невозможна. Этого minimum'а приспособленности не имѣетъ каждый въ опредѣленные возрасты своей жизни. Его недостаетъ ребенку, его же недостаетъ и выжившему изъ ума старику. Но есть лица, которыя, вслѣдствіе прирожденныхъ или пріобрѣтенныхъ особенностей, временно или постоянно стоятъ ниже его и въ тотъ періодъ, когда другіе достигаютъ этого типа. Къ числу таковыхъ принадлежатъ душевно-больные, идіоты, сюда же принадлежатъ привычные пауперы и громаднѣйшее большинство преступниковъ. Всѣ эти лица не представляютъ той степени приспособленности къ условіямъ жизни своего времени, которая есть minimum требованій отъ каждаго взрослаго человѣка. Это и составляетъ ихъ дефектъ или порочную особенность, которая, какъ и всѣ особенности личности, вся ея дѣятельность вообще и каждое ея дѣйствіе въ частности, обусловливается особенностями ея психо-физической организаціи. Самый фактъ преступленія и нарушенія общественнаго запрета съ рискомъ загубить всю свою послѣдующую жизнь и попасть въ тягостное и печальное положеніе отверженца общества, *положеніе, стоящее въ разрѣзъ съ присущимъ каждому человѣку стремленіемъ къ счастію*, уже ясно указываетъ, что данный индивидуумъ при данныхъ окружавшихъ его условіяхъ, вслѣдствіе всего склада своей личности, то-есть, вслѣдствіе всѣхъ особенностей своей психо физической организаціи, не могъ дѣйствовать такъ, какъ бы долженъ дѣйствовать при тѣхъ же условіяхъ человѣкъ указаннаго мною нормальнаго

типа. Попытаюсь пояснить сказанное на примѣрахъ и при этомъ выберу сравнительно простѣйшіе.

Человѣкъ находится лишь въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, болѣе или менѣе выпадающихъ на долю каждаго, а между тѣмъ ему представляется неминуемая гибель и полное отсутствіе всякихъ узаконенныхъ средствъ для выхода изъ его тягостнаго положенія. Чувства самосохраненія и усиленно развитаго въ немъ себялюбія, являющагося, какъ увидимъ далѣе, *слѣдствіемъ особенностей состава общаго чувства*, лежащаго въ основѣ настроенія, начинаютъ все сильнѣе и сильнѣе звучать въ немъ. Душевное равновѣсіе нарушается и сильныя волненія охватываютъ все его существо и потрясаютъ душевную жизнь въ самыхъ ея основахъ. *Всецѣло сосредоточенный на волнующей его мысли о собственной опасности, поглощенный лишь заботой объ угрожаемыхъ личныхъ интересахъ*, подъ вліяніемъ обуревающихъ его волненій, онъ посягаетъ на жизнь или другія жизненныя блага совершенно непричастныхъ и ни въ чемъ неповинныхъ людей. Понятно, что иной человѣкъ, человѣкъ нормальнаго общественнаго типа, по крайней мѣрѣ при данныхъ условіяхъ, такъ не поступилъ бы. Въ немъ отъ сравнительно не сильнаго толчка такъ усиленно не заговорили бы чувства самосохраненія и узкаго себялюбія; они не вызвали бы въ немъ такихъ могучихъ душевныхъ волненій, которыя парализовали задерживающую силу представленій и установленныхъ привычекъ. Въ немъ, наконецъ, заговорила бы и *противодѣйствующая тонація сочувствія къ людямъ, представляющая необходимую составную часть нормально образованнаго общаго чувства*, и онъ, по крайней мѣрѣ при данныхъ условіяхъ, не посягнулъ бы на блага его окружающихъ и не принесъ бы ихъ въ жертву своимъ личнымъ интересамъ. Въ чемъ же кроются причины различія въ дѣятельности этихъ лицъ, дѣйствующихъ, по предположенію, при одинаковой обстановкѣ? Очевидно, въ нихъ самихъ, т.-е. во всемъ складѣ ихъ личностей, иначе, во всѣхъ особенностяхъ ихъ психо-физическихъ организацій. Первая такая особенность, особенность прирожденная или пріобрѣтенная, — слишкомъ легкая возбудимость душевныхъ волненій, обусловливаемая особенностями органической структуры личности. Вторая и едва-ли не самая глав-

ная, также обусловливаемая, какъ увидимъ далѣе, прирожденными, а иногда и пріобрѣтенными особенностями организаціи, — это особенность состава общаго чувства. Наконецъ, третья — малое развитіе, а можетъ быть и ослабленіе задерживающей силы представленій, силы, значительно колеблющейся не только по индивидуумамъ, но и по періодамъ жизни одного и того же лица въ зависимости отъ его органическихъ состояній. Всѣ эти особенности очевидно суть дефекты или пороки психо-физической организаціи, при извѣстныхъ условіяхъ дѣлающія ихъ обладателя мало или вовсе непригоднымъ къ самостоятельной жизни въ обществѣ, нерѣдко ставящей человѣка въ подобныя трудныя положенія.

Возьмемъ другой примѣръ. Человѣкъ совершаетъ кражи и ими добываетъ средства своего существованія; „*онъ беретъ лишь отпуски*“ [8]) изъ тюрьмы и только на короткіе сроки, какъ бы для совершенія новыхъ преступленій, появляется на свободѣ. И въ этомъ случаѣ нарушеніе общественнаго запрета и посягательство на установленный правовой порядокъ обусловливается или *невозможностью и неспособностью* удовлетворить своимъ потребностямъ узаконеннымъ путемъ, или слишкомъ большимъ преобладаніемъ страстей и чувственныхъ влеченій, при недостаточномъ развитіи задерживающей силы представленій, которое и даетъ мѣсто почти непосредственному переходу чувственныхъ влеченій въ опредѣлителей дѣйствій. Иногда же это можетъ быть и слѣдствіемъ того и другаго вмѣстѣ [9]). При всѣхъ этихъ предпо-

---

[8]) Это выраженіе мнѣ пришлось слышать въ бельгійскихъ земледѣльческихъ колоніяхъ для бродягъ и нищихъ, гдѣ оно представляетъ собою какъ бы техническій терминъ.

[9]) При современномъ значительномъ неравенствѣ и разнообразіи общественныхъ положеній, случается иногда, что неприспособленность является лишь относительной, т.-е. неприспособленностью не къ условіямъ общественной жизни *вообще*, а только къ условіямъ того общественнаго положенія, въ которомъ находится дѣятель и которому онъ вполнѣ не соотвѣтствуетъ. Преступленія, вытекающія изъ такого несоотвѣтствія часто представляютъ своеобразный характеръ, въ значительной мѣрѣ приравнивающій ихъ къ преступленіямъ, совершаемымъ подъ вліяніемъ стеченія *особо неблагопріятныхъ* жизненныхъ обстоятельствъ, гнетъ которыхъ можетъ иногда опредѣлять къ незаконному посягательству и людей нормальнаго типа. Въ значительномъ числѣ случаевъ этого рода преступность, какъ болѣе или менѣе устойчивое качество, отсут-

ложеніяхъ передъ нами опять будетъ тотъ или другой дефектъ психо-физической организаціи. Въ первомъ случаѣ мы по большей части будетъ имѣть дѣло съ органической дряблостью и инертностью, существованіе которыхъ обусловливается *особенностями органическихъ системъ*, особенностями, дѣлающими человѣка *неспособнымъ къ длящемуся развитію энергіи, а слѣдовательно и настойчивому труду*, необходимому для добыванія правомѣрныхъ средствъ удовлетворенія своихъ нуждъ и желаній. Понятно, что такой дефектъ организаціи, при существующемъ строѣ человѣческихъ отношеній, ставитъ его обладателя ниже типа нормальнаго общественнаго человѣка даннаго времени и, вслѣдствіе того, неминуемо наталкиваетъ его на преступленіе. При второмъ предположеніи, мы будемъ имѣть дѣло съ прирожденною или пріобрѣтенною слабостью задерживающаго вліянія представленій и съ усиленнымъ развитіемъ системъ растительной жизни, отъ которыхъ исходятъ могучіе и неумѣряемые импульсы, становящіеся опредѣлителями дѣйствій. Наиболѣе типичные примѣры такого дефекта мы находимъ у людей, отмѣченныхъ печатью далеко подвинувшагося вырожденія.

Понятно, что и эти виды порочности психо-физической организаціи ставятъ ихъ обладателя ниже типа нормальнаго общественнаго человѣка и дѣлаетъ его мало или иногда и вовсе неприспособленнымъ къ свободной жизни въ обществѣ.

Можно бы указать тѣ или другіе болѣе или менѣе выраженные дефекты психо-физической организаціи и у каждаго другаго дѣятеля преступленія (исключая, конечно, случаи преступленій, обусловленные стеченіемъ особо неблагопріятныхъ или, какъ часто выражаются, несчастныхъ жизненныхъ обстоятельствъ), но и приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы болѣе конкретно выяснить читателю то значеніе, которое я связываю съ понятіемъ о порочности организаціи [10]). Фактическое же подтвержденіе ихъ суще-

---

ствуетъ и на лицо лишь одно нарушеніе правоваго порядка, а потому здѣсь часто вполнѣ приложима пословица: „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“, пословица, указывающая на необходимость снисходительнаго отношенія къ нѣкоторымъ слабостямъ и промахамъ нашего ближняго.

[10]) Здѣсь я считаю нужнымъ замѣтить, что я далекъ отъ мысли смѣшивать

ствованія и ихъ вліянія на совершеніе преступленій, также какъ и описаніе различныхъ ихъ видовъ, будутъ приведены въ ходѣ дальнѣйшаго изложенія.

Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ мы остановились на разсмотрѣніи порочныхъ организацій въ ту эпоху ихъ существованія, когда сравнительно болѣе неблагопріятныя условія жизни уже натолкнули ихъ на преступленіе. Только послѣ этого мы присмотрѣлись къ нимъ и отмѣтили ихъ дефекты. А между тѣмъ послѣдніе существовали и ранѣе,

---

людей, стоящихъ ниже типа нормальнаго общественнаго человѣка, *съ людьми душевно-больными*. Распространеніе понятія душевной болѣзни и на первыхъ могло бы повести лишь къ затемнѣнію, а не къ уясненію вопроса. Лица, о которыхъ я говорилъ выше, не больные, а *порочныя психо-физическія организаціи* или, какъ выражается д-ръ Morel, *„несчастныя организаціи“*, *„дурныя, порочныя натуры“* (Etudes cliniques sur les maladies mentales, стр. 333 и Traité des maladies mentales, ст. 540). Характеръ ихъ особенностей едва-ли не болѣе точно опредѣляется сравнительно новѣйшимъ выраженіемъ *natures maléquilibrées* (дурно уравновѣшанныя натуры). Prosper Despine, настойчиво указывая на органическую основу преступленія, въ то же время ясно проводитъ различіе между пороками мозга (infirmités), производящими преступниковъ, и патологическими состояніями этого органа, производящими душевнобольныхъ. См. Psycholog. natur., II, 57, 86, 87, 88, 100, 177, 178, 250, 251, 279, 280. См. также мемуаръ того же автора Du role de la sciénce dans la question pènitentiaire, стр. 36 и сл. На томъ же настаиваетъ и д-ръ Virgilio. Онъ утверждаетъ, что, на основаніи своего изученія, онъ пришелъ къ выводу, что преступники принадлежатъ къ категоріи тѣхъ лицъ, которыя представляютъ собою болѣзненное уклоненіе отъ нормальнаго человѣческаго типа, представляющее точки соприкосновенія съ типомъ вырожденія душевно-больныхъ. Но, представляя такое уклоненіе, они въ то же время *не суть больные, лекарства которыхъ доставляются аптекой*. См. Saggia di ricerche sulla natura morbosa del Delitto, 4, 6 и 23. Профессоръ Lombroso, разсматривающій преступника, какъ особую дефективную разновидность, приближающуюся къ типу примитивнаго человѣка, въ то же время отличаетъ его отъ душевно-больныхъ. См. L'Uomo delinquente, изд. II, стр. 306 и сл. и 376 и сл. Другой писатель той же школы д-ръ Howard дѣлаетъ не менѣе ясное различіе между *„патологическимъ дефектомъ“* и *„дефектомъ тератологическимъ„* (teratological defect), т.-е. порочностью организаціи. См. его The philosophy of insanity, crime and responsability, 7 и 21. Вообще такое различеніе составляетъ основное положеніе новой позитивной школы уголовнаго права. Въ одной изъ своихъ статей (см. „Юридическій Вѣстникъ“ 1880 г., Къ вопросу объ органическомъ вырожденіи, стр. 221) прибѣгая къ сравненію, я сопоставилъ пороки организаціи съ различными степенями несовершенствъ конструкціи механизма, а болѣзни съ различными поломами и порчами его частей. Это сравненіе, думается мнѣ, довольно вѣрно выясняетъ различіе между порочностью организаціи и ея болѣзнію въ собственномъ смыслѣ слова.

часто отъ самой колыбели, и во всѣхъ жизненныхъ положеніяхъ давали о себѣ знать. Ихъ обладатели до суда и наказанія въ качествѣ отцевъ или дѣтей были членами семей, въ которыя они вносили лишь раздоры, горе и всевозможную порчу. Своимъ дурнымъ прикосновеніемъ и вліяніемъ они далеко гнали прочь домашній міръ и покой и въ большей или меньшей степени отравляли существованіе ихъ окружавшихъ и съ ними соприкасавшихся, а въ качествѣ отцевъ и матерей какъ путемъ наслѣдственной передачи, такъ и воспитательныхъ вліяній налагали слѣды на всю дальнѣйшую судьбу своего несчастнаго потомства [11]). Кому случалось со вниманіемъ заглядывать въ отчеты объ уголовныхъ процессахъ, гдѣ на ряду съ подробностями преступленія не рѣдко вскрываются и картины жизни семьи, изъ которой вышелъ обвиняемый, тому, конечно, хорошо извѣстно, какъ много горя и страданій— часто въ ихъ совокупности даже большихъ зла самаго преступленія—причиняютъ эти неудачно сложившіяся натуры, эти порочныя психо-физическія организаціи, стоящія ниже типа нормальнаго общественнаго человѣка, всѣмъ ихъ окружающимъ. Но оказывая дурное вліяніе на послѣднихъ, эти дурно уравновѣшанныя натуры и для самихъ себя не создаютъ довольства и спокойствія и въ большинствѣ случаевъ представляются внутренно глубоко несчастными. Тѣ особенности ихъ натуры, которыя вредны для другихъ, какъ органическія несовершенства, вредны и для нихъ самихъ.

„Но то, что вы говорите — гнусно“! восклицалъ президентъ, допрашивавшій Lemaire, который съ самыхъ раннихъ лѣтъ высказывалъ крайне дурныя склонности и, едва выйдя изъ періода дѣтства, уже заставлялъ отца опасаться сыновнихъ покушеній на его жизнь. „Я это хорошо знаю, г. Президентъ“, спокойно и невозмутимо отвѣчалъ Lemaire. „Если бы всѣ *были похожи на меня*, то дѣло не могло бы идти“. „Если бы кто-нибудь мнѣ сказалъ, что я правъ, то я бы ему отвѣтилъ: вы такая же

---

11) Все сказанное относится не къ случайнымъ преступникамъ, сдѣлавшимся таковыми подъ гнетомъ особо неблагопріятныхъ жизненныхъ обстоятельствъ, а къ представителямъ болѣе рѣзко выраженныхъ дефектовъ организаціи, которыхъ среди преступниковъ къ несчастію, повидимому, большинство.

каналья, какъ и я; тѣмъ не менѣе я продолжалъ бы дѣлать то же самое". „*Для того чтобы гулять, я хочу жить, но чтобы работать.... я не держусь за нее*". „*Имѣй я ренту, вы, конечно, не увидали бы меня здѣсь*", но теперь: „если бы случилось повторить, я бы повторилъ". Въ своемъ послѣднемъ словѣ онъ заявилъ, что онъ лѣнтяй *и ненавидитъ работу*, а потому не хочетъ и жить и идти въ каторгу; *онъ настаивалъ на собственной казни*. „Тюрьма не сломила меня", сказалъ онъ, „это засѣданіе не произвело на меня впечатлѣнія; надо посмотрѣть теперь, что я буду дѣлать на эшафотѣ". Онъ отказался отъ кассаціи приговора и спокойно легъ на гильотину [12]).

Кромѣ того такія плохо уравновѣшанныя личности до своего преступленія, если онѣ уже взрослыя, являются еще и полноправомочными гражданами общества и, въ качествѣ таковыхъ, вносятъ свою долю участія въ общее теченіе общественной жизни, долю на столько порочную, на сколько порочна ихъ психо-физическая организація. Общественную жизнь можно сравнить съ пьесой, выполняемой громаднымъ оркестромъ, въ которомъ каждый отдѣльный инструментъ самостоятельно выполняетъ свою партію. Понятно, что общее выполненіе будетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ совершеннѣе входящіе въ составъ оркестра инструменты и чѣмъ искуснѣе играющіе на нихъ музыканты; напротивъ, оно будетъ тѣмъ несовершеннѣе и тѣмъ болѣе будетъ представлять диссонансовъ, чѣмъ менѣе будутъ совершенны инструменты и менѣе искусны исполнители. „Не составляетъ-ли особенности дурныхъ страстей, съ глубокою правдой замѣчаетъ д-ръ Morel, что онѣ могутъ быть удовлетворяемы лишь подъ условіемъ причиненія боли и потрясеній всему общественному организму" [13]).

Но и этимъ не ограничивается значеніе вопроса о преступности. Преступленія совершаются въ обществѣ, среди котораго и исходящихъ отъ него вліяній родятся, растутъ и развиваются ихъ дѣятели. Самое уже существованіе всѣхъ этихъ анормальныхъ типовъ, всѣхъ этихъ порочныхъ, дурно уравновѣшанныхъ организацій ясно ука-

---

[12]) Despine, Psychologie naturelle, II, p. 603 и сл.

[13]) Etudes cliniques, 267.

зываетъ, что или вліянія, предшествующія рожденію, т.-е. вліянія, испытанныя восходящими поколѣніями, или вліянія, послѣдующія за рожденіемъ, т.-е. вліянія, испытанныя самимъ дѣятелемъ, были крайне неблагопріятны, порочнотворны, если можно такъ выразиться. Въ томъ и другомъ случаѣ преступники и совершаемыя ими преступленія являются наиболѣе краснорѣчивыми доказательствами дефективности нѣкоторыхъ сторонъ самой общественной жизни, порождающихъ своимъ вліяніемъ всѣ эти недостатки [14]). Вредоносно дѣйствуя на общество, преступникъ, прежде нежели сдѣлаться таковымъ, самъ въ свою очередь подвергся вредоноснымъ вліяніямъ послѣдняго. Эти вліянія въ теченіи одного или нѣсколькихъ поколѣній (когда порочныя особенности наслѣдственно переданы) и выработали изъ него ту порочную, дурно уравновѣшанную психо-физическую организацію, которая рано или поздно должна проявиться въ болѣе или менѣе важномъ преступленіи.

Таковъ вопросъ о преступности въ его цѣломъ. Послѣ всего сказаннаго важность этого вопроса и его интимная связь со всѣми сторонами общественной жизни, полагаю, становятся очевидны. *Напряженность преступности это чувствительный измѣритель степени здоровья, силы и благоденствія даннаго общества въ каждый данный моментъ его существованія.*

Понятно, что такое явленіе, какъ явленіе преступленія, во всѣ времена должно было вызывать со стороны общественныхъ союзовъ, среди которыхъ совершалось оно, усиленную реакцію и борьбу съ нимъ. Эта реакція, по своимъ формамъ въ различныя времена проходила, какъ извѣстно, и различныя стадіи, повидимому, съ правильностью повторявшіяся у всѣхъ народовъ: періодъ кровавой мести и факультативныхъ выкуповъ, періодъ выкуповъ обязательныхъ, періодъ общественной мести и, наконецъ, современный періодъ, періодъ еще не вполнѣ опредѣлившійся, а потому смѣшанный, но въ которомъ все болѣе и болѣе намѣчается и выступаетъ впередъ стремленіе къ раціональному предупрежденію и исправленію.

---

[14]) Ниже я буду имѣть случай подробно развить это положеніе.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ формъ реакціи постепенно измѣнялись и взгляды на преступленіе, преступника и наказаніе. Здѣсь я, конечно, не стану говорить о всѣхъ этихъ послѣдовательныхъ измѣненіяхъ, что завело бы меня слишкомъ далеко и потребовало бы спеціальнаго изслѣдованія. Укажу лишь на одно вліяніе и, по моему, важнѣйшее.

Въ то время, какъ наука, спеціально занявшаяся изученіемъ только что названныхъ явленій—уголовное право—разсматривала и анализировала преступленіе и даже самого преступника, какъ отвлеченныя понятія, въ то время, какъ она видѣла въ преступленіи исключительно результатъ *мыслительно-сознательной* дѣятельности (злой умыселъ, злая воля) — съ начала настоящаго столѣтія къ изученію вопроса о преступности постепенно начало привходить все болѣе и болѣе напирающее боковое теченіе, которое оказало и оказываетъ глубокое вліяніе на уголовно-правовые взгляды. Я разумѣю здѣсь развитіе психіатрическихъ ученій и ихъ соприкосновеніе съ теоріей уголовнаго права.

Занявшись изученіемъ разстройствъ душевной жизни и подмѣтивъ ихъ зависимость отъ болѣе доступныхъ точному изслѣдованію уклоненій въ сферѣ органическихъ процессовъ, психіатрія своими наблюденіями дѣйствительности постепенно все болѣе и болѣе освѣщала тайники душевной жизни и выяснила механизмъ процессовъ послѣдней [13]). Начавъ съ изученія рѣзко выраженныхъ и бросавшихся въ глаза явленій душевнаго разстройства, она постепенно переходила и къ изученію трудно уловимыхъ формъ; начавъ душевными болѣзнями и больными въ собственномъ смыслѣ этого слова, она, по тѣсной связи и сродству явленій, расширила кругъ своихъ изслѣдованій и распространила ихъ и на организмы порочные, дурно уравновѣшенные, которые постоянно вновь пополняютъ ряды преступнаго люда и весьма часто вынуждаютъ обращаться къ ея помощи.

Своими изслѣдованіями въ этой послѣдней области психіатрія въ значительной степени освѣтила механизмъ преступныхъ дѣйствій *вообще* и способствовала уясненію того

---

[13]) Конечно, и другія отрасли науки приняли въ этомъ участіе, но доля психіатріи, которая представляетъ собою дѣйствительно *опытную* науку о душѣ, думается мнѣ, была наибольшей.

понятія, которое въ новой позитивной школѣ уголовнаго права, имѣющей многихъ видныхъ представителей въ Италіи и все болѣе и болѣе пріобрѣтающей ихъ въ Германіи. Франціи и другихъ странахъ, стремится стать базисомъ всей научной системы послѣдняго. Она показала, что *между болѣзненными душевными разстройствами и болѣзненными дѣйствіями съ одной стороны и болѣе устойчивыми порочностями психо-физической организаціи и внѣшними проявленіями послѣднихъ—различными странностями, чудачествами, импульсивностью и преступленіями — съ другой, различіе не въ существѣ, а лишь въ степени, въ рельефности проявленія.* Это воззрѣніе на преступность высказывается иногда и юристами практиками [15*]). Этимъ она сблизила (но не смѣшала) двѣ дѣйствительно родственныя области и пріурочила проявленія органической порочности къ болѣе осязательному источнику, чѣмъ и указала болѣе доступные воздѣйствію факторы преступности и намѣтила болѣе раціональныя средства борьбы съ ней. Вообще можно сказать съ полнымъ основаніемъ, что трудно найдти другой факторъ, который бы оказалъ и продолжалъ оказывать такое глубокое вліяніе на взгляды на преступность и наказаніе, какъ постоянно идущее впередъ и расширяющееся изученіе душевныхъ болѣзней и аномалій.

Вслѣдствіе этого уголовное право, какъ наука, неминуемо должно было войдти въ тѣсную связь съ психіатріей и опытной психологіей. Описаніе душевныхъ болѣзней стало входить въ качествѣ важнаго отдѣла даже въ учебники уголовнаго права, [16]) и психіатрія, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ профессоръ Krafft-Ebing, сдѣлалась необходимой и неизбѣжной помощницей послѣдняго [17]). Такъ понемногу начали сбываться и осуществляться предсказанія и стрем-

---

15*) Вотъ что, напр., говоритъ одинъ весьма опытный судья: „Сумасшествіе и преступность суть близко родственныя явленія. Различіе лишь въ степени и протяженности и затрудненіе заключается лишь въ томъ, гдѣ съ увѣренностью разграничительную линію“ (Journal of Mental Science, 1870, окт., стр. 322.

16) См., напр., Holtzendorff's Handbuch, въ которомъ отдѣлъ: Die Geisteskrankheiten im Verhältniss zur Zurechnungslehre, т. II, стр. 221—270 написанъ докторомъ Skrzeczka.

17) Lehrbuch der Gerichtlichen Psychopathologie, 2.

ленія нѣкоторыхъ авторовъ. „Я ни на мгновеніе не сомнѣваюсь въ томъ“, писалъ, напр., д-ръ Morel, „что наступитъ день, когда законы, регулирующіе наказуемость у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, подвергнутся измѣненіямъ, честь которыхъ будетъ принадлежать медикамъ, такъ какъ послѣдніе научатъ понимать измѣненія, которыя наслѣдственность производитъ въ организаціи“ [18]). „Направленіе, приданное въ настоящее время современнымъ естествознаніемъ всѣмъ отдѣламъ вѣдѣнія, какъ практическимъ, такъ и спекулятивнымъ“, писалъ д-ръ Virgilio, „не должно оставаться безъ вліянія и на тотъ изъ нихъ, который занимается обездоленнымъ классомъ преступниковъ“ [19]). Д-ръ Boileau de Castelnau, указавъ въ сочиненіи 1860 г. „Des maladies du sens moral“ на измѣненія во взглядахъ на пытку, считавшуюся прежде основой общественнаго порядка, и на то отвращеніе, которое она внушаетъ всѣмъ въ настоящее время, замѣчаетъ: „существующая репрессивная система въ непродолжительномъ времени будетъ имѣть ту же участь; система предупрежденія и леченія (понятно, что это выраженіе употребляется авторомъ въ смыслѣ нравственнаго исправленія) займетъ ея мѣсто“ [20]). „Было ли бы общество въ опасности въ тотъ день“, спрашиваетъ д-ръ Mandon, „когда преступники стали бы разсматриваться, какъ больные и третироваться соотвѣтственно этому? Не будемъ бояться состраданіемъ благопріятствовать преступленію. Я не вижу, чтобы наше отношеніе къ душевно-больнымъ увеличивало ихъ число“. „Со времени Pinel'я“, продолжаетъ онъ далѣе, „не проливается болѣе кровь душевно-больныхъ; будемъ надѣяться, что не далеко уже то время, когда жестокость и по отношенію къ убійцѣ будетъ внушать отвращеніе и когда лучше будетъ оцѣнена та малая степень свободы, которая присуща этимъ *вырождающимся* личностямъ“ [21]).

Таковъ вновь народившійся взглядъ: преступленіе—это проявленіе порочности психо-физической организаціи, а

---

[18]) Traité des maladies ment., 544.

[19]) Saggio di ricerche sulla natura morbosa del Delitto, 3.

[20]) Des maladies du sens moral, 30 и 31.

[21]) Mandon, Histoire critique de la folie instantanée, temporaire, instinctive. 198 и 199.

преступникъ—это въ томъ или другомъ отношеніи порочный, дурно уравновѣшанный организмъ. Понятно, что съ такимъ взглядомъ мало согласимо, чтобы преступленіе было предметомъ карательной дѣятельности, какъ это имѣетъ мѣсто въ настоящее время. Имъ, напротивъ, должна быть преступность человѣка, т.-е. тѣ особенности его личности, которыя опредѣляютъ его къ преступленіямъ и на которыя, хотя и по поводу послѣднихъ, должны быть направлены всѣ исправительныя воздѣйствія, предназначенныя къ ихъ устраненію [22]). Достиженіе этой реформы и составляетъ одну изъ главныхъ задачъ новой школы уголовнаго права. Послѣдняя сдѣлала уже сравнительно значительные успѣхи, однако, она далеко еще не получила полныхъ гражданскихъ правомочій, если можно такъ выразиться, вслѣдствіе чего, отъ столкновенія различныхъ теченій, состояніе уголовнаго права, какъ науки, въ настоящее время представляется нѣсколько хаотическимъ, а принципы еще господствующей теоріи во многомъ противорѣчатъ принципамъ, уже проводимымъ въ практикѣ карательной дѣятельности, которая въ свою очередь страдаетъ отсутствіемъ единства въ системѣ своихъ мѣръ, вводимыхъ подъ вліяніемъ различныхъ воззрѣній [23]).

Охарактеризовавъ въ самыхъ общихъ чертахъ основное положеніе новой школы уголовнаго права, которую нѣкоторые называютъ антрополого-криминалистической, но которую, если охватить всѣ ея оттѣнки, правильнѣе назвать *позитивной* [24]), я теперь перейду къ изложенію хода ея историческаго развитія.

Я имѣлъ уже случай замѣтить, что понятіе о порочной психо-физической организаціи лишь постепенно выдѣлилось изъ понятія о душевной болѣзни, какъ дальнѣйшее развитіе ученія о послѣдней. Оно сложилось преимущественно

---

22) Доказательству этого положенія я посвятилъ въ 1880 г. особую статью: „Юридическій Вѣстникъ“: „На что должна быть направлена карательная дѣятельность“.

23) Это прекрасно выяснено въ сочиненіи д-ра Kraepelin'a: Die Abschaffung des Strafmasses.

24) Это и дѣлаетъ одинъ изъ ея наиболѣе выдающихся представителей, профессоръ Ferri. См. его Le ragioni storiche della scuola positiva di dirito criminale.

на почвѣ психіатріи, отъ которой уже и заимствовано новой школой уголовнаго права. Поэтому, говоря о ходѣ историческаго развитія послѣдней, мнѣ нельзя будетъ пройдти молчаніемъ и хода развитія психіатрическихъ ученій.

Выше, говоря о вліяніи этихъ ученій на уголово-правовые взгляды, я отнесъ его возникновеніе къ тому времени, когда знаменитый французскій психіатръ Pinel въ своемъ извѣстномъ сочиненіи Traité médico-philosophique sur l'alienation mentale выступилъ съ ученіемъ о *manie raisonante* [25]), послужившимъ отправной точкой для развитія ученій о тѣхъ тонкихъ душевныхъ аномаліяхъ, представители которыхъ всего болѣе способствовали уясненію понятія о порочной, дурно уравновѣшанной психофизической организаціи, мало, а иногда и вовсе непригодной къ самостоятельной жизни въ обществѣ. Но пріурочивая возникновеніе вліянія психіатріи на уголовное право *главнымъ образомъ* къ эпохѣ Pinel'я, я не хочу этимъ утверждать, чтобы оно вовсе не существовало до этого и чтобы ученіе о manie raisonante всецѣло принадлежало ему. Напротивъ, какъ это бываетъ всегда, оно въ значительной мѣрѣ было подготовлено всѣмъ предшествующимъ ходомъ изученія душевныхъ болѣзней и развитія психіатрическихъ воззрѣній, выработанныхъ не только непосредственными предшественниками Pinel'я, но и переданныхъ съ сочиненіями Галена и другихъ медиковъ древнимъ міромъ среднимъ вѣкамъ, а отъ нихъ дошедшихъ до новаго времени.

Не будучи знакомъ съ періодомъ до Pinel'я по подлинникамъ, а только по сочиненіямъ, посвященнымъ исторіи психіатріи [26]), я лишь коротко коснусь этого періода и

---

[25]) Впрочемъ, это названіе было имъ заимствовано у его предшественниковъ. Онъ самъ упоминаетъ, что эта форма была извѣстна въ госпиталяхъ подъ именемъ folie raisonante. См. его Traité, 243.

[26]) Для періода до Pinel'я я преимущественно пользовался сдѣдующими сочиненіями: Friedreich: Versuch einer Literärgeschichte der Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten. Daniel Hack Tuke: Insanity in ancient and modern life. Trelat: Recherches historiques sur la folie. Andrale: Histoire de la medecine (въ Union médicale за 1853, 1854, и 1856 г.) Daremberg: La medecine. Histoire et doctrines; его же: Cours sur l'histoire et la litterature des sciences medicales. Calmeil: De la folie, considérée sous le point de vue pathologique, philosophique, historique et judiciaire. Seme-

въ общихъ чертахъ отмѣчу наиболѣе выдающіеся пункты или начальные этапы современныхъ ученій, которыя, какъ увидимъ далѣе, не суть плодъ скороспѣлыхъ теорій, какъ то утверждаютъ нѣкоторые, а результатъ вѣковаго и тщательнаго изученія дѣйствительности.

II.

Отдаленная древность, о которой у насъ только сохранились свѣдѣнія, уже отмѣтила существованіе случаевъ душевныхъ болѣзней какъ единичныхъ, такъ и эпидимическихъ [27]). Но хотя этой древности и были знакомы явленія душевныхъ разстройствъ, однако, вслѣдствіе простоты и здороваго образа жизни первыхъ временъ, когда, какъ кажется, отсутствовали многія изъ причинъ, производящихъ такое разрушительное вліяніе на душевную жизнь въ современныхъ обществахъ, они, повидимому, были довольно рѣдки [28]). Какъ же смотрѣла и какъ относилась къ нимъ эта древность? Соотвѣтственно всему строю тогдашняго міросозерцанія, міросозерцанія еще дѣтства человѣчества, душевно-больные разсматривались то какъ люди, караемые богами за проступки противъ нихъ, то какъ одержимые и околдованные, то, наконецъ, какъ вдохновенные. Соотвѣтственно этому въ однихъ случаяхъ они внушали суевѣрный страхъ и даже отвращеніе, а въ другихъ окружались почитаніемъ [29]).

При такомъ взглядѣ на разстройства душевной жизни и на болѣзни вообще, леченіе ихъ, понятно, должно было находиться въ рукахъ служителей боговъ, различныхъ закли-

---

laigne: Etudes historiques sur l'alienation mentale. Littré: Oeuvres d'Oribases u Oeuvres completes d'Hippocrate (статьи, помѣщенные въ Journal des savants за 1851, 1852 и 1855 г.); Pastel: Etudes et recherches philosophiques et historiques sur les hallucinations et la folie. Morel: Traité de la médecine légale bes alienés. Salverte: Des sciences ocultes. Dacier: Bibliotéque des anciens philosophes. Llorente: Histoire critique de l'inquisition d'Espagne. Въ дальнѣйшихъ цитатахъ я буду указывать лишь имя автора и страницу.

27) Friedreich, 1, 2, 14, 31; Trelat, 1; Morel, 48; Pastel, 28; Samelaigne, 45, 50.

28) Tuke, 16, 28, 43.

29) Heinrich Zimmer: Altindiches Leben, 393, 4, 5; Friedreich, 1, 2; Silverte, 323. Semelaigne, 45, 52, 53, 60, 61; Trelat, 25.

нателей и колдуновъ, которые своими сверхъестественными средствами только и могли умилостивить гнѣвъ высшихъ существъ и уничтожить одержаніе [30]). Поэтому первоначальная медицина зародилась преимущественно въ храмахъ и представляла собой, по замѣчанію Salvert'a, какъ бы истеченіе премудрости боговъ [31]).

Съ теченіемъ времени, при уменьшеніи простоты и умѣренности жизни первобытныхъ временъ въ теченіи хода развитія древнихъ цивилизацій, нѣкоторыя изъ которыхъ представляютъ разительное сходство съ существующими, постепенно начали дѣйствовать новые факторы, могущественно вліявшіе на потрясеніе душевнаго здоровья и на порожденіе *наслѣдственно хилыхъ*, *неустойчивыхъ натуръ*, болѣе или менѣе быстро заканчивавшихъ душевными разстройствами [32]). Въ древности, какъ и теперь, однимъ изъ факторовъ потрясенія душевной жизни, повидимому, былъ алкоголь [33]). Законы Ликурга и Солона вносили уже нѣкоторыя ограничительныя правила по отношенію злоупотребленія имъ, а Платонъ считалъ ихъ нужными и въ своемъ образцовомъ государствѣ. Въ древнемъ Египтѣ, какъ реакція противъ этихъ усиленно распространенныхъ злоупотребленій алкоголемъ даже возникли общества трезвости, старавшіяся парализовать развившееся зло. Tuke приводитъ дошедшій до насъ очень интересный документъ, — письмо къ одному члену египетскаго общества трезвости, очевидно не выполнившему принятыхъ на себя обязательствъ воздержанія [34]).

Но алкоголь былъ лишь однимъ изъ факторовъ вырожденія породы. На ряду съ нимъ древнимъ, особенно римлянамъ, были извѣстны и другіе, усиленно работающіе и въ наше время. Эти факторы, постепенно подтачивавшіе орга-

[30]) Zimmer, 395, 6, 7; Morel 41; Semelaigne, 61, 107.

[31]) Salverte, 321. Въ Journal des savants за 1852, въ ст. Oeuvres complètes d'Hippocrate, Littré указываетъ 3 источника первоначальныхъ медицинскихъ знаній: храмы, философскія школы и гимназіи.

[32]) Tuke, 33, 45.

[33]) Разсказываютъ, что вскорѣ послѣ открытія рисовой водки (2200 до Р. Х.) китайскій императоръ Yute, испробовавъ ея дѣйствіе, воскликнулъ: ахъ, сколько бѣдствій, предвижу я, произойдетъ отъ нея для Китая! Императоръ, очевидно, не ошибся. См. Baer: Der Alkoholismus, 149.

[34]) Tuke, 31, 32, 47, 48.

ническія силы древнихъ обществъ, привели къ упадку древнія, высоко стоявшія цивилизаціи и породили ту истощенную, дряблую породу, которая доставляла такой богатый матеріалъ для изученія разнообразныхъ формъ разстройствъ душевной жизни и представляла такую жалкую картину физическаго и нравственнаго убожества въ эпоху паденія Рима, когда, какъ это видно изъ сочиненій римскихъ медиковъ Аретея и Целія Авреліана, вслѣдствіе всяческаго общественнаго разврата, деградировавшаго человѣка, были весьма распространены душевныя болѣзни вообще а истерія, педерастія, сатиріазисъ и различныя формы эротическаго бреда въ частности, при чемъ послѣднія распространялись иногда даже эпидемически [35]).

Явленія душевныхъ разстройствъ не ускользнули отъ вниманія глубокихъ наблюдателей древности и, въ качествѣ разстройствъ, имѣющихъ *органическое основаніе*, подверглись тщательному изученію, которое и положило твердое основаніе наукѣ о разстройствахъ и аномаліяхъ души. Медицина, какъ я уже замѣтилъ выше, зародилась впервые въ храмахъ, въ качествѣ искусства лѣченія болѣзней, приписывавшихся сверхъестественнымъ вліяніямъ. Отсюда, повидимому, уже и развились первоначальныя медицинскія школы, предшествовавшія Гиппократу. Трудно сказать, какъ долго длился этотъ первоначальный періодъ медицины, характеризуемый Littré названіемъ эмпирическаго [36]). Несомнѣнно лишь то, что еще задолго до Гиппократа греки уже обладали значительно развитыми понятіями о природѣ человѣка. Лучшимъ доказательствомъ служитъ Пиѳагоръ (580 до Р. Х), который училъ, что умъ имѣетъ свое сѣдалище въ мозгу, а чувства и страсти въ сердцѣ. Человѣкъ, по мнѣнію Пиѳагора, *уже отъ рожденія заключаетъ въ себѣ* основаніе всего того, что должно случиться съ нимъ въ теченіи всей его послѣдующей жизни; его дальнѣшая судьба обусловлена особенностями и степенью гармоніи его структуры. „*Наши склонности къ добродѣтели и пороку*“, говорилъ ученикъ Пиѳагора, Тимонъ изъ Локръ, „какъ и предрасположенія къ болѣзни и здоровью, *болѣе происходятъ отъ*

---

35) Andral, 429, 431, 454; Semelaigne 160—166.

36) Journal des savants 1855, Oeuvres d'Oribase.

нашихъ родителей и отъ элементовъ, изъ которыхъ мы составлены, нежели отъ насъ самихъ". Качества души человѣка, по ученію Пиѳагора, *строго соотвѣтствуютъ качествамъ его тѣла*: такъ мужество соотвѣтствуетъ тѣлесной силѣ, справедливость—красотѣ или пропорціональности частей, мудрость—живости чувствованій и т. д.

Пиѳагоръ рѣзко порицалъ всѣ излишества въ пищѣ, трудѣ, горести и наслажденіи; онъ настаивалъ на необходимости всегда и во всемъ сохранять равновѣсіе и надлежащую мѣру и особенно вооружался противъ *пьянства*, которое онъ называлъ разрушителемъ здоровья, *ядомъ души* и обученіемъ маніи (форма душевнаго разстройства). Добродѣтель, спокойствіе, здоровье и всѣ блага вообще, по его мнѣнію, суть не что иное, *какъ гармонія* (сравн. современное ученіе о *дурно уравновѣшанныхъ натурахъ*), *на установленіе и поддержаніе которой и должны быть направлены всѣ усилія законодателей и всѣхъ тѣхъ, на долю которыхъ выпало управленіе людьми*. „Наиболѣе мудрое", говорилъ Пиѳагоръ, „это медицина, наиболѣе прекрасное—гармонія". Всѣ качества нашего тѣла и души происходятъ отъ природы, но ихъ усовершенствованіе отъ культуры и воспитанія. Качества тѣла совершенствуются гимнастикой и медициной, а качества души—философіей.

Въ Кротонѣ Пиѳагоръ училъ въ храмахъ, гдѣ и излагалъ свои правила физической и душевной гигіены. Онъ объяснялъ собиравшимся, что безпорядки, царствующіе въ городѣ, *обусловлены ихъ бездѣятельною жизнію и дурнымъ воспитаніемъ дѣтей*. Поэтому онъ убѣждалъ изгнать лѣность и праздность и настойчиво рекомендовалъ *умѣренность — эту добродѣтель обоего пола и всякаго возраста, которая охраняетъ единовременно блага тѣла и души*.

Въ болѣе тѣсномъ кругу своихъ учениковъ онъ установилъ строгія правила душевной гигіены, основнымъ принципомъ которыхъ было поддержаніе гармоніи между душой и тѣломъ Для достиженія этой цѣли всякія страсти и волненія были тщательно устраняемы, что и служило преду предительнымъ средствомъ. Но разъ наступало разстройство, Пиѳагоръ совѣтовалъ тогда употреблять музыку, какъ цѣлительное средство противъ душевныхъ потрясеній. Онъ находилъ музыку чѣмъ-то небеснымъ, божественнымъ и

утверждалъ, что она необходима для успокоенія и подчиненія страстей души, а потому онъ и хотѣлъ, чтобы его ученики ею начинали и ею же заканчивали свой день [37]).

Нельзя не удивляться, что въ столь отдаленную эпоху развитіе правильныхъ воззрѣній на природу человѣка уже достигло такой высоты. Едва-ли возможно сомнѣваться, что для этого былъ необходимъ относительно долгій подготовительный періодъ. Только при этомъ условіи и могли возникнуть подобныя развитыя ученія [38]).

Значительно далѣе подвинулось знаніе природы человѣка и интимной связи ея физической и психической сторонъ въ сочиненіяхъ отца медицины—Гиппократа (родился 460 до Р. Х.) и его школы. Гиппократъ, по словамъ д-ра Daremberg'a бросилъ столь яркій свѣтъ на медицицу, что она поднялась до уровня положительной и независимой науки, до уровня свободнаго и подчиненнаго точнымъ правиламъ искусства [39]).

Еще за долго до Гиппократа въ Греціи существовали многія медицинскія школы, и многія медицинскія сочиненія, пользовавшіяся большимъ авторитетомъ. Самъ Гиппократъ упоминаетъ не разъ, что медицинская наука существуетъ очень давно и есть результатъ долгаго опыта [40]). Нѣкоторыя изъ упомянутыхъ школъ, при появленіи Гиппократа, были уже въ упадкѣ, но другія находились еще въ порѣ своего полнаго разцвѣта [41]). Гиппократъ далъ начало новой, которая и получила его имя.

Въ своихъ ученіяхъ онъ уже вполнѣ ясно и опредѣленно формулировалъ положеніе о тѣсной, интимной связи физическаго и психическаго элементовъ. Для него явленія пси-

---

[37]) Dacier. 83–198.

[38]) Надо замѣтить, что греческія гимназіи, игравшія столь видную роль въ воспитаніи, значительно способствовали также и развитію греческой медицины. Работы директоровъ этихъ заведеній, какъ говоритъ д-ръ Semelaigne, служили однимъ изъ источниковъ послѣдней. Въ этихъ заведеніяхъ тщательно изучалось вліяніе различныхъ родовъ пищи и притомъ не вообще, а въ зависимости отъ возраста и отъ различій въ органической конституціи. Также тщательно изучалось и вліяніе гимнастическихъ упражненій, и учителя гимнастики, по словамъ Littré, были на половину медики.

[39]) Daremberg, La médecine, 5.

[40]) Journal des savants, 1855. Oeuvres d'Oribase.

[41]) Journal des savants, 1852. Oeuvres comp. d'Hippocrate.

хической жизни не отдѣлимы отъ явленій жизни органической, — жизни мозга. Послѣднія лежатъ въ основѣ и обусловливаютъ первыя. „Если больной“, говоритъ онъ, „испытываетъ опасенія и страхи, *то это происходитъ отъ измѣненій, которымъ подвергается его мозгъ* [42]). Возражая противъ распространеннаго въ его время мнѣнія, что эпилепсія происходитъ отъ одержанія богами, онъ замѣчаетъ: „Вскройте черепъ и вы найдете, что мозгъ влаженъ, наполненъ водяночной жидкостью и издаетъ дурной запахъ; тогда вы убѣдитесь съ очевидностью, что не божество, а болѣзнь измѣняетъ такъ тѣло“. [43]) Мозгъ для Гиппократа — это тотъ органъ, дѣятельностью котораго обусловливается и въ которомъ протекаетъ вся психическая жизнь безъ исключенія. „Имъ мы думаемъ“, говоритъ онъ, „понимаемъ, видимъ, слышимъ; имъ мы познаемъ уродливое и прекрасное, дурное и хорошее, пріятное и непріятное. Черезъ него же мы становимся сумасшедшими, бредимъ и насъ осаждаютъ страхи и опасенія“ [44]). Въ измѣненіяхъ матеріальныхъ состояній мозга,— вотъ гдѣ, по Гиппократу, лежатъ причины психическихъ колебаній. Предается больной безпричинной печали и тоскѣ—его мозгъ охладился и сжался противъ обыкновеннаго. Напротивъ, больной издаетъ крики и вопли по ночамъ, когда его мозгъ нагрѣвается.

Гиппократъ хорошо знаетъ различіе и значеніе *органическихъ темпераментовъ, обусловливающихъ различія въ чертахъ характеровъ*. Онъ знаетъ также и рѣшительное вліяніе наслѣдственности. Доказывая наслѣдственную передачу эпилепсіи, онъ замѣчаетъ по этому поводу: „Если, говоритъ онъ, люди, родившіеся отъ родителей съ голубыми глазами, сами имѣютъ голубые глаза, а родившіеся отъ родителей лысыхъ, сами бываютъ лысыми, то нѣтъ ничего удивительнаго, что родители, имѣющіе *неправильное образованіе головы, даютъ жизнь дѣтямъ, страдающимъ тѣмъ же порокомъ организаціи*. Если мы видимъ, что люди желчнаго темперамента производятъ дѣтей также желчнаго темперамента, что флегматики производятъ флегматиковъ, а чахоточные

---

[42]) Semelaigne, 35.
[43]) Semelaigne, 59.
[44]) Тамъ же, 76.

чахоточныхъ, то гдѣ препятствіе, чтобы болѣзнь, которой страдаетъ отецъ или мать, не поражала также и кого-либо изъ дѣтей“? [45]).

Изъ этого мы видимъ, что *доктрина, пріурочивающая психическія явленія къ явленіямъ жизни мозга, далеко не нова, хотя*, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ д-ръ Semelaigne, *потребовался продолжительный періодъ времени, — почти до нашихъ дней, чтобы поставить ее внѣ сомнѣній* [46]).

Но, придавая столь важное значеніе органическимъ факторамъ, по отношенію къ особенностямъ явленій психической жизни, Гиппократъ въ то же время не упускаетъ изъ виду и тщательно изучаетъ вліяніе внѣшнихъ воздѣйствій, которыми измѣняется самый организмъ и которымъ онъ отводитъ широкую долю участія въ созданіи физическихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ *и психическихъ особенностей человѣка*. Онъ тщательно изучаетъ съ этой точки зрѣнія вліяніе пищи, климата и географическихъ положеній [47]).

Душевныя болѣзни онъ дѣлитъ на острыя и хроническія [48]) Проницательный наблюдатель природы, онъ хорошо знаетъ и симпатическія душевныя разстройства съ ихъ импульсивностью и часто неодолимыми влеченіями (напр., къ убійству, самоубійству и проч), зараждающимися въ сферѣ системъ растительной жизни и отсюда уже проникающими въ сознаніе въ качествѣ темныхъ, немотивированныхъ побужденій [49]).

Таковы наиболѣе выдающіяся черты ученія Гиппократа по интересующему насъ вопросу.

Въ трудахъ послѣдующихъ ученыхъ писателей грекоримскаго міра изученіе разстройствъ и аномалій душевной жизни подвинулось значительно впередъ. „Не безъ живаго интереса“, замѣчаетъ по этому поводу Trelat, „углубляешься въ эти историческія богатства и читаешь въ произведеніяхъ, написанныхъ пятнадцать или восемнадцать вѣковъ тому назадъ, множество страницъ. которыя кажутся написанными лишь только вчера“ [50]).

---

[45]) Andrale, 1853. 49; Semelaigne 59.

[46]) Semelaigne 76.

[47]) Andrale, 1853, 14—38.

[48]) Semelaigne 16.

[49]) Loiseau: Memoire sur la folie simpatique 19 -22; Semelaigne 47 и 48.

[50]) Trelat, VI

Изученіе нервной системы сдѣлало значительные успѣхи еще въ трудахъ александрійскихъ ученыхъ, старательно занимавшихся разсѣченіемъ труповъ и изученіемъ на нихъ анатоміи человѣка. Одинъ изъ выдающихся представителей александрійской школы — Эразистратъ (293 до Р. Х.) уже такъ далеко подвинулся въ знаніи и пониманіи функцій нервной системы, что различалъ нервы чувствующіе и двигательные и предполагалъ существованіе въ нервныхъ волокнахъ особой циркулирующей жидкости, при посредствѣ которой внѣшнія впечатлѣнія передаются мозгу, а велѣнія воли—мускуламъ. Изучая сравнительно человѣческій мозгъ и мозгъ животныхъ, онъ даже пришелъ къ заключенію, *что умственныя способности находятся въ соотношеніи съ структурой этого органа, а именно съ числомъ и рельефностью его извилинъ* [51]).

Въ изученіи разстройствъ душевной жизни врачи грекоримскаго міра за долгій періодъ времени отъ Гиппократа до Галена также подвинулись значительно впередъ и тонкими чертами, указывающими на тщательность и многочисленность наблюденій, описали разнообразныя и часто трудно уловимыя формы душевныхъ разстройствъ. „Чѣмъ болѣе перечитываешь древнихъ“, говоритъ д-ръ Morel, „тѣмъ болѣе убѣждаешься, что они подмѣтили и описали большинство формъ бреда, свойственныхъ душевно-больнымъ, включая и частичный бредъ, сосредоточивающійся на немногихъ предметахъ и болѣе или менѣе неправильно обозначаемый въ наше время названіемъ мономаній. Они прекрасно знали больныхъ этой категоріи, которые, несмотря на ихъ разстройство, разговариваютъ и разсуждаютъ о всѣхъ предметахъ, исполняютъ общественныя функціи, занимаютъ должности, однимъ словомъ, предаются занятіямъ, требующимъ извѣстной доли ума; ихъ никто не заподозритъ въ душевномъ разстройствѣ, пока не коснется спеціальнаго предмета ихъ бреда [52]).

Здѣсь я не стану излагать послѣдовательный ходъ раз-

---

[51]) Postel, 47; Semelaigne, 82 и 83; Andrale, 1853, 209—235.

[52]) Morel, Traité des maladie ment. 31 и 32. И дѣйствительно, Цельзъ, напр., даетъ описаніе больныхъ, которые съ внѣшней стороны представляются совершенно здоровыми, логика которыхъ вполнѣ правильна, и только отправныя точки нѣкоторыхъ разсужденій не вѣрны, а, по происхожденію, болѣзненны,

витія психіатрическихъ ученій и перечислять всѣхъ наиболѣе выдающихся врачей древности. Укажу лишь на ученіе Галена, этого послѣдняго великаго врача древности, котораго д-ръ Daremberg называетъ „чудеснымъ геніемъ, *резюмировавшимъ всю предшествующую науку* и въ зародышѣ заключающимъ всю ту, которая должна слѣдовать за нимъ“ [53]).

Галенъ (родился въ 131 до Р. Х.) значительно подвинулъ впередъ анатомію нервной системы. „Ему же“, по словамъ профессора Ball'я, „мы обязаны заложеніемъ фундамента всѣхъ нашихъ свѣдѣній о функціяхъ нервной системы“ [54]). Въ своихъ выводахъ онъ основывался на результатахъ вскрытій, на патологическихъ наблюденіяхъ и на вивисекціяхъ [55]). Медицинское изученіе въ его время подвинулось уже такъ далеко впередъ и такъ популяризировалось, что вивисекціи (напр., опыты съ перерѣзкой спиннаго мозга для изученія ея вліянія на чувствительность) производились имъ даже публично. Его, по словамъ профессора Andrale, должно разсматривать какъ отца и основателя дѣйствительно экспериментальной физіологіи и къ нему же, какъ истинному источнику, должно быть отнесено значительное число опытовъ, считающихся современными. „Послѣ него уже нѣтъ сомнѣній“, говоритъ Andrale, „что главное назначеніе мозга быть органомъ интеллекта“. Галенъ разсматривалъ мозгъ, какъ сложный органъ, состоящій изъ различныхъ, но взаимно связанныхъ частей, каждую изъ которыхъ онъ изучалъ и описывалъ въ отдѣльности. Онъ указывалъ на соотношеніе между мозгомъ и заключающимъ его черепомъ и на возможность по особенностямъ послѣдняго судить объ особенностяхъ перваго. Ему же принадлежитъ честь перваго описанія симпатической системы или нервной системы растительной жизни.

Галенъ видѣлъ въ человѣкѣ существо дуалистическое,

вслѣдствіе чего и нѣкоторыя дѣйствія анормальны и даже на видъ *преступны*. См. Semelaigne, 105.

53) Daremberg, Cours sur l'histoire et la litterature des science médicales, 4

54) Ball, Leçons sur les maladies mentales, 11.

55) Основываясь на послѣднихъ, онъ и пріурочивалъ интеллектуальныя явленія къ мозгу, такъ какъ давленіе на этотъ органъ у животныхъ съ вскрытымъ черепомъ обусловливаетъ потерю движеній, чувствительности, умственныхъ способностей и голоса. Semelaigne, 188; Trelat. 42.

состоящее изъ души и тѣла. Сѣдалищемъ души, по его мнѣнію, служитъ не одинъ лишь мозгъ. Различныя психическія проявленія Галенъ пріурочивалъ и къ различнымъ органамъ. Душа разумная, думающая имѣетъ свое сѣдалище въ мозгу, степень развитія переднихъ долей котораго соотвѣтствуетъ степени умственнаго развитія; душевныя волненія или душа мужественная, энергичная имѣетъ свое сѣдалище въ сердцѣ, а желательная или женственная—въ печени. Разуму Галенъ придаетъ первенствующее значеніе. Имъ, этимъ регуляторомъ страстей и склонностей исключительно долженъ жить человѣкъ. Любовь къ почестямъ, богатству, сладострастію есть главная причина бѣдствій этого міра, лѣкарствомъ противъ котораго служитъ разумъ. *Въ дѣятельности разума и заключается истинное счастіе.*

Здоровье, по мнѣнію Галена, есть органическое равновѣсіе. Думающая душа здорова, когда разумъ, склонности и чувства находятся въ равновѣсіи. Разъ послѣднее нарушено, — наступаетъ болѣзнь, которая можетъ поражать раздѣльно или совмѣстно различныя душевныя способности,—разсужденіе, воображеніе и память. Душевная болѣзнь можетъ быть результатомъ какъ разстройствъ самого мозга, такъ и отраженнаго вліянія на него со стороны другихъ органовъ. Напримѣръ, меланхолія можетъ быть слѣдствіемъ ирадіаціи отъ сердца или отъ желудка, при диспепсіи. Поддержаніе и нарушеніе равновѣсія зависитъ отъ темперамента, которому Галенъ приписывалъ самое рѣшительное вліяніе на весь психическій механизмъ.

Признавая въ человѣкѣ два раздѣльныхъ элемента [56]),— физическій (организмъ) и психическій (душа), Галенъ хорошо зналъ рѣшительное, опредѣляющее вліяніе перваго на второй. „Если бы Платонъ жилъ еще“, говоритъ онъ, „я бы хотѣлъ знать отъ него, почему обильная потеря крови, выпитая цикута (напитокъ) и горячка отдѣляютъ душу отъ тѣла“? Помѣщая думающую душу въ мозгъ, онъ ставилъ особенности души въ соотвѣтствіе съ особенностями этого органа какъ количественными, такъ еще болѣе ка-

---

[56]) Впрочемъ, по этому вопросу онъ высказывается нѣсколько нерѣшительно и въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ, что трудно судить объ этомъ, см. Trelat, 42.

чественными Душа, по его мнѣнію, находится въ самой тѣсной зависимости отъ тѣла, *отъ его темпераментовъ, различіями которыхъ обусловливаются и различія психическихъ проявленій.* Органическія особенности вообще оказываютъ самое глубокое вліяніе на всѣ нравственныя качества Правда многое зависитъ и отъ воспитанія [57]). „*Счастливъ ребенокъ*“. восклицаетъ Галенъ, „*который съ ранняго возраста былъ подчиненъ правиламъ цѣлены и хорошаго физическаго воспитанія: въ нихъ источникъ хорошей нравственности*“. Но какъ ни велика сила разумнаго воспитанія, основывающагося на надлежащемъ равновѣсіи между воспитаніемъ физическимъ и психическимъ, однако его вліяніемъ не могутъ быть объяснены всѣ различія въ нравственныхъ качествахъ. Часто одинаково воспитанные представляются значительно несходными съ нравственной стороны. Въ этихъ случаяхъ несходства обусловливаются *различіями физической структуры тѣла, функціональными особенностями различныхъ органовъ и преобладаніемъ развитія того или другаго изъ нихъ. Напримѣръ, преобладаніемъ мускульной системы или мозга надъ развитіемъ прочихъ органовъ на все существо человѣка, на всю его нравственную личность накладывается особый отпечатокъ, отличающій его отъ всѣхъ остальныхъ людей.*

Органическія особенности вліяютъ на нравственную личность, при посредственной чувствительности. Этой послѣдней обладаютъ не одни лишь органы чувствъ. *Каждый органъ имѣетъ свою особую чувствительность, болѣе или менѣе ясно выраженную, соотвѣтственно количеству крови и воздуха имъ получаемаго.* Внутренняя чувствительность (т.-е. чувствительность внутреннихъ органовъ) особенно ясно выражена во время сна, когда органы внѣшнихъ чувствъ находятся въ покоѣ. Какъ внѣшняя (впечатлѣнія), такъ и внутренняя (ощущенія) чувствительность могутъ быть уменьшены. могутъ отсутствовать вовсе или быть разстроены и извращены. Боль и страданіе — это болѣзненныя явленія, смѣняющія въ нѣкоторыхъ случаяхъ нормальную чувствитель

---

[57]) Получивши самъ прекрасное физическое и интеллектуальное воспитаніе и приписывая ему силу своей организаціи и свое цвѣтущее здоровье въ теченіи послѣдующей жизни, Галенъ придаетъ большое значеніе воспитанію въ дѣлѣ образованія нравственной личности человѣка.

ность. Между внутренними чувствами наиболѣе замѣчательны *половое и особенно желудочное*, которыя, какъ и чувствительность всѣхъ остальныхъ органовъ, могутъ быть извращены и этимъ извращеніемъ могутъ обусловливать странныя психическія явленія.

Физическая структура, столь рѣшительно вліяющая на нравственную сторону человѣка, не остается, однако, неизмѣнной, а напротивъ постепенно измѣняется, въ зависимости отъ внѣшнихъ условій, чѣмъ вызываются дальнѣйшія нравственныя измѣненія. Поэтому Галенъ не оставляетъ безъ вниманія внѣшнихъ вліяній, а напротивъ тщательно изучаетъ ихъ. Но, придавая столь рѣшительное значеніе вліянію физическаго на психическое, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не упускаетъ изъ виду и вліяніе послѣдняго на первое. иначе говоря, онъ знаетъ ихъ взаимодѣйствіе [58]).

Изъ этого краткаго и слабаго очерка ученій выдающихся представителей древней медицыны по интересующему насъ вопросу, мы можемъ видѣть, что имъ не былъ чуждъ тотъ взглядъ, который представляетъ собою основное положеніе новой школы уголовнаго права. Этотъ взглядъ, уже почти вполнѣ развитый и законченный, заключается въ блестящемъ и такъ далеко подвинувшемся ученіи Галена, въ которомъ въ общихъ чертахъ прекрасно изложенъ и самый механизмъ вліянія физическаго на психическое. Къ основамъ этого взгляда, въ виду наблюдавшихся фактовъ дѣйствительности, съ неизбѣжностью пришли, какъ мы видимъ, наблюдатели древности, къ нему же послѣ долгихъ и тщательныхъ наблюденій приходятъ и изслѣдователи новаго времени.

Къ несчастію, Галенъ былъ послѣднимъ великимъ врачемъ древности и съ нимъ закончилось плодотворное поступательное развитіе научной мысли въ занимающей насъ области. Въ теченіи вѣка послѣ него еще замѣчались, по словамъ д-ра Daremberg'a, нѣкоторые признаки оригинальности и успѣховъ, а затѣмъ наступила эпоха мрака и бездарныхъ компиляцій [59]). „Въ исторіи греческой медицины“,

---

58) Friedreich, 71 и слѣд.; Frelat, 38 и слѣд.; Semelaigne, 183 и слѣд.; Andrale, 1854, 5 и 6.

59) Daremberg, La medecine, 110.

говоритъ Littré, „наступилъ тогда моментъ, когда новыя изысканія и самостоятельныя работы совершенно прекратились: не появлялось болѣе ничего новаго, и развитіе, доставлявшее медицинской наукѣ въ періодъ отъ Гиппократа до Галена увеличивавшуюся жатву знаній и приложеній, пріостановилось“ [60]). Галенъ въ теченіи долгаго періода послѣдующихъ вѣкокъ началъ царить безраздѣльно и получилъ значеніе непоколебимаго и какъ бы священнаго авторитета. Но, какъ это бываетъ всегда при тѣхъ состояніяхъ общества, когда возможно безусловное господство авторитетовъ, „его дѣйствительно научныя и прогрессивныя доктрины остались непонятыми и безплодными, тогда какъ всѣ ложныя идеи и странныя объясненія принимались съ невѣроятной горячностью“ [61]). Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ одинъ лишній разъ подтвердилось то общее безусловное правило, *что между степенью органическо-умственнаго развитія и особенностями принимаемыхъ и исповѣдуемыхъ ученій всегда и вездѣ существуетъ самое строгое соотвѣтствіе.*

Уничтоженіе первоначальной простоты жизни, постоянныя войны и завоеванія, развившееся изъ нихъ рабство и различные виды человѣческой кабалы, постоянно возроставшія имущественно соціальныя неравенства, усиливавшаяся роскошь и соединенные съ нею различные виды разврата и всякихъ излишествъ съ одной стороны, истощающая бѣдность и всевозможныя лишенія и тотъ же развратъ съ другой—дѣлали дальнѣйшее здоровое развитіе невозможнымъ. *Указанные факторы вырожденія, постепенно подтачивавшіе органическія силы древняго міра, неминуемо должны были привести къ упадку, который отразился повсюду: въ душевныхъ качествахъ населенія, въ искуствѣ, наукѣ и т. д.* [62]). На мѣсто прежняго органически сильнаго и способнаго поколѣнія, народилось поколѣніе дряблое, нервно-хилое и плохо одаренное, которое считало въ своей средѣ не малое число вырождавшихся, дурно уравновѣшанныхъ организацій и которому было не подъ силу подвигаться въ прежнемъ направленіи. „Наступила, по выраженію Baudrillart,

[60]) Journal des savants, 1851, Oeuvres d'Oribase.

[61]) Daremberg, Cours, 7.

[62]) Объ этомъ см. Jakob Burckhardt, Die Zeit Constantin's des Grossen, 254, 5, 6 и сл.; 273 и сл. См. также Lecky, Sittengeschichte Europas, I, 282.

смерть души, которая есть самый печальный симптомъ разлагающихся обществъ“ [63]). Появилось поколѣніе, „рожденное для рабства“, какъ часто говаривалъ Тиверій, выходя изъ сената [64]). Самоубійства, какъ и въ наше время, стали распространяться въ этомъ поколѣніи эпидемически „Разочарованные и скучающіе шли на мостъ Фабриція и тамъ кончали съ собой. Ни въ одну историческую эпоху скука жизнію — печальный плодъ излишествъ — не была болѣе распространенной болѣзнію, какъ въ эпоху цезарей. Смерть сдѣлалась болѣе средствомъ противъ монотонности удовольствій, нежели противъ излишка страданій“ [65]). Душевныя болѣзни, тяжелые неврозы и постоянная скука, составляющая удѣлъ истасканныхъ натуръ, стали обычными явленіями. Вотъ что, напр., писалъ Сенека, характеризуя современное ему положеніе: „Зло, отъ котораго мы страдаемъ“, говоритъ онъ, „зависитъ не отъ того или другаго мѣста, а заключается въ насъ самихъ. Мы слабы лицемъ къ лицу съ тѣмъ, что̀ нужно выдержать. *Мы не можемъ выносить ни труда, ни удовольствій, ни даже нашего собственнаго существованія.* Нѣкоторые стремятся покончить съ собой лишь потому, что, измѣняя часто свои проэкты, все-таки возвращаются къ прежнему, не оставляющему мѣста для чего-либо новаго. Жизнь и даже окружающій міръ имъ стали противны и послышались возгласы безумныхъ и сластолюбивыхъ: Неужели всегда будетъ одно и то же?!“ [66]). Говоря о влеченіи къ самоубійствамъ и характеризуя скучающихъ жизнію, Сенека говоритъ отъ ихъ лица: „И постоянно все одно и то же! Всегда я долженъ то бодрствовать, то спать, то быть сытымъ, то голоднымъ, ощущать холодъ или жаръ! Ничто не кончается; всегда одинъ и тотъ же кругъ явленій; они бѣгутъ и слѣдуютъ другъ за другомъ: день смѣняется ночью, а ночь смѣняетъ день. За лѣтомъ слѣдуетъ осень, за осенью зима, а за нею весна. И такъ проходитъ все, чтобы вернуться снова, а я не вижу и не знаю ничего новаго“ [67]). „Хотя христіанство“, говоритъ д-ръ Brierre

---

[63]) Histoire du Luxe, 162.

[64]) Jacoby. Etudes sur la selection, 94.

[65]) Histoire du Luxe, 161; см. также Lecky, II, 38.

[66]) Brierre de Boismont, De l'ennui, 2.

[67]) Baudrillart, 161, 162.

de Boismont, „измѣнило это состояніе душъ, но оно своими правилами не могло совершенно восторжествовать надъ чувствомъ печали и отвращенія, которыя мучили столькихъ людей. Скука (здѣсь авторъ разумѣетъ этотъ болѣзненный оттѣнокъ настроенія, который есть удѣлъ истощенныхъ организацій) укрылась въ монастыри. Это отразилось и въ твореніяхъ отцевъ церкви, особенно въ 3-хъ книгахъ Іоанна Хризостома. Нужно прочесть прекрасное описаніе безпокойства и унынія, которыя удручали міръ среди наиболѣе опьяняющихъ удовольствій, и того влеченія, которое заставляло людей искать въ самоубійствѣ скорѣе окончанія, нежели лекарства противъ ихъ несчастій" [68]).

Угасаніе самостоятельной научной мысли древняго міра и распространеніе наступавшаго средневѣковаго умственнаго мрака совершилось, однако, не сразу, а, какъ это бываетъ всегда, лишь шагъ за шагомъ. Оно напоминало собой поступательное старческое опаденіе лучшихъ сторонъ прежняго могучаго таланта и постепенное оскудѣніе прежней роскошно развитой умственной жизни. Тоскливое чувство невольно охватываетъ при этомъ постепенномъ погруженіи въ мракъ послѣдовательно нарощавшагося невѣжества, когда величайшая драгоцѣнность человѣчества,— его испытующая творческая мысль, создающая, при благопріятныхъ условіяхъ, поражающую богатствомъ своихъ красокъ умственную и нравственную жизнь, должна была уступить свое мѣсто суевѣрію, умственной и нравственной тьмѣ и неразрывно связанному съ ней насилію. Но иного исхода не было. Органически обанкрутившійся отъ всяческаго разврата, излишествъ и разъѣдающей бѣдности, древній міръ постепенно погружался въ преждевременную хилую старость. Напрасно Claudius Rutilius Numantinus, какъ бы въ послѣдней лебединой пѣснѣ умирающаго нѣкогда великаго Рима, старался, какъ нѣжно любящая мать, утѣшить его и, основываясь на его всемірномъ значеніи, предрекалъ ему вѣчное существованіе [69]). Но тщетны были подобныя самоутѣшенія сознававшихъ грустное положеніе отечества римлянъ: выродившееся поколѣніе,

---

[68]) Brierre de Boismont, 3.

[69]) Die zeit Constantin's, 253 и 4.

лишенное силы своихъ предковъ и организованное иначе, нежели они, не могло уже болѣе воскресить непосильнаго ему прежняго величія древняго Рима. *Изсякли его органическія силы—источникъ всяческаго преуспѣянія — и дряблая, безсильная старость, при условіяхъ того времени, была его неизбѣжнымъ удѣломъ.* На пути къ воскрешенію прежняго величія стояли преградой занесенныя въ органическую лѣтопись общества эпохи Калигулъ, Нероновъ, Витиліевъ, Домиціановъ и иныхъ прочихъ [70]).

Постепенное старческое захилѣніе, понятно, отразилось и въ занимающей насъ научной области. „Компиляторы, какъ Oribasius (современникъ Юліана), Aetius (въ половинѣ 6-го вѣка), Paul Aegina (въ 7 вѣкѣ) не прибавляли ничего къ тому, говоритъ Littré, что̀ имъ оставили ихъ предшественники. Они довольствовались лишь воспроизведеніемъ сочиненій, которыя имъ были переданы древностью; но даже и это воспроизведеніе шло, постепенно сокращаясь. Paul Aegina сокращаетъ Oribasius'a съ тѣмъ, чтобы въ свою очередь быть сокращеннымъ послѣдующимъ компиляторомъ“ [71]). Этого Paul Aegina Daremberg сравниваетъ по характеру его дѣятельности съ Цельзомъ и при этомъ замѣчаетъ: „Но какая разница! Цельзъ, заслужившій названіе Цицерона медицины, учитель въ искусствѣ писать и излагать, тогда какъ Paul не болѣе, какъ безличный урѣзыватель и рабскій копирователь, который не всегда понимаетъ сокращаемаго имъ автора“ [72]). Но и эти компиляторы періода духовнаго оскудѣнія были лишь послѣдними отголосками томившейся еще въ предсмертной агоніи старины. Скоро могильный покой долженъ смѣнить богато развившуюся жизнь и наука, какъ говоритъ Trelat, должна испытать ретроградное движеніе [73]). Новый элементъ — варвары—выступилъ на сцену.

---

[70]) Въ задуманныхъ продолженіяхъ этой работы я надѣюсь показать, какъ въ жизни римскаго общества различные, разрушительно на организмъ дѣйствующіе факторы постепенно нарощали органическое вырожденіе составляющихъ общество единицъ и какъ это послѣднее въ свою очередь проявлялось во внѣ различными убожествами въ умственно-нравственной сферѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ неизбѣжностью и въ сферѣ общественной жизни.

[71]) Journal des savants, 1855, Oeuvres d'Oribase.

[72]) Daremberg. La medecine, 114.

[73]) Trelat, 51.

„Отъ ихъ вторженія наука пострадала можетъ быть болѣе, нежели литература: великіе памятники древности отчасти были разрушены, а отчасти затерялись въ библіотекахъ“ [74]). Сами же варвары принесли съ собою воззрѣнія, свойственныя низшей степени развитія, — дѣтству или по большей мѣрѣ отрочеству человѣчества. Вслѣдствіе этого анимистическое міросозерцаніе, являющееся на извѣстной ступени умственнаго развитія съ необходимостью, ожило снова. Не имѣя достаточнаго запаса обобщеннаго опыта для объясненія, согласно механическимъ законамъ, всѣхъ окружающихъ его явленій, человѣкъ обратился къ болѣе доступному для него источнику, — своему внутреннему опыту и снова сталъ строить всю вселенную по образцу своего внутренняго міра, надѣляя чувствомъ и мыслію всѣ окружающія его явленія. Вся природа въ его представленіи снова одухотворилась и снова повсюду закипѣла упорная борьба двухъ духовныхъ началъ,—добраго и злаго, представителемъ котораго былъ діаволъ и его слуги—демоны. Этихъ послѣднихъ напуганное воображеніе той эпохи видѣло повсюду и ихъ кознямъ приписывались всѣ бѣды и напасти. Грубыя вѣрованія и суевѣрія римской толпы и анимистическія воззрѣнія вновь пришедшихъ народностей примѣшались и къ самому христіанству, и это возвышенное ученіе мира и любви, бывшее, въ своемъ чистомъ видѣ не по плечу времени, стало основаніемъ для самыхъ ужасныхъ преслѣдованій, совершавшихся во имя Всепрощающаго Божества. Невѣжественное, но многочисленное монашество, заносившее съ собою въ монастыри всю грубость и всѣ пороки современнаго ему общества, пріобрѣло громадное вліяніе и лишь способствовало развитію суевѣрія [75]). Если какая наука и существовала, то лишь для служенія теологіи [76]). „Наступило царство магіи и колдовства. Вѣрили въ выходцевъ съ того свѣта, въ вампировъ и демоновъ. Все объяснялось тайными сверхъестественными причинами“ [77]). По прежнему множество случаевъ болѣзней приписывалось сверхъестественнымъ вліяніямъ. Врачи того времени

[74]) Daremberg. La medecine, 176.
[75]) Lecky, II, 87, 111 и 112, 147 и 148, 164 и 165.
[76]) Daremberg. La medecine, 177.
[77]) Semelaigne, 214.

были вполнѣ сынами своего вѣка и часто вмѣсто лѣкарствъ давали чудотворные порошки или назначали чтеніе молитвъ и псалмовъ Давида [78]).

При такихъ условіяхъ не стало болѣе мѣста свободному изслѣдованію. Попытки таковаго влекли за собою страшное уже въ то время обвиненіе въ колдовствѣ [79]). Примѣръ подобнаго обвиненія представляетъ, напримѣръ, Константинъ Африканъ, жившій въ одинадцатомъ столѣтіи. Любознательность увлекла его въ арабскія школы и въ путешествіе по Востоку. По возвращеніи на родину (Карфагенъ) онъ не избѣжалъ обвиненій въ колдовствѣ и бѣгствомъ долженъ былъ спасаться отъ опасности, угрожавшей его жизни [80]). Многіе же ученые, какъ, напримѣръ, Peter von Albano, Joh. Sanguinacius не были и такъ счастливы и, обвиненные въ колдовствѣ и чернокнижіи, головами платили за свои стремленія къ научнымъ изслѣдованіямъ [81]). Только въ арабскихъ школахъ и между арабскими учеными медиками въ это время еще сохранялись жизненными воззрѣнія греческихъ и римскихъ ученыхъ Сами арабы, какъ говоритъ Trelat, не внесли ничего новаго въ область психіатріи и явились лишь переводчиками древности, но, сохраняя въ чистотѣ эту послѣднюю, они не дали вторгнуться въ нее сверхъестественнымъ факторамъ.

При такомъ состояніи общества, душевно-больнымъ, число которыхъ, какъ показываютъ умственныя эпидеміи того времени, было довольно значительно, не рѣдко кровью приходилось расплачиваться за царствовавшее невѣжество и суевѣрія. Тогда, какъ и во всѣ времена [82]), содержаніе бреда этихъ несчастныхъ въ значительной мѣрѣ служило отраженіемъ умственнаго состоянія эпохи, ея вѣрованій и суевѣрій. Поэтому различные больные пророки, чудотворцы.

---

[78]) Friedreich, 102.

[79]) „Въ средніе вѣка, говоритъ Daremberg, каждый ученый непремѣнно считался и колдуномъ, а потому алхимики и магики, чтобы избѣжать преслѣдованій свѣтскихъ и духовныхъ властей, имѣли обыкновеніе ставить свои сочиненія подъ защиту уважаемаго и извѣстнаго имени". См. La medecine, 184.

[80]) Friedreich, 84.

[81]) Тамъ же.

[82]) Calmeil, I, 122.

колдуны, вѣдьмы, сектаторы и проч. въ то время встрѣчались въ изобилии, подобно тому, какъ въ наше время встрѣчаются подобные же общественные реформаторы и лица, преслѣдуемыя жандармами и различными полицейскими ищейками. Всѣ эти больные, уже по самому характеру своего бреда, часто приходили въ столкновеніе съ бдительными въ то время духовными властями, которыя и возводили ихъ, въ качествѣ различныхъ еретиковъ и колдуновъ, на щедро раскладывавшіеся костры. На ряду съ обвиненіями въ еретичествѣ и колдовствѣ, съ 13 вѣка встрѣчаются и обвиненія въ поклоненіи демонамъ (демонолатрія) [83]) Съ этихъ поръ эти обвиненія, увеличиваясь въ числѣ, долгое время продолжаютъ быть предметомъ судебныхъ разбирательствъ и сосредоточивать на себѣ усиленное вниманіе судей, теологовъ и врачей.

Въ XIV и XV стол. по—немногу начинаютъ замѣчаться зародыши новаго направленія. Вскорѣ подросшій ребенокъ—разумъ долженъ будетъ выдвинуться на первый планъ. Впрочемъ, зарождающееся движеніе въ эти вѣка еще слишкомъ слабо; „оно не въ силахъ, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ д-ръ Friedreich, разбить оковы монашескаго господства и суевѣрій, которыя еще сковываютъ стремленіе къ свободному изслѣдованію, особенно человѣческаго духа и для которыхъ всякая свободная мысль въ этомъ направленіи служитъ желаннымъ предлогомъ для возведенія мыслителя на костеръ“ [84]). Анимистическое міросозерцаніе въ эту эпоху является еще вполнѣ жизненнымъ. „Если просмотрѣть хотя немногія изъ многочисленныхъ теологическихъ диссертацій, написанныхъ, начиная съ царствованія Людовика св. до царствованія Людовика XIV, говоритъ д-ръ Calmeil, особенно если просмотрѣть сборникъ предписаній (formules classiques), служившихъ руководствомъ духовнымъ, разсылавшимся повсюду въ провинціи, чтобы истреблять тамъ ересь и поддерживать чистоту догматовъ истинной вѣры, то не безъ удивленія можно видѣть, какую роль отводили теологія и трансцендентальная философія сверхъ естественнымъ существамъ и какую долю участія онѣ

---

[83]) Тамъ же 218.

[84]) Friedreich, 100.

приписывали ангеламъ и демонамъ въ произведеніи явленій физическихъ и даже органическихъ“ [85]). Особенно было напугано воображеніе демонами. Ихъ, этихъ заклятыхъ враговъ человѣческаго рода, видѣли повсюду и повсюду же слышались пользовавшіеся всеобщимъ довѣріемъ разсказы о борьбѣ, которую нерѣдко приходилось выдерживать благочестивымъ людямъ, преимущественно духовнымъ, съ демонами и привидѣніями, покушавшимися на ихъ личность [86]). Только постоянная бдительность, часто творимыя крестныя знаменія и молитвы могли предохранить отъ демоновъ, старавшихся при каждомъ удобномъ случаѣ проскользнуть черезъ естественныя отверстія внутрь тѣла, проникнуть въ глубину его полостей и овладѣть тѣмъ или другимъ органомъ для его раздраженія и мученія человѣка, который вслѣдствіе того начинаетъ страдать различными разстройствами и болѣзнями [87]). Проникновенія демоновъ внутрь тѣла, по понятіямъ того времени, могли происходить вмѣстѣ съ воздухомъ при дыханіи, съ пищею при ѣдѣ и т. д. Ходило множество достовѣрныхъ разсказовъ о случаяхъ подобнаго рода [88]).

Если же злые духи почему-либо не могли проникнуть внутрь тѣла, то взамѣнъ этого они не рѣдко принимались раздражать периферическія окончанія нервовъ и этими маневрами производили всевозможные обманы чувствъ и болѣзни [89]). Мало того, демоны иногда окутывали человѣка какъ бы оболочкой, которая заставляла окружающихъ вѣрить въ его превращеніе въ то или другое животное. Нерѣдко они и сами создавали себѣ изъ сгущеннаго воздуха особое тѣло и являлись въ различныхъ образахъ, чтобы соблазнять ихъ. Они часто похищали людей во время экстаза и переносили ихъ въ свои нечестивыя собранія, подкладывая вмѣсто ихъ фантомы, которые и заставляли думать окружающихъ, что унесенные остаются на мѣстѣ [90]). Папскія буллы (Иннокентій VIII, 1484), разсказывали о по-

---

[85]) Calmeil, I, 90 и 91.
[86]) Тамъ же, 100.
[87]) Тамъ же, 106.
[88]) Тамъ же, 104, 105, 106.
[89]) Тамъ же, 118.
[90]) Тамъ же, 108 и 109.

жираніи еще неокрещенныхъ дѣтей поклонниками нечестивыхъ демоновъ, о сожительствахъ съ succubes (демоны, въ образѣ женщины, сожительствовавшіе съ мужчинами) и incubes (демоны, въ образѣ мужчины, сожительствовавшіе съ женщинами) и проч. [91]).

Подобные разсказы въ значительной мѣрѣ питались и поддерживались самими больными, у которыхъ галлюцинаціи органовъ чувствъ и половой сферы, повидимому, были весьма часты. Подъ вліяніемъ послѣднихъ они давали на допросахъ самыя обстоятельныя показанія о томъ, какъ часто съ самыхъ раннихъ лѣтъ они раздѣляли ложе съ демонами, бывали въ ихъ нечистивыхъ собраніяхъ, причиняли съ ихъ помощью различныя несчастія, пожирали дѣтей и проч. [92]). Поэтому не мудрено, что судьи какъ духовные, такъ и свѣтскіе—вполнѣ сыны своего вѣка, которымъ нечистые демоны мерещились на каждомъ шагу и которые искренно вѣрили во всѣ эти разсказы душевнобольныхъ, приходили въ ужасъ и негодованіе отъ ихъ порочности и нечестія и во множествѣ отправляли ихъ на костры, желая тѣмъ очистить землю отъ ихъ грѣховъ и злодѣйствъ. Вмѣстѣ съ виновными, т.-е. больными, во множествѣ страдали и невинно оговоренные, т.-е. здоровые. такъ что во многихъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе большой ревности, а иногда и корыстолюбія очистителей. исчезло всякое спокойствіе и безопасность.

Но періодъ среднихъ вѣковъ не былъ періодъ чистый. Напротивъ, онъ представлялъ смѣсь воззрѣній варваровъ съ воззрѣніями образованнаго древняго міра. Вліяніе послѣднихъ не замирало окончательно, повидимому, даже въ самыя темныя эпохи этого періода. Поэтому понятіе о возможности нервныхъ и душевныхъ болѣзней. являющихся прямымъ слѣдствіемъ тѣлесныхъ разстройствъ, а не вліянія демоновъ, не было чуждо даже теологамъ этого времени, иногда приводившимъ въ своихъ сочиненіяхъ случаи подобныхъ, естественныхъ заболѣваній [93]). Къ несчастію. это понятіе далеко не всегда оказывало практическое вліі

---

[91]) Тамъ же, 152 и сл.

[92]) Тамъ же, 137, 154—161.

[93]) Тамъ же, 1, 119 и слѣд.

яніе. Стоило лишь встрѣтиться какому-либо загадочному или просто нѣсколько странному обстоятельству, чтобы тотчасъ же вызвать предположеніе о демоническомъ вліяніи Однако, нѣкоторые медики этого времени начали уже понемногу выступать противъ господствовавшихъ суевѣрій, какъ то: противъ вѣры во вліяніе звѣздъ, въ постоянное вмѣшательство демоновъ [94]), въ пророческій даръ эпилептиковъ и проч. [95]).

Въ XVI столѣтіи умственное движеніе, зародыши котораго лишь намѣчаются въ вѣкѣ предшествующемъ, выигрываетъ въ силѣ, а потому становится возможнымъ появленіе такихъ ученыхъ мыслителей, какъ Felix Plater [96]) и открытые протесты противъ существующаго отношенія къ душевно больнымъ, обвиняемымъ въ поклоненіи и связяхъ съ діаволомъ. Но умственные успѣхи еще ограничиваются лишь незначительнымъ числомъ интеллектуально лучшихъ людей своего времени, тогда какъ народная масса, судьи духовные и свѣтскіе, извѣстнѣйшіе пиçатели того времени и громадное большинство врачей продолжаютъ отстаивать прежнія суевѣрія.

Религіозныя движенія и столкновенія, имѣвшія мѣсто въ этотъ вѣкъ реформаціи, оживляютъ религіозное чувство, которое вспыхиваетъ съ новою силою и вноситъ страстность въ религіозную сферу. Умъ и воображеніе сосредоточиваются на религіозныхъ вопросахъ и на области сверхъестественнаго. Благодаря этому, число различныхъ одержимыхъ, поклонниковъ демоновъ, колдуновъ и вѣдьмъ никогда еще не было такъ велико, и никогда вѣра во вліяніе демоновъ на ходъ міровыхъ событій не причиняла, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ д-ръ Friedreich, такъ много вреда [97]). Органически отмѣченные люди — *кандидаты на душевно больныхъ*, которыхъ, судя по эпидемически распространявшимся въ то время душевнымъ болѣзнямъ, было не мало, увлекаются общимъ теченіемъ Религіозная борьба, происходившая между католицизмомъ и реформаціей, отра-

---

[94]) Friedreich, 102.

[95]) Тамъ же, 103.

[96]) Развитіе и большая часть его дѣятельности относятся къ этому вѣку, а сочиненіе къ послѣдующему.

[97]) Friedreich, 127.

жается, какъ это бываетъ всегда, и на ихъ бредѣ, разъ нарушается и безъ того неустойчивое равновѣсіе ихъ душевной жизни. А между тѣмъ, при продолжающемся умственномъ мракѣ и неразрывно связанныхъ съ нимъ грубыхъ суевѣріяхъ, разнообразно странныя ощущенія, зарождающіяся въ разстроенныхъ организмахъ различныхъ галлюцинантовъ и проэцирующіяся въ самыхъ причудливыхъ формахъ ихъ разстроеннымъ воображеніемъ во внѣшній міръ, окружающими ихъ принимаются за реальныя явленія. Поэтому повсюду въ обществѣ, со словъ самихъ больныхъ, только и слышатся разсказы о томъ, что враги Бога и людей,—нечистые демоны,—употребляютъ всѣ усилія, чтобы отвлечь послѣднихъ отъ поклоненія высшему существу и заставить поклоняться себѣ. Разсказываютъ, что отпадшіе, вслѣдствіе козней духовъ тьмы, отъ Бога поклоняются сатанѣ и воздаютъ ему тѣ же почести, какія прежде воздавали своему Творцу. Пользуясь своими поклонниками, какъ орудіями, истый и злѣйшій врагъ человѣческаго рода поражаетъ всякими напастями вѣрныхъ сыновъ церкви и вноситъ нечестіе и бѣдствія въ міръ: волки и кошки-оборотни рыщутъ повсюду и причиняютъ всевозможныя опустошенія, вампиры по ночамъ сосутъ кровь дѣтей, демоны насилуютъ или пытаются насиловать дѣвушекъ и собираются съ своими поклонниками для разврата и совершенія преступленій на ночныя сборища (sabbats) и проч., и проч. [98]). Сами больные подробно описываютъ пріемы, которые употребляютъ демоны, чтобы завербовать ихъ въ число своихъ поклонниковъ [99]). Они разсказываютъ, какъ они превращаются въ волковъ и въ этомъ видѣ пожираютъ дѣтей, имѣютъ плотскія сношенія съ волчицами [100]), какъ они на палкахъ верхомъ отправляются на ночныя празднества къ демонамъ, убиваютъ людей и животныхъ, имѣютъ плотскія сношенія съ самими демонами и проч. [101]).

Понятно, что духовная власть, представители которой были столь же суевѣрны, какъ и окружавшее ихъ общество, не могла оставаться спокойной, при видѣ распространенія

---

98) Calmeil, I, 181, 215, 218 и сл.

99) Тамъ же, 235, 248 и слѣд.

100) Тамъ же, 236 и 237.

101) Тамъ же, 308, 319, 328.

такого осквернения и нечестія и, кромѣ спеціальныхъ молитвъ въ церквахъ объ избавленіи отъ нечистыхъ демоновъ [102]), прибѣгала и къ болѣе крутымъ мѣрамъ для искорененія діаволослуженія. Свѣтская власть не отставала отъ духовной. Свѣтскіе судьи, вѣрившіе всѣмъ разсказамъ больныхъ и потому глубоко возмущавшіеся ихъ мнимыми преступленіями, были неумолимы въ своихъ приговорахъ и прибѣгали къ самымъ ужаснымъ пыткамъ для полученія признаній обвиняемыхъ. Трудно представить себѣ съ какимъ непоколебимымъ довѣріемъ относились тогда къ самымъ невѣроятнымъ разсказамъ, которые поэтому часто составляли важнѣйшее событіе дня и волновали всѣхъ, начиная съ верху до низу.

Напримѣръ. около 1511 года въ Саломанкѣ появилась дѣвица, неумѣренно предававшаяся упражненіямъ покаянія. Истощенная всевозможными, лишеніями, она впала въ душевное разстройство, начала постоянно видѣть Христа и Божью Матерь и утверждать, что сама она—супруга Іисуса Христа и что Пресвятая Дѣва ей сопутствуетъ повсюду, настаивая, чтобы она всегда шла впереди. Полная смиренія, она обыкновенно останавливалась при входѣ и, какъ бы обращаясь къ кому, говорила: „О Непорочная Дѣва, если бы Ты не родила Христа, то я не могла бы быть его супругой. Слѣдуетъ. чтобы мать моего супруга шла впереди меня“. Слухъ о ней распространился повсюду и она была представлена королю и главному инквизитору. Мнѣнія спрошенныхъ теологовъ раздѣлились: одни видѣли въ ней *святую*, а другіе фанатичку. Въ виду этого разногласія мѣстныхъ теологовъ, за рѣшеніемъ обратились въ Римъ и папа назначилъ изслѣдованіе дѣла, которое, однако, не привело къ устраненію разномыслія [103]).

Около того же времени, а именно въ 1527 г., въ Наварѣ двѣ дѣвочки 11 и 9 лѣтъ обвинили себя передъ членами королевскаго совѣта въ принадлежности къ поклонницамъ діавола. Подъ условіемъ своего помилованія, они обѣщали открыть всѣхъ женщинъ, принадлежавшихъ къ одной съ ними сектѣ. Судьи согласились. Тогда подсудимыя

---

[102]) Friedreich, 127.

[103]) Llorente, Histoire critique de l'inquisition d'Espagne, I, 361—364.

заявили, что, смотря однимъ лѣвымъ глазомъ, они могутъ узнавать колдуній. Ихъ послали по деревнямъ, гдѣ имъ предъявляли всѣхъ, подозрѣвавшихся въ чародѣйствѣ, и оговоренныхъ ими привлекали къ суду. Обвиняемыя подъ пыткою дѣлали признанія и по обыкновенію подробно разсказывали о ночныхъ собраніяхъ съ демонами и, на основаніи оговора и этихъ признаній, подвергались бичеванію и заключенію въ тюрьмѣ [104]).

Понятно, что при такомъ довѣріи ко всевозможнымъ бреднямъ душевно-больныхъ, разсказы послѣднихъ о ихъ мнимыхъ ужасныхъ преступленіяхъ должны были приводить въ негодованіе судей, которые дѣлали всевозможныя усилія, чтобы вырвать съ корнемъ широко распространившееся по землѣ зло. Не было жестокостей, къ которымъ бы не прибѣгали для достиженія этой цѣли. Судьба душевнобольныхъ за этотъ періодъ въ значительной мѣрѣ напоминаетъ теперешнюю судьбу преступниковъ. И тогда, какъ и теперь судьи, упуская изъ виду причины явленій, стремились мѣрами строгости и устрашенія бороться со зломъ. Какъ и теперь, строгость назначаемыхъ наказаній росла по мѣрѣ нарощенія количества и тяжести преступленій. Однако, ничто не помогало. Женскіе монастыри и даже дѣтскіе пріюты были переполнены одержимыми и зараза часто охватывала цѣлыя мѣстности [105]).

Всѣ эти событія породили особую литературу. Демонолатрія вызвала множество самыхъ тщательныхъ изысканій. Изслѣдованіямъ колдовства посвящались многіе томы, принадлежавшіе перу образованныхъ и не дюжинныхъ людей того времени. Въ нихъ собраны и съ полнымъ убѣжденіемъ переданы всѣ невѣроятные разсказы о демонолатрахъ. Однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ сочиненій этого рода было сочиненіе Bodin (De la démonomanie des sorciers 1582), изъ вѣстнаго юриста своего времени, пользовавшагося большимъ уваженіемъ среди современниковъ. Этотъ авторъ, основываясь на актахъ парламентовъ, доказывалъ достовѣрность всѣхъ обвиненій противъ мнимыхъ поклонниковъ духовъ тьмы и требовалъ безпощаднаго ихъ истребленія [106]).

---

[104]) Тамъ же, II, 43—47.

[105]) Тамъ же, 241. 254, 264, 279—312

[106]) Тамъ же, 179 и слѣд.

Врачи того времени были также вполнѣ сынами своего вѣка. Одинъ изъ нихъ Fernel, извѣстный не только своими медицинскими, но и другими научными работами, утверждалъ въ своемъ сочиненіи, что демонолатры различными способами вводятъ демоновъ въ тѣло человѣка, въ которомъ эти послѣдніе и производятъ серьезныя разстройства [107]). Другой медикъ, считающійся отцемъ французской хирургіи, Ambroise Paré, утверждалъ, что діаволы имѣютъ множество приверженцевъ на землѣ, которые заключаютъ съ ними договоры и при посредствѣ своихъ нечестивыхъ средствъ разстраиваютъ здоровье окружающихъ и дѣлаютъ ихъ одержимыми. Дѣйствительность существованія подобныхъ людей онъ, между прочимъ, доказывалъ слѣдующимъ соображеніемъ: *законы назначаютъ наказанія колдунамъ; а такъ какъ наказываютъ только за преступленія доказанныя, то слѣдовательно, колдуны существуютъ.*

Но хотя, повидимому, всѣ врачи этого столѣтія, одни въ большей, а другіе въ меньшей мѣрѣ, признавали одержаніе и вліяніе демоновъ на произведеніе болѣзней вообще и, такъ называемыхъ, душевныхъ въ частности, однако, наряду съ этимъ они знали и естественное происхожденіе послѣднихъ [108]). Въ этомъ вѣкѣ было обнародовано весьма много наблюденій душевныхъ разстройствъ, при объясненіи которыхъ не было и рѣчи о демонахъ. Приводились случаи, когда заклинанья не помогали и болѣзнь уступала лишь дѣйствію лекарствъ [109]). Появились сочиненія, низводившія сверхъестественныя вліянія къ незначительному minimum'у, за предѣлами котораго все объяснялось естественными факторами. Къ числу такихъ сочиненій принадлежало сочиненіе Wier a, который открыто выступилъ на защиту невинно осуждавшихся демонолатровъ. Кромѣ него на защиту ихъ выступили Ioh. Baptis. Pasta и нѣкоторые другіе. Особенно рѣшительно высказались Francois Ponzini bius и André Alciat. Они утверждали, что демонолатрія есть болѣзнь и что все разсказывавшееся демонолатрами о ихъ сношеніяхъ съ демонами должно быть отнесено на долю ихъ болѣзненнаго разстройства [110]).

---

[107]) Тамъ же, 174, 176 и слѣд.

[108]) Friedreich, 3; Calmeil, 193 и слѣд.

[109]) Friedreich, 117 и сл., Calmeil, 203 и сл.

[110]) Calmeil, 187 и сл.; Friedreich, 131.

Понятно, что такіе радикальные для того времени взгляды должны были встрѣтить рѣшительныхъ и горячихъ противниковъ. Къ числу ихъ принадлежали между прочимъ медики Scribanius, Erastus, Pictorius и Cordanus. Erastus взывалъ къ высшимъ властямъ христіанскихъ государствъ, утверждая, что было бы величайшимъ преступленіемъ, еслибы онѣ не употребили всѣхъ усилій для очищенія земли отъ нечестія демонолатріи [111]).

Къ числу выдающихся произведеній этого вѣка по интересующему насъ вопросу принадлежитъ, кромѣ сочиненія Wier'a, сочиненіе Nicolas Lepois (лейбъ-медикъ герцога Лотарингскаго, Карла III; 1563—1633), отличающееся, по словамъ д-ра Calmeil, полной оригинальностью и обстоятельностью своихъ доктринъ. Въ немъ Lepois, отчасти слѣдуя древнимъ писателямъ, а отчасти руководствуясь собственнымъ наблюденіемъ, описываетъ различныя формы душевныхъ болѣзней, причемъ пріурочиваетъ каждую изъ нихъ къ опредѣленному разстройству мозга и старается всегда локализировать отправную точку болѣзненныхъ явленій. Мозгъ онъ разсматриваетъ, какъ органъ всѣхъ душевныхъ отправленій, который при душевныхъ разстройствахъ можетъ быть поражаемъ непосредственно или можетъ страдать симпатически, вслѣдствіе пораженія другихъ органовъ. Во всѣхъ формахъ душевныхъ болѣзней Lepois видитъ результатъ естественныхъ факторовъ. Однако. и этотъ писатель отдалъ и не могъ не отдать дани своему времени. На ряду съ естественными формами душевныхъ болѣзней онъ признаетъ и существованіе сверхъестественныхъ, хотя и замѣчаетъ при этомъ, что на практикѣ не слѣдуетъ торопиться приписывать манію вліянію духовъ [112]). Въ этомъ признаніи сказалось вліяніе эпохи, которая, какъ говоритъ д-ръ Friedreich, представляла рѣдкое смѣшеніе суевѣрій и стремленій боровшагося съ ними направленія [113]).

Въ XVII вѣкѣ видимо старѣющіяся, но еще не вполнѣ исчезнувшія грубыя суевѣрія — печальное наслѣдіе прошлаго времени — продолжаютъ жить въ обществѣ. Однако,

---

[111]) Friedreich, 131 и 132.

[112]) Calmeil, 208 и сл., Friedreich, 114 и сл.

[113]) Friedreich, 105.

подвинувшееся впередъ изученіе природы вообще и человѣка въ частности начинаетъ мало-по-малу оказывать свое благодѣтельное вліяніе и на эту темную область, незамѣтно подтачивая основы старыхъ воззрѣній. Изученіе человѣческаго организма и дѣйствующихъ въ немъ естественныхъ факторовъ подвигается значительно впередъ, причемъ послѣдніе все болѣе и болѣе начинаютъ отвоевывать мѣсто у факторовъ сверхъестественныхъ, порожденныхъ отсутствіемъ дѣйствительнаго знанія. Хотя преслѣдованія мнимыхъ поклонниковъ демоновъ еще продолжаются, но въ процессахъ о нихъ, говоря вообще, замѣчается значительное смягченіе и они все рѣже и рѣже заканчиваются казнями. Все чаще и чаще начинаютъ раздаваться протесты противъ старыхъ заблужденій и не только со стороны отдѣльныхъ лицъ. но и цѣлыхъ учрежденій. Такъ въ 1603 г. парламентъ Бордо по дѣлу волка-оборотня Grenier высказалъ слѣдующее: les furieux, les maniacles, les fanatiques, les démoniacles ne doivent pas être punis pas plus que les cynanthropes (собаки-оборотни) et vrais lycanthropes, dont le mal constitue une espèce de folie, et que d'après la loi leur affliction les punit assez[114]). Въ 1610 г. даже совѣтъ инквизиціи, по почину кардинала—великаго инквизитора, разослалъ въ провинціи инструкцію, рекомендовавшую духовнымъ дѣйствовать впредь съ крайней осторожностью въ преслѣдованіи демонолатровъ [115]). Наконецъ въ 1686 г. появился знаменитый ордоннансъ, предписывавшій на будущее время преслѣдовать колдуновъ лишь какъ обманщиковъ, профанаторовъ или отравителей [116]).

Научная литература по занимающему насъ вопросу подвинулась значительно впередъ. Изъ ея дѣятелей я упомяну о Felix'ѣ Plater (профессорѣ въ Базелѣ, 1537 — 1614)[117]), какъ одномъ изъ лучшихъ представителей научной

[114]) Calmeil, I, 416 и сл.

[115]) Llorente, Histoire critique de l'inquisition, III, 431—462.

[116]) Salverte, Des sciences occultes, 293.

[117]) Большой интересъ представляетъ также сочиненіе Thomas'a Willis'a, который значительно подвинулъ впередъ анатомическое изученіе мозга и нервной системы вообще. Онъ разсматриваетъ мозгъ, какъ органъ души. Объемомъ, качествомъ (плотность, грубость или тонкость структуры, степень теплоты и пр.) и формой этого органа, по его словамъ, опредѣляются какъ умственныя, такъ и нравственныя особенности человѣка.

мысли въ области психіатріи въ этомъ столѣтіи. Большая часть его дѣятельности, какъ уже замѣчено выше, принадлежитъ вѣку предшествующему, но его сочиненіе, судя по посвященію, относится къ 1602 г. Оно представляетъ собою замѣчательное и выдающееся явленіе своего времени. Еще ни одинъ авторъ со временъ древности не отличался, по словамъ Trelat, такою тонкою наблюдательностью, какъ Felix Plater. Основой всякаго знанія естественныхъ явленій онъ считалъ опытъ и наблюденіе. Его сочиненіе заключаетъ въ себѣ мало теоретическихъ построеній и состоитъ почти исключительно изъ чрезвычайно вѣрныхъ описаній болѣзней, доказывающихъ, что отъ его изощреннаго взгляда не ускользнули самые тончайшіе оттѣнки въ сферѣ психическихъ явленій, доступные, какъ говоритъ тотъ же Trelat, лишь крайне опытному наблюдателю.

Исходя изъ своего долгаго и богатаго опыта [118]), Plater пришелъ къ заключенію, что замѣчаемыя въ жизни психическія особенности отдѣльныхъ личностей суть плодъ особенностей ихъ организацій. Указавъ на психическія различія, наблюдаемыя съ самаго ранняго дѣтства, онъ замѣчаетъ: „Эти различія я приписываю *различію въ организаціи*, получившей то или другое направленіе. Эти различія дѣлаютъ умъ болѣе или менѣе способнымъ, а умственные процессы болѣе или менѣе быстрыми или медленными. Подобное мы видимъ и у животныхъ одной породы, которыя часто имѣютъ различныя склонности. *Человѣческій организмъ*

Этотъ важный органъ—мозгъ для Willis'a не есть органъ единичный, а, напротивъ, сложный, состоящій изъ частей, къ каждой изъ которыхъ онъ первый, какъ указываетъ д-ръ Friedreich, пріурочиваетъ то или другое отправленіе души.

Съ большимъ вниманіемъ останавливается Willis на разсмотрѣніи различныхъ формъ порочностей организма: слабоумія, тупоумія, идіотизма. Въ числѣ причинъ *наслѣдственной передачи* такихъ состояній онъ называетъ *неумѣренность и развратъ родителей*, *истощеніе ихъ конституціи*, *слишкомъ молодой или старый ихъ возрастъ*, *пьянство*, *чрезмѣрную изнѣженность и различныя болѣзни* (эпилепсію, конвульсіи и проч.) см. Calmeil, 387 и сл.; Friedreich, 157 и слѣд.; Trelat, 83.

118) Для своихъ изслѣдованій онъ долженъ былъ, какъ разсказываетъ онъ самъ, проникать въ тюрьмы, монастыри и зловонныя кануры, въ которыхъ въ то время содержали на цѣпяхъ буйныхъ больныхъ.

представляетъ такія же индивидуальныя различія. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ замѣчается наслѣдственное великодушіе, благородство характера, большія способности и благоразуміе, большая легкость въ пріобрѣтеніи знаній, тогда какъ въ другихъ, напротивъ, замѣчается вялость и неспособность къ работѣ".

Органомъ умственныхъ, чувственныхъ и двигательныхъ процессовъ, по мнѣнію Plater'a, *является мозгъ*. Его дурное образованіе, его неправильности и различныя физическія качества (сухость, плотность и проч.) обусловливаютъ и соотвѣтствующія различія въ качествахъ и недостаткахъ психической личности.

Особенности организаціи, по мнѣнію Plater'a, наслѣдственны. Но воспитательныя вліянія, устанавливая привычки—эту вторую натуру, могутъ значительно измѣнять унаслѣдованное. Особенно благотворные результаты могутъ производить воспитательныя воздѣйствія, направляясь съ самаго ранняго возраста на *счастливую организацію*, которая, благодаря имъ, можетъ развиться до такой степени, что будетъ составлять славу своего вѣка.

Съ большимъ вниманіемъ останавливается Plater на разсмотрѣніи порочностей организаціи,—слабоумія, тупоумія, идіотизма. Духъ представляется слабымъ, говоритъ онъ, когда сужденія, память, проницательность и разсудокъ ниже нормальнаго типа. Эта слабость можетъ появиться случайно въ теченіи хода какой-либо болѣзни, но у нѣкоторыхъ людей она постоянна и существуетъ совмѣстно съ полнотою физическаго здоровья. Слабоуміе можетъ передаваться наслѣдственно, но можетъ быть и пріобрѣтено. Оно не ограничивается лишь умственной слабостью: нерѣдко между слабоумными встрѣчаются субъекты очень порочные, склонные къ гнѣву, къ порывамъ бѣшенства, къ печали и различнымъ дурнымъ влеченіямъ, которымъ они не всегда могутъ противостоять.

Въ числѣ причинъ ослабленія умственныхъ способностей Plater называетъ удары по головѣ, пораненія *переднихъ долей мозга*, приливы крови, употребленіе наркотическихъ средствъ, половые эксцессы, чрезмѣрныя бодрствованія и занятія, а также и отсутствіе умственныхъ упражненій, ведущее къ вырожденію умственныхъ способностей.

Plater вѣрно понимаетъ рѣшительное вліяніе разстройствъ въ сферѣ чувства на всѣ стороны душевной жизни. Такія разстройства, разъ они достаточно выражены, *представляютъ собою родъ помѣшательства* и могутъ, по его словамъ, оказывать самое дурное вліяніе какъ на сужденіе, такъ и на самоопредѣленіе къ дѣйствію, увлекая человѣка ко всевозможнымъ сумасбродствамъ. Къ этому классу душевныхъ потрясеній онъ относитъ сумасшествіе отъ любви, подъ вліяніемъ котораго люди всѣхъ возрастовъ и обоего пола, какъ со стороны воображенія, такъ и сужденій становятся неузнаваемы.

Описанія различныхъ формъ душевныхъ болѣзней вообще и меланхоліи въ частности отличаются у Plater'а такою вѣрностью и тщательностью наблюденій, что ихъ, по словамъ д-ра Postel, можно принять за современныя. Въ нихъ прекрасно оттѣнено значеніе болѣзненныхъ импульсовъ, становящихся независимо отъ воли опредѣлителями дѣйствій. Случается, что нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ, разсказываетъ Plater о меланхоликахъ, возносятъ хулы на Бога, чувствуютъ влеченіе къ самоубійству или къ убійству своихъ супруговъ, дѣтей, сосѣдей или главы государства, *причемъ ни ревность, ни какая другая страсть не руководитъ ихъ дѣйствіями.* Мало того, они часто чувствуютъ влеченіе къ уничтоженію именно тѣхъ, которые имъ всего дороже на свѣтѣ. *И это ужасное влеченіе*, говорятъ они, *охватываетъ ихъ противъ ихъ воли.* Нѣкоторые умоляютъ Творца избавить ихъ отъ этихъ преступныхъ мыслей и, рыдая и заливаясь слезами, разсказываютъ, что они чувствуютъ, *что сила, могущественнѣйшая ихъ воли, увлекаетъ ихъ.*

Plater'у, какъ указываетъ Barbaste [119]), принадлежитъ честь перваго описанія инстинктивныхъ влеченій къ убійству, ставшихъ впослѣдствій извѣстными подъ именемъ мономаній убійства, а въ настоящее врема подъ именемъ инстинктивнаго помѣшательства. Онъ разсказываетъ два подобныхъ случая. Въ одномъ изъ нихъ женщина, страстно любившая своего мужа, испытала неизвѣстно откуда и почему зародившееся желаніе убить его, а въ другомъ такое же желаніе испытала мать по отношенію къ своему ре-

---

[119]) Barbaste, De la Homicide et de l'anthropophagie, 50 и 61.

бенку. Хотя Plater и приписываетъ подобныя желанія искушенію, идущему отъ демоновъ, но онъ тутъ же прибавляетъ, что ему удалось, съ помощью Бога, излечить отъ нихъ кровопусканіями, рвотными и слабительными.

Отъ наблюдательнаго взгляда Plater'a не укрываются и тѣ тонкія разстройства душевной жизни, которыя развиваются преимущественно на почвѣ наслѣдственнаго органическаго вырожденія, порождая различныя странности и чудачества, и которыя онъ, не колеблясь, относитъ къ области психіатріи. Онъ разсказываетъ, напр., про одну женщину, которая, увидавъ однажды кишки убитой свиньи, не могла послѣ того безъ отвращенія и горести подумать, что и въ ея тѣлѣ есть такіе же органы. Эта мысль стала ее преслѣдовать и она удивлялась, какъ можно смѣяться, а не сочувствовать ея горю.

Таковы въ общихъ чертахъ взгляды Plater'a на явленія душевной жизни и ихъ многообразныя разстройства. Но, будучи столь замѣчательнымъ представителемъ дѣйствительно научной мысли, Plater въ то же время не могъ не отдать и дань своему времени. На ряду съ естественными формами душевныхъ разстройствъ, онъ признавалъ существованіе и сверхъестественныхъ, производимыхъ демоническимъ вліяніемъ. Онъ даже указывалъ ихъ діагностическіе признаки, хотя и находилъ, что разсмотрѣніе ихъ выходитъ изъ сферы компетенціи медика, и что ихъ леченіе, не поддающееся терапевтическимъ средствамъ, должно быть предоставлено духовнымъ [120]).

Механическое воззрѣніе, достаточно уже ясно обозначившееся въ XVII столѣтіи и бывшее прямымъ слѣдствіемъ болѣе высокаго уровня научнаго развитія, въ XVIII столѣтіи въ занимающей насъ области дѣлаетъ новый шагъ впередъ и отрѣшается отъ послѣднихъ остатковъ анимистическихъ воззрѣній, соотвѣтствующихъ дѣтскому періоду человѣческой мысли. „Безтѣлесные агенты, исключая души, были изгнаны“, говоритъ д-ръ Calmeil, характеризуя этотъ періодъ, „изъ живаго организма, гдѣ ихъ присутствіе и вмѣшательство признавались прежде столь необходимыми для

---

[120]) Friedreich, 121 и сл.; Calmeil, I, 362 и сл.; Trelat, 66 и сл.; Pastel, 80.

функціональныхъ явленій“ [121]). Но понятно, что старыя суевѣрія не могли еще исчезнуть совершенно. Ихъ отголоски, какъ замирающіе раскаты грома удаляющейся грозы, по временамъ раздавались и въ этомъ вѣкѣ. Даже въ 1750 г. въ Вюрцбургѣ была сожжена одна монахиня, обвинившая себя въ колдовствѣ, не смотря на то, что будто бы погубленные ею люди оказались въ живыхъ [122]). Но все это были одиночныя явленія, отдѣльныя вспышки старыхъ воззрѣній, которыя не могли задержать быстраго поступательнаго движенія достаточно окрѣпшей научной мысли.

Въ этомъ столѣтіи, отличавшемся оживленнымъ научнымъ движеніемъ въ области изученія болѣзненныхъ явленій душевной жизни [123]), значительно развилось стремленіе къ изслѣдованію труповъ душевно-больныхъ. Отношеніе души къ тѣлу и ихъ взаимодѣйствіе стали предметомъ усиленныхъ наблюденій. Было произведено не мало опытовъ съ головами только-что казненныхъ людей. Явленія кретинизма подверглись болѣе тщательнымъ изслѣдованіямъ. Вліяніе на организмъ душевныхъ волненій также сосредоточило на себѣ усиленное вниманіе. Кромѣ спеціальныхъ трактатовъ, посвященныхъ этому предмету, въ литературѣ того времени, какъ указываетъ д-ръ Friedreich, сообщалось множество отдѣльныхъ наблюденій того же рода. Все это, вмѣстѣ взятое, постепенно подвигало впередъ фактическое изученіе соотношенія органическаго и психическаго и ихъ взаимной зависимости другъ отъ друга [124]). Вмѣстѣ съ этимъ, какъ указываетъ д-ръ Calmeil, значительно подвинулось впередъ и изученіе нервной физіологіи [125]), которое и дало возможность отрѣшиться отъ остатковъ прежнихъ анимистическихъ воззрѣній, являвшихся, какъ уже замѣчено выше, прямымъ слѣдствіемъ недостатка знаній, которыя дали бы возможность объяснить загадочныя явленія доступными наблюденію факторами [126]).

---

121) Calmeil, II, 189.

122) Salverte, 288.

123) Friedreich, 187.

124) Friedreich, 187 и сл., 293 и сл.

125) Calmeil, II, 189.

126) Въ этомъ отношеніи замѣчательно сочиненіе Boerhaave (см. Calmeil, II, 195 и сл.; Friedreich 259 и сл.), появившееся въ первой половинѣ XVIII

Изъ сочиненій этого вѣка по интересующему насъ вопросу я коротко упомяну лишь о сочиненіи Boissier de Sauvage, а затѣмъ перейду къ Pinel ю и его знаменитому ученію о *маніи безъ бреда.*

Въ сочиненіи Boissier de Sauvage уже вполнѣ ясно намѣчаются зародыши ученія объ инстинктивномъ помѣшательствѣ, постепенно развившіеся въ современное ученіе объ органическомъ вырожденіи и органической порочности, сближающихъ и объединяющихъ, какъ увидимъ далѣе, *въ одну родственную группу* явленія душевныхъ разстройствъ и *проявленія преступности человѣка* [126*]).

По мнѣнію Sauvage, человѣкъ есть существо сложное, состоящее изъ духа и матеріи. Болѣзни его души заключаются или въ разстройствахъ чувствованій, или въ *разстройствахъ склонностей*, или же въ разстройствахъ способности мышленія. Поэтому онъ дѣлитъ душевныя болѣзни на 3 класса: 1) галлюцинаціи (morbi imaginarii); сюда онъ относитъ тѣ изъ нихъ, причиной которыхъ являются разстройства чувствующихъ аппаратовъ, а симптомами ошибки воображенія; 2) странности (morbi morosi), характеризующіяся преобладаніемъ извѣстныхъ склонностей или извѣстныхъ болѣзненныхъ отвращеній; къ этому классу онъ относитъ ріса или извращеніе вкуса, носталгію, хореоманію, сатиріазисъ, нимфоманію и пр.; 3) собственно душевныя болѣзни (morbi vesani) [127])

„Болѣзненныя ощущенія и извращенія склонностей", говоритъ д-ръ Calmeil, оцѣнивая классификацію Sauvage, „постоянно играютъ важную роль въ порожденіи ложныхъ идей и бреда, а потому мысль начать изученіе душевныхъ болѣзней галлюцинаціями и странностями, какъ ихъ начинаетъ Sauvage, была, конечно, мыслію плодотворною по ея результатамъ". „Устанавливая особую группу", продолжаетъ онъ далѣе, „отличающуюся преобладаніемъ склонностей и антипатій, Sauvage не могъ не внушить медикамъ мысли основательно изучить импульсивное помѣшательство. Вводя

столѣтія. Въ немъ многообразныя явленія психической жизни весьма подробно разсматриваются, какъ обусловленныя механизмомъ инерваціи.

126*) Объ этомъ см. прекрасныя страницы у Morel'я, въ его сочиненіи Traité des degenerescences physiques et morales de l'espéce humaine.

127) Calmeil, II, 214 и сл.; Friedreich 216 и сл.

въ свое подраздѣленіе такія разстройства, какъ булимію, сатиріазисъ, нимфоманію, онъ тѣмъ самымъ указывалъ имъ положительнымъ образомъ, что импульсивное помѣшательство болѣе или менѣе часто обусловливается отдаленными разстройствами внутренностей, и что какъ для больныхъ, такъ и для медиковъ весьма важно имѣть всегда въ виду это замѣчаніе [128]).

Но выдающимся явленіемъ XVIII в. была реформа Pinel'я сочиненіе котораго Traité medico-philosophique sur l'aliénation mentale стоитъ на рубежѣ двухъ вѣковъ—прошлаго и настоящаго и отмѣчаетъ собою новую эпоху въ отношеніяхъ къ душевно больнымъ Онъ (Pinel) разбилъ цѣпи „душевно-больныхъ", говоритъ д-ръ Friedreich, „обращался съ ними человѣколюбиво и отечески, и его дѣятельность была столь успѣшна, что во всей Европѣ стали стыдиться безчеловѣчнаго обращенія съ ними и онъ такимъ образомъ явился спасителемъ не только тѣхъ изъ нихъ, которые находились въ завѣдуемомъ имъ заведеніи, но и всѣхъ прочихъ, томившихся до него въ оковахъ" [129]).

Изъ сочиненія Pinel'я мы дѣйствительно узнаемъ, въ какомъ ужасномъ положеніи находились до него душевнобольные. Ихъ помѣщенія были крайне неудовлетворительны и „не представляли достаточной защиты ни отъ зимнихъ холодовъ, ни отъ лѣтняго жара. Камеры были похожи на звѣриныя клѣтки и заключенные въ нихъ находились въ цѣпяхъ. Посѣтители являлись въ сумасшедшіе дома, какъ въ звѣринцы и часто позволяли себѣ грубыя забавы и шутки, приводившія больныхъ въ бѣшенство. Прислуга обходилась съ ними крайне грубо и прибѣгала къ побоямъ, какъ средству укрощенія. Отъ такого укрощенія даже здоровье выздоравливавшихъ часто ухудшалось. Суды же иногда приговаривали *къ вѣчному заключенію* въ сумасшедшихъ домахъ.

Pinel энергически возсталъ противъ подобныхъ порядковъ и обратилъ самое тщательное вниманіе какъ на содержаніе, такъ и на обращеніе съ больными Всякія насилія имъ были изгнаны изъ заведенія. Въ своемъ сочиненіи

---

[128]) Calmeil, 218 и 220.

[129]) Friedreich, 442.

всю вторую главу онъ посвятилъ вопросу объ обхожденіи съ душевно-больными и въ ней рѣшительно высказался за человѣчное и отеческое обращеніе съ ними.

Его энергическія усилія, какъ извѣстно, не остались безъ успѣха и принесли свой добрый плодъ. Сумасшедшіе дома изъ ужасныхъ тюремъ превратились въ больницы и, постепенно улучшаясь и приспособляясь къ своей цѣли, *стали могущественно способствовать изученію человѣка и вѣрному пониманію сокровеннѣйшихъ сторонъ его душевной жизни*. Такъ-называемые буйные душевно-больные, подъ вліяніемъ разумно-гуманнаго обращенія съ ними, въ значительной мѣрѣ успокоились, а процентъ излеченій значительно поднялся.

Но этимъ не закончилось благодѣтельное вліяніе реформы, совершенной Pinel'емъ. Превративъ прежнихъ заключенныхъ въ тщательно и всесторонне изслѣдуемыхъ больныхъ, она поставила психіатрію лицомъ къ лицу съ наиболѣе жгучими вопросами общественной жизни, съ вопросами о живущихъ въ обществѣ причинахъ душевныхъ потрясеній и вырожденій породы. Изслѣдуя въ исторіяхъ прошлой жизни своихъ больныхъ вліяніе такихъ причинъ и между ними особенно наслѣдственности, психіатрія не могла не подмѣтить того соотношенія, которое существуетъ между преступленіемъ и преступностью съ одной стороны и органической порочностью и ея проявленіями съ другой.

„Еще Regiomontanus въ 1513 г.“, говоритъ профессоръ Krafft-Ebing, „высказалъ мысль, что существуютъ злые, безнравственные люди, злость которыхъ происходитъ не отъ нихъ самихъ, и которые не смотря на то вѣшаются законовѣдами (Rechtsgelehrten). Что Regiomontanus приписывалъ вліянію звѣздъ (рожденіе въ знакѣ Венеры), то болѣе подвинувшаяся эпоха пытается объяснить *анормальными условіями организаціи даннаго человѣка*. Выраженіемъ этого ученія *объ „органически обусловленной злости и порочности* и служитъ понятіе о нравственномъ помѣшательствѣ“ [130]).

Первые, ясно распознаваемые, зародыши этого понятія, какъ указываетъ д-ръ Шуле [131]), мы находимъ у Pinel'я

[130]) Jahresbericht über die Leistungen im Gebiet der forensischen Psychopathologie im Jahre 1876, 241 и Lehrbuch der Psychiatrie, II, 117.

[131]) Руководство къ душевн. бол., 342.

въ его ученіи о manie raisonante, а впослѣдствіи о manie sans délire. Хотя и до него въ госпиталяхъ были уже извѣстны относящіеся сюда случаи подъ именемъ folie raisonante [132]), но это были лишь отдѣльныя наблюденія, и только онъ обратилъ на нихъ должное вниманіе и придалъ вопросу о нихъ опредѣленную и надлежащую постановку, которая и послужила исходнымъ пунктомъ для развившагося впослѣдствіи ученія о явленіяхъ психическаго вырожденія (Psychische Entartungen).

Въ сочиненіи Pinel'я мы находимъ главу, носящую названіе. „Манія, которая состоитъ *исключительно въ разстройствахъ воли*". „Функціи воли", читаемъ мы въ ней, „абсолютно отличны отъ функцій разума; ихъ сѣдалище (siége), ихъ причины, какова бы ни была въ извѣстныхъ случаяхъ ихъ взаимная зависимость, представляютъ существенныя различія, которыя не могутъ быть упускаемы изъ виду" [133]). Въ подтвержденіе этого взгляда Pinel описываетъ маніака, страдавшаго по временамъ приступами неудержимаго стремленія къ убійству и въ то же время не представлявшаго, по его словамъ, ни малѣйшихъ признаковъ разстройства памяти, воображенія или способности сужденія" [134]).

Поясняя, какъ онъ пришелъ къ мысли о существованіи особой формы душевнаго разстройства,—manie sans délire, Pinel замѣчаетъ: „Можно имѣть справедливое удивленіе къ сочиненіямъ Локка и въ то же время признавать, что даваемое имъ понятіе о маніи весьма неполно, такъ какъ онъ полагаетъ, что послѣдняя неотдѣлима отъ бреда. Я самъ думалъ такъ же, какъ и этотъ авторъ, когда я предпринималъ свои изслѣдованія этой болѣзни въ Бисетрѣ. Но я былъ не мало удивленъ, встрѣтивъ многихъ больныхъ, которые никогда не представляли никакихъ разстройствъ умственныхъ способностей (entendement) и которые находились подъ вліяніемъ какого-то инстинкта бѣшенства (instinct de fureur), какъ будто однѣ ихъ аффективныя способности только и были разстроены" [135]).

---

132) Traité médico-philos. 154 и 243. Страницы указаны во 2 изд. 1809 г.
133) Тамъ же, 80 и 81.
134) Тамъ же, 82.
135) Тамъ же, 155 и 156.

Въ главѣ XII, озаглавленной. „Специфическій характеръ маніи безъ бреда“, Pinel такъ перечисляетъ признаки установленной имъ формы: „Она или непрерывна, или отличается періодическими приступами. При ней не замѣчается никакихъ сколько нибудь уловимыхъ разстройствъ въ функціяхъ пониманія, воспріятія, сужденія, воображенія, памяти, а лишь извращенія въ области чувствъ и слѣпые импульсы къ актамъ насилія или даже кровожадное бѣшенство, при чемъ невозможно подмѣтить какую-либо господствующую идею, какую-либо иллюзію воображенія, которыя могли бы явиться опредѣляющею причиной этихъ пагубныхъ влеченій [135]).

Въ такомъ видѣ ученіе объ *органически—обусловленной злости и порочности* перешло отъ Pinel'я къ знаменитому Esquirol'ю. Послѣдній еще въ 1827 г. „подчиняясь“, какъ говоритъ онъ самъ, „*авторитету фактовъ*“, [137]) выступилъ съ мемуаромъ о *monomanie homicide*, въ которомъ онъ между прочимъ писалъ слѣдующее: „если умственныя способности могутъ быть разстроены или уничтожены. если тому же можетъ подвергнуться нравственное чувство, то почему воля, это дополненіе разумнаго и нравственнаго существа, не можетъ быть потрясена или уничтожена? Развѣ воля, наравнѣ съ умственными способностями и чувствомъ, не подвергается различнымъ измѣненіямъ, въ зависимости отъ множества условій жизни Развѣ ребенокъ и старикъ обладаютъ одинаковою съ взрослымъ силою воли? Развѣ болѣзни не разслабляютъ, а иногда не возбуждаютъ ее? Развѣ воспитаніе и тысячи другихъ вліяній не измѣняютъ отправленій воли? Если же все это такъ, то почему бы воля не могла подвергаться потрясеніямъ, разстройствамъ и болѣзненнымъ ослабленіямъ“ [138]).

Характеризуя далѣе одну категорію больныхъ, страдающихъ monomanie homicide, онъ говоритъ, что у нихъ не замѣчается никакихъ уловимыхъ разстройствъ какъ умственныхъ способностей, такъ и чувства, и что они увлекаются какимъ-то слѣпымъ инстинктомъ, чѣмъ-то неопредѣлимымъ, что и заставляетъ ихъ совершать убійства.

---

[136]) Тамъ же, 155.

[137]) Esquirol, Des maladies mentales, II, 98.

[138]) Esquirol, Note sur la monomanie homicide, 14.

Въ послѣдующемъ своемъ сочиненіи,—Des maladies mentales, появившемся въ 1838 г., Esquirol выступилъ уже съ вполнѣ развитымъ ученіемъ о мономаніяхъ или частичныхъ и раздѣльныхъ разстройствахъ различныхъ способностей души, которыя онъ дѣлитъ на 3 вида: 1) monomanie intellectuelle, при которой частично поражаются умственныя способности; 2) monomanie affective, проявляющаяся въ извращеніи характера и склонностей, и 3) monomanie instinctive, ограничивающаяся разстройствомъ воли. Вотъ что говоритъ онъ самъ по этому поводу: „Мономанія и липемапія суть хроническія болѣзни мозга, характеризующіяся частичнымъ разстройствомъ умственныхъ способностей, чувствъ или воли". Описавъ затѣмъ первый видъ мономаніи, отличающійся частичнымъ бредомъ, онъ продолжаетъ далѣе: „Иногда мономаны не бредятъ, но ихъ привязанности, ихъ характеръ представляются извращенными. Состояніе своихъ чувствъ, странность и неприличіе своего поведенія они извиняютъ и оправдываютъ благовидными мотивами и очень разумными объясненіями. Это состояніе и есть то, которое авторы называютъ manie raisonante, но которое я бы хотѣлъ назвать monomanie affective. Иногда же бываетъ разстроена воля; больной увлекается къ дѣйствіямъ, которыя разумъ и чувство не опредѣляютъ, совѣсть отвергаетъ, а воля не въ силахъ болѣе удерживать: дѣйствія при этомъ невольны, инстинктивны, неодолимы. Это мономанія безъ безъ бреда или monomanie instinctive" [139]).

Однако и у этихъ больныхъ цѣлость умственныхъ способностей не абсолютна, а относительна, „иначе на нихъ возможно было бы дѣйствовать разсужденіемъ" [140]).

Независимо отъ Pinel'я и Esquirol'я, [141]) англійскій врачъ Prichard обратилъ вниманіе на наблюдаемые иногда случаи рѣзко бросающагося въ глаза несоотвѣтствія между разстройствами разсудка и настроенія и въ своемъ сочиненіи (1835 г.) Treatise on insanity and other disorders affecting the mind выдѣлилъ ихъ въ особую группу, названную имъ нравственнымъ помѣшательствомъ (moral insanity). Впро-

---

[139]) Des maladies mentales, II, 1 и 2.

[140]) Тамъ же, 5.

[141]) *Цимсенъ*. XVI т., 342

чемъ, случаи психическихъ аномалій, подведенные Pri chard'омъ подъ понятіе нравственнаго помѣшательства, еще ранѣе. какъ указываетъ профессоръ Krafft-Ebing [142]), обратили на себя вниманіе и въ 1819 г. нѣмецкій авторъ Grohmann указалъ на существованіе нравственнаго вырожденія. обусловленнаго органическими причинами, и назвалъ его Moralische Blodsinn. Но это, повидимому, не было извѣстно Prichard'у. Подчиняясь же, какъ и Esquirol, *авторитету фактовъ*, онъ тѣмъ не менѣе не положился на одинъ собственный опытъ и, прежде нежели описать подмѣченную имъ форму, объѣхалъ, какъ разсказываетъ онъ самъ [143]), многія заведенія для душевно-больныхъ, какъ въ самой Англіи. такъ и на континентѣ. чтобы провѣрить личныя наблюденія опытомъ завѣдывавшихъ ими врачей. Послѣдніе подтвердили ему, что подобные примѣры встрѣчались и въ ихъ практикѣ. Одинъ изъ нихъ, д-ръ Hitch, уже послѣ выхода его сочиненія, писалъ ему въ 1838 г., что онъ легко могъ бы привести большое число примѣровъ. вполнѣ соотвѣтствующихъ описанію нравственнаго помѣшательства, сдѣланному Prichard'омъ. „Мы наблюдали его здѣсь“, говоритъ онъ, „въ теченіе долгаго времени и называемъ страдающихъ имъ *сумасшедшими въ поведеніи, а не въ мысляхъ* [144]).

Въ 1842 г.. въ сочиненіи On the differents forms of insanity, Prichard нѣсколько измѣнилъ первоначально данное имъ понятіе нравственнаго помѣшательства и призналъ, что разстройство настроенія у подобныхъ больныхъ вліяетъ и на ихъ мышленіе, которое поэтому не остается вполнѣ не прикосновеннымъ. „Въ одномъ, дѣйствительно, смыслѣ“. говоритъ онъ, „ихъ интеллектуальныя способности могутъ быть названы нездоровыми: они мыслятъ и дѣйствуютъ подъ вліяніемъ сильно возбужденныхъ чувствъ, *а при такихъ условіяхъ и люди, считающіеся здоровыми, по пословицѣ. подвержены ошибкамъ какъ въ сужденіяхъ, такъ и въ поступкахъ*“ [145]).

Ученіе Prichard'а, а главное ученіе Esquirol'я о мономаніяхъ, получившее на нѣкоторое время гражданскія пра-

[142]) Lehrbuch, der Psychiatrie, II, 118.

[143]) Prichard, On the different forms of insanity, прим. къ 36 стр.

[144]) Тамъ же, 38.

[145]) Тамъ же, 36.

вомочія даже въ судахъ, вызвали ожесточенные споры, несмолкавшіе до появленія трудовъ знаменитаго B. A. Morel'я, который „своимъ острымъ философскимъ взглядомъ", какъ выражается д-ръ Шуле, „съумѣлъ отгадать самую суть вопроса" [116]). Въ цѣломъ рядѣ сочиненій [117]) онъ развилъ понятіе о наслѣдственно передаваемомъ прогрессирующемъ органическомъ вырожденіи, какъ объ общей причинѣ тѣхъ странныхъ психическихъ состояній, которыя вызывали столько споровъ между авторами. Въ его ученіи объ этихъ состояніяхъ, наряду съ понятіемъ о болѣзни въ собственномъ смыслѣ этого слова, особенно рельефно выступило понятіе о дурныхъ, порочныхъ натурахъ или организаціяхъ (natures vicieuses, organisations malheureuses). Онъ взглянулъ на эти натуры съ широкой біологической точки зрѣнія, какъ на результаты неблагопріятныхъ внѣшнихъ вліяній, *постепенно шагъ за шагомъ ухудшающихъ физическія и психическія качества породы, въ свою очередь передаваемыя наслѣдственно нисходящимъ поколѣніямъ*. Лица, получившія такую организацію, не всегда больные. Иногда всю жизнь они остаются лишь людьми странными, отъ самой колыбели отмѣченными печатью органическаго вырожденія, обусловливающаго ихъ порочныя психическія особенности. Даже ихъ болѣзни, представляющія проявленіе все того же органическаго вырожденія [118]) и приводящія ихъ въ больницы для душевно-больныхъ, являются какъ бы дальнѣйшимъ развитіемъ замѣчавшихся въ нихъ и прежде психическихъ анормальностей, состоящихъ въ замираніи нравственныхъ чувствъ и въ развитіи дурныхъ, антисоціальныхъ склонностей [119]). „Во всѣхъ странахъ", говоритъ Morel, „въ которыхъ констатируется большее число незаконнорожденныхъ дѣтей и преступленій, совершаемыхъ подъ вліяніемъ *бѣдности и пьянства*, замѣчается также и большее число людей, выродившихся какъ въ физическомъ, такъ и въ умствен-

---

116) *Цимсенъ*, т. XVI, 343.

117) 1) Etudes cliniques sur les maladies mentaless, 1851—52. 2) Traité des dégénérescences physiques et morales de l'espéce humaine, 1859. 3) Ttaité des maladies mentales, 1860. 4) Traité de la médecine lég. des aliénés, 1866 и 5) De l'hérédité morbide progressive, 1867.

118) Traité des dégénérescences, 681 и 2.

119) Тамъ же, 691 и сл.

номъ и нравственномъ отношеніи“ [150]). „Зависть, ревность, гнѣвъ, честолюбіе, эгоизмъ, раздоры семей“, продолжаетъ онъ далѣе, „вырабатываютъ у людей болѣзненные и наслѣдственно передаваемые привычки и темпераменты. Горе тѣмъ, которые родились подъ такими вліяніями, особенно если послѣднія не были измѣнены какими-либо возрождающими факторами“. „Я имѣлъ случай наблюдать множество такихъ дѣтей въ ихъ самомъ нѣжномъ возрастѣ, и я могъ убѣдиться, что преступленія, въ которыхъ ихъ обвиняютъ и которыя ежегодно увеличиваютъ уголовно-статистическія таблицы, очень часто находятъ свое объясненіе въ прирожденныхъ порочныхъ склонностяхъ“ [151]). Говоря же о неисправимомъ пьяницѣ, съ 4 лѣтъ проявлявшемъ самыя дурныя склонности, онъ замѣчаетъ „въ немъ можно узнать одну изъ этихъ порочныхъ, неисправимыхъ натуръ или — рѣшимся употребить это выраженіе — несчастныхъ организацій, носящихъ въ самихъ себѣ наслѣдственные зародыши и предназначенныхъ печально закончить прогрессивнымъ параличемъ и безуміемъ“ [152]).

Исходя изъ такого взгляда, Morel выдѣлилъ особую форму, — наслѣдственное помѣшательство, и подраздѣлилъ его на 4 класса. Къ первому онъ отнесъ лицъ, унаслѣдовавшихъ усиленно нервный темпераментъ и находящихся потому какъ бы въ состояніи неустойчиваго равновѣсія и предрасположенныхъ отъ самыхъ незначительныхъ причинъ къ психическимъ заболѣваніямъ. Ко второму классу онъ причислилъ лицъ, у которыхъ дурная наслѣдственность сказывается въ сферѣ интеллектуальной, физической и нравственной, но разстройства которыхъ въ теченіи ихъ жизни проявляются гораздо болѣе въ дѣятельности (délire des actes), нежели въ мышленіи. Они отличаются странностями,

---

[150]) Etudes cliniques, 83.

[151]) Тамъ же, 83, 84 и 268. „Они имѣютъ нѣчто наслѣдственное въ крови“, говорилъ мнѣ о привычныхъ преступникахъ директоръ цюрихскаго пенитенціарія, г. Wegmann, уже 25 л. занимающій эту должность. Совершенно сходный отзывъ о преступникахъ по ремеслу далъ не менѣе опытный директоръ лозанскаго пенитенціарія, г. Payot. „Они имѣютъ нѣчто въ своей организаціи“, говорилъ онъ, „что отмѣчаетъ и толкаетъ ихъ на дорогу преступленія. Всѣ они — люди странные“.

[152]) Тамъ же, 333.

безпорядочностью и часто глубокой безнравственностью дѣйствій. Ихъ нѣкоторыя замѣчательныя интеллектуальныя качества не искупаютъ ихъ неспособность направлять свои силы къ разумной и полезной цѣли. Это геніи односторонніе (partiels). Не смотря на нѣкоторыя блестящія проявленія, они отмѣчены умственнымъ, а иногда совмѣстно и физическимъ безплодіемъ. Они отличаются чрезмѣрно нервнымъ темпераментомъ, крайней раздражительностью, особой склонностью ко всевозможнымъ излишествамъ, періодичностью въ дѣятельности и нѣкоторыми физическими признаками вырожденія. Къ третьему классу принадлежатъ личности съ еще болѣе ясно выраженными признаками органическаго вырожденія, составляющія переходъ отъ втораго класса къ четвертому, къ которому принадлежатъ тупоумные и идіоты, представляющіе крайнюю степень вырожденія и въ большинствѣ случаевъ пораженные безплодіемъ. У лицъ, принадлежащихъ къ третьему классу, признаки наслѣдственной передачи дурной природы проявляются съ самыхъ раннихъ лѣтъ интеллектуальной инертностью и крайнимъ извращеніемъ нравственныхъ склонностей. „Они выучиваются съ трудомъ и забываютъ скоро“. „Поджоги, кражи, бродяжество, ранняя склонность ко всяческому развращенію — составляютъ печальный итогъ ихъ нравственнаго существованія“. Эти несчастные, будучи прямыми представителями наслѣдственной передачи дурной природы, въ большомъ количествѣ населяютъ тюрьмы и и исправительныя учрежденія для малолѣтнихъ. Къ четвертому классу принадлежатъ, такъ-называемые, простоватые (simples d'esprit), тупоумные и идіоты, одна часть которыхъ есть слѣдствіе наслѣдственно переданной высшей степени вырожденія, тогда какъ другая есть слѣдствіе вліянія другихъ причинъ [133]).

Изложенное въ такомъ видѣ ученіе о прежнихъ маніяхъ безъ бреда и мономаніяхъ успокоило споры, поднятые ученіемъ Pinel'я, Esquirol'я и Prichard a [134]) и легло въ основу ученія современной психіатріи о душевныхъ разстройствахъ, развивающихся на почвѣ органическаго вырожденія, явле-

---

[133]) Traité des maladies mentales, 258 и сл.

[134]) *Цимсенъ*. XVI т., 343.

нія котораго съ самаго ранняго дѣтства, независимо отъ какихъ-либо заболѣваній, отражаются въ психической сферѣ различными странностями, антисоціальными чувствами, дурными склонностями и влеченіями. Къ такимъ формамъ относятся, между прочимъ, импульсивное и нравственное помѣшательство, и также помѣшательство первичное (Primäre) съ идеями преслѣдованія, склонностью къ сутяжничеству (Querulanteirresein) и проч. Тщательное изученіе этихъ формъ и особенно исторій болѣзней дало богатый матеріалъ для установленія вѣрнаго понятія о соотношеніи между особенностями психическими и особенностями органическими и значительно расширило понятіе о болѣзни *или, правильнѣе, выдѣлило изъ него новое понятіе, уже ясно обрисованное Morel'емъ, понятіе о порочной или дурно уравновѣшанной психо-физической организаціи, мало или вовсе неприспособленной къ условіямъ жизни окружающаго его общества, а потому и проявляющейся странными, дурными, а часто и преступными дѣйствіями.*

III.

Изложивъ въ общихъ чертахъ ходъ историческаго развитія ученія о душевныхъ аномаліяхъ, развивающихся на почвѣ органическаго вырожденія, въ громадномъ большинствѣ случаевъ унаслѣдованнаго, обратимся теперь къ ученіямъ новѣйшей психіатріи о тѣхъ же явленіяхъ. Эти ученія имѣютъ для насъ особый интересъ и значеніе, такъ какъ они представляютъ собою не болѣе, какъ формулированіе множества тщательныхъ клиническихъ наблюденій, производящихся съ особой осмотрительностью въ прекрасно обставленныхъ заведеніяхъ подъ вліяніемъ строго критическаго направленія, господствующаго въ современной наукѣ вообще. Послушаемъ, напр., что говоритъ по этому поводу профессоръ Шуле.

„Обыкновенно не трудно бываетъ отыскать“, замѣчаетъ онъ, описывая, такъ-называемое, нравственное помѣшательство, „*заходящія въ самое раннее дѣтство черты своеобразнаго настроенія*, указывающія на зараждающійся нравственный пробѣлъ или извращенные нравственные задатки. *Это своевольныя, эгоистическія, капризныя дѣти съ чрезвычайно сильны-*

ми гнѣвными аффектами, доходящими часто до судорожности, и при томъ отъ самыхъ пустыхъ поводовъ. Въ извѣстныя уже намъ черты обыкновеннаго наслѣдственнаго невроза вскорѣ вплетается *наклонность ребенка къ дурному, запрещенному—демоническая, ужасъ наводящая черта инстинктивной злодѣйской натуры*. Интеллектуальные успѣхи со стороны часто поразительно правильно устроеннаго ума дѣлаютъ еще чувствительнѣе пропасть, отдѣляющую его отъ нравственной тупости и пустоты, заставляютъ еще болѣзненнѣе чувствовать разладъ между заученной воспитательной моралью и неисправимой порочностью поступковъ. Наказанія не ведутъ ни къ чему, ни къ лучшему, ни къ худшему: постоянно вновь повторяются однѣ и тѣ же злостныя выходки, одни и тѣ же проступки". „Они (т.-е. лица, страдающія нравственнымъ помѣшательствомъ) продолжаетъ онъ далѣе, „инстинктивные враги всякаго общежитія, они повсюду вносятъ заразу, подрываютъ всякій миръ, потому-ли что не способны чувствовать его, или потому, что сами они слишкомъ глубоко распались внутренно, слишкомъ глубоко страдаютъ, чтобы быть въ состояніи переносить покой и довольство другихъ" [155]). „Дидактическія описанія", замѣчаетъ Tardieu, говоря о лицахъ, выраждающихся и эксцентрикахъ, „догматическія опредѣленія здѣсь невозможны и рискуютъ быть совершенно невѣрными. Въ серіи наблюденій, взятыхъ изъ дѣйствительности, въ галлереи портретовъ необходимо знакомить съ этими вырождающимися личностями, во сто разъ худшими *дѣйствительныхъ сумасшедшихъ*". „Съ раннихъ поръ они попадаютъ въ число тѣхъ невыносимыхъ людей, которыхъ въ свѣтѣ снисходительно называютъ оригиналами. Они дѣлаютъ все навыворотъ сравнительно съ людьми разсудительными, не представляя въ своихъ намѣреніяхъ ни постоянства, ни серьезныхъ рѣшеній. Чуждые разумности и истины, они отводятъ въ своей нравственной жизни такое мѣсто лжи, что кажется будто они не сознаютъ ее и она становится ихъ второй натурой. Это по преимуществу fous lucides; для нихъ-то и создали названія: манія безъ бреда, резонирующая манія, нравственное помѣшательство, помѣшательство въ дѣйстві-

---

[155]) Цимсенъ, т. XVI, 348 и 349.

ихъ и т. д.". „Такъ какъ они не представляются совершенно и въ глазахъ всѣхъ дѣйствительными помѣшанными, то никакіе законы не ограничиваютъ ихъ и никакія покровительственныя мѣры въ большинствѣ случаевъ не принимаются по отношенію къ нимъ. Несчастныя жены, соединенныя съ такими существами, получаютъ отказы въ сепараціи; семьи, язвами которыхъ они являются, не могутъ достигнуть назначенія надъ ними опеки и интердикціи и *суды не считаютъ себя въ правѣ касаться ихъ*" [156]).

Сходныя характеристики мы находимъ у Gauster'a [157]), у Ball'я [158]), у Krafft-Ebing'a и другихъ. Этотъ послѣдній даетъ прекрасное описаніе такихъ лицъ, которыя, по его словамъ, „болѣе или менѣе отличаются совершенной нравственной нечувствительностію, недостаткомъ нравственныхъ сужденій и этическихъ понятій, мѣсто которыхъ у нихъ занимаютъ выводимые исключительно путемъ логическихъ процессовъ сужденія о полезномъ и вредномъ". „Безучастные ко всему благородному и прекрасному, глухіе ко всѣмъ добрымъ движеніямъ сердца, эти несчастные дефективные люди *уже съ ранняго возраста поражаютъ недостаткомъ дѣтской и родственной любви, отсутствіемъ всякихъ соціабельныхъ влеченій, холодностью сердца, равнодушіемъ къ счастію и страданіямъ самыхъ близкихъ имъ людей, полнымъ безучастіемъ ко всякимъ вопросамъ общественной жизни* [159]). Такой нравственный дефектъ, по мнѣнію автора, обусловливается *низшею мозговою организацією* [160]), которая дѣлаетъ такихъ субъектовъ людьми неспособными къ общественной жизни и *вѣрными кандидатами въ рабочіе дома, тюрьмы и заведенія для душевно-больныхъ*. Въ эти мѣста ихъ невольнаго жительства они и попадаютъ наконецъ, пройдя предварительно по обычнымъ для нихъ ступенямъ житейскаго поприща. „*Въ дѣтствѣ, благодаря своей лѣности, лживости и необузданности*, они служатъ истинною мукою для родителей и воспитателей, а въ юномъ возрастѣ, благодаря своему неодолимому стремленію къ бродяжеству, мотовству, разврату и кражамъ, они стано-

156) Etude médico-légale sur la folie, 152, 3 и 4.
157) Maschka's Handbuch der Gerichtlichen Medicin, B. IV, 462 и слѣд.
158) Leçons sur les maladies mentales, 142 и сл.
159) Lechrbuch der Psychiatrie изд. II, 118.
160) Тамъ же, 117.

вятся позоромъ для семействъ и язвой для обществъ и учрежденій“ [161]). „Вообще эти выродки отличаются *умственной вялостью и ленью*, которыя побораются лишь тогда, когда дѣло идетъ объ удовлетвореніи ихъ безнравственныхъ и преступныхъ похотей. *Они прирожденные лентяи и нравственно-дряблые люди.* Бродяжество, нищенство и кражи ихъ любимыя занятія; работа же имъ внушаетъ страхъ“ [162]). „Со стороны интеллектуальной подобные больные кажутся совершенно здоровыми на взглядъ того, кто въ вопросѣ о помѣшательствѣ считаетъ логическое мышленіе, самообладаніе и планомѣрныя дѣйствія рѣшающими моментами“ [163]).

Въ сочиненіи Ядринцева мы находимъ поразительно вѣрное воспроизведеніе въ натурѣ только-что очерченнаго типа. Это острожный арестантъ Катаевъ, который былъ бичемъ для служащихъ въ тюрьмѣ и для своихъ сотоварищей. Вотъ что мы читаемъ про него въ текстѣ. „Это была личность хитрая, крайне бойкая и зоркая, но въ то же время страшно безалаберная. У арестантовъ онъ считался авторитетомъ и законникомъ; онъ писалъ разными руками прошенія и жалобы, рѣзалъ печати, стряпалъ паспорты и былъ на всѣ руки. Онъ былъ до того безпокоенъ и подвиженъ, что не могъ пробыть дня, чтобы что-нибудь не изобрѣсти и не предпринять: то онъ давалъ совѣты, то обнаруживалъ какое-либо преступленіе въ своихъ сотоварищахъ, то самъ рѣзалъ фальшивыя печати, то доносилъ на другихъ начальству“. У своихъ товарищей „совѣтами Катаевъ обыкновенно добивался откровенности, выпытывалъ у разныхъ дезертеровъ ихъ происхожденіе, разные проступки, и давалъ лицемѣрно указанія, какъ вести показанія и какъ выпутаться. Многимъ счастливилось въ этомъ случаѣ, и они успѣвали выйдти на поселеніе или прямо на свободу; другіе, на мѣсто арестантскихъ ротъ, подъ чужимъ именемъ пристраивались въ мѣстные баталіоны. Тогда то Катаевъ, зная всѣ секреты, предательски обнаруживалъ ихъ, уличалъ и такимъ образомъ погубилъ нѣсколькихъ товарищей“. „*Этотъ шпіонъ дѣйствовалъ при томъ въ своихъ доносахъ безъ всякой выгоды и пользы для себя, кромѣ какого-то подлаго*

161) Тамъ же, 119.
162) Тамъ же, 120.
163) Тамъ же, 119.

злорадства чужому несчастію. Доносы сдѣлались его стихіей, и онъ не ограничивался арестантами и конвоемъ; онъ строчилъ записки для подкидыванія начальству, наконецъ, писалъ высшимъ властямъ безымянныя письма, въ которыхъ доносилъ на разныхъ лицъ и на злоупотребленія ихъ по разнымъ городамъ и губерніямъ Россіи". „Онъ подводилъ подъ отвѣтственность караулъ, доносилъ караульнымъ офицерамъ на арестантовъ, на караульныхъ офицеровъ военному начальству и постоянно требовалъ жандармскаго штабъ-офицера для объявленія „высочайшаго секрета". Прося солдатъ или прислугу сдѣлать ему снисхожденіе, онъ немедленно доносилъ на нихъ. Казалось, онъ до того извертѣлся, *что потерялъ всякое нравственное чувство*". Кончилъ онъ тѣмъ, что измучивъ и надоѣвъ всѣмъ, вывелъ подъ конецъ изъ терпѣнія начальство, которое и посадило его въ уединенный карцеръ и тѣмъ избавило арестантовъ отъ его ужаснаго сожительства [164]).

Говоря о другой формѣ душевнаго разстройства,—о первичномъ помѣшательствѣ (Primäre Verrücktheit) и его видахъ, Krafft-Ebing характеризуетъ его, какъ форму, развивающуюся на почвѣ по большей части *наслѣдственно отягощеннаго* (belasteten) *мозга*, какъ форму *глубоко конституціональную*, ядро которой составляютъ идеи бреда, образующіяся независимо отъ какихъ либо разсужденій изъ *анормально тонирующей эмоціональной сферы*, изъ самыхъ основъ личности (aus dem innersten Kern der Persönlichkeit). Далѣе онъ характеризуетъ эту форму помѣшательства, какъ болѣзнь, которая, по выраженію Sander'a, *развивается такъ же законообразно, но только патологически, какъ законообразно развивается здоровье у нормально-образованныхъ людей.* По словамъ Krafft-Ebing'a, у относящихся сюда больныхъ,—*„стигматизированныхъ индивидуумовъ"* — съ самыхъ раннихъ поръ уже замѣчаются различныя психическія анормальности, служащія *выраженіемъ процессовъ ихъ безсознательной жизни.* Ихъ характеръ всегда представляется анормальнымъ, „будетъ-ли эта анормальность проявляться въ усиленіи, ослабленіи или

[164]) „Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ" 89 и *сл.* Я нарочно привелъ эту картинку съ натуры изъ сочиненія такого автора, который едва-ли можетъ быть заподозрѣнъ *въ склонности видѣть повсюду людей ненормальныхъ и вслѣдствіе того впадать въ преувеличенія.*

извращеніи половаго чувства и существенно на немъ основанныхъ альтруистическихъ, нравственныхъ и религіозныхъ чувствъ, или же въ странностяхъ, страстяхъ и нравственныхъ порокахъ". Послѣдующія заболѣванія такихъ личностей „очень часто", по словамъ автора, „представляются какъ бы „гипертрофіей" (расширеніемъ) *первично ненормальнаго характера*" [165]). Описывая затѣмъ одинъ изъ видовъ первичнаго помѣшательства,—сутяжническое помѣшательство (Querulantenirresein), Krafft-Ebing замѣчаетъ: „*Кандидаты на эту форму* психическаго разстройства уже съ раннихъ поръ обращаютъ на себя вниманіе своимъ упорствомъ, вспыльчивостью, грубою неуступчивостью, самопереоцѣнкою и вслѣдствіе этихъ дурныхъ особенностей своего характера (этотъ послѣдній вообще, по мнѣнію автора, представляетъ собою выраженіе процессовъ нашей безсознательной жизни) приходятъ безпрестанно въ непріязненныя столкновенія съ окружающими [166]).

Множество подобныхъ субъектовъ не переступаютъ границы прирожденныхъ аномалій характера и въ качествѣ ябедниковъ, доносчиковъ и сутягъ, являются бичемъ для своихъ ближнихъ, причемъ у многихъ изъ нихъ развивается настоящая страсть къ процессамъ. Другіе же постепенно переходятъ указанную границу и заканчиваютъ заведеніями для душевно-больныхъ [167]).

Подобныхъ описаній, сдѣланныхъ по наблюденіямъ дѣйствительности, можно бы привести множество. Но одними описаніями новѣйшая психіатрія не ограничивается, а начинаетъ пытаться объяснить особенности такихъ состояній изъ „*остова психической личности*" т. е. изъ основныхъ, простѣйшихъ особенностей органическихъ состояній, какъ, напримѣръ, изъ особенностей чувствительности, которыя

---

[165]) Вышецитиров. сочинен., 127 и 128.

[166]) Нѣсколько такихъ неисправимыхъ сутягъ мнѣ пришлось видѣть въ клиникѣ того же Krafft-Ebing'а. Вся жизнь ихъ обыкновенно представляетъ собою сплетеніе сутяжничествъ. Одинъ изъ нихъ, съ раннихъ поръ чувствовавшій влеченіе къ изученію законовъ и всевозможныхъ правилъ, началъ свою дѣятельность доносомъ объ оскорбленіи на словахъ члена австрійскаго императорскаго дома. Потерпѣвъ неудачу, онъ сталъ обвинять слѣдователей и судей и, переходя по инстанціямъ, закончилъ сумасшедшимъ домомъ.

[167]) Тамъ же, 151.

въ свою очередь, какъ увидимъ далѣе, обусловливаются большею или меньшею устойчивостью или жизненностью организаціи, въ каждый данный моментъ ея существованія [168]).

Таковы ученія новѣйшей психіатріи, послѣдовательно развившіяся изъ ученія Pinel'я о маніи безъ бреда. Едвали нужно доказывать, что, создавая понятіе о душевныхъ аномаліяхъ, *развивающихся на почвѣ наслѣдственно прогрессирующаго органическаго вырожденія*, психіатрія уже вышла за предѣлы понятія о болѣзни въ собственномъ смыслѣ этого слова [169]). Лица, пораженныя такимъ вырожденіемъ, не больные, а порочные организмы, которые *лишь могутъ закончить болѣзнію*, являющеюся притомъ не какимъ-либо новымъ, *рѣзко измѣненнымъ* состояніемъ ихъ психической сферы (какъ это имѣетъ мѣсто у болѣе устойчивыхъ организацій), а лишь „*гипертрофіей*“ или, лучше сказать, *дальнѣйшимъ развитіемъ* основныхъ чертъ ихъ и безъ того всегда страннаго характера. Этимъ всѣмъ я, однако, вовсе не хочу сказать, чтобы глубокая психическая анормальность такихъ лицъ, на которую указывали приведенныя мною описанія, была мнимая, преувеличенная. Напротивъ, описанія были лишь „картинками съ натуры“ и авторы, расширившіе область психіатріи въ этомъ направленіи, какъ мы уже видѣли, были вынуждены къ тому верховнымъ „авторитетомъ фактовъ“. И дѣйствительно личности, о которыхъ говорятъ всѣ приведенныя описанія, во внутренней интимной жизни ихъ самочувствія представляются глубоко распавшимися. Имъ не достаетъ той гармоніи въ тонаціи ихъ общаго чувства, которая составляетъ такое су-

---

168) См., напр., въ IV B., I Hef., Jahrbucher fur Psychiatrie за 1882 г. стат. Д-ра Holländer: Zur Lehre von der Moral-insanity въ которой авторъ пытается объяснить явленіе нравственнаго помѣшательства изъ особенностей чувствительности выраждающихся личностей. Открываемые особенности мозговой организаціи такихъ личностей, вѣроятно, служащія анатомическою основой ихъ психическихъ особенностей, приведены въ другой статьѣ той же книжки: „Ueber impulsives Irresein, 29“.

169) На это, напр., указываетъ д-ръ Kraepelin. „Это молодая наука (онъ говоритъ объ уголовной психологіи), сдѣлавшая въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ естественно научныхъ изслѣдованій, неоспоримые, успѣхи, въ ходѣ своего развитія показываетъ постоянное и постепенное расширеніе понятія о душевной болѣзни“. См. его Die Abschaffung des Strafmasses, 9.

щественное условіе нормальности нравственнаго существа человѣка. Всего лучше ихъ можно сравнивать съ дурноустроеннымъ музыкальнымъ инструментомъ, въ которомъ одна или нѣсколько какихъ-нибудь нотъ рѣзко выдѣляются изъ совокупности всѣхъ прочихъ, непріятно господствуютъ надъ сложнымъ тономъ и нарушаютъ общую гармонію [170]). Эта внутренняя неуравновѣшенность, уничтожающая спокойствіе и порождающая тяжелыя внутреннія состоянія, въ значительной мѣрѣ и обусловливаетъ неприспособленность этихъ „пасынковъ природы“ къ условіямъ общественной жизни, дѣлаетъ ихъ тягостью для всѣхъ окружающихъ и врагами всякаго мира и спокойствія [171]). Ихъ глубокій внутренній разладъ всего лучше характеризуется собственными разсказами нѣкоторыхъ изъ нихъ. „Я не знаю“, говорила одна изъ такихъ отъ рожденія отмѣченныхъ личностей, „какъ объяснить мое существованіе. *Никогда я не забавлялась какъ другія дѣти нашей деревни. Мое настроеніе было капризное, странное и причудливое; я испытывала почти большее удовольствіе видѣть, какъ дѣлаютъ зло, а не добро.* Иногда я бывала чрезмѣрно весела, но чаще я бывала печальна“. „Кровь мнѣ ударяла въ голову и я чувствовала желаніе дѣлать зло“ [172]). По словамъ другой, „черезъ всю ея сознательную жизнь, какъ красная нитка, проходятъ постоянныя *безконечныя сомнѣнія и внутреннее, какъ бы напущенное на нее какимъ-то колдовствомъ принужденіе*“ [173]). „*Я ненавижу всѣхъ „людей*“, говорилъ Morel'ю одинъ изъ подобныхъ субъектовъ, „*я ненавижу самого себя и давно бы уже покончилъ съ собою, если бы не думалъ доставить этимъ удовольствіе моимъ роднымъ и наслѣдникамъ*“. „*Всякая мелочь меня возбуждала и раздражала*“, говорила другая тому же Morel'ю „*я дѣлала все съ досадой и гнѣвомъ и волновалась всякимъ пус-*

170) Ниже, говоря о причинахъ этихъ странныхъ импульсивныхъ влеченій, мы будемъ имѣть случай видѣть, что приведенное сравненіе къ значительной мѣрѣ выясняетъ ихъ дѣйствительный механизмъ.

171) Стоитъ припомнить и представить почти непрерывно длящимися извѣстныя каждому изъ насъ по собственному опыту временныя состоянія болѣзненнаго безпокойства, недовольства и раздражительности, чтобы хотя отчасти понять, какъ такая не гармоническая тонація общаго чувства должна вліять на внѣшнія проявленія этихъ „выродковъ“.

172) Morel, Etudes cliniques, 315.

173) Ковалевскій, Первичное помѣшательство, 183.

тякамъ, не стоившимъ ни малѣйшаго вниманія. Говоря по правдѣ, я страдала всю жизнь то отъ одного, то отъ другаго“ [174]).

Такова внутренняя жизнь этихъ дѣйствительныхъ „пасынковъ природы“, таковы особенности ихъ самочувствія. Все это люди импульсивные, при чемъ эта импульсивность, какъ говоритъ д-ръ Pohl, не есть лишь симптомъ, а составляетъ самую суть ихъ внутреннихъ состояній [175]), обусловливаемыхъ ихъ извращенными ощущеніями (alterirter Empfindung [176]). Къ дѣятельности значительной части подобныхъ, отъ рожденія странныхъ людей не приложима мѣрка разумной обдуманности. Большинство ихъ дѣйствій не суть продуктъ спокойныхъ, зрѣлыхъ размышленій и соображеній вреда и полезности, а *особыхъ темныхъ влеченій, зарождающихся*, какъ мы увидимъ далѣе, *въ ихъ системныхъ чувствахъ, въ тайникахъ ихъ дурно-уравновѣшанной растительной жизни*, въ которыхъ и нужно искать ихъ объясненія и изъ которыхъ они поднимаются уже въ формѣ готовыхъ, повидимому, неизвѣстно откуда исходящихъ и крайне странныхъ импульсовъ, часто принудительныхъ *по своей силѣ*. Вотъ, напр., какой разговоръ велъ д-ръ Calmeil съ нѣкіимъ Glenadel. психическое состояніе котораго онъ долженъ былъ изслѣдовать. Calmeil засталъ Glenadel связаннымъ и привязаннымъ. — Вы больны? — Я чувствую себя здоровымъ; мое здоровье даже болѣе, чѣмъ хорошо.—Вы привязаны насильно или съ вашего согласія?—Съ моего согласія; я даже просилъ объ этомъ.—Для чего?—Чтобы помѣшать мнѣ совершить преступленіе, которое мнѣ внушаетъ ужасъ и которое, не смотря на то, я чувствую себя вынужденнымъ совершить противъ моей воли. Мною овладѣла мысль, надъ которой я больше не хозяинъ. Нужно, чтобы я убилъ мою belle-soeur, и я это непремѣнно выполню, если не буду удержанъ. Уже 6 или 7 лѣтъ, какъ эта мысль у меня. Во время моей молодости (ему 43 г.) мнѣ все хотѣлось убить мою мать [177]). „Я ни въ чемъ не могу укорять себя“, говорилъ другой такой субъектъ, „я дѣйствовалъ подъ влія-

---

174) Morel, Traité des maladies mentales, 547 и 522 и сл.

175) Jahrbücher fur Psychiatrie, IV, B., 1 Hef. Ueber impulsive Irresein., 26.

176) Тамъ же, 18.

177) Dagonet, Des impulsions dans la folie et de la folie impulsive, 58 и 59.

ніемъ неизвѣстной и неодолимой силы; моя воля была скована“ [178]).

Подобные инстиктивные импульсы, чуждые всякой обдуманности и разумности, по скольку они проявляются въ странныхъ дѣйствіяхъ, поражаютъ обыкновенно всякаго нормальнаго человѣка своей причудливостью, а подъ часъ и чудовищностью, не поддающимися никакимъ объясненіямъ, обоснованнымъ на внутреннемъ опытѣ нормальной психической жизни. Но, впрочемъ, послѣдуемъ совѣту Tardieu и, вмѣсто „дидактическихъ описаній“, заглянемъ лучше въ галлерею портретовъ, нѣкоторые изъ которыхъ заимствованы изъ психіатрической, а нѣкоторые изъ криминальной казуистики. Такое посѣщеніе всего лучше познакомитъ насъ съ извращенными, а подъ часъ и чудовищными темными влеченіями такихъ лицъ, нерѣдко становящимися опредѣлителями столь же извращенныхъ, а иногда и чудовищныхъ дѣйствій, независимо отъ какого-либо „злаго умысла и злой воли“ въ собственномъ смыслѣ этихъ словъ.

Нѣкто Philippe, извѣстный подъ именемъ „assassin des filles soumises“ (убійцы зарегистрированныхъ проститутокъ) судился въ концѣ 1865 года въ Парижѣ, по обвиненію въ убійствѣ этихъ послѣднихъ, съ цѣлью ограбленія. Дѣдъ обвиняемаго былъ душевно-больной. Самъ онъ всегда отличался *угрюмымъ*, *грубымъ и буйнымъ* характеромъ и въ его взглядѣ *было что-то страшное*, что заставляло многихъ проститутокъ бояться и не принимать его. Отношенія подсудимаго къ его семьѣ были самыя дурныя. Онъ билъ своего отца и однажды подстерегалъ свою сестру съ цѣлью убить ее. Съ ранняго возраста онъ сталъ предаваться пьянству. На мѣстахъ онъ не уживался и часто мѣнялъ хозяевъ, а въ военной службѣ, за дурное поведеніе, попалъ въ разрядъ штрафованныхъ. Онъ совершилъ нѣсколько убійствъ проститутокъ съ цѣлью ограбленія и совершилъ ихъ съ большою жестокостью, хладнокровіемъ и при томъ съ какимъ-то страннымъ удовольствіемъ. „*Я очень люблю женщинъ*“, говорилъ онъ послѣ этихъ убійствъ одной изъ своихъ любовницъ, „я расправляюсь съ ними хорошо: *я ихъ душу и перерѣзаю имъ горло*.... о, вы услышите обо мнѣ“ [179]).

---

178) Тамъ же, 40.

179) Despine, Psychologie natur. II, 197 и сл. Этотъ случай цитируется и

Сопоставляя эти слова Philipp'a съ его преступленіями, не трудно видѣть, что въ нихъ и кроется вѣроятное объясненіе послѣднихъ. Для добыванія нужныхъ ему денегъ онъ выбираетъ не воровство, а убійство—очевидно, подъ вліяніемъ того особаго *движенія въ настроеніи*, которое вполнѣ характеризуется словами: „я *люблю* женщинъ, *душу* ихъ и *перерѣзаю* имъ горло", и которое только и дѣлаетъ возможнымъ хладнокровное совершеніе такого отталкивающаго акта, какъ убійство человѣка человѣкомъ. Но откуда, спрашивается, возникло подобное движеніе настроенія. *заставившее* это испорченное существо произнести его отвратительный монологъ, въ которомъ звучитъ непонятно-извращенное влеченіе къ страданію и крови женщинъ, становящихся съ нимъ въ близкія отношенія? Очевидно, его не могъ внушить ему ни эгоистическій разсчетъ, ни даже какое-либо временное увлеченіе. Его источникъ иной. Послѣдній намъ станетъ болѣе понятенъ, если съ процессомъ Philipp'a мы сопоставимъ процессъ маршала Франціи и сподвижника Jeann'ы d'Arc, Gilles de Rays, казненнаго въ царствованіе Карла VII. Болѣе 800 дѣтей сдѣлались жертвою извращеннаго половаго инстинкта маршала, который не только предавался съ ними содоміи, но еще, для усиленія удовольствія, замучивалъ ихъ самыми изысканными способами, при чемъ видъ крови и страданій страннымъ образомъ возбуждалъ и пріятно раздражалъ эту порочную организацію. „Я находилъ въ этомъ", говоритъ онъ, „невыразимое удовольствіе". Онъ самъ разсказываетъ, что „діавольскіе помыслы" (ideé diabolique) впервые возникли у него подъ вліяніемъ чтенія книги Светонія о подобныхъ же извращенныхъ дѣйствіяхъ Тиверія, Каракаллы и другихъ цезарей (очевидно, по органическому сходству съ этими вырождавшимися личностями), которыхъ онъ, однако, превзошелъ въ своихъ оргіяхъ. Въ своемъ письмѣ къ королю съ просьбой о пощадѣ, онъ признается, что 6 лѣтъ тому назадъ онъ былъ вынужденъ оставить дворъ, потому что у него возгорѣлась неудержимая страсть къ дофину и явилось неодолимое желаніе замучить его, какъ онъ замучи-

---

въ сочиненіи проф. Lambroso (122 ст.) какъ поразительный примѣръ непредусмотрительности преступниковъ.

валъ всѣхъ прочихъ дѣтей. Всѣ эти необъяснимыя влеченія маршалъ приписывалъ діавольскимъ кознямъ, бороться съ которыми было выше силъ его. Въ теченіи всего процесса онъ велъ себя съ крайней осмотрительностью и обдуманностью и его поведеніе, повидимому, показывало, что кромѣ извращенныхъ половыхъ влеченій онъ не представлялъ иныхъ аномалій. Онъ училъ своихъ сообщниковъ, призванныхъ въ качествѣ свидѣтелей, какъ и что они должны показывать; онъ уговаривалъ ихъ отрицать все, а главное содомію, соединенную съ убійствомъ. Legrand du Saulle, говоря о поведеніи маршала во время процесса, замѣчаетъ: „Это не дѣйствія помѣшаннаго“ [180]). Совершенно вѣрно. Но что сказать о его влеченіяхъ, которыя овладѣли его умомъ, чувствомъ и волею, и подсказывали ему его извращенныя дѣйствія?

Въ отвѣтъ на это мы заглянемъ въ интимную жизнь дурно уравновѣшаннаго самочувствія такихъ лицъ и для этого обратимся къ одному наблюденію Kraff-Ebing'a, въ которомъ говоритъ самъ паціентъ, человѣкъ развитый и образованный, а потому и способный отдавать себѣ отчетъ въ своихъ внутреннихъ состояніяхъ. Это нѣкто X., явившійся за совѣтомъ по поводу давно уже чувствовавшейся сонливости и нѣкотораго нервнаго истощенія. Изъ разспросовъ оказалось, что онъ представляетъ крайне странную и порочную организацію. Первые проблески анормальныхъ половыхъ влеченій отходятъ у него къ раннему дѣтству. Будучи трехъ лѣтъ отъ роду, онъ увидалъ однажды картинку моднаго журнала. При видѣ нарисованныхъ на ней фигуръ, въ немъ уже тогда зародилось какое-то странное душевное движеніе. подъ вліяніемъ котораго картинка была покрыта множествомъ крѣпкихъ и страстныхъ поцѣлуевъ. И это было вызвано видомъ мужскихъ фигуръ, тогда какъ женскія не производили никакого впечатлѣнія. Будучи еще мальчикомъ, онъ иногда по цѣлымъ часамъ проводилъ въ мѣстахъ остановокъ, чтобы посмотрѣть на приходящихъ мужчинъ. Тринадцати лѣтъ онъ началъ предаваться онанизму. „Съ 13 по 15 лѣтъ“, разсказываетъ паціентъ, „пришлось мнѣ спать на одной кровати съ очень красивымъ молодымъ человѣ-

[180]) Legrand du Saulle, La folie devant les tribunaux, 515 и слѣд.

комъ. О, какое это было счастье!" Когда ему было 25 лѣтъ, его почему то замѣтилъ какой-то капуцинъ [181]) и самъ сдѣлалъ первые шаги для сближенія. Въ первое же свиданіе X. пришелъ въ безсознательное состояніе и не замедлилъ страстно влюбиться въ капуцина и сблизиться съ нимъ Въ своихъ отношеніяхъ къ послѣднему онъ проявлялъ *безгранично страстную натуру*, нерѣдко доходившую до какого-то *самозабвенія и сладостно-влюбленныхъ томленій*. 27 лѣтъ онъ женился, причемъ не чувствовалъ никакого половаго влеченія къ своей будущей женѣ и готовъ былъ, какъ Подколесинъ, въ самый день брака бѣжать отъ нея. Отправленіе супружескихъ обязанностей было всегда для него тягостно и совершалось лишь при помощи вина. Мужская же любовь, по его словамъ, для него необходима. Онъ сознаетъ свое тяжелое положеніе и ему не рѣдко приходитъ мысль о самоубійствѣ или бѣгствѣ въ Америку. Съ интеллектуальной стороны X. представляется весьма одареннымъ, но свой характеръ онъ самъ описываетъ, *какъ загадочный, анормальный, нервный, безпокойный, сумасбродный и измѣнчивый*. Настроеніе его отличается рѣзкими переходами отъ безпричинной возбужденности къ такой же угнетенности, доходящей иногда до мысли о самоубійствѣ. Соотвѣтственныя колебанія замѣчаются и во всемъ его умственно-нравственномъ существѣ, во всѣхъ его отношеніяхъ къ людямъ: *онъ то религіозенъ, то фриволенъ, то эстетикъ, то циникъ, то трусливъ, то вызывающъ, то легковѣренъ и добродушенъ, то недовѣрчивъ; чрезмѣрная щедрость смѣняется у него такою же скупостью, немотивированное влеченіе причинять другимъ зло—живымъ и го-*

---

181) Въ своихъ Klinische Novellen Zur gerichtlichen Medicin, стр. 36 и слѣд. Casper приводитъ весьма интересное подлинное письмо къ нему одного господина, страдавшаго извращеніемъ половаго чувства. По словамъ автора письма, извращенныя половыя влеченія проявились у него съ 8 лѣтъ. Сознаніе своей *анормальности* всегда вызывало въ немъ тягостныя внутреннія состоянія, доходившія до отчаянія и мысли о самоубійствѣ. Интереснѣе же всего въ этомъ письмѣ указаніе, что такихъ лицъ много между знатью и въ другихъ слояхъ общества и что они, будучи незнакомы, *легко съ одного взгляда узнаютъ одинъ другаго даже въ толпѣ и сближаются другъ съ другомъ, связываясь какимъ-то чувствомъ братства*. Себя авторъ письма называетъ бѣднымъ несчастнымъ существомъ и обращаясь къ Casper'у, говоритъ: „говорятъ, что вы благородный человѣкъ и счастливый отецъ. — *Учите же вашихъ дѣтей снисходительными глазами смотрѣть на міръ*".

рячимъ, доходящимъ до слезъ сочувствіемъ ихъ горю и несчастьямъ и т. д. [182]). И такъ изъ году въ годъ, повидимому, безъ ухудшеній и улучшеній течетъ и развивается эта ненормальная жизнь съ ея странными колебаніями. Изъ ея примѣра мы ясно видимъ, *какъ на почвѣ усиленно развитаго и притомъ извращеннаго половаго чувства, составляющаго основной фонъ этого ненормальнаго характера, развивается ненормальная психическая личность, въ умственную жизнь которой постоянно, какъ бы со стороны, врываются волны неясныхъ темныхъ ощущеній, неизвѣстно какъ зарождающихся въ могуче вліяющей половой сферѣ и въ значительной мѣрѣ опредѣляющихъ ея дѣятельность. Эти движенія, возникающія въ тайникахъ растительной жизни, о которой почти ничего не говоритъ сознаніе, то вызываютъ лишь колебанія настроенія, а то являются и въ качествѣ немотивированныхъ стимуловъ дѣйствій.* Легко видѣть, къ какимъ страннымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и непонятнымъ въ своемъ генезисѣ преступленіямъ могутъ иногда влечь подобные стимулы, всплывающіе изъ глубины усиленно развитой и извращенной половой [183]) и вообще растительной жизни. Въ

---

[182]) Lehrbuch der Psychiatrie, I, 85 и сл. Въ своей статьѣ: Etude clinique sur les impulsions et les actes des aliénés, стр. 12 и сл. Д-ръ Magnan даетъ крайне интересное описаніе одной изъ подобныхъ же *половыхъ* натуръ. Это одна дѣвушка изъ вырождающейся семьи. Ко всему окружающему она относится вполнѣ *правильно* и хорошо сознаетъ ненормальность многихъ своихъ душевныхъ движеній. Съ раннихъ поръ она отличалась большими странностями, рѣзкими колебаніями въ настроеніи и различными страхами, составляющими обыкновенный удѣлъ истощенныхъ нервныхъ организацій. Лѣтъ 8 назадъ (во время разсказа ей 29) ею овладѣло сильное влеченіе къ сожительству съ своимъ маленькимъ племянникомъ, видъ котораго вызывалъ похотливыя желанія, доходившія даже до зрительныхъ галлюцинацій. Съ рожденіемъ втораго племянника, похотливыя влеченія перенеслись на него, затѣмъ послѣдовательно на третьяго, четвертаго и наконецъ пятаго (ему во время разсказа всего 3 года). Эти влеченія и сдѣлали ея жизнь въ семьѣ невозможной, дальнѣйшее пребываніе въ которой было для нея опаснымъ.

[183]) Повидимому, различныя извращенія и уклоненія въ сферѣ половаго чувства—этой основы того, что мы называемъ общественными инстинктами, стоятъ въ тѣсной связи съ преступленіями противъ личности и служатъ источникомъ, въ которомъ зарождаются странныя ощущенія и настроенія, сопровождающія возникновеніе и осуществленіе умысла на эти преступленія. Подробнѣе я объ этомъ поговорю при разборѣ процесса Gigax, въ которомъ я намѣренъ показать, какъ особенности *остова психической личности* вліяютъ на оттѣнки преступности. Тогда же я приведу и весь фактическій матеріалъ подтверждающій высказанную мысль.

подтвержденіе этого я и приведу, какъ дополненіе, крайне тщательное и интересное описаніе жизни подобной же странной личности, которое находится въ сочиненіи профессора Ball'я, а ему сообщенно докторомъ Faure [184]).

Дѣло идетъ объ одномъ креолѣ В. Отецъ его былъ очевидцемъ возстанія негровъ на С. Доминго и такъ былъ пораженъ происходившими при этомъ кровавыми сценами, что воспоминанія о нихъ никогда не покидали его; онъ былъ сумраченъ, молчаливъ и умеръ въ безуміи. Братъ В. былъ эпилептикъ, а его дочь, *съ ранняго возраста проявлявшая самыя развратныя склонности*, не смотря на прекрасное матеріальное положеніе и всѣ старанія своей бабушки, *еще въ молодости предалась самой разнузданной проституціи*. Многіе другіе члены этой семьи закончили *самоубійствомъ*. Самъ В. представлялся богато одареннымъ. Это былъ человѣкъ сильный, интеллигентный, трудолюбивый и обладавшій желѣзною волей. Но еще въ дѣтствѣ онъ уже *былъ не похожъ на всѣхъ прочихъ дѣтей* и въ своемъ характерѣ всегда проявлялъ рѣзкія крайности. Въ играхъ и и во всемъ, гдѣ только дѣло шло о какой-нибудь борьбѣ, онъ особенно воспламенялся. Противорѣчія товарищей, выговоры учителей выводили его изъ себя. Онъ любилъ лишь то, что такъ или иначе напоминало разрушеніе. Большую склонность онъ питалъ къ оружію и разсказамъ объ убійствахъ. Съ раннихъ лѣтъ онъ уже проявлялъ замѣчательный талантъ въ рисованіи, но изъ подъ его карандаша не выходило ничего болѣе, какъ сцены убійствъ и побоищъ. Въ юности онъ съ особой любовью занялся стрѣльбою въ цѣль и фехтованіемъ и на это тратилъ всѣ свои деньги. Онъ посѣщалъ усыпальницы мертвыхъ, съ жадностью слѣдилъ за крупными процессами и въ дни экзекуцій первый отправлялся, чтобы не пропустить ни одной подробности, на площадь S. Jaques. Видъ казней производилъ на него потрясающее впечатлѣніе: онъ становился блѣденъ, дрожалъ и тѣмъ не менѣе жадно искалъ ихъ зрѣлищъ, а потомъ, въ теченіи нѣкотораго времени, съ жаромъ разсказывалъ о видѣнномъ. Въ дни волненій 1830 и 1837 г. онъ бѣгалъ повсюду, ораторствовалъ, присоединялся ко всѣмъ группамъ,

---

[184]) Leçons sur les malad. ment., 145 и сл.

сопровождалъ уносимые трупы и появлялся повсюду, *гдѣ только была кровь*. Онъ анатомически изучилъ наиболѣе опасныя мѣста для ударовъ кинжаломъ и создалъ собственную теорію нанесенія послѣднихъ: снизу вверхъ и никогда сверху внизъ, иначе лезвее можетъ скользить. Онъ бредилъ дуэлями и безъ всякихъ поводовъ искалъ ссоръ съ незнакомыми людьми. Частыя въ то время политическія дуэли крайне интересовали его. Онъ толковалъ о каждой изъ нихъ, при чемъ всегда принималъ сторону побѣдителя и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на убѣжденіе послѣдняго, съ жаромъ доказывалъ (хотя бы никто противъ этого не спорилъ), что, убивая противника, онъ пользовался лишь неотъемлемо принадлежавшимъ ему правомочіемъ. Съ чего бы ни начинался разговоръ съ нимъ, онъ всегда такъ или иначе сводился на разсказы о кровавыхъ происшествіяхъ. По ночамъ В. посѣщалъ подозрительныя мѣста и улицы и повсюду искалъ приключеній. Онъ прекрасно зналъ каждое мѣстечко Парижа, отмѣченное какимъ-либо трагическимъ происшествіемъ. Во всемъ онъ представлялъ крайнія странности и всѣмъ занятіямъ и забавамъ всегда предавался со страстностью. Онъ быстро изучилъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и съ увлеченіемъ занимался исторіей и изученіемъ хроникъ средневѣковаго періода.

Однажды утромъ одинъ итальянецъ, пользовавшійся самой плохой репутаціей, сообщилъ ему, будто его любовница отдалась другому за деньги. Не долго думая и не требуя никакихъ подтвержденій, В. взялъ оружіе, отправился къ обвиняемой и, войдя внезапно въ комнату, положилъ ее на мѣстѣ двумя выстрѣлами изъ пистолета, не произнося при этомъ ни единаго слова. Когда разнесся слухъ, что молодой художникъ изъ высшаго общества убилъ женщину, то всѣ знавшіе В.. не задумываясь, называли его, такъ какъ всѣ были увѣрены, что рано или поздно онъ долженъ совершить что-либо кровавое. Никто не сомнѣвался, что В. совершилъ убійство, уступая своему влеченію къ крови, и только воспользовался возможной измѣной, какъ благовиднымъ предлогомъ. Самъ В., однако, утверждалъ противное. Онъ говорилъ объ убійствѣ съ видомъ человѣка, выполнившаго тяжелую обязанность, и полагалъ, что судъ долженъ приравнять его къ мужу, отмстившему свою по-

руганную честь. Приведенный въ усыпальницу къ трупу, В. вмѣшался въ разговоръ присутствовавшихъ о направленіи пуль и обсуждалъ этотъ вопросъ съ такимъ хладнокровіемъ и интересомъ, какъ будто онъ былъ совсѣмъ непричастенъ къ дѣлу. Судъ приговорилъ его къ каторжнымъ работамъ на 10 лѣтъ. По истеченіи этого срока, В немедля вернулся въ Парижъ, принялся за свои обычныя занятія, погрузился въ работу и скоро снискалъ себѣ любовь и уваженіе всѣхъ его знавшихъ. Онъ велъ вполнѣ безупречную жизнь, обожалъ свою мать и окружалъ нѣжностью и заботами женщину, связавшую съ нимъ свою судьбу. Эта послѣдняя, не зная его прошлаго и не зная хорошо его характера, высказывала свое удивленіе доктору Faure, что этотъ, повидимому, спокойный человѣкъ *во время сна приходитъ въ крайне возбужденное состояніе и подъ вліяніемъ ужасныхъ кошмаровъ, испускаетъ громкіе крики и дѣлаетъ энергичныя движенія, какъ бы борясь или сражаясь съ кѣмъ-нибудь.*

Но и въ этотъ періодъ В. оставался прежней личностью Затишье было только кажущееся. Лишь только раздались въ февралѣ 1848 г. первые выстрѣлы на улицахъ, В. немедля же вышелъ изъ своего спокойнаго состоянія. Не исповѣдуя никакихъ убѣжденій и будучи аристократомъ по рожденію и всему складу своей личности, онъ тѣмъ не менѣ одѣлся въ блузу и съ карабиномъ въ рукахъ отправился на баррикады отстаивать несимпатичные ему народные интересы. Здѣсь онъ устроился съ удобствомъ и возможной безопасностью и началъ стрѣлять въ солдатъ, направляя пули въ сонныя артеріи шеи. По окончаніи битвы онъ отыскивалъ своихъ убитыхъ и повѣрялъ вѣрность своихъ выстрѣловъ. Въ іюнѣ онъ снова принялъ участіе въ борьбѣ и только полученная рана заставила его оставить баррикаду. Такое же живое участіе онъ принималъ и во время государственнаго переворота, произведеннаго Наполеономъ III. Послѣ этого, видя, что во Франціи ему не скоро представится новый благопріятный случай для стрѣльбы, онъ отправился въ Калифорнію и здѣсь, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ охотился на индѣйцевъ, а затѣмъ внезапно, по неизвѣстному поводу, котораго онъ никогда не хотѣлъ открыть, оставилъ Америку и вернулся въ Парижъ. Это было въ 1853 г.; въ 1865 г. онъ сдѣлался извѣстнымъ важными

археологическими работами, которыя скоро стали рѣдкостью библіотекъ. Правительство, цѣня его дарованія и желая его привязать къ себѣ, учредило для него особую должность и когда онъ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ мозговой болѣзни, то многіе удивлялись, что за свои прекрасныя работы онъ не удостоился по меньшей мѣрѣ почетной награды.

Глубже вглядываясь и сопоставляя особенности этой странной жизни съ приведеннымъ наблюденіемъ Krafft Ebing'a, нельзя не видѣть ихъ точекъ соприкосновенія, которыя и заставили меня назвать разсказъ о нихъ дополненіемъ предшествовавшаго. Другимъ дополненіемъ намъ послужитъ процессъ 15-лѣтняго Felix Lemaître [185]), обвинявшагося въ 1881 г. въ Парижѣ въ убійствѣ совершенно незнакомаго ему шестилѣтняго ребенка.

Дѣдъ обвиняемаго съ материнской стороны былъ душевно-больной; его мать страдаетъ истеріей. Самъ Lemaître всегда представлялся ребенкомъ нѣсколько страннымъ и какъ съ физической, такъ и съ умственной стороны слишкомъ преждевременно развитымъ. До 13 лѣтъ онъ посѣщалъ первоначальную школу. Здѣсь онъ не подавалъ поводовъ къ неудовольствію и выдѣлялся лишь тѣмъ, что всегда *избѣгалъ другихъ дѣтей, былъ необщителенъ и молчаливъ*. „Я всегда жилъ, какъ медвѣдь“, разсказывалъ Lemaître потомъ про себя на судѣ. По окончаніи школьнаго ученія, онъ былъ помѣщенъ, согласно его желанію, въ гастрономическую лавку, гдѣ и оставался въ теченіи 6 мѣсяцевъ. Здѣсь онъ былъ весьма старателенъ, хотя *запахъ мяса ему ужасно не нравился* [186]). Посланный однажды хозяиномъ въ погребъ, онъ, *по разсѣянности*, оставилъ кранъ одной бочки открытымъ. Этотъ случай такъ на него подѣйствовалъ, что онъ скрылся отъ хозяевъ и пропадалъ нѣсколько дней. Во время его поисковъ, родители получили отъ него записку слѣдующаго содержанія: „Вы меня никогда больше не увидите.

---

185) Отчетъ объ этомъ процессѣ заимствованъ мною изъ газеты „Temps“.

186) Въ своихъ клиническихъ лекціяхъ профессоръ Krafft-Ebing особенно настаиваетъ и ясно показываетъ на демонстрируемыхъ имъ больныхъ, что обонятельныя галлюцинаціи, а слѣдовательно, весьма вѣроятно, и другія аномаліи чувства обоняніи, всегда связаны съ разстройствами въ половой сферѣ, а потому могутъ служить однимъ изъ ихъ діагностическихъ признаковъ.

Послѣ того, что я сдѣлалъ, мнѣ не остается ничего болѣе, *какъ убить себя*". Однако черезъ нѣсколько времени онъ вернулся, перешелъ къ другому хозяину, но сталъ небреженъ, а потому и былъ уволенъ, послѣ чего перемѣнилъ карьеру и поступилъ въ качествѣ ученика къ сундучнику-укладчику. Онъ любилъ чтеніе, театръ, имѣлъ склонность къ искусству и *мечталъ сдѣлаться актеромъ. Иногда онъ запирался одинъ, чтобы пѣть или декламировать*. Нѣсколько разъ онъ совершалъ мелкія кражи и на добытыя деньги покупалъ книги или билеты въ театръ. Вскорѣ послѣ своего поступленія къ новому хозяину, онъ получилъ въ его отсутствіе 200 фран. и бѣжалъ отъ него. Съ деньгами онъ не пошелъ домой, а нанялъ себѣ меблированную комнату въ отелѣ и поселился въ ней одинъ. Здѣсь онъ покупалъ себѣ романы для чтенія, ходилъ по театрамъ, курилъ, пилъ вино (но не въ особенно большомъ количествѣ) и *пытался отправляться въ публичные дома*, изъ которыхъ, за молодостью лѣтъ, былъ удаляемъ. Вообще же онъ велъ въ это время сравнительно спокойную жизнь и не предавался разгулу, проводя большую часть времени у себя въ комнатѣ за чтеніемъ книгъ. Такъ длилось 10 дней, пока не истощились всѣ деньги. Еще прежде этого Lemaître купилъ ножъ. Въ день убійства (11-й день) онъ всталъ поздно, чувствовалъ какое-то недомоганье и неопредѣленное безпокойство. Запасшись имѣвшимися у него бездѣлушками, онъ вскорѣ вышелъ на бульваръ и здѣсь старался залучить къ себѣ совершенно незнакомыхъ ему дѣтей. Нѣкоторое время его старанія оставались безуспѣшны и никто не хотѣлъ идти съ нимъ. Наконецъ ему удалось завлечь 2-хъ шести-лѣтнихъ мальчиковъ, одинъ изъ которыхъ, при входѣ въ отель, отказался, впрочемъ, идти далѣе, тогда какъ другой довѣрчиво послѣдовалъ за нимъ до его компаты. Здѣсь Lemaître завязалъ ему ротъ, связалъ руки, положилъ на постель, взялъ приготовленный ножъ и имъ нанесъ своей жертвѣ 2 раны въ животъ. Видя же, что и послѣ этого ребенокъ остается еще живъ, онъ сильнымъ ударомъ по горлу почти отдѣлилъ голову отъ туловища. Покончивъ свое дѣло, Lemaître оставилъ тѣло на кровати, ушелъ изъ дому, на улицѣ у бассейна вымылъ руки и пошелъ къ одному изъ своихъ дядей, которому крайне спокойно и разсказалъ о всемъ случившемся.

На судѣ этотъ еще ребенокъ-преступникъ былъ невозмутимо спокоенъ и говорилъ увѣренно, громко, опредѣленно и по временамъ холодно. На вопросъ, что его побудило къ убійству, Lemaître отвѣчалъ, что ему *непремѣнно хотѣлось убить кого-нибудь* и что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ неодолимаго влеченія. „Нѣкоторое время", разсказывалъ онъ съ своимъ обычнымъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ, „я пытался курить и читать, *надѣясь, что это пройдетъ*. Но моя мысль, напротивъ, усиливалась все болѣе и болѣе".—Ваша нечувствительность, сказалъ ему президентъ, поразила слѣдственнаго судью; на что вы ему съ гордостью отвѣтили: *„Я никогда не плачу"*.—По моему лицу дѣйствительно нельзя судить о томъ, что я думаю или чувствую, отвѣчалъ Lemaître: но это, господинъ президентъ, не гордость; *такова уже моя натура"*.

Психіатръ Legrand du Saulle, дававшій заключеніе, склонялся въ пользу „уменьшенной вмѣняемости" (?), которую онъ мотивировалъ существованіемъ наслѣдственности, молодостью и наконецъ необыкновенными условіями совершеннаго преступленія. Присяжные вынесли безусловно-обвинительный вердиктъ, и судъ приговорилъ его къ 20 лѣтнему тюремному заключенію. Lemaître выслушалъ этотъ суровый приговоръ, ничѣмъ не измѣняя своему холодному спокойствію.

Какъ рано иногда зарождаются подобныя злобныя влеченія, показываетъ, напр., случай, разсказанный въ сочиненіи Despine [187]).

Дѣло было въ Силезіи. Пятеро маленькихъ дѣтей играли вмѣстѣ. Къ нимъ вскорѣ присоединился шестой — Henri, извѣстный всѣмъ сосѣдямъ своимъ *страннымъ и скверным характеромъ*. Онъ уговорилъ дѣтей влѣзть для игры въ большой сундукъ и, когда это было исполнено, закрылъ крышку, сѣлъ на нее и *оставался въ такомъ положеніи въ теченіи $^3/_4$ часа, внимательно прислушиваясь сначала къ крикамъ, а потомъ стонамъ дѣтей*. Когда же послѣдніе наконецъ стихли, онъ поднялъ крышку, но видя, что дѣти еще дышатъ, сно-

187) Psychol. natur., II, 182 и сл. Много подобныхъ же случаевъ, заимствованныхъ преимущественно изъ практики русскихъ судовъ, приведено въ моихъ хроникахъ уголовнаго суда, см. „Юридическій Вѣстникъ" 1879 г., № 5, 1880 г., № 6 и 1881 г., № 1.

ва захлопнулъ ее, заложилъ на пробой и спокойно отправился играть. Несчастные всѣ задохлись, а маленькій злодѣй спокойно разсказывалъ потомъ о своемъ поступкѣ, не проявляя при этомъ ни малѣйшихъ слѣдовъ страха или сожалѣнія.

Закончимъ нашъ обзоръ галлереи портретовъ еще однимъ портретомъ изъ прекраснаго сочиненія д-ра Trèlat: „La folie lucide“, въ свою очередь представляющаго какъ бы богатую картинную галлерею разнообразно-странныхъ личностей, однѣ изъ которыхъ въ тотъ или другой періодъ ихъ жизни заканчивали болѣе рѣзко выраженными душевными аномаліями съ сохраненіемъ, однако, вида разумности, тогда какъ другія такъ всю жизнь и остались на ступени лишь странныхъ и не-соціабельныхъ людей [188]).

Дѣвица B., о которой теперь пойдетъ рѣчь, будучи богато одарена въ умственномъ отношеніи, со стороны настроенія представляла странную двойственность, будто въ ней были соединены двѣ различныя личности, попеременно дѣйствовавшія. Эта странная особа періодически вела то крайне *развратную и разнузданную жизнь*, сопровождавшуюся до дерзости смѣлыми кражами, навлекавшими на нее частыя осужденія, то, напротивъ, становилась спокойна и скромна. Въ такіе періоды относительнаго затишья B. обыкновенно являлась къ директрисамъ женскихъ учебныхъ заведеній съ просьбами о мѣстѣ младшей учительницы. „Можетъ быть, я могла бы быть вамъ полезна“, говорила она съ обворожительною улыбкой; „я знаю англійскій, нѣмецкій и итальянскій языки; я хорошо рисую и знаю музыку“. И она говорила правду. Очарованная ея умомъ, манерами и скромностью, директриса обыкновенно давала ей занятія у себя или, въ случаѣ ихъ неимѣнья, снабжала рекомендаціями въ другія заведенія. Иногда же B., въ періоды своего относительнаго спокойствія, вмѣсто директрисъ являлась къ какой-нибудь знатной и благочестивой дамѣ S. Germain'скаго фобурга и держала къ ней такую рѣчь: „Madame, я имѣла

188) La folie lucide, 225 и сл. Это прекрасное сочиненіе, въ которомъ собрано 77 наблюденій, повидимому, разумныхъ и въ то же время крайне анормальныхъ людей, представляетъ особый интересъ для криминалистовъ, имѣющихъ дѣло съ сокровеннѣйшими движеніями души человѣка. У нихъ, думается мнѣ, оно должно быть одною изъ ихъ настольныхъ книгъ.

несчастіе получить лишь свѣтское воспитаніе и образованіе. Ни мое сердце, ни мой умъ не были просвѣщены свѣтомъ религіи. Я чувствую пустоту и несчастіе такого положенія. Не будете-ли вы моею путеводительницею и моей опорой на томъ пути, который я начинаю предвидѣть? Я еще не крещена. Не согласитесь-ли вы быть моею воспріемницею?“ Подкупленная произведеннымъ впечатлѣніемъ, знатная благотворительница обыкновенно поручала ея религіозное воспитаніе какой-нибудь старшей сестрѣ религіозной общины, проникнувъ въ которую В. съ жаромъ и ревностью принималась за свое религіозное просвѣщеніе, при чемъ съ самымъ смиреннымъ и, повидимому, наивнымъ видомъ начинала разсказывать своей наставницѣ, не останавливаясь ни передъ какою клеветою, объ ужасныхъ нравахъ и дурномъ поведеніи сестеръ общины. И все это дѣлалось такъ ловко и такъ вкрадчиво, что миръ и согласіе въ тихомъ убѣжищѣ обыкновенно нарушались и въ немъ возникали раздоры и смуты. Но вотъ сравнительно спокойный періодъ заканчивается, и дѣвица В. снова начинаетъ предаваться разврату и объѣзжать часовые и ювелирные магазины, гдѣ и совершаетъ ловкіе и дерзкіе обманы, которые влекутъ за собою новыя осужденія. Въ одно изъ такихъ ея пребываній въ тюрьмѣ S. Lazare, ее посѣтилъ д ръ Trélat. На его вопросъ, почему она, обладая прекраснымъ умомъ и знаніями, совершаетъ такіе дурные и унизительные поступки, В. посмотрѣла на него свысока съ улыбкой презрѣнія и едва удостоила короткимъ отвѣтомъ. Когда же докторъ продолжалъ настаивать, то она нѣсколько разгорячилась и отрѣзала: „Милостивый государь, я здѣсь плачу свои долги. Разъ долгъ уплаченъ, общество не можетъ ничего болѣе требовать отъ меня. Выйдя отсюда, я снова становлюсь на прежнюю высоту и не буду затрудняться жить ни въ Англіи, ни во Франціи, ни въ Германіи и ни гдѣ въ другомъ мѣстѣ. Я говорю на всѣхъ языкахъ Европы. Думаю, что въ подобномъ положеніи вы были бы болѣе затруднены, нежели я“. Черезъ два года послѣ этого разговора Trélat встрѣтилъ ее въ сифилисѣ, а затѣмъ совсѣмъ потерялъ изъ виду. Поводомъ же къ знакомству съ нею ему послужила ея мать, находившаяся въ то время въ Salpêtrier'ѣ. Отецъ и дѣдъ послѣдней были душевно боль-

ные. Сама г-жа B. вступила въ послѣдній разъ въ Salpetrière 53 л. отъ роду. Она была въ немъ нѣсколько разъ и прежде и всегда оставляла по себѣ самыя ужасныя воспоминанія. Она называлась баронессой и пользовалась этимъ титуломъ, чтобы вліять на окружающихъ какъ больныхъ, такъ и прислужницъ. Во время ея пребываній въ заведеніи только и бывали разговоры, что о баронессѣ. Это „зловредное существо", какъ называетъ ее Trélat, наполняло собою жизнь заведенія и была истиннымъ мученіемъ для врача M. Periset, который всегда старался отдѣлаться отъ нея во что бы то ни стало и давалъ ей даже деньги на путевыя издержки въ Бельгію, гдѣ у нея, по ея словамъ, жилъ дѣдъ. Ея имя въ спискахъ центральной администраціи госпиталей сопровождалось слѣдующей отмѣткой одного изъ администраторовъ: „esprit infernal, capable des plus grands mefaits". И дѣйствительно съ ея вступленіемъ въ заведеніе, въ немъ всегда начинались кражи, ссоры, всевозможныя нарушенія порядка, по отношенію къ которымъ B. умѣла оставаться всегда въ сторонѣ, хотя была или ихъ авторомъ, или подстрекательницею къ нимъ. Она обыкновенно все ловко сваливала на другихъ, неподражаемо устраивала alibi и сама же часто доносила обо всемъ, извращая при этомъ факты. По временамъ у нея бывали приступы возбужденія, въ теченіи которыхъ она сохраняла, по словамъ Trélat, „полное сознаніе всего, что она дѣлала, что она говорила и слышала". „Я не знаю", говоритъ онъ про г-жу B., „примѣра жизни, болѣе причинившей зла и болѣе вредной для общества". Все время своего душевнаго здоровья (temps de raison) г-жа B. употребляла на организованіе искусныхъ кражъ или на устройство мѣстъ разврата для знати, при чемъ она принимала туда лишь молодыхъ, красивыхъ и образованныхъ дѣвушекъ, знающихъ музыку и говорящихъ на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ. Здѣсь же она торговала и двумя собственными дочерьми (объ одной изъ нихъ и была рѣчь впереди). Безпорядочность ея жизни была такова, что приступы возбужденія. по словамъ Trélat, часто почти нераспознаваемо сливались съ ея обычными состояніями, въ теченіи которыхъ сцены развращенія шли непрерывной чередой.

Замѣчательно, однако, что эта глубоко извращенная натура, благодаря умѣлому обращенію Trélat, въ послѣднее время своего пребыванія въ Salpêtrier'ѣ значительно исправилась, упорядочилась и стала даже полезна для заведенія.

Подобные факты можно бы приводить безъ конца. Изобиліе матеріала необычайное и затрудненіе представляется лишь въ выборѣ. Я съ намѣреніемъ нѣсколько удлиннилъ выдержки, чтобы лучше охарактеризовать тѣ странныя, загадочныя личности, нѣкоторыя изъ которыхъ зачислены въ разрядъ душевно-больныхъ, тогда какъ другія переданы въ вѣдѣніе палача или тюремной администраціи. Пристально вглядываясь въ нихъ, нельзя не замѣтить всей ихъ анормальности, всей извращенности ихъ натуры. Что въ самомъ дѣлѣ обусловливаетъ эти странныя, часто *логически* вовсе немотивированныя дѣйствія, совершенныя безъ всякой пользы или даже съ непосредственнымъ вредомъ для себя? Что толкаетъ этихъ странныхъ людей, что побуждаетъ ихъ нарушать завѣты общества и, какъ Lemaître, отправляться коротать въ каторгѣ 20 лучшихъ лѣтъ жизни? Исходя изъ изслѣдованія чисто умственной сферы этихъ личностей, мы не найдемъ отвѣта на всѣ эти вопросы. Его, какъ я замѣтилъ выше, необходимо искать въ тайникахъ ихъ дурно уравновѣшанной органической жизни. Но здѣсь его обыкновенно не ищутъ и все объясняютъ порочностію и злостью воли и умысла дѣйствовавшихъ. Но всѣ подобныя объясненія на самомъ дѣлѣ не объясненія: объяснить—значитъ отыскать и указать факторы, а таковыми отвлеченныя понятія порочности и злости быть не могутъ. Научная мысль, очевидно, не могла удовольствоваться ими. Она, какъ мы уже видѣли, будучи вынуждена „авторитетомъ фактовъ“, пришла къ созданію понятія объ особыхъ формахъ душевныхъ аномалій, развивающихся на почвѣ органическаго вырожденія, въ громадномъ большинствѣ случаевъ унаслѣдованнаго. Создавая это понятіе, она, какъ я уже замѣтилъ, вышла за предѣлы понятія о болѣзни въ собственномъ смыслѣ слова и съ необходимостью пришла къ понятію о порочной организаціи, вся психическая жизнь которой, начиная съ первыхъ ея проявленій, представляется крайне анормальной и, послѣдовательно развиваясь,

переходитъ иногда (но далеко не всегда) въ болѣе рѣзко выраженныя формы душевныхъ разстройствъ, представляющихъ собою лишь какъ бы „гипертрофію“ начальныхъ особенностей, замѣчавшихся еще съ раннихъ лѣтъ, дѣтства. „У нихъ“, говоритъ д-ръ Paulmier о вырождающихся дѣтяхъ, „именно и отсутствуетъ равновѣсіе: таковъ инструментъ, которому недостаетъ нѣсколькихъ струнъ“. „Ложь. хитрость“, продолжаетъ онъ далѣе, „иногда обнаруживается у нихъ въ ловкихъ пріемахъ; жадность, тщеславіе, кокетство, притворство, лицемѣріе составляютъ основу ихъ характера. Непостоянство замѣчается и въ ихъ занятіяхъ и въ ихъ работахъ, за которыя они принимаются съ жаромъ, но которыя почти тотчасъ же и оставляютъ. *Похотливыя проявленія и онанизмъ* наблюдаются у нихъ весьма часто; законъ приличія не говоритъ этимъ несчастнымъ созданіямъ. лишеннымъ нравственнаго чувства“ [189])

Это понятіе о порочной организаціи, проявляющейся въ психическихъ аномаліяхъ, лежитъ уже вполнѣ готовое въ психіатрической литературѣ съ ея богатѣйшей казуистикой. Но и имъ очевидно не могутъ заканчиваться выводы, съ необходимостью вытекающіе изъ всего хода развитія изслѣдованій уклоненій въ явленіяхъ душевной жизни. Дѣйствительно, явленія органическаго вырожденія не представляются одинаковыми, а напротивъ, какъ это можно и наперед предвидѣть, являются крайне разнообразными по индивидуальностямъ и представляютъ безчисленные и неуловимые переходы отъ вполнѣ здоровой организаціи къ послѣдней ступени органическаго вырожденія — крайнему идіотизму. Поэтому, если мы признаемъ доказаннымъ — а не признать этого мы не можемъ — что рѣзко очерченныя явленія психическаго вырожденія *обусловлены порочностями организаціи*, то то же самое мы должны будемъ распространить и на всѣ безчисленныя переходныя ступени этой лѣстницы явленій вырожденія, потому что нѣтъ возможности указать тотъ предѣлъ между ними, гдѣ перестаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и начинается вліяніе организаціи. Если, напр.,

[189]) Des affections mentales chez les enfants, 16 и 17. Многіе интересные факты ранней извращенности приведены въ ст. д-ра Marro и Lombroso I germi della pazzia morale e del delitto nei fanciuli, помѣщенныхъ въ двухъ первыхъ книгахъ Archivio di psichiatria, scienze penali за 1883 г.

проявленіе высшей ступени психическаго вырожденія, которую мы назовемъ черезъ A. (я здѣсь говорю о такихъ состояніяхъ вырождающихся личностей, которыя должны быть признаваемы состояніями ихъ сравнительнаго здоровья) обусловлены порочностями организаціи, то очевидно, что ими же обусловлены и проявленія смежныхъ ступеней B., C., D. и т. д.,—черезъ все это безчисленное множество переходовъ вплоть до самой границы здоровья. А разъ мы пришли къ этому положенію,—мы уже съ необходимостью, черезъ рядъ промежуточныхъ посылокъ, приходимъ и къ слѣдующему, болѣе общему и болѣе важному: *если многочисленные оттѣнки пороковъ организаціи, присущіе явленіямъ вырожденія, съ необходимостью находятъ соотвѣтствующее выраженіе въ порочностяхъ психическихъ, такъ что послѣднія могутъ служить указателями первыхъ и наоборотъ, то, понятно, что и различныя степени доброкачественности органической должны съ необходимостью находить соотвѣтствующее проявленіе въ особенностяхъ психическихъ. И при томъ, если органическая порочность проявляется въ порочности же психической, то и доброкачественность органическая необходимо должна проявляться въ доброкачественности психической*, которая и можетъ служить указаніемъ первой. Иными словами: *вся психическая жизнь, каковы бы ни были ея особенности, есть не болѣе, какъ изображеніе особыми знаками жизни органической и, какъ таковая, носитъ на себѣ отпечатки какъ достоинствъ, такъ и недостатковъ послѣдней* [190]).

---

190) Надпись одного изъ древнихъ храмовъ влагала въ уста первоначальной причины вселенной слѣдующія слова: Я есть то, что есть, что было, что будетъ, и никто не позналъ моего существа. Другая надпись гласила: Познай самого себя. „Первая“, говоритъ Cabanis, „есть признаніе въ неизбѣжномъ невѣжествѣ. Вторая—формальное и драгоцѣнное указаніе той цѣли, которую должны преслѣдовать философіи ума и нравственности; она какъ бы сокращеніе всѣхъ уроковъ мудрости объ этихъ двухъ великихъ предметахъ нашихъ размышленій. Ибо если мы станемъ разсматривать операціи нашего ума, то мы увидимъ, что *онъ зависитъ отъ способностей нашихъ органовъ*. А если мы станемъ изслѣдовать принципы нравственности, то мы найдемъ, что ея правила должны быть обоснованы на взаимныхъ отношеніяхъ людей и что эти отношенія обусловливаются нуждами и способностями послѣднихъ, а эти въ свою очередь *обусловлены ихъ организаціей*“. Rapports du physique et du moral de l'homme, изд. 1843 г., 125. Это еще писалъ Cabanis, а между тѣмъ въ январѣ 1882 г., въ рѣчи, произнесенной въ засѣданіи Medico-Chirurgical Society of Montreal, профессоръ William Osler говорилъ слѣдующее:

На первый разъ даже съ трудомъ вѣрится, *какъ всецѣло отражаются органическіе процессы въ зеркалѣ нашего сознанія и какъ глубоко можетъ измѣняться вся умственно-нравственная личность человѣка подъ вліяніемъ измѣненій органическихъ.* Однако твердо констатированные и тщательно провѣренные, хотя и рѣзко выраженные клиническіе факты не допускаютъ ни малѣйшихъ сомнѣній въ этомъ отношеніи и ясно показываютъ, что все психическое существо, всѣ его особенности являются лишь отраженіемъ органическихъ состояній. Одинъ, подъ вліяніемъ измѣненій въ чувствительности, становится какимъ-то философомъ, сомнѣвающимся въ существованіи внѣшняго міра и даже самого себя [191]), другой, подъ вліяніемъ извращеннаго половаго чувства, *ненавидитъ женщинъ, задается вопросами о несчастіяхъ и бѣдствіяхъ человѣческаго рода и создаетъ теоріи кастраціи для ограниченія его пагубнаго размноженія* [192]). Этотъ параллелизмъ явленій двухъ порядковъ особенно рѣзко и ясно обнаруживается при поступательныхъ болѣзненныхъ измѣненіяхъ организма, какъ, напримѣръ, въ конечныхъ стадіяхъ слабоумія душевно-больныхъ. Указавъ на паталого-анатомическія явленія послѣдовательно развивающагося, подъ вліяніемъ измѣненій мозговаго кровообращенія, перерожденія мозга, при дальнѣйшемъ ходѣ душевнаго разстройства, д-ръ Luys слѣдующимъ образомъ описываетъ неизбѣжно имъ сопут-

---

„Различія умственныхъ качествъ индивидуумовъ *представляютъ собою выраженіе тонкихъ различій въ ихъ мозговой структурѣ*, такъ же какъ различія въ чертахъ лица представляютъ собою результатъ незначительныхъ различій въ расположеніи его тканей. Что недостатки физической основы не могутъ имѣть другихъ послѣдствій, какъ недостатки умственной и нравственной конституціи — это признается и допускается всѣми, пока дѣло идетъ объ идіотахъ и слабоумныхъ, но что *умственныя и нравственныя уклоненія вообще суть проявленія дурно сформированнаго и развитаго мозга—это еще новая и пугающая доктрина*, хотя и достаточно логическая съ точки зрѣнія совершеннаго научнаго фатализма. См. Howard, The Philosophy of Insanity, Crime and Responsability, стр. 57.

191) Субъектъ, о которомъ я говорю, былъ при мнѣ демонстрированъ профессоромъ Ball'емъ въ его клиникѣ. Подробное описаніе его состояній помѣщено въ III выпускѣ Leçons sur les mal ment., стр. 487 и слѣд. Ниже я еще буду имѣть случай вернуться къ крайне интереснымъ психическимъ состояніямъ этой личности.

192) См. ст. Krafft-Ebing'a въ Arschiv fur Psychiatrie: Ueber gewisse Anomalien des Geschlechtriebs, Beobachtung 3.

ствующія явленія перерожденія и всѣхъ сторонъ психической жизни. „Параллельно этому“, говоритъ онъ, „умственныя силы представляютъ прогрессивный упадокъ. Память, сначала частично разстроенная, ослабѣваетъ все болѣе и болѣе. Центры органической фосфоренціи потухаютъ или разрушаются. Самопроизвольность мысли, умъ и сужденія деградируютъ все болѣе и болѣе, и сумасшедшіе поздней фазы развитія (démenis avancés) мало-по малу утрачиваютъ богатства умственной и нравственной жизни и становятся пассивными, инертными, индиферентными ко всему, что совершается вокругъ нихъ,—дѣйствительно *живыми мертвецами*, какъ ихъ часто называютъ. Они мало по-малу доходятъ до того, что утрачиваютъ важнѣйшую способность, составляющую особенность человѣка, способность рѣчи. Нѣтъ болѣе мыслей и чувствъ выразить во внѣ, и самыя средства выраженія соотвѣтственно замолкаютъ. Они разучиваются говорить, и когда ихъ спрашиваютъ, то или пытаются отвѣчать, артикулируя отрывочныя фразы, состоящія изъ несвязныхъ словъ, или остаются молчаливыми, не проявляя никакихъ признаковъ вниманія къ тому, что имъ говорятъ, или же вмѣсто всякаго отвѣта испускаютъ лишь горловые звуки и непонятныя хрюканья, не находящіеся ни въ какомъ человѣческомъ словарѣ“ [193]). Такъ, по мѣрѣ постепенно подвигающейся впередъ органической порчи, совершается строго соотвѣтствующая ей порча психическая и замѣщеніе прежде, можетъ быть, роскошно развитой душевной жизни полнымъ умственно-нравственнымъ оскудѣніемъ. Итакъ, всегда и вездѣ неизбѣжно органическія колебанія и измѣненія сопровождаются и соотвѣтствующими колебаніями и измѣненіями психическими.

Изъ этого общаго положенія уже самъ собою съ логической необходимостью вытекаетъ слѣдующій выводъ по отношенію къ интересующему насъ вопросу: *существуютъ органическія основы преступности, внѣ которыхъ не можетъ существовать и эта послѣдняя* [194]), иными словами: всякій

[193]) Traité clinique et pratique des maladies ment., 154.

[194]) Противъ этого взгляда, конечно, существуютъ возраженія. Такъ, напр., профессоръ Krafft-Ebing въ своихъ клиническихъ лекціяхъ обыкновенно часто указываетъ, что въ преступленіи всего нельзя сводить къ организаціи и что, несмотря на неизмѣримо важное значеніе послѣдней, существуютъ и два дру-

преступникъ, каковъ бы онъ ни былъ, разъ его дѣяніе не есть лишь слѣдствіе стеченія особо неблагопріятныхъ обстоятельствъ, разъ онъ не страдаетъ никакою формою душевныхъ болѣзней *въ собственномъ смыслѣ этого слова*, представляетъ собою въ моментъ совершенія преступленія [193]) болѣе или менѣе удостойчиво-порочный организмъ, проявляющійся во внѣ и въ порочныхъ дѣйствіяхъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ и служащихъ выраженіемъ пороковъ его организаціи. „У людей“ совершенно вѣрно замѣчаетъ Prichard, „вся жизнь которыхъ представляетъ собою одну лишь порочную волю и нравственное вырожденіе, всегда слѣдуетъ имѣть въ виду возможность нравственнаго сумасшествія“. Хотя выраженіе сумасшествіе (insanity), предполагающее непремѣнно болѣзнь, не всегда можетъ быть точно и можетъ подавать поводъ къ недоразумѣніямъ, но самая мысль, высказываемая здѣсь Prichard'омъ, вполнѣ вѣрна, указывая на особенности организаціи, какъ на причины устойчивой преступности. „Разъ порочно образованный мозгъ“, говоритъ Despine, очерчивая одинъ изъ типовъ порочной организаціи, „не развиваетъ того качества энергіи, какое ему бы нужно развивать, — человѣкъ представляется *непремѣнно лѣнивымъ и нерадивымъ. Такой субъектъ охотнѣе выноситъ нищету, бродяжество, самыя суровыя наказанія, потерю своей свободы въ нищенскихъ депо и тюрьмахъ, нежели принимается за работу.* Эта порочность мозга почти

гихъ могущественныхъ факторовъ, — воспитаніе и общественныя условія. Но это возраженіе, думается мнѣ, проистекаетъ изъ нѣкотораго недоразумѣнія. Дѣйствительно, психо-физическая организація человѣка не представляетъ что-либо, разъ навсегда опредѣленное, неизмѣнное, а напротивъ, частично измѣняется и потому, желая быть вполнѣ точнымъ, нельзя говорить о психофизической организаціи личности А. вообще, а лишь о психо физической ея организаціи въ каждое данное время. Воспитаніе и общественныя условія, въ качествѣ факторовъ внѣшней среды, постоянно вліяютъ на организацію и соотвѣтственно измѣняютъ ее, а особенности послѣдней — разъ совершившіяся измѣненія довольно глубоки и неблагопріятны—въ свою очередь становятся ближайшей причиной преступленія.

193) Я говорю: „въ моментъ совершенія преступленія“, такъ какъ было бы неосновательно прилагать даже къ не случайному преступнику понятіе о порочномъ организмѣ безъ всякихъ ограниченій. Эта порочность можетъ быть прирожденная, а можетъ быть и пріобрѣтенная и притомъ пріобрѣтенная въ болѣе или менѣе отдаленный періодъ жизни отъ момента совершенія преступленія.

всегда сопровождается и другими, болѣе важными, дѣлающими ихъ обладателя воромъ и даже убійцей. Такіе лѣнтяи не скучаютъ своею праздностью, имъ нравится бездѣятельность и они въ ней находятъ удовольствіе. Жизнь, чуждая матеріальныхъ нуждъ, которую ихъ заставляютъ вести въ тюрьмѣ, имъ вполнѣ по вкусу, а потому нѣкоторые изъ нихъ, едва лишь освобожденные, совершаютъ новыя преступленія съ цѣлью попасть на старое мѣсто“ [196]). Организмы этого типа, не будучи въ состояніи развить въ какую-либо единицу времени достаточное количество энергіи, быстро истощаются, при всякомъ слишкомъ длящемся напряженіи, столь часто необходимомъ въ современной лихорадочной жизни. *Состоянія же органическаго истощенія, какъ извѣстно, порождаютъ или, правильнѣе, отражаются въ сознаніи, какъ состоянія психической непріятности и недовольства, что въ свою очередь, вслѣдствіе присущаго всему живому отвращенія къ непріятности и страданію, заставляетъ ихъ жадно искать горячительныхъ напитковъ, усиленнаго куренія, кутежей и вообще искусственныхъ возбужденій, которыя еще болѣе истощаютъ ихъ силы и дѣлаютъ ихъ еще менѣе устойчивыми въ жизненной борьбѣ.* Поэтому организмы этого типа, будучи предоставлены исключительно самимъ себѣ и не встрѣчая поддержки въ окружающихъ, при мало-мальски неблагопріятно сложившихся для нихъ жизненныхъ обстоятельствахъ, легко истощаются, попадаютъ на путь искусственныхъ возбужденій и, понижаясь со ступеньки на ступеньку, доходятъ до состоянія полной непригодности, когда имъ не остается ничего болѣе, какъ путемъ преступленія искать пріюта въ тюрьмѣ [197]).

Къ числу подобныхъ личностей принадлежалъ, напр., знаменитый Lemaire, чувствовавшій рѣшительное отвращеніе ко всякой работѣ. Крайне интереснаго субъекта этого типа порочной организаціи мнѣ пришлось встрѣтить въ одной изъ тюремъ Саксоніи,—въ Zwickau. Этотъ тюремный завсегдатый, нѣкто К. Е., о которомъ я буду говорить ниже,

---

196) Psychol. nat., III, 90.

197) Очень интересныя относящіяся сюда цифры, заимствованныя у Bretegnéres De Courtelles и показывающія число рецидивистовъ одной тюрьмы, совершившихъ свое послѣднее преступленіе съ исключительной цѣлью попасть въ нее, приведены у Lombroso, 144.

въ теченіи своей долгой жизни почти не выходилъ изъ тюрьмы и его, такъ-называемые, Personal Acten (какъ бы послужной списокъ) заключаютъ въ себѣ 141 бол. листъ, не считая множества четвертушекъ. Этотъ же типъ организаціи, насколько я могу судить по лично мною собраннымъ свѣдѣніямъ, есть одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ среди тюремныхъ обывателей. Въ немъ, какъ въ зернѣ, заключаются, и изъ него, если во-время не прійдетъ на помощь разумное воспитаніе, съ неизбѣжностью развиваются многія другія особенности, приводящія ихъ обладателя на скамью подсудимыхъ по важнымъ обвиненіямъ. Субъекты этого типа во множествѣ встрѣчаются не только въ нищенскихъ депо и тюрьмахъ, но, къ несчастію, какъ мнѣ пришлось убѣдиться, въ школахъ и колоніяхъ для малолѣтнихъ. Вліяніе этой органической слабости (истощенности нервной системы) на проявленія психической жизни прекрасно сказалось въ посмертной запискѣ одного 25-лѣтняго богатаго самоубійцы, съ дѣтства отличавшагося нѣсколько тоскливымъ и мрачнымъ настроеніемъ. Окруженный всѣми благами жизни и заботами любящей семьи, онъ тѣмъ не менѣе часто предлагалъ слѣдующій вопросъ окружающимъ: „Скажите, скучаете вы? что касается до меня, то я очень скучаю“. Это „очень скучаю“ повторилось и въ его посмертной запискѣ, въ которой этотъ нервно-истощенный субъектъ говоритъ объ „упоительной перспективѣ предстоящаго ему отдыха“ (enivrante perspective du repos [198]). Въ данномъ случаѣ, при условіи хорошаго воспитанія и отсутствія необходимости въ усиленномъ трудѣ изъ-за куска насущнаго хлѣба, эта органическая особенность толкнула ея обладателя на путь самоубійства, а при другихъ условіяхъ она могла толкнуть его и на путь преступленія.

Примѣръ подобнаго результата намъ представляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ процессовъ, приводимыхъ въ крайне богатомъ по своему матеріалу и уже не разъ цитированномъ мною сочиненіи Despine. Здѣсь я считаю не лишнимъ коротко разобрать этотъ процессъ и на примѣрѣ изъ дѣйствительной жизни указать, какъ изъ основныхъ органическихъ особенностей, съ которыми во время не приходитъ

[198]) Psychol. naturel. III. 93 и 94.

бороться разумное и *индивидуализированное* воспитаніе, постепенно развивается рѣшительно нетерпимая въ обществѣ личность, своею вредною дѣятельностью потрясающая самыя основы послѣдняго.

Дѣло идетъ объ убійствѣ двухъ женщинъ шайкою, состоящею изъ трехъ человѣкъ, старшему члену которой,— Gigax, въ моментъ совершенія убійства было 23 года, а младшему Wolff'у всего лишь 20 лѣтъ. Свѣдѣнія о первомъ изъ нихъ, къ несчастію, заходятъ не далеко въ глубь его прошлой жизни, а личности двухъ остальныхъ ярко обрисовываются лишь условіями самаго преступленія.

Первыя свѣдѣнія о Gigax восходятъ къ его 17 лѣтнему возрасту, когда онъ еще въ качествѣ ученика жилъ у одного булочника въ Benfeld'ѣ а затѣмъ въ качествѣ работника въ Saverne. Всегда онъ отличался *крайней лѣнью*, очень тяготился работой, былъ недоволенъ своимъ положеніемъ вообще, и постоянно мечталъ объ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ низшаго сорта, былъ лживъ, мотоватъ и *развратенъ*, издавна отличался *склонностью къ бродяжеству* и переходилъ изъ города въ городъ. Уже въ этихъ констатированныхъ на судѣ отрывочныхъ свѣдѣніяхъ о характерѣ Gigax мы находимъ ясныя указанія на значительную и, вѣроятно, прирожденную порочность этой организаціи, которая при неблагопріятныхъ для исправленія условіяхъ его жизни, вскорѣ развилась въ поражающую своимъ цинизмомъ преступную личность. Однимъ изъ основныхъ ея пороковъ была истощенность или, иначе, слабая жизненная напряженность нервной системы, проявлявшаяся въ крайней лѣни, въ отвращеніи къ длящемуся напряженному труду, въ склонности къ бродяжеству, въ недовольствѣ своимъ положеніемъ и въ постоянныхъ стремленіяхъ къ усиленнымъ возбужденіямъ. Этой своей стороной Gigax вполнѣ напоминаетъ Lemaire, который также говорилъ: „Для того, чтобы работать, *надо дѣлать усилія*, а я этого не хочу". „Я *вялъ* (mou) *для работы*".

Въ свою очередь эта органическая порочность вторично порождала многія другія, представлявшіяся какъ бы различными видами ея проявленія, — напр., мотовство Gigax, указывающее съ одной стороны на усиленное развитіе чувственныхъ влеченій, а съ другой или на не-развитость сферы

представленій, или, что вѣроятнѣе, на слабость задерживающей силы послѣднихъ и, вслѣдствіе того, на ихъ неспособность обуздывать напоръ первыхъ [199]).

Другимъ основнымъ порокомъ организаціи Gigax было раннее и, повидимому, унаслѣдованное, непропорціонально-усиленное развитіе половой сферы, подъ вліяніемъ котораго обыкновенно рано пробуждаются половыя влеченія [200]), сопутствуемыя особыми движеніями въ сферѣ общаго чувства, въ сферѣ настроенія и толкающія человѣка на путь онанизма или преждевременнаго разврата, какъ мы это видимъ, напр., у Gigax.

Понятно, что это преждевременное начало половой жизни должно было положить рѣзкій отпечатокъ на всю психическую личность подсудимаго, и своими усиленными возбужденіями еще болѣе увеличить истощенность его и безъ того истощенной нервной системы. Если даже у нормальныхъ и хорошо воспитанныхъ дѣтей сравнительно слабо выраженныя ощущенія отъ половой сферы производятъ въ періодъ половаго развитія состоянія неяснаго органическаго безпокойства, неровность настроенія и вообще рѣзкія перемѣны во всей психической личности подростка, то понятно, какое вліяніе должны были оказать усиленныя поло-

---

[199]) Эта слабость задерживающей силы представленій обыкновенно сопровождаетъ всѣ состоянія нервнаго истощенія, какъ прирожденныя, такъ и пріобрѣтенныя (напр., у онанистовъ, пьяницъ и т. д.) вслѣдствіе чего при нихъ и развивается импульсивность.

[200]) Какъ иногда рано пробуждается половая жизнь, видно изъ фактовъ, сообщаемыхъ Lombroso. Въ одномъ случаѣ 9-лѣтній воришка имѣлъ уже любовницу. См. L'Uomo delin., 121. Brace въ своемъ сочиненіи The dangerous classes of New Jork сообщаетъ также крайне интересный случай 9 лѣтняго ребенка, у котораго уже въ этотъ періодъ проснулись усиленныя половыя влеченія, проявлявшіяся, несмотря на самый бдительный надзоръ. Интереснѣе всего то, что эта особенность въ этомъ случаѣ проходитъ по меньшей мѣрѣ черезъ 3 поколѣнія. См. 43 стр., изд. 3-е. Интересные факты преждевременнаго половаго развитія приведены также въ сочиненіи Lucas, Traité philosophique et physiologique de l'hérédité natur., II, 495—501. Въ одномъ случаѣ 4-лѣтній мальчикъ уже проявлялъ ясно выраженное и усиленное половое влеченіе. Подобныя же факты ранняго пробужденія (съ 3-лѣтн. возр.) половыхъ влеченій приведены въ стат. Lombroso — Amori precoci nei pazzi. См. Archivio di Psichiatria, scienze penali, 1883, I. сходныя данныя о знаменитой фамиліи Jukes см. въ Thirtieth Report of the Pison Association of New-Jork.

выя ощущенія, сопровождавшія активную половую жизнь, на только еще складывавшуюся почти ребяческую личность подсудимаго. Нѣсколько поэтическій элементъ настроенія, обусловливаемый сравнительно легкимъ тонически-длящимся возбужденіемъ половой сферы, долженъ былъ рано и навсегда отлетѣть отъ этой преждевременно зажившей души. уступая свое мѣсто болѣе или менѣе циничному отпечатку, который отмѣчаетъ подобныя личности, слишкомъ рано познавшія тайны жизни. Вмѣстѣ съ отпаденіемъ отъ обычнаго настроенія этого важнаго и основнаго тона психической жизни, темныя нѣсколько мечтательныя влеченія, свойственныя юности, должны были превратиться въ ясно выраженныя похотливыя ощущенія, а длящееся и продолжительно звучащее чувство любви, исключительно свойственное нервно истощеннымъ организаціямъ, въ короткія, но сильныя вспышки половой страсти. Трудно преувеличить вліяніе этого момента на весь строй психической личности, на характеръ всѣхъ ея отношеній ко всему ее окружающему. Къ несчастію. современное воспитаніе и весь строй современной жизни вообще, съ ея забѣганіемъ и заборами впередъ, сильно грѣшатъ именно въ этомъ отношеніи [201]) и, вслѣдствіе того, часто порождаютъ съ раннихъ лѣтъ уже зачерствѣлыя личности *съ истощеннымъ чувственнымъ тономъ*, сосредоточенныя лишь на личныхъ грубыхъ удовольствіяхъ и почти неспособныя откликаться на горе и страданія окружающихъ сочувствіемъ, этимъ, по справедливому замѣчанію Maudsley, высшимъ, но при вырожденіи и всего ранѣе отпадающимъ пріобрѣтеніемъ органическаго развитія человѣка

Указанные пороки организаціи Gigax не замѣдливаютъ соотвѣтственно проявиться во внѣ. Тяготясь работой и мечтая лишь о половыхъ удовольствіяхъ и одуряющихъ воз-

---

[201]) Особенно, повидимому, гибельно вліяютъ на правильность половаго развитія фабрики съ ихъ скученностью и дѣтскимъ трудомъ. Объ этомъ см., напр., Fregier, Des classes dangereuses, стр. 98 и слѣд. „Послѣ работъ Эрисмана, Погожева и моихъ о фабричной жизни“, говоритъ д-ръ Песковъ, „никто уже не станетъ оспаривать, что, благодаря ея условіямъ, у фабричныхъ дѣтей должна наступать половая зрѣлость ранѣе обыкновеннаго“. См. газету „Врачъ“, № 29, 1883. Къ вопросу о понижающемъ вліяніи фабричнаго труда на тѣлосложеніе рабочихъ.

бужденіяхъ кутежей, онъ еще въ бытность свою въ Beufeld'ѣ узнаетъ однажды, что по сосѣдству, съ одною служанкой, живетъ старая богатая дѣвица, нѣкто г-жа Reibell. Представленіе о богатой старухѣ и ея богатствѣ, которое можетъ осуществить завѣтныя мечты, съ этихъ поръ не выходитъ изъ его головы и порождаетъ мысль объ убійствѣ. Послѣдняя съ перваго же раза становится какъ бы своимъ человѣкомъ и вполнѣ овладѣваетъ его циничнымъ умомъ, не возбуждая въ немъ ни малѣйшихъ колебаній. Этотъ развратный человѣкъ смотритъ на задуманное, какъ на нѣчто вполнѣ обыкновенное и. что особенно замѣчательно, начинаетъ почти открыто толковать о своемъ планѣ. Его толки прекращаются лишь шести мѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ за совершенное имъ мошенничество, которымъ, еще до привлеченія его къ суду, онъ также открыто хвалится, какъ открыто прежде толковалъ о проэктѣ завладѣнія богатствомъ Rebeill. Этотъ проэктъ не перестаетъ занимать его и по выходѣ изъ тюрьмы Во время пребыванія въ ней, онъ, повидимому, лишь выигрываетъ въ своей зрѣлости и изъ желаемаго и мечтаемаго переходитъ на степень рѣшеннаго. Gigax. не стѣсняясь начинаетъ говорить о ста тысячахъ франковъ, лежащихъ въ хоронушкѣ Rebeill, съ которыми можно всласть пожить. Онъ прямо, хотя и неудачно обращается къ 5 или 6 лицамъ съ предложеніемъ принять участіе въ убійствѣ. О послѣднемъ онъ говоритъ, какъ о чемъ-то самомъ обыкновенномъ: „Вы должны только покараулить; я войду внутрь и *задушу старуху*“ (здѣсь я прошу читателя обратить вниманіе на тотъ особый оттѣнокъ, съ которымъ онъ говоритъ объ убійствѣ. Этотъ оттѣнокъ и вѣроятная причина его станутъ для насъ яснѣй, когда мы будемъ говорить о событіи самаго преступленія и о послѣдующихъ за нимъ обстоятельствахъ).

Уже въ этихъ немногихъ данныхъ ярко проявляется вся порочность организаціи Gigax. „Такъ не реагируетъ“ какъ справедливо замѣчаетъ иногда въ своихъ лекціяхъ профессоръ Krafft Ebing, „вполнѣ нормальный мозгъ“. Эта анормальность сказывается во всемъ поведеніи Gigax. Онъ не только очертя голову обращается съ своимъ предложеніемъ къ 5 или 6 лицамъ, но еще болтаетъ о своихъ планахъ и тѣмъ, на участіе которыхъ онъ и самъ не разсчитываетъ.

Повидимому, контрастирующія представленія о наказаніи вообще и возможной смертной казни въ частности вовсе не возникаютъ въ его сознаніи, всецѣло поглощенномъ предвкушеніемъ ожидаемыхъ наслажденій, а если и возникаютъ, то оказываются столь слабыми, что не только не могутъ уравновѣсить возбуждающихъ его къ дѣятельности непропорціонально развитыхъ чувственныхъ влеченій, но даже не могутъ сдержать его языкъ отъ вредной и крайне опасной для него болтовни.

Желанный сообщникъ скоро находится. Это нѣкто Ruff, повидимому, представляющій сходный типъ порочности организаціи. Обращаясь къ Gigax, онъ такъ самъ характеризуетъ себя: „Я не имѣю шансовъ (очевидно, что при этомъ въ немъ, только еще начинающемъ жить человѣкѣ, говоритъ ясно сознаваемое или, правильнѣе, ощущаемое отсутствіе жизненной напряженности, уничтожающее, какъ и у всякаго истощеннаго больнаго, надежду на свои силы и лучшее будущее), *мнѣ ничто не удается* (очевидно по той же причинѣ), работа мнѣ надоѣдаетъ (это вполнѣ понятно, если принять во вниманіе вѣроятныя особенности его организаціи); я бы ни передъ чѣмъ не остановился, чтобы имѣть деньги“, Еще ранѣе этого разговора нервно-дряблая, не энергичная натура Ruff'а проявилась и въ соотвѣтствующемъ дѣйствіи. До своего знакомства съ Gigax онъ успѣлъ уже побывать въ тюрьмѣ за кражу и мошенничество и теперь готовился идти далѣе. Gigax, конечно, не замедлилъ воспользоваться представившимся сообщникомъ и разсказалъ ему о богатой старухѣ и своихъ планахъ на нее. Вполнѣ, повидимому, сходныя натуры легко поняли другъ друга и дѣло уладилось съ двухъ словъ. Ruff предложилъ въ сообщники еще третьяго — Wolff'а. Послѣдняго онъ рекомендовалъ, какъ лице вполнѣ надежное, которому *человѣка задушить ничего не стоитъ*. Wolff охотно и безъ всякихъ колебаній принялъ сдѣланное ему предложеніе и переговоры скоро закончились. Послѣ этого сообщники, не медля долго, отправились въ путь и, прійдя на мѣсто, проникли въ сѣнной сарай Reibell. Здѣсь они провели остатокъ ночи и весь послѣдующій день, спокойно выжидая удобнаго случая для совершенія задуманнаго. Послѣдній не замѣдлилъ представиться. Въ 7 часовъ вечера въ сарай вошла служанка Rei-

bell и, при видѣ нежданныхъ гостей, остановилась, какъ вкопанная. Въ эту рѣшительную минуту Gigax и Ruff невольно содрогнулись и подались назадъ. Не смутился одинъ Wolff. Онъ бросился на вошедшую, опрокинулъ ее, схватилъ за горло и началъ душить. „Тунеядцы", крикнулъ онъ, обращаясь къ товарищамъ, „если бы я былъ такой же какъ вы, то мы вѣкъ не покончили бы" Это замѣчаніе оказало свое ободряющее дѣйствіе и Ruff въ свою очередь бросился на жертву, *легъ на нее и старался сдержать ея движенія*, а Gigax, который, по словамъ Wolff'а, вертѣлся около, *какъ бѣшанный*, скрутилъ платокъ и имъ крѣпко стянулъ шею жертвы, „*чтобы она*", какъ пояснялъ онъ самъ, „*не могла опастись*". Покончивъ со служанкой, всѣ трое проникли въ домъ, гдѣ, привлеченная шумомъ, ихъ встрѣтила сама Reibell со свѣчею въ рукѣ. „Кто вы? что вамъ надобно?" испуганно спросила она Вмѣсто отвѣта, Gigax опрокинулъ ее и его пальцы впились въ шею несчастной. „*Я сдѣлалъ ее мертвой*" (перевожу буквально, чтобы лучше передать особый оттѣнокъ этой фразы), говорилъ онъ спокойно на судѣ. *показывая свои большія руки и дѣлая ими при этомъ жестъ сдавливанія, въ которомъ, независимо отъ всякаго намѣренія съ его стороны, вполнѣ проявилась его странно жестокая натура*. Ruff, какъ и въ первый разъ, бросился на жертву, легъ на нее (опять-таки очень характерный способъ участія въ убійствѣ, и при томъ повторяющійся очень устойчиво: не иначе, какъ бросается и ложится на свою жертву) и держалъ ее до тѣхъ поръ, пока исчезли всякіе признаки жизни. Wolff же почему-то не принимавшій участія во второмъ убійствѣ, выразилъ вслѣдствіе этого сожалѣніе и при этомъ рѣзко проявилъ всю порочность своей организаціи. Онъ, какъ бы въ вознагражденіе себя, вырвалъ подсвѣчникъ изъ рукъ убитой и имъ, съ безполезной жестокостью, разбилъ черепъ мертвецу, цинично спрашивая: „*Умерла ли ты, старая?*" При этомъ онъ поднялъ платье убитой и принялся разсматривать ея половыя части. На этотъ эпизодъ убійства, имѣющій, думается мнѣ, весьма важное психо-діагностическое значеніе, я считаю нужнымъ обратить особое вниманіе читателя. Въ немъ, съ одной стороны, сказалося какое-то странное *какъ бы опьяненіе отъ убійства*, а съ другой, повидимому, стоящая въ непосредственной

связи съ послѣднимъ *анормальность психическихъ движеній, инстинктивно* толкнувшая Wolff'a разсматривать въ такой страшный моментъ половыя части у убитой и имъ же только что обезображенной женщины. Конечно, все это необдуманныя движенія, но въ которыхъ, однако, вполнѣ обрисовывается порочность организаціи, невольно приводящая на память психическія свиженія Philipp'a и оргіи Gilles de Rays.

Когда все было покончено, Gigax цинично замѣтилъ: „Пяти минутъ было достаточно для служанки, хозяйка же взяла цѣлыхъ семь. *Никогда я и не думалъ, чтобы было такъ легко убивать*“. Послѣ этого знаменательнаго замѣчанія, сообщники приступили къ дѣлежу денегъ, при чемъ Gigax скрылъ лишнихъ 2.000 франковъ, а Wolff и Ruff отъ вида золота пришли какъ бы въ состояніе опьяненія и съ наслажденіемъ складывали его въ кучки, считали и пересчитывали (также драгоцѣнныя черты для характеристики этихъ порочныхъ организацій).

Съ мѣста убійства всѣ трое отправились въ Страсбургъ. Здѣсь они разстались: Gigax отдѣлился отъ Wolff'a и Ruff'a и поѣхалъ дальше, а послѣдніе остались въ городѣ и вмѣстѣ отправились въ гостинницу, гдѣ, въ сообществѣ встрѣченнаго по дорогѣ рабочаго, принялись за ужинъ. Они ѣли съ такимъ спокойствіемъ и аппетитомъ, что ихъ случайный сотоварищъ, узнавъ черезъ день объ ихъ арестѣ, невольно воскликнулъ: „Это невозможно; не ѣдятъ съ такимъ аппетитомъ, имѣя два убійства на совѣсти!“ И дѣйствительно, для нормальныхъ организацій, къ числу которыхъ, вѣроятно, принадлежалъ и говорившій рабочій, подобное поведеніе невозможно. У такихъ организацій представленія о выходящихъ изъ ряда событіяхъ вызываютъ усиленную тонацію эмотивной сферы, — болѣе или менѣе сильныя душевныя волненія (горе, страхъ, отчаяніе и проч.), которыя, вслѣдствіе тѣсной связи различныхъ отдѣловъ нервной системы, распространяются на пищеварительный аппаратъ и убиваютъ аппетитъ. Ничего подобнаго у Wolff'a и Ruff'a. Представленія почти не оказываютъ вліянія на ихъ эмотивную сферу и струна чувства не звучитъ въ нихъ, а потому ихъ желудокъ можетъ предъявлять свои требованія и спокойно работать.

За желудкомъ, какъ и слѣдовало ожидать по всему предшествующему, въ нихъ заговорила *усиленно развитая половая сфера*, а потому и первый выѣздъ сотоварищей былъ въ публичный домъ. Отсюда, переодѣвшись въ новое платье Ruff отправился воспроизводить свое изображеніе въ фотографію (опять-таки весьма характерная черта для этой порочной организаціи, на которую представленія и размышленіе, очевидно, оказываютъ самое ничтожное вліяніе). То же самое независимо отъ него и въ другомъ мѣстѣ сдѣлалъ и Gigax. Послѣдній во время сеанса, по словамъ фотографа, *былъ вполнѣ свѣжъ и спокоенъ, при чемъ на его лицѣ отражалась такая ясность, что на него даже было пріятно смотрѣть.*

Изъ фотографіи Gigax отправился въ Лондонъ, а Ruff съ Wolff'омъ снова вернулись въ публичный домъ. Они мѣняли и мѣнялись женщинами, переходили изъ притона въ притонъ и предавались самому необузданному половому и желудочному разврату, безумно разбрасывая деньги по сторонамъ, какъ будто будущее и не существовало для нихъ.

Во время своего разгула, они повздорили за что-то и крупно заговорили, что привлекло вниманіе одной изъ проститутокъ, которая и вышла посмотрѣть на нихъ. Замѣтивъ это, Ruff странно загорячился и сказалъ: „Еслибы ты вышла посмотрѣть такъ на меня, какъ на Wolff'a, *то я бы задушилъ тебя*“. Часа черезъ три, дѣлая особый выразительный жестъ рукою, онъ снова безъ всякаго повода повторилъ: „Да, еслибы ты вышла посмотрѣть на меня, какъ на Wolff'a, *то я бы задушилъ тебя*“. Нота, слышащаяся въ этой странной и вовсе не мимолетной фразѣ Ruff'a, невольно напоминаетъ намъ ноту, слышавшуюся и въ словахъ развратнаго Philipp'a: „Я очень люблю женщинъ: я расправляюсь съ ними хорошо: я ихъ душу и перерѣзаю имъ горло“.

Похожденія Wolff'a и Ruff'a скоро были прекращены арестомъ. Между тѣмъ третій сообщникъ—Gigax въ Лондонѣ осуществлялъ свои давнишнія завѣтныя мечты, *съ необходимостью вытекавшія* изъ особенностей его порочной натуры. „Я жилъ, какъ принцъ“, разсказывалъ онъ на допросѣ. „катался на прекрасныхъ лошадяхъ, *покупалъ самыхъ красивыхъ женщинъ* и не отказывалъ себѣ ни въ чемъ, что можно достать съ помощью золота“. Въ своихъ одуряющихъ кутежахъ онъ издерживалъ по 300 франковъ въ день. Скоро,

однако, его кошелекъ сталъ пустѣть и онъ поѣхалъ обратно въ Страсбургъ. Проѣзжая черезъ станцію Saverne, Gigax не утерпѣлъ, чтобы не побывать у своего стараго хозяина-булочника съ *единственною цѣлью* (крайне интересная черта для характеристики дефективности его разсудочной стороны) хвастнуть передъ нимъ происшедшей перемѣной и своимъ богатымъ нарядомъ. Здѣсь онъ былъ арестованъ и преданъ суду.

Таковы обстоятельства этого крайне интереснаго дѣла [202]). Не смотря на неполноту свѣдѣній, порочность организаціи всѣхъ трехъ обвиняемыхъ, и при томъ порочность, повидимому, одного и того же типа, рѣзко бьетъ въ глаза. У Gigax и Ruff'a однимъ изъ основныхъ пороковъ ихъ организаціи, какъ я уже указывалъ выше, является истощенность ихъ нервной системы, такъ часто наблюдаемая у дѣтей бѣдняковъ, особенно городскихъ, и проявляющаяся въ лѣни, отвращеніи къ работѣ, склонности къ бродяжеству и проч. [203]). Другимъ зависящимъ отъ перваго важнымъ порокомъ является замѣчаемая у всѣхъ троихъ истощенность сферы чувствъ, а потому и недостаточность ихъ тонаціи, всегда обусловливающая *черствость натуры и отсутствіе въ ней сочувственныхъ влеченій къ окружающимъ*. Далѣе у всѣхъ трехъ замѣчается слабость задерживающей силы представленій о ближайшемъ будущемъ, о грозящихъ тяжелыхъ послѣдствіяхъ. Эта слабость столь значительна, что контра-

---

[202]) Psychologie naturelle, II, 442—457.

[203]) Склонность къ бродяжеству, воровству и пьянству и раннее пробужденіе половыхъ влеченій, — вотъ что обыкновенно отмѣчаетъ потомство различныхъ поденщиковъ и другихъ бѣдняковъ. Въ этомъ мнѣ пришлось лично убѣдиться, просматривая и дѣлая выписки изъ многочисленныхъ dossiers (въ нихъ обыкновенно помѣщаются свѣдѣнія о семьяхъ и о прошлой жизни дѣтей) въ различныхъ учрежденіяхъ для малолѣтнихъ преступниковъ, напр., въ Saxenburg'ѣ, Ruysseled'ѣ, Namur'ѣ. St.-Huber'ѣ, Serex'ѣ и др. Передавая въ нѣсколькихъ словахъ эти выписки, мы получимъ слѣдующія сжатыя характеристики: 1) родители бѣдняки, ребенокъ *съ дурными склонностями*, бродяга и воръ: 2) родители бѣдняки, ребенокъ *лѣнтяй*, бродяга и *развратникъ;* 3) родители бѣдняки, отецъ пьяница, *ребенокъ также пилъ;* онъ бродяга и воръ; 4) родители бѣдняки, *ребенокъ лѣнтяй*, бродяга и крайне странный; 5) родители бѣдняки, ребенокъ бродяга и воръ *и проявляетъ раннее пробужденіе половыхъ влеченій*; 6) родители бѣдняки, ребенокъ воръ, неспособенъ къ работѣ, *лѣнивъ*, *золъ* и непослушенъ. И таковы всѣ характеристики. Ничего въ нихъ похожаго на силу, жизненность и энергію.

стирующія представленія оказываются рѣшительно неспособными не только удержать ихъ отъ преступленія, но и отъ безполезной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опасной болтовни и хвастовства. Только представленія о непосредственныхъ наслажденіяхъ, *подкрѣпляемыя усиленнымъ возбужденіемъ непропорціонально развитыхъ центровъ растительной жизни*, являются опредѣлителями ихъ дѣйствій. На ряду съ этимъ замѣчается и порочность половой сферы, проявляющаяся въ усиленномъ ея развитіи, раннемъ пробужденіи и нѣкоторой извращенности. Всѣ трое *половые люди* [204]), сильнѣйшими стимулами дѣятельности которыхъ являются стимулы, зарождающіеся въ ихъ половой сферѣ

Раннее же пробужденіе и усиленное развитіе и извращеніе половыхъ влеченій обыкновенно часто наблюдается у вырождающихся и порочныхъ организацій [205]) и, повидимому, стоятъ *въ довольно тѣсной связи съ преступленіемъ убійства*. Говоря это, я вовсе не хочу сказать, чтобы всѣ убійства обусловливались ими, иначе говоря, чтобы всѣ убійства совершались людьми этого *половаго типа*, если можно такъ выразиться. Такое утвержденіе было бы пока еще

---

[204]) Порочныя организаціи этого типа, вслѣдствіе усиленнаго разврата и наслѣдственной передачи вырабатываемыхъ имъ органическихъ особенностей, были особенно распространены въ послѣдніе періоды Римской имперіи, *когда дѣятельность значительнаго количества такихъ половыхъ личностей придала особую мрачную окраску всей эпохѣ*. Можно даже думать, что чрезмѣрно усиленное тяготѣніе къ отшельничеству и нѣкоторыя другія явленія, развивавшіяся въ эту эпоху, въ значительной степени были обусловлены этой и другими дурными особенностями организаціи. Невозможность согласовать требованія христіанской религіи о половой и всякой другой чистотѣ съ требованіями собственнаго, наслѣдственно съ этой стороны усиленно развитаго организма заставляла нѣкоторыхъ безжалостно порывать семейныя и брачныя узы и бѣжать отъ міра, чтобы, вдали отъ его непосильныхъ искушеній, бороться противъ органической особенности, выработанной развратомъ предшествующихъ поколѣній. Это былъ періодъ органическаго очищенія и искупленія грѣховъ восходящихъ, утопавшихъ въ развратѣ и безумной роскоши. Относящіеся сюда факты см. у Burckhardt'a, Die Zeit Constantin's des Grossen, стр. 427 и сл., Lecky, Sittengeschichte Europas, I, 290 и сл., II, 21 и сл., 35, 38 и 39, 82 и сл.

[205]) „Раннее пробужденіе половыхъ влеченій", говоритъ Krafft-Ebing, „согласно опыту автора, нерѣдко замѣчается у невропатическихъ (съ истощенною нервн. систем.) индивидуумовъ, и именно у тѣхъ, у которыхъ невропатическая конституція прирождена и унаслѣдована". См. его Ueber gewisse Anomalien des Geschlechtstriebes. стр. 9.

слишкомъ смѣло. Будущимъ тщательнымъ изслѣдованіямъ предстоитъ освѣтить этотъ темный вопросъ [206]). Я же хочу лишь указать на невольно бросающуюся въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ глаза *связь указанной особенности организаціи съ легкимъ посягательствомъ на убійство и съ какою-то странною наклонностью къ нему* [207]). Профессоръ Holtzendorff въ своемъ сочиненіи „Das Verbrechen des Mordes und die Todesstrafe только слегка касается этого соотношенія". „Два основные момента", говоритъ онъ, „наиболѣе опредѣляющіе движеніе человѣческаго общества и міръ мыслей отдѣльнаго лица,—это обладаніе (Besitz) съ одной стороны и половое влеченіе съ другой, или, выражаясь поэтическимъ языкомъ Шиллера, голодъ и любовь. Большинство убійствъ, называемыхъ, въ отличіе отъ политическихъ, общими, черезъ посредство болѣе или менѣе длиннаго ряда сцѣпленія причинъ, могутъ быть сведены на побужденія или экономическаго, или половаго характера". Говоря далѣе о побужденіяхъ послѣдней категоріи, онъ замѣчаетъ: „Въ наиболѣе часто встрѣчающихся случаяхъ дѣйствуютъ слѣдующіе мотивы: пренебреженная любовь, ревность и *сладострастіе, котораго психологическое сродство съ жестокостью уже давно подмѣчено*" [208]). Но этого мало и послѣднимъ замѣчаніемъ сказано далеко не все, что сказать уполномочиваютъ факты. Повидимому, различныя особенности, чрезмѣрныя усиленія и извращенія въ тонаціи ощущеній, исходящихъ отъ половой сферы и входящихъ одною изъ наибо-

---

[206]) И въ этомъ отношеніи эпоха паденія Рима представляетъ замѣчательный матеріалъ для изслѣдованія.

[207]) Въ своемъ сочиненіи „Il reato di omicidio" профессоръ Puglia указываетъ лишь, что органическія состоянія имѣютъ вліяніе на влеченія къ убійству и что есть лица, у которыхъ анормальные импульсы легко поборяютъ ихъ слабыя умственныя способности и у которыхъ существуетъ слѣпое влеченіе къ убійству, стр. 36—40. Профессоръ Lombroso замѣчаетъ, что убійцы обыкновенно мало преданы пьянству, но за то любятъ игру и имѣютъ *сильное влеченіе къ половымъ наслажденіямъ*. См. L'Uomo delin., 180.

[208]) См. указанное сочиненіе, стр. 93. „На соотношеніе между сладострастіемъ и жестокостью особенно указывалъ Blumröder. Объ этомъ см. у Krafft-Ebing'a Ueber gewisse Anomal. des Geschlechtstriebs. Это соотношеніе замѣчается уже въ животномъ царствѣ. Укажу хотя бы на вліяніе холощенія быка на рѣзкое смягченіе его характера, на опасность, представляющуюся самцу паука отъ самки послѣ его любовныхъ похожденій и пр.

лѣе важныхъ составныхъ частей въ общее чувство, порождаютъ такія особенности настроенія и такія внутреннія состоянія, при которыхъ человѣкъ *не только легко раздражается, легко наталкивается на мысль объ убійствѣ и сравнительно легко совершаетъ посягательства на жизнь своихъ ближнихъ, но иногда даже наслаждается чужими страданіями, жаждетъ вида крови и чувствуетъ неодолимое влеченіе къ убійству*. Уже въ дѣятельности преступниковъ насъ невольно поражаетъ рѣзкое и странное различіе. Одни изъ нихъ, имѣя на своемъ счету множество преступленій, тѣмъ не менѣе *чувствуютъ рѣшительное отвращеніе къ убійству* и ни при какихъ условіяхъ не посягаютъ на него, даже для собственнаго спасенія. „Убить. .. я этого не могу“, говорилъ одинъ изъ подобныхъ преступниковъ, „я всегда дрожу когда подумаю, что я бы могъ причинить кому-нибудь смерть“ [209]). Другой, уже осужденный и откровенно разсказывавшій о своихъ порокахъ и преступленіяхъ, на вопросъ разговарившагося съ нимъ Appert, не приходила-ли ему когда-либо мысль прибѣгнуть къ убійству, какъ средству для кражи, живо отвѣтилъ: „О, что касается до этого, то никогда? Я только имѣю не хорошій видъ, но я бы не ударилъ и ребенка. Когда мои сотоварищи задумывали дѣло, то условіемъ своего участія въ немъ я всегда ставилъ, что мы никому не сдѣлаемъ зла“ [210]). Другіе же, напротивъ, рѣшаются на убійство легко и по самымъ незначительнымъ поводамъ. Они какъ бы инстинктивно наталкиваются на мысль о немъ и оно представляется имъ самымъ естественнымъ исходомъ изъ различныхъ затрудненій ихъ жизни. При его совершеніи такія лица иногда далеко заходятъ за предѣлы требуемаго выполненіемъ ихъ плановъ и будто упиваются видомъ крови, а иногда совершаютъ убійства безъ опредѣленнаго мотива лишь для доставленія себѣ какого-то непонятнаго наслажденія. „Я никогда и не думалъ, чтобы было такъ легко убивать“, весело говоритъ Gigax, покончивъ свое кровавое дѣло, а Wolff. сожалѣя, что ему не пришлось принять участіе во второмъ убійствѣ, безъ всякой нужды разбиваетъ черепъ мертвецу. *Лѣнивый и развратный* Lemaire, разъ принявшись за дѣло.

---

[209]) Другіе подобные факты см. у Despine, III, 191 и 2.

[210]) Appert: Bagnes, prisons et criminels, 1836 г. II, стр. 318—323.

былъ готовъ убивать просто изъ удовольствія, поясняя, *что такъ онъ убилъ бы и тысячу*. Столь же лѣнивый его сообщникъ Villet, отличавшійся своимъ дурнымъ характеромъ, все желалъ возврата 93 г., чтобы имѣть удовольствіе дергать веревку гиліотины и видѣть пріятныя для него зрѣлища казни. „Чтобы дать понятіе о ихъ нравственной нечувствительности", говоритъ Despine, разсказывая про эту шайку, состоявшую еще изъ нѣсколькихъ лицъ, „достаточно сказать, что они, послѣ убійства за столомъ священника Domar и его служанки, заняли ихъ мѣста и рядомъ съ трупами покончили приготовленную трапезу" [211]). Gall разсказываетъ объ одномъ голландскомъ предводителѣ разбойничьей шайки, бросавшемъ людей въ воду съ единственною цѣлью имѣть удовольствіе видѣть ихъ отчаянныя предсмертныя усилія [212]). Въ сочиненіи Despine (II, 340—372) приведено много примѣровъ убійствъ, совершенныхъ по самымъ незначительнымъ поводамъ

Но въ чемъ же, спрашивается, кроется причина этого страннаго различія въ направленіи преступности, вслѣдствіе котораго одинъ избираетъ для достиженія своей цѣли, какъ средство, убійство, а другой, чувствуя рѣшительное отвращеніе къ нему, останавливается на кражѣ или другомъ преступленіи? Очевидно, что это различіе, какъ и всѣ явленія во вселенной, необходимо должно имѣть свое основаніе и что это послѣднее, такъ какъ дѣло идетъ о различіяхъ въ дѣйствіяхъ человѣка, всего естественнѣе искать въ условіяхъ его психо-физической организаціи. И дѣйствительно, множество вполнѣ достовѣрныхъ фактовъ, собранныхъ различными авторами, не допускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что у нѣкоторыхъ личностей иногда возникаетъ какое-то странное влеченіе къ крови и къ виду чужихъ страданій, *которое охватываетъ ихъ, направляетъ ихъ мышленіе, парализуетъ вліяніе представленій и неодолимо господствуетъ надъ всѣмъ ихъ умственно-нравственнымъ существомъ*. Подобное влеченіе можетъ появляться въ различныя эпохи жизни, можетъ быть болѣе или менѣе устойчивымъ и можетъ нала-

---

[211]) Это не тотъ Lemaire, о которомъ уже говорилось вначалѣ. Psychol. naturel., II, 401 и 2.

[212]) Sur les fonctions du cerveau, I, 353.

гать болѣе или менѣе рѣзкій отпечатокъ на все существо человѣка [212*]). „Я самъ посягаю на свою жизнь“, писалъ молодой *25-лѣтній* самоубійца, сынъ одного изъ извѣстнѣйшихъ негоціантовъ Парижа, „потому что я увѣренъ, что рано или поздно я бы обезчестилъ свою семью. Мною овладѣло странное помѣшательство, уничтожающее мой покой: *я жажду крови и особенно крови человѣческой*. Я имѣлъ ужасные помыслы объ убійствѣ. До сихъ поръ я могъ сдерживать этотъ инстинктъ, но онъ усиливается и я хочу покончить съ нимъ“ [213]). Buffon разсказываетъ, что къ нему однажды обратился рабочій Cousin съ вопросомъ, не знаетъ-ли онъ лекарства противъ *неодолимаго желанія пролить кровь и при томъ кровь нѣжно любимой жены и ребенка*. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого разговора, Cousin не устоялъ въ борьбѣ съ своимъ влеченіемъ и убилъ своего сосѣда, а самъ отравился [214]). „*Я отъ природы былъ лѣнивъ и жестокъ*, разсказывалъ Appert'y одинъ приговоренный къ казни убійца,—Chodron, „и, говоря откровенно, *я любилъ кровь*“. На вопросъ, почему же онъ не сдѣлался мясникомъ, Chodron отвѣчалъ: „Это не одно и то же; животныя не возбуждаютъ моей ненависти и злости. *Я не знаю, что-то дѣлаетъ меня жестокимъ, помимо моей воли*“ [215]). Gall разсказываетъ про одного голландскаго духовнаго, который имѣлъ такое страстное влеченіе къ убійству, что взялъ мѣсто полковаго священника съ единственною цѣлью видѣть побольше убитыхъ и искалѣченныхъ людей. Самъ онъ воспитывалъ самокъ различныхъ домашнихъ животныхъ, и, когда послѣднія производили потомство, *съ наслажденіемъ принимался рѣзать новорожденныхъ головы*. Онъ не уступалъ никому удовольствія *убивать животныхъ*, приносимыхъ на кухню, находился въ сношеніяхъ съ палачами страны и пѣшкомъ ходилъ на очень далекія разстоянія, *чтобы только присутствовать при казни* [216]). Д-ръ Lauvergne также разсказываетъ про одного подобнаго субъекта, *съ жадностью слѣдившаго* за всѣми перепетіями казни преступника. На замѣчаніе доктора, что есть люди, родя-

[212*]) Припомнимъ приведенный уже разсказъ о креолѣ B.

[213]) Barbaste: De l'Homicide et de l'anthropophagie, 27.

[214]) Тамъ же, 28 и 9.

[215]) Bagnes, prisons et criminels, II, 5 - 9.

[216]) Sur les fonctions du serveau, I, 418.

щіеся съ инстиктомъ разрушенія, этотъ странный субъектъ отвѣтилъ утвердительно, говоря, что онъ самъ принадлежитъ къ ихъ числу. „Я смотрѣлъ на казнь“, сказалъ онъ, „*съ ощущеніемъ удовлетворяемой потребности. Я люблю кровь*, прибавилъ онъ смѣясь“ [217]). О такомъ же невыразимомъ удовольствіи, при видѣ казни трехъ лицъ, разсказывала одному доктору одна *проститутка* [218])

Иногда это странное влеченіе къ крови и виду чужихъ страданій пробуждается весьма рано. Д-ръ Brierre de Boismont передаетъ одно личное наблюденіе шести лѣтняго мальчика, злость котораго и его стремленіе мучить другихъ уже въ этотъ возрастъ вынудили помѣщеніе его въ заведеніе для душевно-больныхъ. Здѣсь онъ сдѣлался мукою для всѣхъ окружающихъ. Онъ часто злобно говорилъ автору: „Какъ только я буду свободенъ,—я подожгу домъ; а если бы я могъ найдти острый ножъ, *я бы вонзилъ его вамъ въ сердце и былъ бы радъ убить васъ и видѣть текущею вашу кровь*“ [219]). То же желаніе *видѣть текущую кровь* высказывалъ и другой 10 лѣтній мальчикъ, съ этихъ уже лѣтъ толковавшій объ убійствѣ [220]).

Но если всѣ приведенные примѣры констатируютъ лишь фактъ несомнѣннаго существованія какой-то странной же стокости и влеченія къ крови и убійству, то другіе столь же несомнѣнно указываютъ на существованіе связи между извращеніями, разстройствами и усиленными раздраженіями

---

[217]) Les forsats, 110 и 111. Не мало фактовъ подобнаго страннаго влеченія къ крови собрано и въ сочиненіи Moreau (de Tours), La psychologie morbide 348 и сл.

[218]) Psych. nat., III, 290.

[219]) Recherches sur l'alienation mentale des enfants, 5.

[220]) Тамъ же, 6 и 7. Нѣсколько подобныхъ же фактовъ приведено въ цитированномъ уже сочиненіи Moreau (de Tours) La psychol. morb., стр. 39 и сл. Иногда это странное наслажденіе чужими мученіями переносится исключительно на собственныхъ дѣтей, убиваетъ естественное родительское чувство и порождаетъ тѣ случаи чудовищной жестокости, о которыхъ намъ разсказываютъ судебныя лѣтописи. Въ одномъ изъ подобныхъ случаевъ отецъ съ матерью прижигали тѣло своей 17-лѣтней дочери раскаленнымъ желѣзомъ и растравляли раны кислотой. Однажды отецъ — что крайне важно для діагноза—съ помощью своей жены ввелъ кусокъ дерева въ половыя части своей дочери, держалъ его тамъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ и такимъ варварскимъ способомъ лишилъ несчастную невинности. Этотъ и другіе подобные же факты приведены у Despine, III, 57 и сл.

ями половой сферы, съ одной стороны, и кровожадностью, легкимъ посягательствомъ или, правильнѣе, склонностью къ убійству—съ другой.

Еще гипократическая школа подмѣтила, что, въ періодъ половаго развитія и перваго появленія регулъ, у дѣвушекъ развивается иногда немотивированное влеченіе къ убійству [221]). Новѣйшія клиническія наблюденія вполнѣ подтвердили этотъ фактъ и показали, что разстройства въ менструаціяхъ вызываютъ иногда странное влеченіе къ убійству, крови и самоубійству. Въ своей Note sur la monomanie homicide Esquirol разсказываетъ про одну четырнадцати-лѣтнюю дѣвушку, очень развитую физически, но у которой все еще не появлялись регулы. Каждый мѣсяцъ она становилась безпокойна, мрачна, раздражительна, предавалась самому необузданному гнѣву, каталась по полу, царапала себѣ лицо, иногда *дѣлала попытки самоубійства и два раза бросалась съ ножемъ на мать*. По окончаніи припадка, она всегда просила прощеніе у послѣдней, была съ ней нѣжна и обыкновенно говорила: „Зачѣмъ ты меня родила такою: я бы хотѣла умереть". Когда ей минуло 17 лѣтъ, то появились регулы, а съ ними прошли и припадки [222]). Д-ръ Loiseau разсказываетъ про одну женщину, у которой, вслѣдствіе трехъ мѣсячной остановки регулъ, явилось неодолимое желаніе убить себя. Она уже пошла на мостъ, но дорогою показались регулы и *она сейчасъ же почувствовала, что ея мысли измѣнились* [223]). Д-ръ Brierre de-Boismont разсказываетъ про дѣвочку, которая во время регулъ видѣла кровь и у которой при этомъ появлялось не мотивированное *желаніе дѣлать зло* [224]).

Другіе факты указываютъ, что такое же влеченіе къ крови и убійству развивается иногда и во время беременности или непосредственно послѣ родовъ. „При душевныхъ разстройствахъ беременныхъ и родильницъ", говоритъ Loiseau, „замѣчается преобладаніе печальныхъ идей съ импульсами къ убійству" [225])

[221]) Semelaigne, Etudes historiques sur l'alienation mentale dans l'antiquité. 48.

[222]) См. 21—24.

[223]) Mémoire sur la folie sympathique, 54.

[224]) Recherches sur l'alienat. ment. des enfants, 25.

[225]) Mém. sur la fol. symp. 60.

То же влеченіе къ убійству замѣчается иногда и при болѣзняхъ половыхъ органовъ. Приведя нѣсколько наблюденій болѣзней матки, сопровождавшихся немотивированными влеченіями къ самоубійству и убійству, Azam говоритъ: „На мой взглядъ приведенные факты вполнѣ достаточны, чтобы установить въ практикѣ имѣющую важное клиническое значеніе связь между липеманіею, съ наклонностью къ самоубійству и убійству, и болѣзнями матки“ [226]). Въ свою очередь Loiseau замѣчаетъ: „Симпатическія душевныя разстройства, порождаемыя разстройствами въ половой сферѣ, сопровождаются иногда влеченіемъ къ самоубійству и убійству“ [227]).

Съ другой стороны множество фактовъ указываютъ на связь между усиленными раздраженіями половой системы, усиленною половой похотью съ вытекающею изъ нея склонностью къ разврату и влеченіемъ къ убійству и даже кровожадностью. Эта связь рѣзко проглядываетъ въ душевныхъ движеніяхъ развратныхъ Philipp'a и Ruff'a, у которыхъ развивается какое-то странное влеченіе душить своихъ любовницъ, а еще болѣе въ дѣйствіяхъ маршала Gilles de Rays, который, для усиленія интензивности наслажденія, истязаніями и убійствомъ сопровождалъ свои половыя оргіи. Та же связь проглядываетъ и въ дѣйствіяхъ графа de Charolais, брата герцога Bourbon Condé. къ которому Людовикъ XV питалъ отвращеніе. Уже въ играхъ своего дѣтства графъ проявлялъ *крайнюю жестокость, заставлявшую содрагаться окружающихъ*. Ему доставляло величайшее удовольствіе мучить животныхъ и жестококо обращаться съ прислугою. Онъ какъ и маркизъ Gilles des Rays, *любилъ окроплять свой развратъ и совершалъ разнообразныя варварства надъ доставлявшимися ему куртизанками*. Народное преданіе, согласно съ нѣкоторыми мемуарами, обвиняетъ его въ нѣсколькихъ убійствахъ. *Говорятъ, онъ совершалъ ихъ безъ интереса, безъ мести и безъ гнѣва*. Онъ стрѣлялъ, напр., въ кровельщиковъ съ единственною цѣлью имѣть варварское удовольствіе видѣть ихъ падающими съ крышъ[228]). Та же связь половой похоти и влеченія

---

226) De la folie sympathique, 46.

227) Mémoire sur la folie sympathique, 60.

228) Gall, Sur les fonctions du serveau, I, 421 и 2.

къ убійству проглядываетъ и въ примѣрахъ, приводимыхъ Lombroso на 122 стр. его сочиненія, въ которыхъ первою мыслію убійцы послѣ его кроваго дѣла была мысль объ удовлетвореніи его половыхъ влеченій, а также и въ нѣкоторыхъ случаяхъ убійствъ, совершенныхъ *подъ вліяніемъ страсти и ревности*, о которыхъ разсказываетъ тотъ же авторъ и въ которыхъ расходившаяся рука убійцы не ограничилась одною личностью, а безполезно поражала и другихъ. Таково, напр., убійство Crassi. который *послѣ неудачной попытки имѣть половое сношеніе съ двоюродной сестрой*, убилъ ее, ея отца и даже животныхъ [229]). Еще яснѣе проявляется эта связь въ разсказѣ д-ра Prichard'a объ одномъ солдатѣ, судившемся въ 1824 году въ Версалѣ, который уже съ дѣтства *отличался мрачнымъ и жестокимъ характеромъ* и всегда избѣгалъ дѣтей своего возраста. Въ 1823 году онъ ушелъ въ лѣсъ, поселился въ пещерѣ и питался дикими плодами. Здѣсь у него вскорѣ развилось желаніе поѣсть человѣческаго мяса и напиться человѣческой крови. Увидивъ однажды маленькую дѣвочку, онъ затащилъ ее въ свою берлогу. *изнасиловалъ потомъ убилъ, изуродовалъ ей половые органы, сосалъ кровь и наконецъ вырвалъ сердце и съѣлъ его* [230]). Сходный фактъ приводитъ и профессоръ Krafft-Ebing [231]). Д-ръ Moreaux (de Tours) разсказываетъ подобный же случай художника, который. рисуя портретъ очень красивой женщины, безумно влюбился въ нее, и, когда страсть его достигла своего высшаго развитія, бросился на нее, убилъ, вырвавъ ея сердце и съѣлъ его [232]). Крайне интересный случай анормальности половой сферы, сопровождавшейся неодолимымъ влеченіемъ къ дракамъ, передаетъ д-ръ Descuret изъ своей практики. Это женщина, долгое время подъ видомъ мужчины служившая во французской арміи и чувствовавшая рѣшительное отвращеніе къ браку и ко всѣмъ женскимъ занятіямъ. Будучи уже 64 лѣтъ отъ роду, она явилась за совѣтомъ къ доктору по поводу часто охватывавшихъ ее неодолимыхъ влеченій къ дракѣ, при одной мысли о которыхъ „все ея тѣло кипѣло“, глаза блистали и сосуды лица наливались

229) L'Uomo delinquente, 137.

230) On the different forms of insanity, 100 и 105.

231) Ueber gewisse Anomalien des Geschlechts tr., 12 и 13.

232) Psychologie morbide, 366.

кровью [233]). Подобныя же, хотя и нѣсколько видоизмѣненныя неодолимыя влеченія испытывалъ и сержантъ Bertrand, дѣло котораго въ свое время надѣлало столько шуму. Этотъ 25 лѣтній молодой человѣкъ, хорошо и самъ понимавшій анормальность нѣкоторыхъ своихъ психическихъ состояній, многократно съ опасностью жизни проникалъ на кладбище, вырывалъ женскіе трупы, совершалъ съ ними актъ половаго сожительства, а затѣмъ съ ожесточеніемъ наносилъ имъ удары, страшно уродовалъ ихъ, взрѣзалъ имъ животы, вырывалъ внутренности и проч. „*Я терзалъ женщинъ на куски*“, разсказывалъ онъ потомъ на судѣ, „*съ невыразимымъ удовольствіемъ*“. Описывая, какъ на него повліялъ впервые видъ женскаго трупа, онъ говорилъ: „*черныя мысли пришли мнѣ въ голову*“. Я почувствовалъ сильную головную боль; сердце мое стало биться съ силою; я не владѣлъ больше собою“. Докторъ Lunier, представившій разборъ этого случая, передаетъ и другой, въ которомъ молодая дѣвушка, получивъ отъ отца *отказъ въ согласіи на бракъ съ любимымъ человѣкомъ, убила его, вырвала у него еще бившееся сердце, поджарила его и съѣла* [234]).

Связь жестокости, кровожадности, влеченій къ убійству и усиленныхъ раздраженій и разстройствъ половой сферы выступаетъ еще болѣе ясно въ наблюдавшихся случаяхъ ихъ совмѣстнаго ранняго пробужденія, во многихъ изъ которыхъ причинная зависимость между раннимъ занятіемъ онанизмомъ и поражающими, чудовищными влеченіями маленькихъ дѣтей, по моему, стоитъ внѣ сомнѣній. Esquirol разсказываетъ, напр., про одну 8 лѣтнюю дѣвочку, которая съ поразительнымъ хладнокровіемъ и цинизмомъ высказывала устойчивое намѣреніе убить своихъ родителей. Это странное и упорное влеченіе естественно поражало послѣднихъ, и они не знали, что и думать о немъ. Но одна знакомая, руководимая примѣромъ своей десяти-лѣтней племянницы, навела мать на мысль о возможности занятій онанизмомъ. На косвенные вопросы, предложенные матерью, дѣвочка съ поразительнымъ цинизмомъ отвѣчала, что она хорошо знаетъ, о чемъ ее спрашиваютъ, и что она съ 4 лѣтъ

---

233) La médecine des passions, II, 38 и слѣд.

234) Lunier: Examen médico-légal d'un cas de monomanie instinctive.

постоянно занималась съ мальчикомъ десяти или двѣнадцати лѣтъ [235]). Сходный примѣръ, со словъ д-ра Delausive, передаетъ и д-ръ Moreau (сынъ). Почти тѣхъ же лѣтъ дѣвочка, часто предававшаяся онанизму съ дѣтьми другаго пола, не только питала *странное отвращеніе* къ своимъ родителямъ, но еще и проявляла почти враждебныя намѣренія по отношенію къ нимъ [236]). Въ статьѣ д-ра Morro и Lombroso приводится интересный случай мальчика, *съ 3 лѣтъ уже начавшаго предаваться онанизму.* Будучи 5 лѣтъ, онъ проявлялъ усиленную склонность дѣлать зло и, видя кровь, текущую изъ носу маленькаго брата, *съ наслажденіемъ маралъ въ ней руки* и заявлялъ, *что онъ хочетъ убить ребенка и видѣть кровь, доставляющую ему наслажденіе* [237]). Д-ръ Schnepf также описываетъ нѣсколько случаевъ поразительной злости и жестокости дѣтей, развивавшихся на ряду съ онанизмомъ [238]). Но наиболѣе характерный изъ извѣстныхъ мнѣ случаевъ этого рода,—это случай, сообщаемый Charcot и Magnan'омъ, въ которомъ 6 или 7-лѣтній мальчикъ, *предаваясь онанизму*, мысленно *подвергалъ избранную имъ дѣвочку всевозможнымъ мученіямъ и рисовалъ себѣ картины отрѣзанія у нея ногъ, вбиванія въ нихъ гвоздей и проч.* [239]).

Интересно, что влеченіе къ крови, повидимому, загорается иногда въ тотъ же періодъ, когда у стариковъ, не смотря на крайнее ослабленіе всѣхъ органическихъ и психическихъ функцій, просыпается болѣзненная похотливость, наталкивающая ихъ на изнасилованіе очень маленькихъ дѣтей [240]). Call разсказываетъ, напр., что вначалѣ прошлаго столѣтія въ одной мѣстности Голландіи было совершено нѣсколько убійствъ. Долгое время виновникъ ихъ оставался неизвѣстенъ. Наконецъ, былъ заподозрѣнъ одинъ старый скрипачъ, имѣвшій обыкновеніе играть на всѣхъ свадьбахъ въ округѣ. Преданный суду, онъ сознался, что совершилъ 34

---

235) Des maladies mentales, II, 112—116.

236) De l'Homicide commis par les enfants, 127.

237) Archivio di psichiatria, scienze penali, fase, II, 1883, 167.

238) Des aberrations du sentinient, 22, 23, 25—29, 52.

239) Inversion du sens génital 23 и 24.

240) См. ст. д-ра Kirn: Ueber die Klinisch-forensische Bedeutung des perversen Sexualtriebes, стр. 4 и сл. ст. помѣщ. въ Zeitschrift f. Psychiatrie, Bd. 39, у меня подъ рукой былъ отдѣльный оттискъ.

убійства, и при томъ совершилъ ихъ безъ всякой вражды и безъ цѣли воспользоваться собственностью убитыхъ, а исключительно изъ желанія доставить себѣ *необычайное удовольствіе* [211]). Д-ръ Tardieu передаетъ нѣсколько сходный случай. Старикъ 61 года, *всегда отличавшійся лѣнью, странной жестокостью характера, усиленнымъ развратомъ (его называли seducteur de village), лицемѣріемъ и въ то же время ханженствомъ* (при этомъ надо замѣтить, что въ клиническихъ случаяхъ религіознаго бреда обыкновенно наблюдаются и разстройства половой сферы), хладнокровно и предательски совершилъ убійство 5 лицъ, изъ которыхъ одна была его жена, а трое другихъ—близкіе родственники. Передъ убійствомъ и послѣ него обвиняемый оставался совершенно спокоенъ и все сваливалъ на самозащиту. Въ письмахъ, написанныхъ немедля послѣ арестованія къ сестрамъ, сыновьямъ и слѣдственному судьѣ, онъ восхвалялъ непорочность убитой имъ жены, говорилъ о своей спокойной совѣсти и просилъ устроить моленія св. Елизаветѣ. Въ тюрьмѣ онъ также оставался спокоенъ и, какъ и прежде, не проявлялъ никакихъ признаковъ того, что называется умственнымъ разстройствомъ [212]).

Исторія прошлаго времени также сохраняетъ намъ указанія на это соотношеніе разстройствъ и извращеній половаго инстинкта и кровожадныхъ влеченій. Сулла, Августъ, Тиверій, Калигула, Неронъ, Витилій, Домиціанъ, Генрихъ VIII, вскрывавшій животы своимъ женамъ, и множество другихъ историческихъ личностей были на столько же кровожадны, насколько и развратны. Въ исторіи умственныхъ эпидемій мы находимъ слѣды того же соотношенія во множествѣ случаевъ, въ которыхъ на ряду съ явленіями разстройствъ въ половой сферѣ, заставлявшими больныхъ галлюцинировать половыми связями съ демонами, весьма часто встрѣчаются и явленія кровавыхъ преступленій, воображаемыхъ или дѣйствительныхъ—все равно, но сопровождавшихся въ сознаніи дѣятелей *невыразимымъ наслажденіемъ* [213]).

---

[211]) Sur les fonctions du Serveau, I, 420.

[212]) Etude medico-legale sur la folie, 552 и сл.

[213]) Факты см. у Calmeil въ его сочиненіи De la folie, I. 171, 234, 241, 288 и 289, 292, 319, 453, 454, 482.

Типъ *половыхъ организацій* со всѣми вытекающими изъ него психическими особенностями, какъ и всѣ органическія особенности вообще, повидимому, передается наслѣдственно [244]). Этимъ, вѣроятно, и объясняется странная заразительность убійствъ, а иногда и ихъ эпидемическое распространеніе. Примѣръ послѣдняго намъ представляетъ, напр., немотивированное преступленіе Henriett'ы Cornier, вызвавшее столь сильное подражательное движеніе, что „Франціи въ то время стала угрожать мономанія убійствъ“ [245]). Въ такихъ случаяхъ *предрасположенные организмы* или, правильнѣе, *организаціи того же порочнаго типа*, подъ соотвѣтствующими и одинаковыми воздѣйствіями, откликаются одинаково.

Этимъ же, вѣроятно, объясняется и то, что иногда цѣлыя историческія эпохи окрашиваются поразительной и на первый взглядъ непонятной жестокостью и кровожадностью. Такія эпохи въ жизни народовъ, повидимому, наступаютъ тогда, когда нездоровыя условія общественной жизни, путемъ наслѣдственной передачи вырабатываемыхъ упражненіемъ органическихъ особенностей, подготовляютъ значительное число организмовъ этого порочнаго типа, которые, составляя тогда вліяющее общественное большинство, начинаютъ свои оргіи и всею своею разнузданною дѣятельностью, отражающею ихъ черствое порочное существо, налагаютъ особый мрачный отпечатокъ на свою эпоху. Подобный примѣръ намъ представляетъ покойный Римъ, кровожадность гражданъ котораго и ихъ анормальное влеченіе упиваться невинною кровью развивались, по мѣрѣ развитія естественнаго и противоестественнаго разврата и фактическаго разложенія моногамическаго брака. Когда же „вся римская молодежь предалась“, по выраженію Mitraud, „са-

---

[244]) Факты см. въ сочин. Lucas De l'Hérédité naturelle, I, 504 и 5 и въ сочиненіи Ribot, L'Hérédité, 126 и 127. Въ намюрской исправительной школѣ мнѣ пришлось встрѣтить мальчика L. H., отецъ котораго былъ осужденъ за изнасилованіе своихъ дочерей, а самъ онъ пытался сожительствовать съ сестрою. Одинъ русскій докторъ, съ которымъ мнѣ пришлось познакомиться въ Парижѣ, передавалъ мнѣ слѣдующій случай изъ своей практики. Одинъ изъ его паціентовъ, священникъ, занимался онанизмомъ. Посѣщая его, докторъ однажды засталъ невзначай его двухъ маленькихъ дочерей, взаимно онанировавшихъ другъ друга.

[245]) Barbaste, De L'Homicide, 98.

мой гнусной изъ всѣхъ проституцій, [246]), тогда начались гражданскія войны со всѣми ихъ ужасами и наступило разложеніе общественной жизни, сопровождавшееся потоками крови и безчеловѣчными жестокостями [247]).

Конечно, всѣ вышеприведенные факты суть факты исключительные, но они, какъ и все рѣзко выраженное, всего лучше выясняютъ намъ, какое важное участіе принимаетъ половое чувство въ явленіяхъ психической жизни и въ дѣятельности человѣка. Въ другихъ, *нѣсколько* менѣе анормальныхъ случаяхъ, вліяніе этого фактора, конечно, соотвѣтственно слабѣе проявляется во внѣ. Въ такихъ случаяхъ онъ не наталкиваетъ какъ въ приведенныхъ примѣрахъ, безусловно на убійство, хотя при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ которыя, вслѣдствіе склада общественной жизни, часто попадаютъ подобныя люди, вѣроятно, облегчаетъ и подсказываетъ его. Въ подобномъ различіи организаціи, повидимому, и кроется разгадка тѣхъ различій въ направленіи преступности, на которыя я указалъ выше.

Вообще же можно сказать, что если нормально развитое половое чувство служило и служитъ базисомъ человѣческаго общества, прочною связью, цементирующею его членовъ, и вызываетъ въ нихъ наиболѣе возвышенныя и самоотверженныя душевныя движенія, то съ другой стороны то же половое чувство, будучи анормально развито и извращено, изъ цемента становится *причиною потрясенія общественныхъ связей* и наталкиваетъ отмѣченныхъ имъ лицъ на загадочныя и звѣрскія преступленія, *непосредственно вытекающія, помимо всякихъ соображеній полезности, изъ тайниковъ ихъ извращенной растительной жизни.*

Все сказанное ясно указываетъ, какое рѣшительное вліяніе оказываютъ тѣ или иныя органическія особенности на тотъ или другой обликъ психической личности, которая, по вѣрному замѣчанію Descuret, есть выраженіе всей совокупности организаціи [248]), и съ какою тщательною забот-

---

[246]) De la nature des sociétés humaines, 428.

[247]) Не безъинтересно замѣтить, что и кровавымъ ужасамъ французской революціи съ ея сентябрьскими днями, когда расходившіяся руки опьянѣлыхъ отъ крови убійцъ уже не могли болѣе сдерживаться, предшествовалъ долгій періодъ усиленія разврата.

[248]) La médecine des passions, I, стр. 74.

ливостью разумное *и индивидуализированное воспитаніе должно культивировать всѣ стороны человѣческаго существа, а не одну лишь его умственную сферу.* Дѣло Gigax и его сотоварищей тѣмъ и важно для насъ, и потому я и остановился сравнительно долго на его разборѣ, что оно ясно и наглядно показываетъ намъ, какъ изъ элементарныхъ органическихъ особенностей, каковы истощенность и дряблость нервной системы, сопутствуемая усиленнымъ развитіемъ половой сферы, *при отсутствіи надлежащей индивидуализированной культуры*, постепенно развиваются поражающіе своей нравственной уродливостью члены человѣческаго общества, заканчивающіе свою жизнь на плахѣ.

Оно же болѣе наглядно уясняетъ намъ и то общее положеніе, къ которому *съ неизбѣжностью* приводятъ современныя психіатрическія ученія о порочныхъ организаціяхъ, и которое я уже формулировалъ выше.

Въ свою очередь это общее положеніе, развивавшееся, какъ мы видѣли, въ теченіи долгаго времени *на почвѣ безпристрастнаго наблюденія фактовъ дѣйствительности*, имѣетъ весьма важное значеніе вообще, а для уголовнаго права, какъ науки, въ частности. Нѣкоторые, вытекающіе изъ него выводы уголовно-правоваго характера я и попытаюсь указать теперь.

Прежде всего это положеніе, не касаясь вопроса о существѣ сознанія, которое при всякой гипотезѣ останется загадкой бытія, устраняетъ вредный дуализмъ изъ понятія о человѣкѣ и тѣсно сливаетъ физическое и психическое, какъ двѣ нераздѣльныя стороны однихъ и тѣхъ же явленій. Такимъ образомъ, сводя всѣ проявленія порочности и преступности къ одному общему источнику, — особенностямъ психо-физической организаціи, оно тѣмъ самымъ устраняетъ безплодные, а вмѣстѣ съ тѣмъ и несправедливые въ своихъ послѣдствіяхъ споры о *качественныхъ* различіяхъ въ человѣческой порочности *и разсматриваетъ преступника, наравнѣ съ душевно-больнымъ, какъ жертву особенностей его организаціи, которыя, не будучи своевременно измѣнены воздѣйствіями другихъ не преступныхъ людей, опредѣлили его дальнѣйшій преступный путь.* А это въ свою очередь уничтожаетъ то *коренное* различіе между душевно-больнымъ и душевно-здоровымъ преступникомъ, которое и до сихъ поръ еще рѣзко

проводится уголовными законодательствами. Дѣйствительно, если все зависитъ отъ особенностей психо-физической организаціи, то и различіе этихъ двухъ категорій, очевидно, не можетъ быть различіемъ въ существѣ, а лишь въ степени или въ разстроенныхъ органахъ, что въ свою очередь можетъ обусловливать лишь различіе въ употребляемыхъ *однородныхъ* средствахъ, а не такое коренное различіе, какъ *леченіе и возмездіе!*

Во-вторыхъ, это общее положеніе предъявляетъ къ криминалистамъ, задавшимся изученіемъ вопроса о дѣйствительныхъ средствахъ борьбы съ преступленіемъ, серьозныя требованія и указываетъ имъ на необходимость, не ограничиваясь выработанными крайне общими, а потому и непригодными формулами, *конкретно* изучить разнообразныя оттѣнки порочности, существующіе въ дѣйствительности, и сдѣлать какъ преступника, такъ и преступленіе, служащее проявленіемъ преступности дѣятеля, предметомъ наблюденія, какъ имъ уже сдѣланы всѣ другія явленія, служащія объектомъ изученія для той или другой отрасли науки [219]).

Въ-третьихъ, тоже общее положеніе существенно измѣняетъ отношеніе всякаго, хорошо его усвоившаго, къ преступнику и замиряетъ въ немъ чувство озлобленнаго раздраженія, подъ вліяніемъ котораго требуютъ смерти и страданій нарушителей общественныхъ запретовъ, охраняемыхъ угрозой наказанія.

Дѣйствительно, встрѣчаясь съ преступленіемъ, всякій не преступный человѣкъ обращается къ своему внутреннему опыту и, опираясь на свидѣтельство послѣдняго, старается объяснить его. Но приравнивая преступника къ себѣ и не испытывая при томъ тѣхъ особыхъ ощущеній и не переживая тѣхъ особыхъ чувственныхъ состояній, которыя были испытаны и пережиты дѣятелемъ преступленія и обусловливались особенностями его психо-физической организаціи, онъ видитъ въ его дѣяніи лишь слѣдствіе *нежеланія* поступать такъ, какъ поступаютъ другіе,—люди не преступные, и, наоборотъ, желанія поступать такъ, какъ поступаютъ пре-

---

219) Разъ передъ нами не одно общее,—человѣкъ, съ столь же общими качествами, а значительное органическое разнообразіе, то, понятно, что все не можетъ и не должно быть сводимо къ такимъ абстрактнымъ факторамъ, какъ злая воля, а требуетъ болѣе детальнаго конкретнаго изученія.

ступники. Понятно, что при такомъ объясненіи въ немъ невольно зарождается „негодованіе, ненависть, презрѣніе, страхъ и даже мщеніе“ — все чувства, лишь препятствующія спокойному отношенію, необходимому для всякаго плодотворнаго обсужденія. Но въ томъ же человѣкѣ эти чувства быстро улегаются, разъ онъ узнаетъ, что возмутившее его дѣяніе совершено человѣкомъ больнымъ, человѣкомъ сумасшедшимъ. Отчасти руководствуясь все тѣмъ же внутреннимъ опытомъ, подсказывающимъ ему, въ какой значительной степени часто измѣняется его собственная психическая личность въ состояніяхъ болѣзни, а отчасти другими жизненными наблюданіями надъ окружающими его людьми, *онъ начинаетъ понимать, что здѣсь его субъективная мѣрка, мѣрка вполнѣ здороваго человѣка неприложима и что здѣсь дѣло не въ желаніи и нежеланіи, а въ особенностяхъ органическихъ состояній.* Такое же измѣненіе, очевидно, должно произойти и тогда, когда понятіе о зависимости отъ особенностей органическихъ состояній будетъ распространено въ его умѣ съ дѣйствій душевно-больнаго на дѣйствія преступника, какъ порочной организаціи.

Но хотя наше общее положеніе и ведетъ къ измѣненію отношенія къ преступленію и преступнику, тѣмъ не менѣе оно нисколько не подрываетъ и не колеблетъ понятія о вмѣняемости и признаніе его вовсе не тождественно съ признаніемъ совершающихъ преступленія безотвѣтственными, какъ это утверждаютъ нѣкоторые. *Изъ какихъ бы источниковъ ни истекала человѣческая преступность, общество, страдающее отъ зла преступленій, потрясающихъ его въ самыхъ его основахъ, не можетъ не принимать мѣръ къ ихъ искорененію, а такъ какъ ближайшая причина ихъ кроется въ преступникѣ, то и противъ этого послѣдняго, называйся онъ здоровымъ или больнымъ.* Все различіе двухъ взглядовъ состоитъ лишь въ томъ, что прежній взглядъ искалъ ближайшій источникъ преступленій исключительно въ психикѣ, тогда какъ новый ищетъ его въ нераздѣльной психо-физикѣ.

Но если новый взглядъ не подрываетъ и не расшатываетъ понятія вмѣняемости, то онъ, повидимому значительно, измѣняетъ понятія о дѣйствительныхъ средствахъ борьбы съ преступленіемъ [250]).

---

[250]) Прежде всего, конечно, предупредительная дѣятельность, иначе говоря

Прежде всего онъ приводитъ къ индивидуализаціи наказанія въ соотвѣтствіи съ различіями въ оттѣнкахъ преступности. Насколько невозможно *леченіе отъ болѣзни вообще, на столько же невозможна и борьба съ преступностью по общей формулѣ*. Во всѣхъ случаяхъ и всегда необходимо исходить отъ изученія живой личности съ ея разнообразными особенностями [251]).

Во-вторыхъ, онъ приводитъ и къ измѣненію въ самомъ характерѣ наказанія. Прежде въ преступленіи видѣли лишь результатъ злой воли, какъ особой сущности души. Но что было дѣлать съ такимъ загадочнымъ факторомъ и какъ было сдѣлать его не злымъ? Оставалось, по традиціи отъ варварскихъ періодовъ, во всѣхъ случаяхъ дѣйствовать страданіемъ и устрашеніемъ.

Но первое, какъ результатъ *перераздраженія*, лишь усиливаетъ уже существующія порочности, а вліяніе втораго, т.-е. устрашенія, путемъ возбужденія представленій о дурныхъ послѣдствіяхъ дѣянія, сравнительно слишкомъ кратковременно, а потому и не можетъ *длительно* сдерживать чувственныхъ влеченій. У порочныхъ же организмовъ, какими являются преступники, оно при томъ слишкомъ слабо и легко уступаетъ *напору органически значительно болѣе развитыхъ и сильнѣйшихъ чувственныхъ влеченій* [252]). Поэтому остается или прибѣгать во всѣхъ случаяхъ къ крайне грубымъ, но дѣйствительно универсальнымъ средствамъ искорененія преступниковъ,—смертной казни и пожизненному заключенію.

дѣятельность, направленная на устраненіе условій, вырабатывающихъ порочныя организаціи, склонныя къ преступленію. Но хотя криминалистъ и указываетъ на эту дѣятельность, какъ на надежнѣйшее средство борьбы съ преступностью, однако проведеніе мѣръ, изъ которыхъ она слагается, выходитъ изъ предѣловъ его вѣдѣнія. Его задача скромнѣе: борьба съ преступленіемъ лишь въ лицѣ уже народившагося преступника; онъ главнымъ образомъ терапевтъ, а не гигіенистъ.

251) Чрезвычайно мѣткія и вѣскія возраженія противъ шаблонности карательныхъ мѣръ см. въ цитированномъ уже сочиненіи Д-ра Kraepelin'a,—Die Abschafung des Strafmasses, стр. 18 и сл.

252) Припомнимъ хотя бы дѣло Gigax. Такія же особенности можно наблюдать и у другихъ преступниковъ, у которыхъ, вслѣдствіе ли истощенія нервной организаціи, при чемъ преимущественно истощаются и засыпаютъ высшіе центры нравственной и умственной жизни, или вслѣдствіе усиленнаго развитія центровъ растительной жизни, напоръ чувственныхъ влеченій особенно силенъ и легко побораетъ слабое противодѣйствіе представленій.

или же къ исправленію, путемъ устраненія или ослабленія порочности психо-физической организаціи дѣятеля. Но не говоря уже о томъ, что смертная казнь идетъ въ разрѣзъ съ основными принципами общежитія, нельзя не замѣтить, что серьозно невозможно и думать о ея приложеніи не только ко всѣмъ, но даже и къ тысячной доли преступниковъ. То же нужно сказать и о пожизненномъ заключеніи. А если такъ, то что же остается? Портить-ли и безъ того испорченнаго преступника страданіемъ и тѣмъ только нарощать его преступность, или же устранять и ослаблять существующія въ немъ причины послѣдней и тѣмъ поднимать его до типа нормальнаго общественнаго человѣка? Отвѣтъ, думается мнѣ, едва-ли можетъ быть сомнителенъ.

Таковы выводы, съ логическою необходимостью вытекающіе изъ формулированнаго выше общаго положенія, и таково то боковое теченіе, о которомъ я говорилъ въ началѣ очерка и которое оказало и продолжаетъ оказывать глубокое вліяніе на науку уголовнаго права.

IV.

Кромѣ описаннаго уже бокового теченія, вліявшаго на измѣненіе многихъ основныхъ понятій уголовнаго права[253]),

---

[253]) Начиная съ Esquirol'я и его ученія о мономаніяхъ, въ области психіатріи постепенно все болѣе и болѣе выдѣляется особый отдѣлъ, посвященный изслѣдованіямъ преступниковъ, соприкасающихся съ областью психіатріи. Этотъ отдѣлъ носитъ названія: Forensische Psychopathologie, Gerichtliche Psychopatologie, Criminalpsychologie и пр. (Подробный перечень относящихся сюда сочиненій за послѣднее время, съ изложеніемъ ихъ содержанія, можно найдти въ приложеніи къ „Psychiatrischen Centralblatt", № 1. 1876 г. въ стат. Krafft-Ebing'a: „Uebersicht über die Fortschritte und Literatur im Gebiete der forenschen Psychopathologie im Decenium 1866 — 1875 г. Продолженія этого перечня помѣщаются въ Allg. Zeitschr. f. Psychiatrie). Относящіяся къ нему Эти изслѣдованія привели уже къ общему убѣжденію, что, по крайней мѣрѣ, привычные преступники (Gewohnheitsverbrecher, habitual criminals, delinquenti abituali) представляютъ собою органически дефективную разновидность человѣчества, выработанную какъ путемъ наслѣдственной передачи, такъ и путемъ неблагопріятнаго жизненнаго воспитанія самихъ дѣятелей преступленія. „Существуетъ классъ лицъ" говоритъ Maudsley, „которыя лишены моральнаго чувства и которыя по истинѣ суть нравственные идіоты,—это классъ привычныхъ преступниковъ. Всѣ наблюдатели согласны въ томъ, что они составляютъ болѣзненную или выродившуюся разновидность человѣчества, отмѣченную

существуетъ болѣе прямое, непосредственно направившееся на изученіе преступника вообще и вызвавшее въ Италіи образованіе новой антрополого-криминалистической[254]) или, правильнѣе, позитивной школы уголовнаго права [255]), которая, отрѣшившись отъ произвольныхъ логическихъ построеній, бравшихъ за основаніе исключительно данныя самонаблюденія, признала единственнымъ методомъ изученія—методъ наблюденія соотвѣтствующихъ разнообразныхъ явленій дѣйствительности. Этимъ измѣненіемъ метода, а вмѣстѣ съ тѣмъ до нѣкоторой степени и самаго объекта изученія [256]), позитивная школа ввела науку уголовнаго права въ кругъ положительныхъ наукъ и представила первую попытку „изученія естественной исторіи преступленія“ [257]), основанной на изученіи органическихъ и психическихъ особенностей преступниковъ.

Первые зародыши этой школы мы находимъ внѣ Италіи. Сколько мнѣ извѣстно, они относятся къ началу настоящаго столѣтія.

дурными физическими и душевными особенностями (Body and Mind, стр. 129. См. также стр. 126—135 и сочин. того же автора „Отвѣтственность при душевн. болѣзняхъ“, стр. 19—40).

254) Такъ называютъ новую школу проф. Lombroso и Puglia. См. стат. Lombroso въ Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft за 1881 г. Ueber den Ursprung, das Wesen und die Bestrebungen der neuen antropologisch — kriminalistischen Schule in Italien и соч. Puglia: L'evoluzione storica e scientifica del diritto e della procedura penale, стр. 247 и 255.

255) См. Ferri: Le ragioni storiche della scuola positiva di diritto criminale“.

256) Представители господствующей школы, исходя, при анализѣ явленій преступности, отъ *данныхъ самонаблюденія*, на мѣсто реальныхъ, психически весьма разнообразныхъ преступниковъ, очевидно, подставляютъ самихъ себя и такимъ образомъ дѣлаютъ себя, а не дѣйствительнаго преступника предметомъ изученія. Поэтому не мудрено, что многія принимаемыя ими положенія на столько же уклоняются отъ явленій дѣйствительности, которыя составляютъ предметъ ихъ науки, насколько сами они со всѣми условіями ихъ жизни отличаются отъ дѣйствительныхъ преступниковъ. Чтобы мы сказали, если бы психіатръ, вмѣсто наблюденія клинической дѣйствительности, въ своихъ построеніяхъ сталъ исходить отъ данныхъ самонаблюденія? Къ несчастію, что для всѣхъ кажется рѣшительно неумѣстнымъ въ области психіатріи, то является общимъ правиломъ въ области науки уголовнаго права, представители которой въ большинствѣ случаевъ рѣшительно не считаютъ нужнымъ изучать дѣйствительныя явленія, составляющія объектъ изученія ихъ науки.

257) См. Puglia L'evoluzione storica, 217 и сл. и Tomassia: „Gli ultimi studii sulla criminalità, 5 и сл.

Въ 1808 году въ Парижъ прибылъ нѣмецкій медикъ Gall и скоро обратилъ на себя всеобщее вниманіе своимъ умомъ и знаніями [258]). „Великая заслуга Gall'я", говоритъ д-ръ Lentz, „состоитъ въ томъ, что онъ окончательно свелъ къ ихъ дѣйствительному источнику всѣ психическія явленія, каковы бы они ни были, и локализировалъ въ мозгу какъ явленія нравственнаго и инстинктивнаго, такъ и интеллектуальнаго порядковъ" [259]). Сосредоточившись на изученіи мозга, Gall пришелъ къ построенію своей извѣстной френологической системы, въ основу которой положена „эпохусоставляющая" [260]) мысль, что мозгъ или, правильнѣе, полушарія большаго мозга не представляютъ собою одного органа, а собраніе отдѣльныхъ органовъ, каждый изъ которыхъ есть центръ опредѣленной склонности, чувствованія или способности души, степень развитія которыхъ строго соотвѣтствуетъ степени развитія центра. Такихъ отдѣльныхъ центровъ или органовъ Gall установилъ 27, а его ученики, Spurzheim и Dumoutier, довели число ихъ до 37.

Вначалѣ френологическое ученіе Gall'я имѣло успѣхъ и нашло многихъ послѣдователей. Вмѣстѣ съ началами, изложенными въ физіогномикѣ Лафатера, оно было приложено и къ изученію или, вѣрнѣе, къ діагностицированію преступниковъ [261]).

Самъ Gall хорошо зналъ цѣну своего ученія и твердо вѣрилъ въ непоколебимую истину своихъ доктринъ. „Анатомія и физіологія мозга нѣмецкаго доктора", говоритъ онъ, „остаются и останутся, не смотря на усилія Наполеона [262]) и его подражателей, а также и на усилія толпы его по-

---

[258]) Trelat: „Recher. histor. sur la folie, 124.

[259]) Histoire des progrès de la medecine mentale, 23.

[260]) Benedict: Zur Lehre von der Lokalisation der Gehirnfunktionen. Wiener Klinik, 101.

[261]) Въ сочиненіи Moreau-Christophe, лично знавшаго и посѣщавшаго Gall'я, мы находимъ крайне интересныя данныя о заключеніяхъ, дававшихся объ отдѣльныхъ преступникахъ какъ самимъ Gall'емъ, такъ и его послѣдователями. См. „Le monde des coquins", 204 и сл. Изъ сочиненій френологической школы, спеціально посвященныхъ преступникамъ, я укажу на цитированное уже и весьма интересное сочиненіе д-ра Lauvergne, главнаго врача bagne de Toulon „Les forsats", относящееся къ 1841 г.

[262]) Наполеонъ I весьма недружелюбно относился къ его доктринамъ

мощниковъ“ [263]). „Эти ученія о качествахъ и способностяхъ человѣка“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „никоимъ образомъ не представляютъ собою плодъ пустыхъ разглагольствованій. Они не носятъ на себѣ отпечатка вѣка, въ который возникли, а потому и не состарѣются вмѣстѣ съ нимъ. Они являются плодомъ безчисленныхъ наблюденій и останутся непоколебимы и вѣчны, какъ и сами наблюдавшіеся факты и какъ основныя силы, существованіе которыхъ эти факты заставляютъ насъ признать“ [264]).

Гордая самоувѣренность Gall'я была не безосновательна. Въ ней сказалась твердая вѣра въ силы своего дѣйствительно великаго ума, въ полномъ блескѣ проявившагося въ глубокомъ ученіи, которое, не смотря на тяжелые удары, не умерло, а напротивъ, послѣ періода временнаго забвенія, воскресаетъ, хотя и въ измѣненномъ видѣ, къ новой, болѣе плодотворной жизни какъ въ психо-физіологіи, такъ и въ обществовѣдѣніи. Основы его ученія по интересующему насъ вопросу настолько оригинальны для того времени, а въ цѣломъ оно представляетъ столь стройную систему, что я считаю нужнымъ коротко изложить его и стряхнуть пыль съ давно забытыхъ первыхъ зародышей ученія современной положительной школы уголовнаго права — зародышей, которые заставляютъ удивляться тому, какъ медленно совершается развитіе общественной мысли даже, казалось бы, при весьма благопріятныхъ условіяхъ значительной быстроты поступательнаго научнаго движенія послѣдняго времени.

„Нравственныя и умственныя качества“, говоритъ Gall, „*прирожденны*. Ихъ дѣятельность или ихъ проявленія обусловлены организаціей Мозгъ есть органъ всѣхъ склонностей, всѣхъ чувствованій и всѣхъ способностей. Онъ слагается изъ столькихъ особыхъ органовъ, сколько существуетъ склонностей, чувствованій и способностей, существенно различныхъ другъ отъ друга“ [265]). Поэтому и нравственно-умственныя качества проявляются, увеличиваются и уменьшаются или бываютъ несовершенны и уклоняются въ своемъ развитіи, соотвѣтственно развитію, успленію или осла-

[263]) Gall: Sur les fonctions du cerveau, VI. 388.
[264]) Тамъ же IV, 432.
[265]) Тамъ же, I, VI.

бленію и уклоненіямъ въ ходѣ развитія ихъ мозговыхъ органовъ [266]). Сходствами и различіями въ организаціи мозга въ свою очередь обусловливаются сходства и различія въ умственно-нравственной сферѣ [267]). Но прирожденная организація не остается неизмѣнной. На нее вліяетъ окружающая среда и своими воздѣйствіями измѣняетъ ее, хотя и не можетъ „дать (т.-е. вновь) или уничтожить (очевидно совершенно) склонности и опредѣленныя качества“ [268]).

Исходя отъ вліянія среды, Gall признаетъ, что неупражненіе того или другаго органа можетъ задержать его развитіе, а упражненіе, напротивъ, можетъ усилить его дѣятельность [269]). Эта возможность развитія или ослабленія путемъ упражненія и неупражненія и даетъ основаніе для воспитанія, которое можетъ совершенствовать, портить, ослаблять и направлять прирожденныя качества, хотя и не можетъ уничтожать или вновь порождать ихъ. Впрочемъ воспитаніе и учрежденія оказываютъ значительное вліяніе преимущественно лишь въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ прирожденныя склонности не представляются слишкомъ слабыми или слишкомъ энергичными. На людей съ сильно развитою тою или другою склонностью, къ числу которыхъ принадлежатъ и геніи, воспитаніе почти не оказываетъ вліянія [270]).

Но какъ ни важно значеніе прирожденныхъ качествъ, тѣмъ не менѣе дѣйствія человѣка не носятъ на себѣ характера неодолимыхъ (irrésistibles). „Если въ общественной жизни я замѣчаю у кого-либо“, говоритъ Gall, „внѣшніе признаки значительнаго развитія того или другаго органа, то я могу лишь сказать съ увѣренностью, что у него склонность, соотвѣтствующая этому органу, усиленнѣе развита, нежели склонности, соотвѣтствующія другимъ органамъ. Но я не знаю, дозволяютъ-ли этому лицу условія его жизни предаваться внушеніямъ его главной склонности. Рожденіе, общественное положеніе, воспитаніе, законы, обычаи, религія и пр. имѣютъ громадное вліяніе на занятія. *на усовер-*

266) Тамъ же, I, 191—200.
267) Тамъ же, I, 206 и сл.
268) Тамъ же, I, 150 и сл.
269) Тамъ же, I, 294.
270) Тамъ же. I, 127 и сл.

шенствованіе и дѣятельность органовъ, также какъ и на весь нравственный характеръ человѣка“ [271]) Поэтому мотивы, стремящіеся опредѣлить дѣйствія человѣка, происходятъ изъ двухъ источниковъ: одни получаютъ свое начало отъ внутреннихъ силъ, а другіе отъ внѣшнихъ вліяній [272]). По внутреннимъ силамъ или по абсолютному и соотносительному количественному различію въ напряженности, съ одной стороны, качествъ общихъ человѣку съ животными, а съ другой—присущихъ лишь ему одному, люди могутъ быть раздѣлены на 6 классовъ, между которыми, какъ и повсюду въ природѣ, существуютъ, однако, безчисленные и неуловимые переходы. „Въ первомъ классѣ наиболѣе возвышенныя и только человѣку свойственныя качества и способности вполнѣ развиты, тогда какъ органы качествъ и способностей общихъ человѣку и животнымъ представляютъ лишь слабую степень развитія и дѣятельности. Во второмъ классѣ органы качествъ и способностей общихъ человѣку и животнымъ достигаютъ высокой степени развитія и дѣятельности, тогда какъ органы качествъ и способностей, свойственныхъ исключительно человѣку мало развиты и мало дѣятельны. Въ третьемъ классѣ качества и способности, общія человѣку и животнымъ, а также и свойственныя лишь ему одному представляютъ одинаково значительную степень развитія и дѣятельности. Въ четвертомъ классѣ только одна или нѣсколько склонностей или талантовъ усиленно развиты, тогда какъ другіе достигли лишь средняго уровня развитія или даже стоятъ ниже его. Въ пятомъ классѣ одинъ или нѣсколько органовъ очень мало развиты и остаются апатичными, тогда какъ другіе болѣе благопріятно развиты и болѣе дѣятельны. Наконецъ, въ шестомъ классѣ какъ качества и способности, общія человѣку и животнымъ, такъ и свойственныя лишь ему одному приблизительно одинаково посредственно развиты“ [273]). Только небольшая часть людей представляетъ собою очень счастливыя организаціи, дающія имъ возможность въ самихъ себѣ отыскивать силу, чтобы создавать себѣ законъ и дѣйствовать согласно съ требованіями наиболѣе благородныхъ особенно-

271) Тамъ же, I, 309.
272) Тамъ же, I, 319.
273) Тамъ же, I, 320 и сл.

стей человѣка [271]). Другая же часть, напротивъ, представляетъ собою „*несчастныя организаціи*“ и становится ихъ жертвою. Остальные же люди, не принадлежащіе къ этимъ крайнимъ категоріямъ, въ значительной мѣрѣ опредѣляются къ дѣятельности, въ зависимости отъ окружающихъ условій [273]). Поэтому внѣшнія вліянія могутъ оказывать дѣйствіе на ихъ поступки и могутъ отклонять ихъ отъ преступленій. Правда, и самыя совершенныя учрежденія не могутъ уничтожить всѣхъ преступленій, тѣмъ не менѣе *хорошее воспитаніе народовъ* можетъ произвести значительное уменьшеніе нравственнаго зла [276]).

Далѣе Gall выясняетъ всю несостоятельность мнѣнія, будто пріурочиваніе особенностей дѣятельности къ особенностямъ организаціи влечетъ за собою, какъ свое логическое слѣдствіе, юридическую невмѣняемость. Затѣмъ онъ указываетъ на трудность, а въ большинствѣ случаевъ и полную невозможность достаточно точнаго опредѣленія степени внутренней виновности въ зависимости отъ мельчайшихъ особенностей организаціи каждаго даннаго времени для точнаго соразмѣренія съ ней степени наказанія [277]). Исходя изъ такихъ посылокъ, онъ и приходитъ уже къ заключенію о цѣляхъ законодательства. „Всякое разумное законодательство“, говоритъ онъ, „должно поэтому отказаться отъ притязанія отправлять правосудіе (justice). Оно должно ставить себѣ цѣль, которую возможно достигнуть и достиженіе которой обезпечиваетъ благо всего общества вообще и отдѣльныхъ гражданъ въ частности. Эта цѣль—насколько то допускаетъ природа человѣка—*предупреждать* преступленія, *исправлять* преступниковъ и *обезпечивать* общество отъ тѣхъ изъ нихъ, которые неисправимы. Это все, чего разумно можно требовать отъ учрежденій человѣческихъ“ [278]). Но какъ же достигнуть указанной цѣли? Для этого необходимо, чтобы тюрьмы сдѣлались исправительными учрежденіями и были хорошо устроены. Дурно устроенныя и организованныя тюрьмы, напротивъ, приносятъ значительный вредъ

---

[274]) Тамъ же, I, 325.
[275]) Тамъ же, I, 311, 322 и сл.
[276]) Тамъ же, I, 330.
[277]) Тамъ же, I, 338.
[278]) Тамъ же, I, 339.

обществу. Задача тюрьмы состоитъ въ томъ, чтобы путемъ обученія, воспитанія и разсчитанныхъ воздѣйствій исправить преступника. Но такъ какъ многіе изъ нихъ не имѣютъ ни малѣйшихъ зачатковъ нравственнаго чувства и не ощущаютъ ни раскаянія, ни угрызеній совѣсти, то поэтому необходимо *развить въ нихъ искусственную совѣсть*, т. е. ясное пониманіе зла и вреда, проистекающихъ изъ ихъ преступленій не только для общества, *но и для нихъ* самихъ, и живое убѣжденіе въ безнравственности ихъ дѣяній. Преступники болѣе, нежели кто-либо другой, нуждаются въ искусственномъ восполненіи того, чего имъ недостаетъ со стороны ихъ прирожденной организаціи. „Какъ въ самомъ дѣлѣ требовать общественныхъ доблестей“, говоритъ Gall, „отъ людей, которые не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, *какое соотношеніе существуетъ между ихъ личною пользою и пользою общественною*, и которые сверхъ того подчиняются влеченіямъ ихъ грубыхъ вожделѣній?“ „Не совершается ни одного преступленія безъ того“, продолжаетъ онъ далѣе, „чтобы жизнь и собственность невинныхъ людей не терпѣли отъ него какого-либо вреда. *Пусть же по крайней мѣрѣ для общества сдѣлаютъ то, чего не хотятъ сдѣлать для преступника.* Когда *наказанія будутъ соединены съ заботою развить умъ и образовать сердце*, только тогда и можно будетъ сказать, что, согласно съ обязанностью предупреждать преступленія, для несчастнаго и для государства сдѣлано все, что указываетъ опытъ, законы человѣческой организаціи и знаніе ея потребностей. Поскольку же довольствуются запрещеніями и наказаніями, постольку создаютъ только мотивъ повиноваться. Но этотъ послѣдній большею частью дѣйствуетъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой наказаніе представляется неизбѣжнымъ. Напротивъ, просвѣтленіемъ духа и доставленіемъ ему въ изобиліи болѣе благородныхъ мотивовъ, заимствованныхъ изъ нравственности и религіи, ему даются средства, *сила которыхъ никогда не ослабляется* и человѣкъ знакомится съ такими свидѣтелями своихъ дѣйствій, укрыться отъ которыхъ нѣтъ возможности“. И это говоритъ человѣкъ, обвинявшійся въ потрясеніи основъ вмѣняемости! [279]).

---

[279]) Тамъ же, I, 340—349.

Исходя изъ приведенныхъ положеній и имѣя въ виду, что дѣятельность человѣка опредѣляется не только дѣятельностью разума, но и темными ощущеніями, налагающими на нее печать свою [280]), Gall указываетъ на невѣрность постановки вопроса о преступленіи въ уголовныхъ кодексахъ, которые соразмѣряютъ наказаніе исключительно съ преступнымъ дѣяніемъ, почти не принимая въ разсчетъ самого дѣятеля и его особенностей. А между тѣмъ „преступленія не совершаются сами собой, а потому и не могутъ быть разсматриваемы, какъ какія-то отвлеченныя существа (êtres abstraits)“. „Преступленія — это суть результаты дѣятельности опредѣленныхъ индивидуумовъ. Они заимствуютъ свой характеръ отъ природы и положенія этихъ послѣднихъ, а потому и могутъ быть оцѣниваемы и опредѣляемы лишь соотвѣтственно природѣ и положенію дѣятелей“ [281]), которые и должны быть тщательно изучены законодателями и судьями [282]).

Заслуга Gall'я не ограничивается формулированіемъ этихъ общихъ положеній. Ему, сколько мнѣ извѣстно, принадлежитъ и честь перваго приложенія опытнаго метода къ изученію вопроса о преступникѣ. „Я собралъ“, говоритъ Gall, „безчисленное множество фактовъ въ школахъ, въ большихъ воспитательныхъ учрежденіяхъ, въ заведеніяхъ для сиротъ и дѣтей найденныхъ, въ госпиталяхъ для душевнобольныхъ, *въ исправительныхъ домахъ* (maisons de correction), *въ тюрьмахъ, въ мѣстахъ судебныхъ допросовъ и даже въ мѣстахъ исполненія*. Многочисленныя изысканія относительно самоубійцъ, слабоумныхъ и душевно больныхъ въ значительной степени способствовали исправленію и опредѣленію моихъ взглядовъ. Я воспользовался многими анатомическими и фи-

---

[280]) Здѣсь Gall говоритъ объ общемъ чувствѣ, слагающемся изъ ощущеній, идущихъ отъ всѣхъ органовъ тѣла. Тамъ же, I, 326. Къ несчастію, чрезвычайно важное положеніе, указываемое Gall'емъ, слишкомъ часто упускаютъ изъ виду и, обсуждая дѣятельность человѣка, слишкомъ часто забываютъ о нѣкоторой двойственности послѣдняго: разумно разсудочная личность съ одной стороны и нравственно-инстиктивная съ другой. Если первая опредѣляется преимущественно особенностями умственнаго развитія, то вторая особенностями системныхъ чувствъ. Объ этомъ я буду имѣть случай говорить подробно въ ходѣ дальнѣйшаго изложенія.

[281]) Тамъ же, I, 357 и 358.

[282]) Тамъ же, IV, 435.

зіологическими кабинетами; я изслѣдовалъ античные статуи и бюсты и результаты этихъ изслѣдованій сопоставилъ съ разсказами исторіи“ [283]).

Высказывая свои взгляды (здѣсь я говорю о его основныхъ взглядахъ, которые изложены выше, а не о подробностяхъ его системы) съ полнымъ убѣжденіемъ и твердою увѣренностью въ ихъ правильности, Gall въ то же время ясно сознавалъ, что они еще не по плечу времени и напередъ предусматривалъ всѣ тѣ затрудненія, которыя имъ предстоитъ преодолѣть. „Я съ грустью предвижу“, говоритъ онъ, „что пройдетъ еще много лѣтъ, пока моя доктрина о природѣ человѣка получитъ достаточно общее признаніе. И когда этотъ моментъ уже настанетъ для физіологовъ, воспитателей и философовъ, *то юрисконсульты еще надолго отстанутъ въ ея приложеніи къ законодательству*. Законы для нихъ нѣчто въ родѣ религіи и малѣйшее измѣненіе въ нихъ имъ кажется ересью. Ни одинъ просвѣщенный человѣкъ, а совокупность многихъ людей создаетъ законы. Но какъ найти въ массѣ законодателей равныя знанія? Есть основаніе опасаться, что дѣйствительныя потребности человѣка еще долго останутся безъ общаго признанія, а потому и уголовный кодексъ еще не скоро получитъ возможность преодолѣть *все множество препятствій, предразсудковъ и застарѣлыхъ привычекъ, которые держатъ его прикованнымъ къ колыбели его младенчества* [284]). И Gall не ошибся. Его руководящія мысли (повторяю опять, что я вовсе не имѣю въ виду подробностей его системы) только мало-по-малу начинаютъ получать нѣкоторое признаніе въ наукѣ уголовнаго права.

Недостаточность научнаго матеріала по анатоміи и физіологіи нервной системы, а главное недостатокъ методовъ изслѣдованія повлекли за собою неизбѣжные для того времени крупные и основные промахи и ошибки въ системѣ Gall'я [285]), а эти послѣдніе въ свою очередь подвергли ее жестокимъ ударамъ критики, особенно со стороны французскаго физіолога Flourens'a, которыхъ она не выдержала и сошла со сцены. Но указывая ея слабыя стороны, къ не-

---

283) Тамъ же, I, 17.

284) Тамъ же, I, 357.

285) См. по этому поводу соч. Bastian'a: „Le cerveau organe de la pensée, т. II, стр. 145 и сл.

счастію, можетъ быть слишкомъ часто забывали и то дѣйствительно цѣнное и неумирающее, что заключалось въ доктринѣ Gall'я. Но если только вѣрно современное ученіе о томъ, что каждая инервируемая часть организма имѣетъ своего представителя. свой обособленный центръ въ головномъ мозгу [286]), то наукѣ еще придется считаться съ основною мыслію мозговой органологіи Gall'я, да она уже понемногу и начала считаться съ ней [287]). Впрочемъ, я вовсе не имѣю въ виду вдаваться въ критическій разборъ воззрѣній Gall'я, а потому этими краткими замѣчаніями и закончу изложеніе его теоріи [288])

Направленіе, приданное психо физіологическимъ изслѣдованіямъ работами Gall'я, не погибло при крушеніи его системы. Основная мысль послѣдней не замерла и дала свой плодъ въ разныхъ направленіяхъ. „Отдѣльные ученые, какъ Bouillaud, крѣпко держались за зерно“ доктрины Gall я [289]) и ученіе послѣдняго о локализаціи въ мозгу органа рѣчи, развитое Bouillaud и въ 1861 г. наконецъ поддержанное и доказанное Broca, снова воскресило теорію мозговыхъ локализацій. Послѣдовавшее затѣмъ въ 1870 г. открытіе Fritsh'a и Hitzig'a, послужившее исходнымъ пунктомъ для опытовъ Ferrier, Munk'a и др. изслѣдователей, снова выдвинуло впередъ вопросъ о мозговой органалогіи, а накопившіяся знанія и усовершенствованные методы изслѣдованія, повидимому, поставили его на прочное научное основаніе.

Съ другой стороны, въ преемственной связи съ идеями Gall'я стоитъ антропологическая или антропометрическая школа, возникшая въ 40 хъ годахъ и подвергшая человѣка тщательному и точному изученію, какъ одного изъ членовъ животнаго царства. Видными представителями этой школы

---

286) См. Luys: Traité clinique et pratique des malad. ment., отдѣлъ: Physiologie, стр. 108 и 115.

287) Клиника, замѣчаетъ д-ръ Magnan, подкрѣпленная паталогической анатоміей доказала, что пораженіе опредѣленнаго коркового центра, смотря по его интенсивности, всегда даетъ мѣсто разстройствамъ или уничтоженію и опредѣленной функціи. См. Archives de Neurologie, 1883 г., № 18, стр. 350.

288) Небезъинтересный разборъ френологическихъ доктринъ можно найдти въ сочиненіи Bain'a: Объ изученіи характера.

289) Benedikt Zur Lehre von der Lokalisation der Gehirnfunktionen. 101 и 102.

во Франціи является Broca, въ Германіи Virchow, въ Англіи Davis [290]). Къ ней уже примыкаетъ ново-итальянская позитивная школа уголовнаго права, заложенная въ Италіи главнымъ образомъ работами и изслѣдованіями профессора Lombroso, который въ настоящее время и является ея признаннымъ главой. Но говоря объ этой школѣ, было бы несправедливо забыть всю предшествующую литературу, спеціально посвященную изученію преступниковъ и такъ называемыхъ опасныхъ классовъ общества (classes dangereuses, the dangerous classes), литературу, которая только и сдѣлала возможнымъ появленіе такой въ значительной мѣрѣ сводной работы, какъ работа профессора Lombroso.

Сильно назрѣвшая въ Англіи и Америкѣ потребность [291]) въ болѣе раціональномъ рѣшеніи вопроса о мѣрахъ борьбы съ преступленіемъ нашла въ концѣ прошлаго столѣтія своего выдающагося представителя въ лицѣ Howard'a, который въ 1778 году, послѣ своего перваго путешествія по Европѣ, издалъ свое знаменитое сочиненіе „State of Prisons in England and Wales". Въ немъ онъ яркими красками изобразилъ ужасающее состояніе тюремъ того времени. Сочиненіе произвело глубокое впечатлѣніе на общество и вышло тремя изданіями (второе въ 1779 г. а третье въ 1784), отмѣтивъ собою начало реформаціоннаго періода.

Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія начались первыя

---

[290]) См. стат. проф. Lombroso въ Zeitschr. fur die gesam. Strafrechtswissensch. за 1881 г. Erstes Heft: Ueber den Ursprung der neuen anthrop.—krimin. Schule in Italien, 108. и соч. проф. Puglia: L'evoluzione storica, 213.

[291]) Я говорю „назрѣвшая потребность" потому, что еще гораздо ранѣе Howard'a началось уже вызванное потребностями жизни движеніе въ пользу тюремной реформы. Въ 1699 г. въ Англіи было основано Christian Knowledge Society и появился Essay towards the Reformation of Newgate and other Prisons in and about London Thomas'a Bray, въ которомъ описывались недостатки существовавшихъ тюремъ и указывалось на одиночную систему. Въ 1704 г. въ Римѣ папою Климентомъ XI былъ даже устроенъ пенитенціарій Св. Михаила для мальчиковъ и молодыхъ людей. (Wines, The state of Prisons, 6 и сл.). Въ Америкѣ начало движенія по вопросу о тюремной реформѣ пріурочивается къ основанію филадельфійскаго тюремнаго общества въ 1776 г., а первыя практическія попытки, обратившія на себя вниманіе въ Европѣ и вызвавшія посѣщенія иностранцевъ, къ началу 90-хъ год. прошлаго столѣтія, когда актами 1789, 1790, 1791, 1794 и 1795 была введена пенитенціарная система. См. соч. Charles Lucas: Du système pénitentiaire en Europe et aux Etats-Unis, I, 146, 147 и II, 15 и сл.

практическія попытки тюремной реформы [292]). Реформаціонное движеніе особенно усилилось съ 20 годовъ настоящаго столѣтія. Оно шло почти параллельно въ Европѣ и Америкѣ [293]), но въ послѣдней болѣе опредѣленно выработались два довольно законченные типа тюремныхъ системъ. Это—системы пенсильванская и обурнская, въ основу которыхъ заложена одна и та же цѣль—исправленіе преступника и возвращеніе его исправленнымъ въ общество.

Опыты тюремной реформы, производившіеся въ Америкѣ, обратили на себя вниманіе въ Европѣ и въ 30 годахъ настоящаго столѣтія европейскія государства коммандировали своихъ представителей на мѣсто для личныхъ осмотровъ. Англія послала Crawford'a, Пруссія д-ра Julius'a, а Франція Beaumont и Tocquevill'я, а потомъ знаменитаго Demetz'a и Blouet [294]). Съ этихъ поръ тюремная реформа не переставала обращать на себя вниманіе государствъ и вызвала международные конгресы для рѣшенія вопроса о борьбѣ съ преступленіемъ.

Благодаря такому движенію, преступники стали предметомъ наблюденія и изученія и при томъ изученія, направленнаго на изслѣдованіе ихъ психо-физическихъ особенностей, а также и условій образованія послѣднихъ. Вмѣстѣ съ преступниками, по связи явленій, изученіе направилось и на тѣ классы общества, которые, вслѣдствіе особенностей своего положенія, проявляютъ значительную склонность къ преступленію [295]). Возникла довольна богатая литература [296]), посвященная изученію тюрьмы, какъ орга-

---

[292]) Собственно говоря первая попытка, не считая пенитенціаріа св. Михаила, была сдѣлана при Маріи Терезіи въ Нидерландахъ, гдѣ еще въ 1772 была построена извѣстная гандская тюрьма и въ ней введена система, ставшая впослѣдствіи извѣстной подъ именемъ обурнской. Но опытъ продолжался здѣсь не долго и не обратилъ на себя достаточно вниманія. Императоръ Іосифъ II, уступая представленіямъ небольшаго числа заинтересованныхъ лицъ, приказалъ уничтожить тюремныя работы и уже въ 1783 г. Howard нашелъ тюрьму въ довольно плохомъ состояніи. См. Lucas: „Du système pénitentiaire, II, 243 и слѣд.

[293]) Тамъ же, II, 77, 89, 162, 288, 292, 345.

[294]) Lucas: De la théorie de l'emprisonnement, I, liij. и сл.

[295]) Здѣсь я имѣю въ виду не изслѣдованія, посвященныя низшимъ классамъ вообще, а только нѣкоторой ихъ части, извѣстной подъ именемъ опасныхъ классовъ.

[296]) Указаніе на характеръ относящейся сюда литературы предшествующихъ періодовъ можно найти въ сочиненіи Ave-Lallemant: „Das Deutsche Gaunerthum.

низованнаго средства борьбы съ преступленіемъ, а также и самихъ преступниковъ и такъ называемыхъ опасныхъ классовъ общества [297]). Все это, вмѣстѣ взятое, перенесло

(Т. I, стр. 117 и до конца), гдѣ не только поименованы сочиненія, но изложено и ихъ содержаніе. Вообще въ этомъ трудѣ, который въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляется классическимъ, можно найдти интересныя указанія относительно пріемовъ и языка преступниковъ.

[297]) Изъ извѣстныхъ мнѣ сочиненій, посвященныхъ преступникамъ и опаснымъ классамъ общества назову слѣдующія, наиболѣе выдающіяся. Vidocque: 1) Memoires 1828 и 1829 г. и 2) Les moyens de diminuer les crimes 1835 г. Богатая опытность автора этихъ сочиненій, проведшаго всю жизнь или въ средѣ преступниковъ по тюрьмамъ и шайкамъ, или въ близкомъ соприкосновеніи съ ними дѣлаетъ ихъ весьма цѣннымъ матеріаломъ для изученія особенностей преступниковъ. Parent-Duchatelet: La prostitution dans la ville de Paris. 1836 г. Классическое сочиненіе по проституціи, сохранившее все свое значеніе и въ настоящее время. Планъ его, повидимому, въ значительной степени послужилъ образцемъ для сочиненія проф. Lombroso. Въ немъ авторъ представляетъ намъ результаты тщательнаго изученія проституткъ съ физической и психической стороны, описываетъ условія ихъ жизни и всю организацію промысла какъ въ Парижѣ, такъ и въ другихъ странахъ Европы, и указываетъ причины, толкающія женщинъ по пути публичнаго разврата. Frégier: „Des classes dangereuses de la population dans les grandes villes. 1840.—Сочиненіе, награжденное французской академіей. Не будучи *слишкомъ* богато положительнымъ содержаніемъ, оно тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ много весьма интересныхъ данныхъ для изученія такъ-называемыхъ опасныхъ классовъ общества. Lauvergne: „Les forçats, considérès sous le rapport physiologique, moral et intellectuel“, 1841 г. Весьма цѣнное и интересное сочиненіе по заключающимся въ немъ описаніямъ различныхъ категорій преступниковъ, съ которыми авторъ-послѣдователь френологическаго ученія — будучи главнымъ врачемъ bagne de Toulon, находился въ близкомъ и продолжительномъ соприкосновеніи и имѣлъ полную возможность хорошо ихъ изучить. Appert: „Bagnes, prisons et criminels. 1836. Весьма интересное сочиненіе по заключающемуся въ немъ довольно многочисленному матеріалу для характеристики особенностей преступниковъ. Prosper Lucas: „Traité philosophique et physiologique de l'hérédité naturelle. 1847—1850. Классическое сочиненіе, въ которомъ собранъ громадный матеріалъ, доказывающій наслѣдственность передачи всѣхъ особенностей, какъ физическихъ, такъ и психическихъ. Непосредственно къ вопросу о преступности оно относится только въ той части, въ которой авторъ говоритъ объ унаслѣдованіи предрасположенія къ преступленію (I, 480—547). Посредственно же, какъ трактатъ о наслѣдственности психическихъ явленій вообще, оно представляетъ большой интересъ для уголовнаго права. Доказывая фактъ унаслѣдованія побужденій (impulsions) и склонностей (dispositions), авторъ тѣмъ не менѣе не признаетъ ихъ неодолимыми (irresistibles). „Человѣкъ, вслѣдствіе унаслѣдованія своего способа чувствовать и желать“, говоритъ онъ, „побуждается дѣйствовать, какъ его отцы. Но какъ эти послѣдніе, по своей природѣ, не были неодолимо вынуждены повиноваться побужденіямъ ихъ динамизма, какъ они оставались властны, по меньшей мѣрѣ, въ предѣлахъ здраваго разума и свободы,

вопросъ о преступности изъ области отвлеченныхъ кабинетныхъ теорій на почву опыта и наблюденія и тѣмъ дало

которой одарена порода, уступать или вовсе не уступать этимъ побужденіямъ, точно также и нисходящіе остаются властны уступать или не уступать своимъ побужденіямъ, даже переданнымъ отъ ихъ отцевъ, но находящимся подъ вліяніемъ ихъ разума и совѣсти и въ этомъ качествѣ входящихъ въ область души и свободы" (I, 458 и 459). Въ такомъ же отношеніи, какъ сочиненіе Lucas, находится къ вопросу о преступленіи извѣстное и прекрасное сочиненіе Ribot: „L'hérédité physiologique" (Первое изданіе 1873 г. и второе, значительно измѣненное 1882 г.). Оно только слегка затрогиваетъ вопросъ объ унаслѣдованіи предрасположенія къ преступленію (въ пер. изд. 128—135 и 521 и слѣд., а во втор. 97—103 и 373 и слѣд.), но за то гораздо шире, нежели сочиненіе Lucas, разсматриваетъ общественныя слѣдствія закона наслѣдственности и своими общими выводами представляетъ большой интересъ для криминалиста. Ferrus: „Des prisonniers, de l'emprisonnement et des prisons". 1850 г. Весьма цѣнное сочиненіе. Имѣя преимущественно интересъ для тюрьмовѣдѣнія, оно въ то же время заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя интересныя данныя и для характеристики преступниковъ. (Первая глава, 161—192). Авторъ, будучи главнымъ инспекторомъ учрежденій для душевно-больныхъ и главнымъ санитарнымъ инспекторомъ тюремъ, имѣлъ полную возможность хорошо ознакомиться съ вопросами тюрьмы и преступленія. Mayhew: „London Labour and the London Poor". Серія сочиненій (4 т.), посвященныхъ самому тщательному описанію „тѣхъ, которые хотятъ работать", „тѣхъ, которые не могутъ работать" и „тѣхъ, которые не хотятъ работать». Трудъ замѣчательно богатый и цѣнный по матеріалу и дающій ясное представленіе объ условіяхъ жизни и характерѣ описываемыхъ классовъ. Mayhew: „The prisons of London and scenes of prison life". Сочиненіе того же автора, очень живо воспроизводящее нравы и особенности тюремнаго населенія. Moreau-Christophe: «Le monde des coquins". Сочиненіе не имѣющее большаго значенія, но не лишенное нѣкотораго интереса. Оно служитъ отвѣтомъ на сочиненіе Victor'a Hugo: „Les misérables". Въ немъ авторъ пытается преимущественно указать внѣшніе органическіе признаки преступниковъ, какъ членовъ. особаго довольно опредѣленно выдѣляющагося класса. Въ этой своей части сочиненіе не имѣетъ большой цѣны. Гораздо важнѣе тѣ факты, которые авторъ приводитъ въ подтвержденіе своихъ положеній. Canler: Memoires. Первоначально это сочиненіе появилось въ 1862 г., но тогда оно было задержано подъ предлогомъ, что авторъ, бывшій начальникъ полиціи безопасности, обнародуя свѣдѣнія, полученныя имъ по службѣ, будто бы нарушилъ тѣмъ служебную тайну. Мемуары Canler'a, какъ и мемуары Vidoqu'a, довольно живо и ярко рисуютъ намъ особенности міра преступниковъ большихъ городовъ, ихъ нравы, пріемы, организацію, и съ этой стороны представляютъ интересъ при изученіи преступныхъ типовъ. Brace: „The dangerous classes of New-Jork„, 1872. Сочиненіе, выдержавшее три изданія и крайне интересное по сообщаемымъ въ немъ фактамъ и наблюденіямъ автора, который въ теченіе многихъ лѣтъ находился въ близкомъ соприкосновеніи съ такъ-называемыми опасными классами. Онъ прекрасно описалъ условія ихъ жизни и многія ихъ особенности, постепенно вырабатывающіяся подъ вліяніемъ этихъ условій. Въ только что названномъ своемъ трудѣ онъ задался

возможность зародиться въ наукѣ уголовнаго права новой школѣ, которая задалась цѣлью изысканія наилучшихъ

цѣлью доказать, что наиболѣе дѣйствительное средство противъ опасныхъ классовъ большихъ городовъ состоитъ „не въ наказаніяхъ, а въ предупрежденіи ихъ роста» посредствомъ воспитанія и дисциплинированія заброшенныхъ дѣтей и измѣненія ихъ матеріальной обстановки. Cere: „Les populations dangereuses et les misères sociales". 1872. Авторъ, бывшій префектъ, задался цѣлью указать средства противъ многихъ общественныхъ бѣдствій. Съ этой стороны сочиненіе, впрочемъ, не заключаетъ въ себѣ ничего замѣчательнаго. За то фактическая его сторона представляетъ живой интересъ, благодаря большой опытности автора. Thirtieth Report of the Prison Association New Jork for 1874. Классическое изслѣдованіе исторіи многочисленнаго преступнаго рода. Въ немъ мы находимъ не только родословное дерево цѣлой родственной арміи преступниковъ, проститутокъ и пауперовъ, но и указанія на тѣ органическія особенности, которыя—употребляя выраженіе Maudsley—обусловливаютъ „тиранію организаціи" въ направленіи преступленія, проституціи и пауперизма. Въ своей статьѣ „Преступный человѣкъ", помѣщенной въ 11 и 12 №№ „Юридическаго Вѣстника" за 1882 г., я коротко изложилъ содержаніе этого замѣчательнаго изслѣдованія.

Для изученія особенностей преступниковъ весьма интересно также многочисленные сборники уголовныхъ процессовъ (Feurbach, Pitaval, Scholz, Pfister и др.). Большое значеніе имѣютъ и многочисленныя сочиненія, посвященныя тюрьмовѣдѣнію, въ которыхъ, однако, заключается довольно богатый матеріалъ для изученія особенностей характера преступниковъ. Относящіеся сюда данныя можно также найдти и въ спеціальныхъ журналахъ, каковы, напр.: Jahrbucher der Straf und Besserungs—Anstalten, изд. Julius'омъ; Blätter für Gefangnisskunde; Bulletin de la Société générale des prisons; Rivista di discipline carcerarie. Что же касается до довольно многочисленныхъ уже изслѣдованій мозговъ и череповъ преступниковъ. (напр. Clapham and Clarke: The cranial outline of the insane and criminal; статьи Broca въ Bullet. de la Societé d'Anthrop.; Benedict: „Anatomische Studien an Verbrecher Gehirn; Bordier: Etude anthropologique sur une série de crânes d'assassin; Ten Cote et Pavlovsquy: Sur quelques cranes des criminels et des suicides; Flesch: „Unters. über Verbrech Gehir.; статьи въ Archivio di psichiatria, science penali etc. и пр.), то, на мой взглядъ, эти изслѣдованія, не смотря на всю ихъ вѣроятную важность для будущаго, пока еще недостаточно опредѣленны, чтобы служить твердымъ основаніемъ для какихъ-либо выводовъ. По отношенію къ нимъ остается и, вѣроятно, нѣкоторое еще время будетъ оставаться справедливымъ мнѣніе Ten Cate и Pavlovsquy. „По нашему мнѣнію", говорятъ они, „болѣе нежели вѣроятно, что различіе между опасными классами и среднею другихъ людей зависитъ гораздо болѣе отъ особаго состоянія ихъ нервной системы вообще и головнаго мозга въ частности, нежели отъ различныхъ размѣровъ ихъ черепа". См. январскій нум. Revue d'anthropologie за 1881 годъ. См. также ст. д-ра Favill: „Le criminel" (Annales d'hygiéne publique et médec. légal. за 1880 г., октябрь и ноябрь). Въ этой статьѣ авторъ высказываетъ сходное мнѣніе о значеніи существующихъ изслѣдованій мозговъ и череповъ преступниковъ.

средствъ борьбы съ преступленіемъ, при посредствѣ тщательнаго изученія реальнаго преступника на почвѣ фактовъ дѣйствительности.

Въ 1868 году появилось посвященное изученію преступниковъ сочиненіе Prosper'a Despine: „Psychologie naturelle“, съ котораго собственно и начинается дѣйствительно научная разработка вопроса о преступности. Хотя еще Gall поставилъ, какъ мы видѣли, разработку этого вопроса на надлежащую почву, но, вслѣдствіе недостаточности развитія соотвѣтствующихъ чистыхъ наукъ и недостаточности накопленія хорошо провѣреннаго матеріала, онъ не могъ далеко ее подвинуть. Сдѣланные имъ промахи и ошибки опрокинули его систему и вызвали отрицательное отношеніе и къ той долѣ истины, которая заключалась въ его сочиненіяхъ. Но послѣдняя не могла погибнуть. Время отъ Gall'я до Prosper'a Despine не прошло для науки безплодно. Физіологія и психологія за этотъ періодъ времени сдѣлали громадные успѣхи и вмѣстѣ съ накопленнымъ богатымъ и провѣреннымъ матеріаломъ, относящимся къ преступленію и преступнику, дали возможность довольно прочно обосновать вопросъ о преступности.

Сочиненіе Despine отличается не только прекрасной теоретической обработкой вопроса, но и богатствомъ фактическаго содержанія, которое дѣлаетъ его одной изъ настольныхъ книгъ для людей, такъ или иначе соприкасающихся съ вопросомъ о преступности.

Въ немъ авторъ прекрасно выясняетъ преобладающее значеніе во вліяніи на дѣятельность человѣка системныхъ чувствъ и организовавшихся и наслѣдственно передаваемыхъ опытовъ восходящихъ, однимъ словомъ того, что онъ называетъ инстинктивною природой человѣка, въ противоположность его интеллектуальной природѣ, которая, по его мнѣнію, оказываетъ значительно меньшее вліяніе какъ на нравственныя качества, такъ и на дѣятельность человѣка. „Философы, законодатели и моралисты“, говоритъ Despine, „продолжительно разсуждали о разумѣ, о его превосходствѣ и объ отвѣтственности, которую онъ обусловливаетъ. Но вмѣсто того, чтобы пріурочить разумъ, *дѣлающій человѣка отвѣтственнымъ* за его поступки [297*]), къ его дѣйстви-

[297*]) Авторъ различаетъ два разума: нравственный, обусловливаемый нрав-

тельному источнику — нравственнымъ способностямъ, они совершили ошибку, пріурочивая его исключительно къ способностямъ интеллектуальнымъ“ [298]). А между тѣмъ „нравственное совершенство человѣка обусловливается совершенствомъ его инстинктивныхъ способностей“ [299]), и только „*глубокое измѣненіе въ организмѣ* одно и можетъ измѣнять природу потребностей, способностей, инстинктовъ, а слѣвательно и характеры, нравы и природу желаній“ [300]) Инстинктивною природой опредѣляются не только потребности, инстинкты, характеры, нравы, желанія, но въ значительной мѣрѣ содержаніе самаго мышленія и мнѣнія [301]). Когда интеллектуальныя и инстинктивныя способности дѣйствуютъ совмѣстно, тогда мышленіе опредѣляется послѣдними [302]). „Интеллектуальныя же способности имѣютъ такъ мало значенія въ образованіи характеровъ, что при всѣхъ степеняхъ интеллектуальнаго совершенства, начиная отъ наиболѣе возвышенныхъ до наиболѣе низкихъ, встрѣчаются характеры, сходные по ихъ добротѣ, по ихъ странностямъ или злобности“ [303]). Тѣмъ не менѣе и интеллектуальныя способности имѣютъ свое важное значеніе. Интеллектуальный разумъ, познающій естественныя и научныя истины, помимо этого познанія, имѣетъ и свои важныя практическія задачи, первая изъ которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы прилагать познанныя истины къ удовлетворенію потребностей человѣка, а вторая—въ томъ, чтобы, „разсѣевая невѣжество, уничтожать многочисленныя причины, возбуждающія дурныя страсти, и тѣмъ приходить на помощь нравственному разуму и споспѣшествовать его развитію. Этимъ путемъ образованіе оказываетъ несомнѣнное вліяніе на морализацію народовъ“ [304]).

Таковы взгляды Despine по вопросу о соотносительной роли интеллектуальной и инстинктивной или нравственной

ственными способностями и интеллектуальный, обусловливаемый способностями интеллектуальными.

[298]) Despnie: „Psychologie naturelle“ I vol., 302.

[299]) Тамъ же, I, 64.

[300]) Тамъ же, I, 185.

[301]) Тамъ же, I, 65, 199, 208, 212.

[302]) Тамъ же, III, 534.

[303]) Тамъ же, I. 70.

[304]) Тамъ же, I, 322 и слѣд.

стороны въ дѣятельности человѣка [305]). Выясненіе важнаго, почти рѣшающаго значенія послѣдней составляетъ, по моему мнѣнію, одно изъ наиболѣе крупныхъ достоинствъ его дѣйствительно выдающагося сочиненія, появленіе котораго было вызвано слѣдующими обстоятельствами. „Читая безъ предвзятой идеи отчеты объ уголовныхъ процессахъ", говоритъ авторъ, „я былъ пораженъ постоянствомъ, съ которымъ повторяется у людей, *хладнокровно совершающихъ тяжкія преступленія*, особое психическое состояніе, характеризующееся во время умысла отсутствіемъ всякихъ нравственныхъ осужденій желанія совершить преступныя дѣйствія и не менѣе абсолютнымъ отсутствіемъ угрызеній совѣсти послѣ ихъ совершенія". Но авторъ не ограничился однимъ удивленіемъ и принялся за изученіе вопроса. Для этого онъ взялъ Gazette des Tribunaux съ 1825 г. и внимательно изучилъ напечатанные въ ней многочисленные отчеты объ уголовныхъ процессахъ. Такое изученіе привело его къ убѣжденію, что всѣ тяжкія преступленія, безъ исключенія, совершаются подъ условіемъ отсутствія у дѣятелей нравственнаго чувства, которое обусловливаетъ сознаніе добра и зла и внушаетъ осужденіе преступныхъ желаній и угрызенія совѣсти, послѣ совершенія преступленій [305*]) Но это была только одна часть работы. Нужно было еще выяснить значеніе такой „аномаліи" тяжкихъ преступниковъ. Для этого авторъ снова принялся за изученіе вопроса съ психофизіологической стороны [306]). Плодомъ этого изученія и было вышеназванное сочиненіе, первый томъ котораго посвященъ нормальной психологіи, а второй и большая часть третьяго—психологіи аномалій, въ которую вошли резуль-

---

[305]) Вѣрно опредѣляя значеніе инстинктивной стороны, авторъ въ то же время, повидимому, нѣсколько умаляетъ значеніе интеллектуальной. Оказывая задерживающее вліяніе на чувственныя влеченія и постепенно такимъ путемъ вырабатывая привычки, закрѣпляемыя наслѣдственною передачею, интеллектуальныя способности тѣмъ самымъ въ значительной мѣрѣ вліяютъ и на образованіе характера. Правда, при этомъ онѣ вліяютъ путемъ постояннаго образованія глубокихъ органическихъ измѣненій, о которыхъ говоритъ Despine, но послѣднія все-таки образуются подъ вліяніемъ ихъ дѣятельности.

[305*]) Эта мысль, впрочемъ, еще ранѣе была высказана Gall'емъ. См. его сочиненіе Sur les fonctions du cerveau, I. Du Repantir ou de la Conscience des malfaiteurs, стр. 349 и сл.

[306]) Psychol. nat., I, XII. и сл.

таты изученія явленій душевныхъ болѣзней, съ одной стороны, и явленій преступности — съ другой. Остальная же часть III тома посвящена изученію дѣйствительныхъ средствъ борьбы съ преступленіемъ и представляетъ собою одну изъ лучшихъ частей всего сочиненія.

Не имѣя возможности вдаваться въ подробное изложеніе труда Prosper'a Despine, я коротко изложу только главные результаты, къ которымъ пришелъ авторъ послѣ многолѣтняго и тщательнаго изученія вопроса о преступности.

„Психологія, т.-е. наука о способностяхъ духа и ихъ различныхъ проявленіяхъ", говоритъ Despine, „не должна выходить изъ предѣловъ изученія природы; въ этихъ предѣлахъ я и держался постоянно. Будучи спиритуалистомъ, я тѣмъ не менѣе оставлялъ въ сторонѣ всѣ метафизическіе вопросы, потому что они не входятъ въ область наблюденія и естествознанія" [307]). Оставаясь же на почвѣ послѣдняго, авторъ пришелъ къ заключенію, что человѣкъ представляетъ собою „животное высшей породы, состоящее изъ души и тѣла, животное, которое пріобрѣтаемыя имъ при посредствѣ нравственныхъ и интеллектуальныхъ способностей знанія дѣлаютъ разумнымъ и нравственно свободнымъ" [308]). Духъ человѣка обладаетъ способностями двухъ родовъ: интеллектуальными и инстинктивными или нравственными [309]). При посредствѣ органовъ чувствъ, онъ приходитъ въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ и познаетъ его, при посредствѣ памяти онъ удерживаетъ пріобрѣтенныя познанія, а вниманіемъ и размышленіемъ открываетъ соотношенія и законы природы. Инстинктивныя же способности доставляютъ человѣку не знаніе существующаго въ мірѣ, а знаніе того, какъ онъ долженъ поступать Инстинктивныя знанія не пріобрѣтаются обученіемъ; ими человѣкъ обладаетъ безъ труда, безъ обученія и безъ размышленій, единственно вслѣдствіе того, что обладаетъ обусловливающими ихъ способностями, которыя въ свою очередь обусловливаются особенностями органическими [310]). „Наслѣдственная передача инстинктивныхъ элементовъ",

---

307) Тамъ же, III, 530.

308) Тамъ же, I, 601.

309) Тамъ же, I, 425 и III; 532.

310) Тамъ же, I, 177, 184, 185, 426, 436.

говоритъ авторъ, „не дозволяетъ сомнѣваться въ томъ, что эти элементы зависятъ отъ организаціи, потому что только одна организація можетъ обусловить передачу по наслѣдству“ [311]). „Душа не проявляется такою, какою она есть“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „а такою, *какою ей дозволяетъ проявляться организація*, то съ ея нормальными способностями, то съ способностями извращенными, или болѣе или менѣе уничтоженными, *соотвѣтственно различію органическихъ состояній*“ [312]). Культура, *производя измѣненія въ организаціи*, укрѣпляетъ и совершенствуетъ инстинктивныя способности. Но если природа лишила человѣка задатковъ той или другой изъ нихъ, то онъ навсегда будетъ лишенъ знаній, которыя даетъ она. Однѣ интеллектуальныя способности никогда не дадутъ ему этихъ знаній. Это задача инстинктивной природы, въ которой зарождаются различныя чувства: любовь, благожелательность, надежда, страхъ, чувство прекраснаго, нравственное чувство и пр. Всѣ эти инстинктивныя движенія души, вмѣстѣ съ потребностями нашего тѣла являются принципами нашей дѣятельности. Принципъ дѣятельности, присущій инстинктивнымъ элементамъ, заключается въ стремленіи удовлетворять вкусамъ, желаніямъ и потребностямъ, которые, будучи удовлетворены, доставляютъ удовольствіе, наслажденіе. Это принципъ существенно эгоистичный. Но между инстинктивными способностями есть одна высшаго порядка — нравственное чувство, которымъ мы различаемъ добро и зло. Активный принципъ этой способности состоитъ не только въ удовольствіи дѣлать, что она указываетъ, но и въ высшемъ мотивѣ долга, въ сознаваемой совѣстью обязанности дѣлать добро, хотя бы этому противорѣчили дурныя желанія, направляющія насъ ко злу [313]). Когда мы дѣлаемъ добро изъ удовольствія, то чувство долга не привходитъ въ опредѣленіе нашей дѣятельности. Оно оказываетъ свое вліяніе только тогда, когда дѣланіе добра не составляетъ удовольствія, когда оно тягостно. Въ этомъ же случаѣ только и можетъ быть рѣчь о свободѣ воли или о нравственной свободѣ. Послѣдняя „есть

---

311) Тамъ же, I, 399.
312) Тамъ же, I, 602.
313) Тамъ же, I, 426 и 427.

сила, при помощи которой человѣкъ выбираетъ между добромъ и зломъ, рѣшаетъ и желаетъ того, что онъ выбралъ послѣ обсужденія, озареннаго чувствомъ нравственнаго долга“ [314]). Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ воля человѣка опредѣляется или единственнымъ, или однимъ изъ нѣсколькихъ, но всегда сильнѣйшимъ желаніемъ [315]). Свобода дѣйствій во всѣхъ этихъ случаяхъ не заслуживаетъ названія свободы воли. Подобная свобода, которой обладаютъ и душевно-больные, и дѣти, и даже животныя, будучи предоставлены самимъ себѣ, не дѣлаетъ человѣка нравственно отвѣтственнымъ [316]). „Нравственное сознаніе есть тотъ внутренній голосъ, который указываетъ, что̀ добро и что̀ зло само въ себѣ“. „Этотъ внутренній голосъ есть голосъ нравственнаго чувства, которое въ поступательномъ ходѣ развитія человѣка является однимъ изъ послѣднихъ“ [317]). Оно необходимая основа чувства долга, а это послѣднее въ свою очередь есть необходимое условіе свободы воли или нравственной свободы [318]). Поэтому, кто не обладаетъ нравственнымъ чувствомъ или кто временно утратилъ его въ состояніи страсти, тотъ, очевидно, лишенъ и свободы воли и является нравственно не отвѣтственнымъ за свои дурные поступки [319]).

Такова психологическая теорія Despine. Она ставитъ и рѣшаетъ два дѣйствительно капитальныхъ вопроса. Во-первыхъ, вопросъ о вліяніи инстинктивной стороны на всю дѣятельность, на весь нравственный обликъ человѣческой

---

[314]) Тамъ же, I, 371.

[315]) Тамъ же, I, 342.

[316]) Тамъ же, I, 430.

[317]) Тамъ же, I, 234. Въ своемъ довольно извѣстномъ сочиненіи „La psychologie de l'enfant (les trois premières années) Bernard Pérez разсматриваетъ нравственное чувство, какъ очень сложное явленіе, вырабатывающееся съ большимъ трудомъ и усиліями. Первоначально оно зарождается у ребенка на унаслѣдованной уже почвѣ путемъ постепенно вырабатывающейся привычки повиноваться изъ страха, изъ-за награды, похвалы и наконецъ изъ-за желанія дѣлать пріятное (уже зачатки симпатіи). Съ повышеніемъ умственнаго развитія сюда приходитъ размышленіе, а вмѣстѣ съ нимъ постепенно развивающіеся—симпатія, любовь къ похвалѣ, самолюбіе, сила примѣра, страхъ упрека и желаніе дѣлать пріятное своимъ. Изъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ элементовъ и слагается нравственное чувство. См. стр. 336 и сл.

[318]) Тамъ же, I, 235.

[319]) Тамъ же, I, 431.

личности, а, во-вторыхъ, хотя и вѣковой, но, къ несчастію, еще и до сихъ поръ представляющійся запутаннымъ вопросъ о свободѣ воли.

Каждый по собственному наблюденію, конечно, хорошо знаетъ то громадное различіе, которое существуетъ между нравственностью *головной*, какъ результатомъ размышленія и обдумыванія, и нравственностью инстинктивной, какъ результатомъ перваго непосредственнаго влеченія, являющагося прежде всякаго размышленія. Если у людей, обладающихъ первой, часто замѣчается рѣзко бросающійся въ глаза разладъ между словомъ и дѣломъ, между обдуманными хорошими дѣйствіями и необдуманными дурными, то у людей, обладающихъ второй, напротивъ, наблюдается удивительная цѣлостность во всемъ ихъ нравственномъ существѣ, во всей ихъ дѣятельности. У такихъ людей нѣтъ рѣзкихъ различій и противоположностей между обдуманнымъ и необдуманнымъ, между результатами размышленія и перваго влеченія. Для объясненія причинъ такого различія, пусть каждый обратится къ собственному опыту, который и подскажетъ ему, что кромѣ глубоко укоренившейся привычности извѣстнаго образа дѣйствій, начала которой отходятъ часто къ годамъ самаго ранняго дѣтства, характеръ его поступковъ по первому влеченію, также какъ и вся его нравственная или инстинктивная личность опредѣляются и значительно измѣняются съ измѣненіями его настроенія. Что онъ сдѣлаетъ и что онъ подумаетъ въ раздраженномъ настроеніи, на то онъ, конечно, никогда не посягнетъ и то ему не прійдетъ и въ голову въ настроеніи спокойномъ, а еще болѣе въ спокойно-пріятномъ и т. д. Характеръ же настроеній человѣка, какъ извѣстно, обусловливается характеромъ общаго чувства, которое представляетъ собою крайне сложное цѣлое, образующееся изъ всего комплекса ощущеній, единовременно идущихъ отъ всѣхъ безъ исключенія органовъ его тѣла. Съ измѣненіемъ характера и отношеній этихъ послѣднихъ (въ одно время въ составѣ общаго чувства могутъ преобладать ощущенія отъ одного или однихъ органовъ, съ ихъ особою чувствительностью, а въ другое—отъ другаго или отъ другихъ, и притомъ преобладающія ощущенія, смотря по силѣ раздраженія, могутъ быть пріятны или непріятны въ различныхъ степеняхъ)

измѣняется и тонъ общаго чувства, а слѣдовательно и настроенія и непосредственно опредѣляемой имъ дѣятельности, а также и мышленія. Какія различія въ тонѣ общаго чувства и настроенія замѣчаются въ различныя времена у одной личности, такія же различія въ тонѣ общаго чувства и болѣе обычнаго настроенія замѣчаются и по отдѣльнымъ личностямъ, обусловливаясь, съ одной стороны, различіями *въ состояніяхъ* въ каждое данное время отдѣльныхъ органовъ и ихъ нервныхъ центровъ, а съ другой — различіями въ болѣе устойчивыхъ и постоянныхъ особенностяхъ въ въ структурѣ этихъ органовъ и ихъ нервныхъ центровъ [320]), а слѣдовательно и въ функціональной ихъ дѣятельности. Despine вполнѣ оцѣнилъ и прекрасно выяснилъ это преобладающее вліяніе инстинктивной стороны на всю дѣятельность, на весь обликъ нравственной личности человѣка. Обстоятельная обработка этого вопроса, повторяю, и представляетъ одно изъ наиболѣе выдающихся достоинствъ его сочиненія.

Другой затронутый и разрѣшаемый имъ вопросъ — это вопросъ о свободѣ воли. И въ немъ онъ указываетъ на существенную его сторону — *на власть*, которую имѣетъ органически хорошо сформированный человѣкъ или, выражаясь языкомъ Despine, человѣкъ, обладающій хорошею инстинктивной природой, надъ своими чувствованіями, влеченіями, порывами и желаніями, опредѣляясь къ дѣятельности въ зависимости не отъ нихъ, а наперекоръ имъ, по сознанію своего долга. Въ этой несомнѣнно существующей и хорошо сознаваемой человѣкомъ власти сторонники ученія о свободѣ воли, при неправильной постановкѣ самаго вопроса, находятъ главнѣйшіе аргументы въ пользу своего взгляда, аргументы, повидимому, подтверждаемые какъ ходячимъ, такъ и научнымъ опытомъ. Но попробуемъ хотя нѣсколько освѣтить этотъ еще и до сихъ поръ остающійся запутаннымъ вопросъ.

---

[320]) А это въ свою очередь обусловливается, съ одной стороны, наслѣдственною передачею отъ восходящихъ, въ теченіе жизни которыхъ различные органы (не исключая и внутренностей) упражнялись, а слѣдовательно и развивались неравномѣрно, а съ другой стороны—условіями жизни, а слѣдовательно и неравномѣрными упражненіями главнымъ образомъ въ періодъ роста и развитія самого дѣятеля.

Едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что всѣ дѣйствія всѣхъ людей съ неизбѣжностью опредѣляются своими предшествующими или, что то же, строго подчиняются закону причинности [321]). Это положеніе составляетъ фундаментъ всѣхъ наукъ о явленіяхъ психической жизни какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего общества. Пошатните его и эти науки станутъ невозможны и ихъ мѣсто займутъ многочисленные, но безполезные и обременительные для памяти факты. Подтверждаетъ же его и ходячій опытъ, всегда пытающійся открыть *причины* дѣйствій человѣка и отъ знанія его характера, и его предшествующей дѣятельности заключать къ вѣроятному характеру его дѣятельности будущей; его подтверждаетъ и историческое изслѣдованіе, вскрывающее причинность въ явленіяхъ жизни народовъ; его же подтверждаетъ и статистическій методъ изслѣдованія соціальныхъ явленій, открывающій въ нихъ поразительную закономѣрность; его же, наконецъ, подтверждаетъ и психологическое изученіе явленій душевной жизни человѣка, всегда находящихся въ строгомъ соотвѣтствіи съ опредѣленными и неизбѣжно имъ сопутствующими явленіями органическими. Поэтому, основываясь на всемъ богатствѣ нашего научнаго опыта, мы рѣшительно можемъ утверждать, что *объективно* человѣкъ представляется безусловно несвободнымъ и въ своей дѣятельности всегда опредѣляется предшествующими, по общему для всей вселенной закону причинности.

Не такъ ясенъ представляется вопросъ съ *субъективной* стороны. Съ этой стороны между людьми замѣчаются значительныя различія. Мы встрѣчаемъ людей, сравнительно легко сдерживающихъ свои чувственныя влеченія и почти всесильно господствующихъ надъ своими порывами, склонностями и желаніями. „*Я долженъ побороть въ себѣ это желаніе*“ (обращаю вниманіе читателя на нѣкоторую внутреннюю двойственность, слышащуюся въ этой фразѣ: „я“, „въ себѣ“), говоритъ такой человѣкъ и дѣйствительно почти безъ труда побораетъ его. Съ другой стороны, мы встрѣчаетъ и такихъ

---

[321]) Этотъ вопросъ уже былъ разобранъ мною. См. мою статью въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ за 1879 г. „Къ ученію о вмѣненіи“, № 4, и статью въ V т. того же журнала за 1880 г.: „О положеніи врача-эксперта на судѣ“.

людей, какъ Glanadel (см. 70 стр. этого очерка), которые, не смотря на „ужасъ“, внушаемый имъ тѣмъ или другимъ влеченіемъ, тѣмъ не менѣе „чувствуютъ себя вынужденными *противъ воли*“ осуществить его. И такія явленія встрѣчаются не только въ области патентованнаго, такъ-называемаго, импульсивнаго помѣшательства, именно и характеризующагося существованіемъ подобныхъ неодолимыхъ влеченій при ясномъ сознаніи, но и въ сферѣ болѣе нормальной. Кому не приходилось слышать: „я знаю, что это глупо; я знаю, что этого не слѣдуетъ дѣлать и стараюсь удержаться, но не могу“? Кому также по собственному внутреннему опыту не извѣстны значительныя колебанія въ разное время въ *мѣрѣ власти* надъ своими чувственными влеченіями, надъ своими желаніями и порывами? А если такъ, то очевидно, что *съ субъективной стороны, со стороны свободы проведенія внутренно одобреннаго способа дѣйствій* представляются значительныя различія какъ по отдѣльнымъ лицамъ, такъ и по различнымъ состояніямъ одного и того же лица. Очевидно, что какой-нибудь Glanadel или какая-нибудь морфиноманка[322]), въ отношеніи свободы проведенія сознательно одобреннаго способа дѣйствій, не могутъ быть поставлены на одну доску съ тѣмъ человѣкомъ, о которомъ говорятъ, что онъ вполнѣ владѣетъ собой. Поэтому защитники ученія о свободѣ воли, указывая на случаи, подобные случаю Glanadel, до извѣстной степени имѣютъ основаніе утверждать, что одни люди обладаютъ свободою воли, тогда какъ другіе лишены ея. И дѣйствительно, въ то время, какъ Glanadel съ субъективной стороны даже для самого себя представлялся не свободнымъ проводить внутренно-одобренный способъ дѣйствій, другой человѣкъ, напротивъ, не встрѣчаетъ въ этомъ почти никакого препятствія и, руководствуясь своимъ внутреннимъ опытомъ, даже не можетъ понять, какъ можно быть не хозяиномъ своихъ дѣйствій. Такое господство *сознаваемаго должнымъ* надъ чувственными влеченіями и желаніями, при тщательномъ наблюденіи по отдѣльнымъ личностямъ, всегда представляется результатомъ высшаго гармоническаго развитія, *являюща-*

---

[322]) См. № 12 „Юридич. Вѣстн.“ за 1883, въ которомъ помѣщенъ изложенный мною процессъ одной морфиноманки.

ося слѣдствіемъ хорошаго воспитанія и правильной предшествующей жизни, а также и унаслѣдованія хорошей инстинктивной природы, въ свою очередь являющейся слѣдствіемъ хорошаго воспитанія и правильной жизни восходящихъ. Это гармоническое развитіе есть лучшій плодъ долгой культуры, не выпадающій на долю дурно обставленныхъ классовъ общества, члены которыхъ дѣйствуютъ почти исключительно подъ вліяніемъ чувственныхъ влеченій и часто оказываются органически не способными противостоять соблазну зарождающихся желаній, влеченій и порывовъ.

Удовлетворительное объясненіе этого несомнѣнно существующаго различія въ *субъективной свободѣ* намъ, повидимому, даетъ современное ученіе о спеціализаціи функцій отдѣльныхъ нервныхъ центровъ или, иначе, ученіе о мозговыхъ локализаціяхъ [323]).

Мозгъ — это скопленіе нервнаго вещества—не представляетъ собою, по современному ученію, одного органа, а, напротивъ, соединеніе отдѣльныхъ органовъ или центровъ, каждый изъ которыхъ, повидимому, имѣетъ свою спеціальную функцію, при чемъ относительное развитіе этихъ центровъ соотвѣтствуетъ, повидимому, относительному развитію завѣдуемыхъ ими органовъ. Нѣкоторые изъ этихъ центровъ суть центры автоматической, рефлекторной дѣятельности, тогда какъ другіе центры—высшаго порядка, центры высшихъ проявленій психической жизни, между которыми наблюдается нѣкоторая іерархія, выражающаяся въ задерживающемъ, подавляющемъ вліяніи высшихъ центровъ на низшіе. Во время сна, во время различныхъ патологическихъ состояній, соединенныхъ съ ослабленіемъ первыхъ всегда повышается рефлекторная дѣятельность вторыхъ. „Импульсы низшаго порядка“, совершенно вѣрно замѣчаетъ Ribot, „выигрываютъ все то, что теряютъ импульсы высшаго“ [323*]).

Въ числѣ центровъ, завѣдывающихъ явленіями психической жизни, существуютъ, съ одной стороны, центры чув-

---

[323]) Объ этомъ см. сочин. Ferrier: „The functions of the brain“, 163 и слѣд. Bastian: Le cerveau organe de la pensée, 141 и сл. См. также въ сочиненіи Luys'a: „Traité clinique et pratique des maladies mentales“ отдѣлъ: Physiologie, стр. 101 и слѣд.

[323*]) Les maladies de la valonté, 72.

ственныхъ влеченій [324]), а съ другой—центръ или центры, соотвѣтствующіе, повидимому, въ своей дѣятельности высшей разсуждающей и направляющей способности, которая и оказываетъ задерживающее и подавляющее вліяніе на влеченія, зарождающіяся изъ возбужденнаго состоянія первыхъ. Только существованіе такихъ центровъ и можетъ объяснить указанную уже мною двойственность, звучащую въ нашемъ языкѣ и необходимо служащую выраженіемъ нѣкоторой дѣйствительной двойственности въ механизмѣ нашей психической жизни. Существованіе такихъ центровъ, повидимому, подтверждается и опытами съ гипнотизированными, при которыхъ, вѣроятно, вслѣдствіе временнаго отпаденія дѣятельности этихъ центровъ, не смотря на кажущуюся цѣлесообразность дѣйствій экспериментируемаго, онъ превращается въ какого-то автомата, безконтрольно управляемаго извнѣ привходящими воздѣйствіями [325]). *Достаточность* силы этого высшаго или высшихъ центровъ задерживать, подавлять и направлять чувственныя влеченія [326]), являющіяся результатомъ возбужденія чувствен-

---

[324]) Здѣсь я вовсе не касаюсь вопроса о томъ, находятся-ли эти центры въ субкортикальныхъ узлахъ полушарій или исключительно въ корковомъ слоѣ Для насъ важно лишь одно, что изслѣдователи, не смотря на нѣкоторыя разногласія, вполнѣ сходятся въ томъ, что функціональныя локализаціи центровъ сознательной жизни существуютъ.

[325]) См. Legrand du Saulle: „Les hysteriques“, стр. 159 и слѣд. См. также Maudsley: „La pathologie de l'esprit“, главу о гипнотизмѣ и сомнамбулизмѣ. Не безъинтересна также для занимающаго насъ вопроса предшествующая глава этого сочиненія: „Сонъ и сновидѣнія“. Краткое изложеніе опытовъ съ гипнотизированными помѣщено также въ февральской книжкѣ „Юрид. Вѣсти.“ за 1884 г., въ которой напечатанъ изложенный мною рефератъ д-ра Féré. Интересные факты можно также найти и въ сочин. Despine, I, 504—601.

[326]) Сила эта значительно измѣняется какъ по индивидуумамъ, такъ и отъ различій органическихъ состояній въ разное время (повидимому, отъ различій въ условіяхъ питанія какъ организма вообще, такъ и относительнаго питанія отдѣльныхъ органовъ и ихъ нервныхъ центровъ въ частности). Я уже привелъ случай Glanadel (70 стр.), характеръ котораго значительно измѣнился съ 16 лѣтъ (не подъ вліяніемъ-ли онанизма?). Впослѣдствіи Glanadel, не представлявшій уловимыхъ уклоненій съ интеллектуальной стороны, по собственной просьбѣ былъ принятъ въ заведеніе для душевно-больныхъ, при поступленіи въ которое онъ написалъ директору письмо и просилъ его не довѣрять внѣшнимъ признакамъ полной нормальности и никогда болѣе не выпускать его изъ заведенія. „Я не долженъ болѣе выходить“ говорилъ онъ, „потому что я воспользовался бы свободой, чтобы совершить преступленіе, которое мнѣ вну-

ныхъ центровъ, повидимому, и есть то, что называютъ *свободой* воли. Эта *субъективная свобода*, если можно такъ выразиться, очевидно зависитъ отъ двухъ моментовъ: отъ относительнаго развитія и интензивности дѣйствія въ данное время этихъ высшихъ направляющихъ центровъ, съ одной стороны, и центровъ чувственныхъ влеченій—съ другой. Если первые значительно развиты и дѣйствуютъ интензивно, а вторые, напротивъ, развиты умѣренно, то и психическая жизнь течетъ разумно и бываетъ чужда сильныхъ чувственныхъ потрясеній, увлекающихъ человѣка по пути удовлетворенія его чувственныхъ влеченій и пожеланій. Напротивъ, если первые развиты слабо или временно ослаблены, то вторые берутъ перевѣсъ и тогда высшее регулированіе отпадаетъ, а чувственныя влеченія увлекаютъ человѣка по пути всякихъ излишествъ и тогда онъ восклицаетъ: „Я бы и хотѣлъ, но не могу: я не властенъ въ себѣ“.

Здѣсь я намѣтилъ лишь основной принципъ механизма психической жизни. Дѣйствительность же представляетъ

шаетъ ужасъ“. Въ этотъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ усиленнымъ, до болѣзненности *развитымъ* чувственнымъ влеченіемъ, наталковавшимъ на убійство, побороть которое было недостаточно задерживающее вліяніе высшихъ разсудочныхъ центровъ. Множество сходныхъ случаевъ собраны въ только что названномъ сочиненіи Maudsley, стр. 349 и слѣд. Въ другихъ случанхъ, напротивъ, *направляющая или опредѣляющая* сила высшихъ центровъ падаетъ до minimum'a и воля парализуется. Одинъ изъ наиболѣе характерныхъ случаевъ этого рода разсказанъ д-мъ Billod. Одинъ нотаріусъ X, 50 л., передалъ свое дѣло и предался покою. Вслѣдствіе рѣзкой перемѣны въ образѣ жизни, у него развилось меланхолическое настроеніе, не сопровождавшееся, однако, никакими проявленіями бреда. Рѣзко обозначился только крайній упадокъ воли. На совѣты сдѣлать прогулку или пойти въ театръ для развлеченія, онъ всегда отвѣчалъ, что „если бы онъ и желалъ этого, то не могъ бы *волить* (vouloir). Чтобы вывесть его изъ такого состоянія, его отправили путешествовать, подъ наблюденіемъ доктора. Въ Марсели, желая ознакомиться съ городомъ, X пять дней подрядъ бралъ свою шляпу, хотѣлъ идти и не могъ. „Очевидно, я свой собственный узникъ“, говорилъ онъ при этомъ доктору. «Вы мнѣ не препятствуете, мои ноги также, потому что онѣ не парализованы и ходятъ хорошо. Такъ что же это“? То же повторилось и въ Римѣ, когда X хотѣлъ идти на праздникъ св. Петра. „Я не имѣю недостатка *въ желаніи*“, говорилъ онъ при этомъ „я готовился въ теченіе трехъ часовъ и вотъ теперь я не могу выйдти отсюда.“ На совѣты доктора онъ часто отвѣчалъ: «Вы правы, это было бы хорошо, я былъ бы долженъ, я бы желалъ, но какъ волить“. Des maladies de la volonté, 24—44.

значительныя разнообразія. Центры чувственныхъ влеченій различны и представляютъ, съ одной стороны, значительныя различія во взаимномъ соотносительномъ развитіи и временныхъ состояніяхъ, а съ другой—каждый изъ нихъ представляетъ значительныя различія въ развитіи соотносительно съ высшими направляющими центрами. Поэтому комбинаціи здѣсь могутъ быть весьма разнообразны и имито и объясняются различія въ обликѣ нравственной личности человѣка.

Господство вліянія высшихъ разсудочныхъ центровъ и сопутствующее ему ограниченіе силы чувственныхъ влеченій развиваются постепенно и являются послѣднимъ и высшимъ продуктомъ общественной культуры, которая въ свою очередь является результатомъ разумнаго воспитанія и правильной предшествующей жизни не только отдѣльныхъ единицъ, составляющихъ общество, но и ихъ восходящихъ. Человѣкъ, которому переданы усиленно развитыми тѣ или другіе чувственные центры, только при помощи даннаго ему тщательнаго и разумно направленнаго воспитанія и правильной послѣдующей жизни, можетъ съ усиліемъ достигнуть достаточнаго господства надъ одолѣвающими его чувственными влеченіями. Въ противномъ случаѣ онъ всегда будетъ ихъ игрушкою и безъ руля будетъ носиться по волнамъ моря житейскаго до своего конечнаго крушенія. Здѣсьто и выступаетъ все великое значеніе организованнаго опыта восходящихъ. Удовлетворяя тѣмъ или другимъ влеченіямъ и упражняя тѣ или другіе органы, они тѣмъ самымъ развиваютъ ихъ, а вмѣстѣ съ ними и завѣдывающіе ими нервные центры, которые потому и получаютъ большую склонность къ функціонированію. *Этимъ и организуется жизненный опытъ*, и не только въ дѣйствующемъ поколѣніи, но и въ поколѣніяхъ нисходящихъ, у которыхъ такимъ путемъ наслѣдственная передача опредѣляетъ физическую конституцію, обусловливающую особенности ихъ инстинктивной природы.

Изложенное ученіе на первый взглядъ можетъ показаться матеріалистическимъ. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ [327]).

[327]) Я уже имѣлъ случай касаться этого вопроса. См. мою статью—«Къ вопросу объ органическомъ вырожденіи». Юридич. Вѣстникъ, т. V, 1880 г.

Матеріализмъ, какъ ученіе о существованіи только одного начала—матеріальнаго, и идеализмъ, какъ ученіе о существованіи двухъ раздѣльныхъ началъ—духа и матеріи, одинаково представляютъ собою два *вѣрованія*, которымъ, какъ таковымъ, не мѣсто въ наукѣ. На рубежѣ этихъ ученій заканчивается предѣлъ научнаго знанія и начинается область вѣры и гаданій. Мыслящій духъ и мыслящая матерія намъ одинаково непонятны. „Какимъ образомъ они (органическіе процессы) превращаются въ послѣднее (душевное состояніе представленія)“, совершенно вѣрно замѣчаетъ проф. Гризингеръ — „загадка, вѣроятно, никогда не разрѣшимая, и мнѣ кажется, что еслибы даже къ намъ сошелъ теперь съ неба ангелъ, чтобъ объяснить это, то нашъ разумъ не былъ бы въ состояніи даже и понять его“ [328]). Обѣ гипотезы одинаково согласимы съ извѣстными намъ фактами, а потому и выборъ между ними есть дѣло личныхъ убѣжденій, зависящихъ отъ множества неуловимыхъ обстоятельствъ предшествующей жизни и столь же неуловимыхъ индивидуальныхъ особенностей. Но въ какую бы сторону ни склонялся выборъ, во всякомъ случаѣ необходимо признать, что обѣ гипотезы одинаково не подлежатъ провѣркѣ и, какъ таковыя, не могутъ быть признаны научными. Наука не знаетъ и не можетъ знать сущности явленій, а потому и не можетъ задаваться вопросомъ о сущности того, что называется явленіями духа и о сущности ихъ связи съ явленіями матеріи. Въ психической области мы констатируемъ лишь существованіе двухъ рядовъ явленій — явленій органическихъ, съ одной стороны, и явленій сознанія—съ другой, при чемъ, какъ вполнѣ вѣрно замѣчаетъ Спенсеръ, „остаемся совершенно неспособными видѣть или даже вообразить себѣ, какимъ образомъ эти два ряда связаны между собой“ [329]). Не имѣя возможности понять сущность связи между явленіями органическими и явленіями сознанія, наука, однако, констатируетъ ихъ сосуществованіе, ихъ устойчивое соотношеніе, вслѣдствіе котораго явленія психическія всегда сопровождаются или, правильнѣе, идутъ параллельно съ явленіями органическими и притомъ съ явленіями

---

[328]) Душевныя болѣзни, издан. 2, стр. 6.

[329]) Основанія психологіи. I, 146

опредѣленными. Нѣтъ органическаго явленія, нѣтъ и психическаго; есть явленіе психическое, есть всегда и строго соотвѣтствующее ему явленіе органическое. Такое сосуществованіе двухъ рядовъ явленій наблюдается всегда и *дѣло науки открыть и установить соотвѣтствіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и выразить явленія одного ряда — явленія сознанія, въ строго соотвѣтствующихъ имъ явленіяхъ другаго ряда — явленіяхъ органическихъ, какъ болѣе доступныхъ объективному наблюденію и изслѣдованію.* „Поэтому", какъ говоритъ Гризингеръ, „съ научной точки зрѣнія будетъ вполнѣ правильно отложить совершенно въ сторону эти возможные, но совершенно неизвѣстные посредствующіе процессы, и ставить душевную дѣятельность въ такое же единство съ тѣломъ, и въ особенности съ мозгомъ, въ какомъ вообще находится органъ и его отправленіе, смотрѣть на представленіе и стремленіе точно такъ-же, какъ на дѣятельность, специфическую энергію головнаго мозга, какъ провожденіе — есть отправленіе нервовъ, рефлексъ — отправленіе спиннаго мозга и т. д., и разсматривать душу прежде всего какъ сумму всѣхъ состояній мозга" [330]). Но разсматривая такъ при научныхъ изслѣдованіяхъ явленія сознанія, мы тѣмъ самымъ вовсе не отожествляемъ оба ряда явленій, оставляя вопросъ о ихъ тожествѣ или различіи открытымъ, а только изучаемъ явленія одного ряда въ явленіяхъ другаго, строго ему соотвѣтствующаго.

Послѣ этого довольно значительнаго отступленія вернемся снова къ сочиненію Despine.

Отъ нормальной психологіи Despine переходитъ къ психологіи аномалій и разсматриваетъ въ ней душевно-больныхъ, съ одной стороны, и преступниковъ—съ другой. Послѣдніе, по его мнѣнію, вовсе не больные, хотя ихъ дурныя нравственныя особенности обусловливаются особенностями организаціи ихъ мозга. „Наблюденіе, показывающее, что преступники часто имѣютъ душевно-больныхъ въ числѣ своихъ восходящихъ", говоритъ Despine, „доказываетъ не сомнѣнное родство, существующее между порочностями (infirmités) мозга, совмѣстимыми съ состояніемъ здоровья и *образующими преступниковъ*, и паталогическими состояні-

330) Душевныя болѣзни, 6.

ями этого органа, *порождающими душевно-больныхъ*“ [331]). Но въ чемъ же проявляются эти порочности въ организаціи мозга преступниковъ? Преступники, какъ указываютъ многочисленные процессы, лишены нравственнаго чувства, отвѣчаетъ Despine, и эта нравственная нечувствительность дѣлаетъ ихъ нравственно несвободными, какъ бы нравственными идіотами и лишаетъ ихъ возможности противостоять ихъ извращеннымъ влеченіямъ и склонностямъ и тѣмъ самымъ уничтожаетъ ихъ нравственную отвѣтственность [332]). Такая особенность, какъ мы знаемъ уже, обусловливается особенностями ихъ инстинктивной природы, а эти въ свою очередь—особенностями ихъ организаціи. Вслѣдствіе этого въ нихъ не говоритъ голосъ нравственнаго чувства и они опредѣляются къ дѣйствію лишь своими наиболѣе сильными желаніями, которыя у нихъ часто бываютъ крайне порочны и легко наталкиваютъ ихъ на самыя страшныя преступленія, совершаемыя ими спокойно и безстрастно, безъ послѣдующихъ угрызеній совѣсти и раскаянія [333]).

Но не всѣ, совершающіе преступленія принадлежатъ къ числу людей, лишенныхъ нравственнаго чувства. Таковы лишь тяжкіе преступники, потому что тяжкія преступленія внушаютъ *непобѣдимое* отвращеніе всѣмъ, одареннымъ этимъ чувствомъ, если послѣднее хотя временно не подавлено въ нихъ дѣйствіемъ сильной страсти. Страсть можетъ иногда на время заглушать его голосъ и наталкивать человѣка на тяжкое преступленіе. Но уже тотчасъ послѣ его совершенія нравственное чувство возвышаетъ свой голосъ и начинаютъ раздаваться укоры совѣсти и звучать раскаяніе. Лица, совершающія тяжкія преступленія при такихъ условіяхъ, суть преступники по страсти. Кромѣ нихъ есть и другіе, у которыхъ голосъ нравственнаго чувства не заглушается даже во время совершенія преступленій. Это люди, совершающіе нетяжкія преступленія, совмѣстимыя съ существованіемъ нравственнаго чувства [334]).

Таковы основныя категоріи преступниковъ. Каковы же должны быть употребляемыя противъ нихъ мѣры и каковы

---

[331]) Psychol. natur., II, 280.

[332]) Тамъ-же, I, 64.

[333]) Тамъ-же, I, 239, 386.

[334]) Тамъ-же, III, 503 и сл.

должны быть цѣли послѣднихъ? Основная цѣль такихъ мѣръ—огражденіе общества отъ зла преступленія. Каковы бы ни были аномаліи преступниковъ, общество имѣетъ неоспоримое право предохранять себя отъ ихъ дурныхъ послѣдствій [335]). Характеръ же самыхъ мѣръ долженъ быть настолько различенъ, насколько различны и самыя категоріи преступниковъ.

По отношенію къ лицамъ первой категоріи, всякія наказанія, въ собственномъ смыслѣ, несправедливы и безполезны. Въ приложеніи къ нимъ они не болѣе, какъ грубое отмщеніе, осуждаемое, какъ таковое, современною нравственностью цивилизованныхъ народовъ. Преступленія лицъ этой категоріи обусловлены причинами, кроющимися въ глубинѣ ихъ инстинктивной природы, въ которой они не находятъ средствъ для борьбы съ одолѣвающими ихъ развращенными склонностями и желаніями и потому являются нравственно безотвѣтственными. Вѣковой опытъ ясно доказываетъ, что угроза наказаніемъ не дѣйствуетъ предупреждающе на такихъ преступниковъ, а сами наказанія, въ своемъ приложеніи, лишь увеличиваютъ нравственные недостатки этихъ и безъ того крайне несовершенныхъ существъ [336]). Но если такъ, то что же дѣлать съ ними и какъ оградить общество отъ дурныхъ слѣдствій ихъ нравственныхъ аномалій? Необходимо дѣйствовать на самыя причины ихъ преступности и измѣнять дурныя особенности ихъ инстинктивной природы. Необходимо путемъ разумнаго культивированія развивать существовавшія въ нихъ хотя и въ зародышѣ хорошія стороны и ослаблять дурныя. Такимъ путемъ постепеннаго укрѣпленія хорошихъ инстинктивныхъ способностей и ослабленія дурныхъ возможно измѣнять и исправлять ихъ дурные характеры. Не слѣдуетъ забывать, что и они то же люди и, какъ таковые, должны быть вспомоществуемы въ своемъ нравственномъ убожествѣ, какъ и другіе обездоленные физически или интеллектуально (различные калѣки, идіоты, сумасшедшіе и пр.) [337]).

Для достиженія цѣли нравственнаго исправленія преступниковъ этой категоріи, должны быть устроены особые пе-

335) Тамъ-же, III, 248.

336) Тамъ-же, III, 245, 247, 357 и сл., 469, 544.

337) Тамъ-же, I, 64, III, 242, 356, 469.

нитенціаріи или азили. *Сроки заключенія въ нихъ не могутъ быть опредѣляемы напередъ;* все должно зависѣть отъ индивидуальности случая. Какъ невозможно опредѣлить напередъ продолжительность лѣченія отъ какой-нибудь болѣзни, такъ точно невозможно опредѣлить напередъ и продолжительность исправленія тѣхъ или другихъ порочностей. Можно сказать лишь, что въ такихъ пенитенціаріяхъ не должно безполезно удерживать тѣхъ, которые безопасно могутъ быть возвращены въ общество, а также, что изъ нихъ не слѣдуетъ выпускать и тѣхъ, которые не доказали своего серьезнаго исправленія. Въ теченіе срока своего пребыванія въ пенитенціаріяхъ, заключенные не должны быть въ тягость обществу и должны собственнымъ трудомъ покрывать издержки своего существованія; излишекъ же долженъ сохраняться до ихъ выхода. Но если они не должны быть въ тягость обществу, то въ то же время они не должны служить и предметомъ эксплоатаціи, и средствомъ наживы: ихъ трудъ долженъ служить лишь имъ однимъ [338]).

Превосходство системы нравственнаго исправленія доказано, напр., дѣятельностью меттрэйской колоніи. Та же система, приложенная даже въ ограниченныхъ размѣрахъ ко взрослымъ Felix'омъ Despine въ Савоѣ и Obermayer'омъ въ Мюнхенѣ, также дала превосходные результаты. Поэтому она и должна быть приложена въ широкихъ размѣрахъ ко взрослымъ вообще [339]).

Нравственное перевоспитаніе въ пенитенціаріяхъ не должно обосновываться только на дисциплинѣ, работахъ и обученіи, какъ это имѣетъ мѣсто теперь. Все это—вспомогательныя, но не главныя средства измѣненія нравственной стороны человѣка. Для достиженія послѣдняго необходимо обратиться къ изученію и культивированію инстинктивной природы и области чувствъ. Но такъ какъ нравственное чувство у преступниковъ первой категоріи отсутствуетъ или представляетъ лишь крайне слабые зародыши, то необходимо, по крайней мѣрѣ на первое время, обращать усилія на ихъ другія хорошія чувства, а именно: на религіозное, если оно существуетъ, на чувство семейной при-

---

338) Тамъ-же, III, 480, 484.

339) Тамъ-же, III, 388 и сл.

вязанности, самолюбія, самоуваженія, на чувство личнаго достоинства и пр. Если же у заключеннаго отсутствуютъ почти всѣ хорошіе задатки инстинктивной природы, то необходимо обращаться къ его разумному пониманію собственныхъ матеріальныхъ интересовъ и дѣйствовать вначалѣ съ этой стороны. При этомъ всегда слѣдуетъ поддерживать въ немъ ободряющее чувство надежды и прививать къ нему убѣжденіе, что онъ заключенъ не для причиненія ему страданій, а для его исправленія и для развитія въ немъ привычекъ правильной и трудолюбивой жизни [340]).

Заключенные не должны сноситься между собою наединѣ, а, напротивъ, должны находиться въ постоянномъ соприкосновеніи съ людьми, посвятившими себя ихъ исправленію. Для этого, по примѣру колоній для малолѣтнихъ, они должны быть распредѣлены на группы, только менѣе многочисленныя, съ особымъ руководителемъ для каждой изъ нихъ (въ невшательскомъ пенитенціаріи, въ которомъ заключенные дѣлятся по мастерскимъ на очень маленькія группы и работаютъ совмѣстно съ надзирателями, при чемъ имъ не воспрещаются громкіе разговоры между собой существуетъ нѣчто подобное). Для возможности успѣха необходимо тщательно выбрать и хорошо подготовить служебный персоналъ и познакомить его *теоретически* и практически съ тѣмъ дѣломъ, которому онъ хочетъ посвятить свои силы. Безъ такого подготовленнаго и достаточно развитаго персонала всякое дѣло, а это въ особенности, успѣшно идти не можетъ [341]).

Усилія заключенныхъ, направленныя къ собственному перерожденію, должны быть стимулируемы мягкимъ и ободряющимъ обращеніемъ и различными наградами. Работы въ пенитенціаріяхъ должны быть профессіональныя и полезныя для будущаго заключенныхъ. Молчаніе во время работъ вовсе не составляетъ необходимости. Напротивъ, полезный разговоръ, происходящій при участіи руководителя, и ободряющая пѣсня, отвлекая умъ отъ дурныхъ мыслей, окажутъ благотворное вліяніе и сдѣлаютъ самый трудъ пріятнымъ. Время рекреацій также должно употреб

---

340) Тамъ-же, III, 325, 394, 402.

341) Тамъ-же, III, 391 и сл.

ляться съ пользою и оказывать воспитательное вліяніе на заключенныхъ. Интересныя чтенія, музыка и другія подобныя же занятія въ особенности удобны для этой цѣли. Даже театръ, какъ морализующее средство, могъ бы оказать полезныя услуги [312]). Вообще въ дѣлѣ нравственнаго исправленія должно слѣдовать примѣру тѣхъ благоразумныхъ родителей, которые, желая отвлечь безпорядочное воображеніе своихъ дѣтей отъ дурнаго, внѣ времени работъ, безпрестанно занимаютъ ихъ умъ музыкой, рисованіемъ и другими подобными занятіями. Впрочемъ способы исправляющихъ воздѣйствій, какъ и лѣченія болѣзней, не могутъ быть одинаковы и должны измѣняться въ зависимости отъ индивидуальности случая [313]).

Но какъ бы хороша ни была система и какъ бы способны и подготовлены ни были исполнители, всегда, въ видѣ исключенія, хотя и не подрывающаго общаго правила, могутъ оказаться неисправимые. Такія лица должны быть навсегда удаляемы изъ общества. Въ пенитенціаріяхъ, разъ вліяніе послѣднихъ оказалось безсильно, имъ уже болѣе не мѣсто и они должны быть переводимы въ особыя тюрьмы. Впрочемъ, и для нихъ не исключается вполнѣ возможность возврата въ общество, разъ только, вслѣдствіе-ли неожидавшагося прежде улучшенія или просто вслѣдствіе вліянія возраста, они перестаютъ быть опасны для своихъ согражданъ [314]).

Лица, совершающія преступленія подъ вліяніемъ страсти, а слѣдовательно и въ состояніи временной подавленности нравственнаго чувства, представляютъ другія особенности. Уже вскорѣ послѣ совершенія преступленія въ нихъ просыпаются ихъ добрыя чувства и начинаетъ раздаваться грозный голосъ ихъ совѣсти, являющійся лучшимъ ихъ судьею. Примѣненіе къ такимъ лицамъ наказаній, *только какъ наказаній*, было бы и несправедливо, и безполезно. Тѣмъ не менѣе, въ случаяхъ совершенія ими тяжкихъ преступле-

---

312) Припомнимъ, что̀ говоритъ Достоевскій, по личному опыту хорошо знавшій эту среду, въ своихъ «Запискахъ изъ Мертваго Дома» объ умиротворяющемъ и благотворномъ вліяніи театральнаго представленія, однажды разрѣшеннаго арестантамъ.

313) Despine, III, 405, 482 и слѣд.

314) Тамъ же, III, 500 и сл.

ній, и они должны быть помѣщаемы въ пенитенціаріи, хотя и на очень короткіе сроки (измѣряемые мѣсяцами). Цѣль такого заключенія — удостовѣриться въ искренности ихъ раскаянія и дать урокъ и предостеречь людей, одаренныхъ сильными страстями отъ совершенія того же самаго [345]).

Что же касается до лицъ, не утратившихъ нравственнаго чувства и совершающихъ нетяжкія преступленія не подъ вліяніемъ страсти, то примѣненіе къ нимъ наказаній вполнѣ справедливо и полезно. Оно справедливо потому, что совершители обладаютъ нравственнымъ чувствомъ и потому являются нравственно отвѣтственными за свои дѣянія, а полезно потому, что наказаніе можетъ дѣйствовать на нихъ устрашающе. Назначаемыя же имъ наказанія должны быть разнообразны и должны заимствовать свой характеръ отъ внутренней аналогіи съ совершеннымъ преступленіемъ [346]).

Таковы конечные выводы, къ которымъ пришелъ Despine по отношенію къ преступности и средствамъ борьбы съ ней [347]). Его сочиненіе, отличающееся тщательной научной обработкой и изобилующее хорошо провѣреннымъ фактическимъ матеріаломъ, наглядно подтверждающимъ его основныя положенія, обратило на себя большое вниманіе и дало толчекъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ.

Врачъ пертской тюрьмы, Thomson, задался мыслію собственнымъ опытомъ провѣрить выводы Prosper'a Despine по отношенію къ преступникамъ. Результатомъ этого намѣренія и были его статьи „The Hereditary Nature of Crime“ и „The psychology of criminals“, помѣщенныя въ 15 и 16 т. Journal of Mental Science за 1870 и 1871 гг., въ которыхъ онъ пришелъ къ выводамъ, сходнымъ съ выводами автора „Psychologie naturelle“.

Въ первой изъ нихъ онъ высказываетъ взглядъ, что преступленія, какъ доказываютъ таблицы количества душевныхъ разстройствъ между преступниками, и душевныя болѣзни находятся въ тѣсной связи между собой [348]). Онъ

345) Тамъ же, III, 504 и сл.

346) Тамъ же, III, 504.

347) Понятно, что въ этомъ короткомъ очеркѣ я могъ лишь крайне поверхностно изложить богатое содержаніе его трехтомнаго сочиненія, обстоятельное знакомство съ которымъ необходимо для каждаго криминалиста.

348) Jounral of Ment. Science, XV, 488, 492 и сл.

говоритъ, что, на основаніи своего многолѣтняго опыта, онъ пришелъ къ убѣжденію, что большая часть преступленій отличается наслѣдственнымъ характеромъ и что существуетъ особый преступный классъ, представляющій свои физическія и психическія особенности, преступность котораго неисправима и который, по своимъ физическимъ качествамъ, принадлежитъ къ низшему человѣческому типу [349]) Къ счастію, не всѣ преступники принадлежатъ къ этому классу, который вырабатывается въ большихъ городахъ и является продуктомъ вырожденія, превращающимъ его членовъ въ полуцивилизованныхъ дикарей, напоминающихъ, по своимъ особенностямъ, полчища какого-нибудь Аттилы или Гензериха. Члены этого преступнаго класса, презирая законы брака и правила единокровія, соединяются съ подобными себѣ и производятъ развращенное и преступное потомство, наслѣдственно предрасположенное къ преступленію. Въ подтвержденіе онъ приводитъ многіе примѣры наслѣдственности преступленія [350]).

Во второй своей статьѣ—„The psychology of criminals“, Thomson развиваетъ тѣ же основныя мысли, только болѣе подробно и представляетъ болѣе фактическихъ данныхъ для характеристики преступниковъ, которыхъ онъ разсматриваетъ, какъ разновидность человѣческой семьи, отличную отъ типа цивилизованныхъ и соціабельныхъ людей [351]). Онъ указываетъ, что преступники, какъ и пауперы, отличаются крайней истощенностью нервной системы, низкимъ уровнемъ духовнаго развитія и недостаткомъ жизненной энергіи, являющимся слѣдствіемъ неблагопріятныхъ жизненныхъ условій. Причинами ихъ преступности служатъ не только привычные пороки, лишенія и наказанія, но главнымъ образомъ наслѣдственность [352]). Дѣти порочныхъ и преступныхъ людей унаслѣдуютъ склонность къ усиленной дѣятельности нѣкоторыхъ низшихъ способностей, тогда какъ высшія и направляющія способности и чувства у нихъ не развиты. Согласно мнѣнію Despine, Thomson полагаетъ, что привычные преступники лишены нравственнаго чув-

349) Тамъ, 488, 490, 496.
350) Тамъ же, 489, 493 и 494.
351) Journal of Ment. Science, XVI, 328.
352) Тамъ же, 329, 330, 335.

ства. Краткосрочныя наказанія по отношенію къ нимъ крайне вредны; лучшимъ же средствомъ для искорененія преступнаго класса, по его мнѣнію, было бы пожизненное заключеніе привычныхъ преступниковъ [353]).

Въ томъ же Journal of Mental Science за 1874 и 1875 г. появился трудъ другаго тюремнаго врача д-ра Nicolson'a: „The Morbid Psychology of criminals", посвященный изученію преступниковъ.

Nicolson дѣлитъ послѣднихъ на двѣ категоріи — на преступниковъ случайныхъ и преступниковъ привычныхъ [354]). Первые мало или ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ людей и представляются „сравнительно свободными отъ проявленій душевныхъ разстройствъ" [355]). Вся исторія жизни вторыхъ, напротивъ, носитъ на себѣ отпечатокъ преступленія и говоритъ объ упадкѣ въ нихъ достоинствъ и преимуществъ человѣческой природы" [356]). Исходя изъ такого взгляда на преступниковъ, Nicolson сосредоточивается на изслѣдованіи и описаніи особенностей привычныхъ преступниковъ, дающихъ довольно большое число слабоумныхъ и душевно-больныхъ [357]). Особенно подробно онъ останавливается на ложныхъ идеяхъ (délusions) заключенныхъ, содержаніе которыхъ указываетъ на распространенность между ними бреда преслѣдованія, на бывающихъ у нихъ приступахъ ярости, буйства и экзальтаціи и на особенностяхъ слабоумныхъ преступниковъ. Далѣе онъ даетъ слѣдующую классификацію, вполнѣ характеризующую его конечные выводы [358]):

I. Годные для тюремной дисциплины.	Случайные преступники, по своимъ душевнымъ особенностямъ не выдѣляющіеся изъ ряда обыкновенныхъ людей.
	Привычные или дѣйствительные преступники. По большей части умственно крайне мало одаренныя, *импульсивныя* и нравственно извращенныя и загрубѣлыя личности.

---

353) Тамъ же, 335, 339, 350.
354) Journal of Ment. Science, XIX, 222.
355) Тамъ же, 243 и 224.
356) Тамъ же, 224.
357) Тамъ же, 228, 177, 178, 180 и 181.
358) Тамъ же, XX, 22 и слѣд., 228, 231; 174, 400 а сл.

II. Не пригодные для тюремной дисциплины.	Слабоумные преступники. Они представляютъ признаки болѣзненной душевной прочности или разстройства, хотя и не могутъ быть отнесены къ собственно душевно-больнымъ. Уменьшенная отвѣтственность.
	Душевно-больные и потому невмѣняемые преступники [359]).

V.

Въ предшествующей главѣ я упоминалъ уже о послѣдующемъ за Gall'емъ развитіи антропологической или, правильнѣе, антропометрической школы во Франціи, Германіи и Италіи. Болѣе выдающимися представителями этой школы въ послѣдней странѣ были Maggiorani Nicolluci, Mantegazza и др., а главнымъ образомъ Marzolo [360]), ученикъ котораго, психіатръ Lombroso, извѣстный уже своими работами по психіатріи, задался цѣлью тщательно и всесторонне изучить преступника и „естественную исторію преступленія", для чего предшествующія работы, о которыхъ я упоминалъ выше, доставляли достаточно богатый матеріалъ. Поводомъ для этого послужило изученіе нѣкоторыхъ сомнительныхъ судебно-уголовныхъ казусовъ, которые, какъ говоритъ онъ самъ, показало ему, что лишь за рѣдкими исключеніями, душевно-больные и преступники довольно рѣзко отличаются и другъ отъ друга, и отъ нормальныхъ людей [361]). Этотъ выводъ, явившійся результатомъ изученія фактовъ дѣйствительности, и послужилъ ему исходнымъ пунктомъ для всесторонняго и точнаго изученія преступника, предпринятаго для его провѣрки. Результатомъ было появленіе перваго изданія его извѣстнаго сочиненія, — „L'Uomo delinquente", напечатаннаго первоначально въ „Atti dell'Istituto Lombardo" въ періодъ времени съ 1871—1876 г.

Въ промежуткѣ между этими двумя датами, а именно въ 1874 г. появилось другое крайне интересное изслѣдованіе преступниковъ психіатра и тюремнаго медика, д-ра Vergi-

359) Тамъ же, 168.

360) См. уже цитированную статью Lombroso въ Zeitschrif. f. d. gesam. Strafrechtswissensch. 108.

361) Тамъ же, 109.

lio, который, отвѣчая на призывъ „Rivista di Discipline Carcerarie“, напечаталъ въ этомъ журналѣ свою уже цитированную мною работу — „Saggio di ricerhe sulla natura morbosa del delitto“ [362]). Исходя отъ мысли, что уровень развитія современнаго естествознанія находится на такой высотѣ, которая даетъ возможность приступить къ опытному изслѣдованію обездоленнаго класса преступниковъ какъ съ физической, такъ и съ психической стороны [363]), онъ задался цѣлью тщательно изучить находившійся въ его рукахъ, какъ тюремнаго медика, живой тюремный матеріалъ. Результатомъ этого изученія и была его интересная работа, въ которой мы находимъ весьма цѣнныя данныя, относящіяся къ 266 заключеннымъ

Въ этой работѣ онъ прежде всего даетъ описаніе антропометрическихъ особенностей изслѣдованныхъ имъ заключенныхъ, распредѣляя ихъ при этомъ по родамъ преступленія [364]), затѣмъ описаніе ихъ антропологическихъ особенностей или, правильнѣе, признаковъ вырожденія, частость которыхъ приводитъ его къ заключенію, „что въ преступникахъ надо признать членовъ одной семьи или болѣзненной разновидности“, которая представляетъ собою „уклоненіе отъ нормальнаго человѣческаго типа“ [365]). Далѣе онъ представляетъ данныя, относящіяся къ патологическимъ явленіямъ, и на страницѣ 27 даетъ прекрасную таблицу различныхъ родовъ болѣзней, которыми страдали изученные имъ 266 заключенныхъ. Изъ этой таблицы мы видимъ, что нервныя болѣзни, въ широкомъ смыслѣ этого слова (зачисляя сюда, кромѣ собственно нервныхъ болѣзней, болѣзни душевныя и мозговыя), составляютъ $22,_{0}{}^{0}/_{0}$ всѣхъ болѣзней, болѣзни вырождающія расу (какова золотуха, скорбутъ и др.)—$58\ _{10}{}^{0}/_{0}$ и только остальные $19,_{86}{}^{0}/_{0}$ приходятся на долю другихъ общихъ болѣзней. Особенно интересна представляемая авторомъ таблица наслѣдственности, изъ которой видно,

---

362) У меня подъ рукой находится отдѣльно сброшюрованный оттискъ, по которому и указаны страницы въ дальнѣйшемъ изложеніи.

363) Sagg. di ricer. sulla nat. morb. del. delito, 3.

364) Тамъ же, 10 и слѣд.

365) Тамъ же, 21, 22. См. таблицу на стр. 22, а особенно таблицу на стр. 24, въ которой физическіе признаки вырожденія сопоставлены съ степенью умственнаго развитія и образованія у различныхъ категорій преступниковъ.

что у изслѣдованныхъ заключенныхъ душевно-больные родственники въ отцовской, материнской или боковыхъ линіяхъ встрѣчались въ $14,_{32}\%$, страдающіе эпилепсіей и другими неврозами въ $24,_{99}\%$, алкоголики въ $20,_{96}\%$, преступники въ $32,_{24}\%$, глухо-нѣмые въ $0,_{81}\%$, эксцентрики въ $5,_{67}\%$, слабоумные (debolezza di spirito) въ 0,81 [366]). Комментируя эту таблицу, авторъ между прочимъ замѣчаетъ, что онъ припоминаетъ одного осужденнаго за убійство, *прадѣдъ, дѣдъ и отецъ котораго были также убійцами* [367]).

Установивъ фактъ частаго унаслѣдованія явленій вырожденія въ средѣ преступниковъ, авторъ переходитъ къ ихъ психологіи и утверждаетъ, что они представляютъ отличія, какъ со стороны сферы чувствъ, такъ и со стороны воли и интеллекта. При этомъ онъ указываетъ на ихъ, повидимому, пониженную чувствительность, на ихъ эгоизмъ, на отсутствіе въ нихъ нравственнаго чувства и *замѣчаемую смѣну состояній экзальтаціи и подавленности*, на странность ихъ убѣжденій и взглядовъ, на часто капризный и безцѣльный характеръ ихъ дѣйствій, на сходство нѣкоторыхъ преступныхъ влеченій и эпилептическихъ приступовъ и проч.[368]). Основываясь на всѣхъ этихъ данныхъ, онъ приходитъ къ заключенію о „болѣзненной природѣ преступленія“ и о его „анологіи съ явленіями вырожденія человѣческаго типа, съ одной стороны, и съ явленіями душевныхъ болѣзней—съ другой“ [369]). Но, высказывая такой взглядъ на преступленіе, авторъ въ то же время совершенно основательно полагаетъ, что оно не представляетъ собою обыкновенной болѣзни, лекарства противъ которой доставляются аптекой [370]).

Преступниковъ онъ дѣлитъ на двѣ категоріи: „одни суть жертвы собственной организаціи, а другіе жертвы условій соціальной жизни“ [371]). Нѣкоторые представляются неисправимыми и неизлечимыми, тогда какъ остальные вполнѣ доступны исправленію, а потому въ этой области надо „все

366) Тамъ же, 30.
367) Тамъ же, 31 и 32.
368) Тамъ же, 36 и 37.
369) Тамъ же, 46.
370) Тамъ же, 4.
371) Тамъ же, 7.

пробовать и на все надѣяться". Отъ первыхъ нужно только оградить общество, а вторыхъ нужно излечить и улучшить. Поэтому тюрьма въ рукахъ способнаго администратора должна быть такимъ же могущественнымъ средствомъ исправленія, какимъ могущественнымъ средствомъ леченіе душевныхъ болѣзней является заведеніе для душевно-больныхъ въ рукахъ способнаго медика [372]). Таковы результаты, къ которымъ пришелъ въ своемъ изслѣдованіи д-ръ Vergilio.

Между тѣмъ профессоръ Lombroso не ограничился однимъ изданіемъ своего сочиненія, которое, въ своемъ первоначальномъ видѣ, какъ признаетъ и онъ самъ [373]), представляло многіе неизбѣжные недостатки. Въ 1878 г., послѣ двухлѣтняго упорнаго труда, онъ выпустилъ, воспользовавшись вновь появившимися изслѣдованіями другихъ медиковъ, второе значительно переработанное изданіе, которое, какъ говоритъ онъ въ предисловіи, представляетъ собою какъ бы новое сочиненіе [373*]). Затѣмъ въ 1879 г. онъ издалъ еще другую работу — „Sull'incremento del delitto in Italia", въ которой болѣе подробно развилъ нѣкоторыя положенія первой.

На этихъ двухъ сочиненіяхъ я и остановлюсь теперь, чтобы познакомить читателя съ основными взглядами и главнѣйшими результатами изслѣдованій признаннаго главы ново-итальянской школы.

На первыхъ же страницахъ своего сочиненія, „L'uomo delinquente", профессоръ Lombroso рѣшительно отрицаетъ справедливость обвиненія его, на основаніи проведенной имъ аналогіи, въ смѣшеніи душевно-больныхъ и преступниковъ. Отъ аналогіи до идентичности еще слишкомъ далеко, замѣчаетъ онъ по этому поводу [374]).

Свое изслѣдованіе преступниковъ онъ начинаетъ сравнительнымъ изслѣдованіемъ череповъ 101 итал. прест., 27 череповъ готентотовъ и кафровъ и 43 черепа душевно-больныхъ и приходитъ къ заключенію, что первые имѣютъ много

---

372) Тамъ же, 44.

373) См. уже цит. выше его стат. въ Zeit. f. d. ges. Strafrechtswiss., 111.

373*) Въ настоящее время готовится уже третье изданіе, также значительно переработанное и пополненное.

374) L'uomo delinquente, 4.

сходнаго съ черепами представителей цвѣтныхъ расъ [375]) и представляютъ значительныя аномаліи, часто встрѣчающіяся при томъ у одного и того же индивидуума [376]).

Не довольствуясь изслѣдованіемъ череповъ и избѣгая упрека, что его заключенія основываются исключительно на измѣреніи труповъ, онъ представляетъ также и результаты антропометрическаго и физіогномическаго изслѣдованія 1279 живыхъ итальянскихъ преступниковъ, отчасти изученныхъ имъ самимъ, а отчасти другими медиками [377]). Эти результаты (напр., болѣе часто, нежели у нормальныхъ людей встрѣчающаяся субмикроцефалія, брахицефалія, ассиметрія черепа, частое косоглазіе, усиленное развитіе челюстей, аномальное образованіе ушей, рѣдкія бороды, значительно большее сходство половъ (мужской видъ у женщинъ), убѣгающій назадъ лобъ, неравномѣрное расширеніе зрачковъ, меньшая мускульная сила и проч. и проч.) приводятъ его къ заключенію, что европейскіе преступники, по своему типу приближаются къ австралійцамъ и монголамъ [378]).

Не смотря на весь интересъ подобныхъ изслѣдованій и ихъ вѣроятную важность въ будущемъ, я полагаю, что при современномъ состояніи знаній, они не имѣютъ большаго значенія и не могутъ дать твердыхъ основаній для какихъ-либо положительныхъ выводовъ. Самъ авторъ упоминаетъ, что нѣкоторые изъ изслѣдованныхъ имъ преступниковъ имѣли правильныя и прекрасныя формы черепа и вполнѣ хорошо и правильно сформированныя физіогноміи. Основываясь на приводимыхъ авторомъ данныхъ, можно, думается мнѣ, утверждать лишь одно, что различныя неправильности и уклоненіи въ строеніи довольно часто встрѣчаются у преступниковъ. Но не у нихъ однихъ, а весьма вѣроятно, какъ увидимъ далѣе, и вообще у обездоленныхъ классовъ общества, живущихъ при неблагопріятныхъ условіяхъ существованія.

Послѣ изслѣдованія физическихъ особенностей, авторъ, основываясь на многочисленномъ фактическомъ матеріалѣ,

---

375) Тамъ же, 22.

376) Тамъ же, 25.

377) Тамъ же, 29 и сл.

378) Тамъ же, 65 и 66.

переходитъ къ изслѣдованію ихъ психическихъ особенностей и прежде всего указываетъ на ихъ пониженную чувствительность или даже иногда и полную аналгезію (нечувствительность къ боли), а также и на ихъ нравственную нечувствительность и отсутствіе въ нихъ сочувственныхъ движеній [379]), и вытекающее изъ ихъ пониженной чувствительности бравированіе собственной жизнію и усиленную склонность къ самоубійствамъ, склонность, которая. если принять во вниманіе число совершающихся въ тюрьмахъ неудачныхъ покушеній, весьма повышена [380]).

Въ главѣ, посвященной аффектамъ и страстямъ преступниковъ, авторъ признаетъ, что нѣкоторые изъ нихъ бываютъ не лишены хорошихъ чувствъ (любовь къ дѣтямъ, родителямъ, семьѣ, чувство дружбы) [381]), но онъ указываетъ при этомъ, что большинство, со стороны эмоціональной. представляетъ значительныя особенности, сравнительно съ нормальными людьми, а именно: меньшую устойчивость чувства, усиленно развитое самочувствіе, крайнее тщеславіе, превосходящее тщеславіе артистовъ и литераторовъ, поразительную непредусмотрительность, вслѣдствіе которой они разбалтываютъ о собственныхъ преступленіяхъ, усиленную склонность къ мстительности, являющуюся прямымъ слѣдствіемъ ихъ тщеславія и чрезмѣрно развитаго самочувствія, часто встрѣчаемую жестокость и услажденіе кровью, соединяющееся съ половой похотью, усиленную страсть къ играмъ и вину, глубокую апатію и инертность, усиленную склонность къ разврату и вкусовымъ удовольствіямъ и пр. [382]). Многими изъ этихъ особенностей преступники приближаются, по мнѣнію автора, къ душевно-больнымъ, а еще болѣе къ дикарямъ [383]).

IX главу (Le religioni dei delinquenti) авторъ посвящаетъ изслѣдованію проявленій религіозности у преступниковъ. Онъ указываетъ, что если нѣкоторые изъ нихъ и представляются вполнѣ невѣрующими, то большая часть, напротивъ, имѣетъ свою особую крайне чувственную ре-

---

379) Тамъ же, 89, 91, 94.
380) Тамъ же, 93, 95, 97, 100.
381) Тамъ же, 108 и 109.
382) Тамъ же, 109 и сл.
383) Тамъ же, 124 и 125.

гію, соединенную со множествомъ суевѣрій и дѣлающую изъ Бога мира и правосудія какого-то благопріятствующаго покровителя преступленій [384]).

X главу авторъ отводитъ изслѣдованію интеллектуальныхъ способностей и степени образованности преступниковъ и отмѣчаетъ ихъ особенности въ этомъ отношеніи. Онъ полагаетъ, что если бы возможно было опредѣлить среднюю умственныхъ способностей съ такою же точностью, какъ среднюю вмѣстимости черепа, то она оказалась бы у преступниковъ ниже нормальной. Какъ на отличительную особенность ихъ ума, онъ указываетъ на его малую энергію и вытекающую отсюда его неспособность къ усидчивому и длящемуся труду. Далѣе онъ отмѣчаетъ странное легковѣріе и легкомысліе преступниковъ, ихъ малую логичность и неблагоразуміе, проявляющееся въ самыхъ способахъ выполненія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, которые поражаютъ ловкостью совершенія, ближайшее разсмотрѣніе разсѣеваетъ удивленіе и показываетъ крайнее однообразіе пріемовъ: одинъ и тотъ же пріемъ повторяется постоянно. Впрочемъ, нельзя отрицать, что и между преступниками есть даровитые люди, дѣйствительные геніи, какъ, напр., Vidocque и др. Но и эти рѣдкія исключенія по большей части отличаются недостаткомъ предусмотрительности, который и не дозволяетъ имъ доводить ихъ планы вполнѣ до конца [385]).

XI, XII и XIII главы своего сочиненія авторъ посвящаетъ изслѣдованію языка или, правильнѣе, жаргона, письма и литературы преступниковъ, для которой непристойныя произведенія Овидія, Петронія и Аретина могли бы служить образцами [386]).

Таковъ первый отдѣлъ сочиненія профессора Lombroso, который вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что въ исторіяхъ болѣзни обыкновенно называютъ status praesens.

Въ этомъ отдѣлѣ авторъ разсматриваетъ преступниковъ не какъ крайне разнообразныя въ качественномъ и количественномъ отношеніи уклоненія отъ нормальнаго типа, а какъ какую-то особую однородную преступную расу, какъ

[384]) Тамъ же, 164 и сл.
[385]) Тамъ же, 172 и сл.
[386]) Тамъ же, 213.

какой-то особый однородный классъ. Поэтому подъ однимъ общимъ ярлыкомъ—преступникъ, онъ соединяетъ самые разнообразные типы и пріурочиваетъ къ преступникамъ вообще и общіе признаки [387]). Задавшись цѣлью охарактеризовать выдѣленную имъ расу преступниковъ, какъ нѣчто однородное и обособленное отъ всѣхъ прочихъ людей, онъ посвящаетъ, какъ мы видѣли, одну главу, напр., аффектамъ и страстямъ преступниковъ вообще, другую—ихъ религіознымъ проявленіямъ, третью — ихъ нравственности и т. д. Изъ общей массы онъ выдѣляетъ только преступниковъ по страсти, указывая ихъ отличительные признаки по большей части сангвинической или нервный темпераментъ, проявленія внутренняго потрясенія и раскаянія послѣ совершенія преступленія, отсутствіе запирательствъ и пр) [388]).

Въ этомъ основномъ взглядѣ особенно и сказалось, думается мнѣ, вліяніе классическаго сочиненія Parent-Duchatelet—„De la prostitution dans la ville de Paris“ (въ немъ мы также встрѣчаемъ параграфы, озаглавленные: „о религіозномъ чувствѣ проститутокъ“; „характеръ умственныхъ способностей проститутокъ“; „особенные недостатки проституткъ“; „хорошія качества проститутокъ“ и пр.), которымъ широко пользовался профессоръ Lombroso. Но если первый имѣлъ передъ собою однообразный и устойчивый признакъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и органическую особенность, которая до извѣстной степени налагаетъ общій отпечатокъ и даетъ основаніе для рѣзкаго выдѣленія, то едва-ли то же можно сказать и о второмъ. *Роды преступленій слишкомъ разнообразны и на каждый изъ нихъ, думается мнѣ. человѣкъ* по большей части наталкивается и различными органическими особенностями. Самый признакъ преступности, какъ обособляющее нѣчто, далеко не вполнѣ устойчивъ. „Не было и нѣтъ преступленія“, замѣчаетъ Pike, „помимо тѣхъ дѣйствій, которыя законъ объявляетъ преступными и за которыя онъ

---

387) Въ своей статьѣ „Delinquente d'occasione“ (см. Archivio di psiquiatria, scienze penali ed antropologia criminale, т. II, 313) и самъ проф. Lombroso, согласно съ сдѣланными ему замѣчаніями, призналъ, что въ своемъ сочиненіи онъ просмотрѣлъ важное подраздѣленіе преступниковъ, а именно преступниковъ случайныхъ, не отличающихся указанными имъ признаками.

388) L'uomo delin., 128—138.

назначаетъ наказаніе“ и „нѣтъ дѣйствія“, продолжаетъ онъ далѣе, „которое не могло бы стать преступнымъ, если господствующая въ той или другой странѣ власть издаетъ законъ, чтобы его наказывать“ [389]).

Съ другой стороны, для выдѣленія преступниковъ, какъ вполнѣ обособленнаго класса или расы, по физическимъ и психическимъ признакамъ, указаннымъ профессоромъ Lombroso, необходимо было бы доказать, что эти признаки не встрѣчаются у другихъ непреступныхъ людей. А между тѣмъ этого не сдѣлано и не могло быть сдѣлано. На самомъ дѣлѣ непреступная часть общества вовсе не состоитъ вся изъ такихъ нормальныхъ людей. Напротивъ, низшіе классы общества, разъѣдаемые крайней бѣдностью, и высшіе, часто поражаемые всѣми излишествами роскоши и разслабляющаго образа жизни, заключаютъ въ себѣ не мало вырождающихся личностей въ различныхъ степеняхъ вырожденія и со всѣми физическими и нравственными признаками послѣдняго. Множество такихъ личностей никогда не попадаетъ въ число преступниковъ, а нѣкоторые изъ нихъ—какъ указываетъ д-ръ Morel, и, вѣроятно, собственный опытъ каждаго—напротивъ, выполняютъ еще важныя общественныя функціи. Тщательное изслѣдованіе разновидностей, даваемыхъ пауперизмомъ, который, по мнѣнію д-ра Tuke, представляетъ собою состояніе, худшее всякаго состоянія дикости [390]), вѣроятно, показало бы, что и значительная доля непреступной части общества, по своимъ физическимъ и психическимъ особенностямъ, вполнѣ подходитъ подъ особенности преступниковъ, указанныя Lombroso [391]).

Вторая часть сочиненія профессора Lombroso посвящена этіологіи преступленія, которое онъ считаетъ явленіемъ многопричиннымъ [392]). Эта часть основана преимущественно на данныхъ моральной статистики.

Основываясь на этихъ данныхъ, авторъ прежде всего

---

389) History of crime in England, II, 489 и 490.

390) Insanity in ancient and modern life, 93 и сл.

391) Въ этомъ отношеніи весьма интересны сравнительныя таблицы вѣса, роста, вмѣстимости легкихъ и мускульной силы представителей достаточныхъ и бѣдныхъ классовъ, приведенныя въ сочиненіи проф. Pagliani,—„Lo sviluppo umano per età, sesso, condizione sociale ed etnica“, 65, 66, 67, 78.

392) L'uomo delinquente, 237.

указываетъ на температуру, какъ на одну изъ опредѣляющихъ, хотя и не прямыхъ причинъ преступленія, подъ вліяніемъ перемѣны въ которой въ теплые мѣсяцы повышается число преступленій противъ личности, а въ холодные число это понижается и наоборотъ повышается число преступленій противъ собственности [393]).

Не отрицая вполнѣ значенія тѣхъ статистическихъ данныхъ, на которыхъ основывается авторъ и къ которымъ онъ такъ часто прибѣгаетъ, нельзя не замѣтить, что этіологія преступленія едва-ли можетъ быть обстоятельно разработана, при помощи статистическихъ пріемовъ изслѣдованія явленій преступности, и что эти пріемы, которыми такъ много увлекались, далеко не могутъ имѣть того значенія, какое имъ приписываетъ, напр., профессоръ Puglia, считающій ихъ, на ряду съ исторіей, единственнымъ средствомъ для приложенія положительнаго метода къ изслѣдованію явленій общественныхъ и явленій сознанія [394]). Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ д-ра Möbius'a, который говоритъ, что вообще, сравнительно съ результатами, даваемыми методомъ большихъ чиселъ, гораздо болѣе поучительны результаты, доставляемые методомъ обстоятельнаго и всесторонняго изученія отдѣльныхъ случаевъ [395]). „Цифра—инструментъ слишкомъ грубый", совершенно вѣрно замѣчаетъ Ribot, „чтобы имъ разбирать тонкую основу этихъ явленій (общественныхъ и нравственныхъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ и слишкомъ недостаточный, чтобы проникать далеко въ глубь ихъ многообразной и сложной природы. При своей кажущейся точности онъ всегда остается на поверхности" [396]). И дѣйствительно, имѣя передъ собою полную исторію того или другаго отдѣльнаго преступленія, мы можемъ шагъ за шагомъ прослѣдить вліяніе различныхъ дѣйствовавшихъ факторовъ и такимъ образомъ вскрыть генезисъ ихъ конечнаго результата,—интересующаго насъ преступленія. Достаточное же количество такихъ тщательно произведенныхъ анализовъ можетъ уже дать намъ и знаніе

[393]) Тамъ же, 237 и сл.

[394]) Prolegomeni allo studio del diritto repressivo. 19.

[395]) Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie за 1883: „Ueber nervöse Familien", 229.

[396]) L'hérédité, 221.

причины явленія. Совсѣмъ иное при методѣ большихъ чиселъ Въ этомъ случаѣ индивидуальность всѣхъ отдѣльныхъ слагающихъ для насъ совершенно утрачивается, и каждое такое слагающее превращается въ отвлеченную единицу съ какимъ-либо однимъ признакомъ, по которому мы и группируемъ самые разнообразные факты. Если же мы и перегруппируемъ потомъ тѣ же факты по другому, третьему и т. д. признакамъ, то и въ этомъ случаѣ мы не имѣемъ рѣшительно никакой возможности слѣдить — что особенно важно для точнаго изученія — за движеніями отдѣльныхъ опредѣленныхъ слагающихъ, которые, при сложеніи ихъ въ большія числа, утрачиваютъ для насъ всякую индивидуальность и становятся нераспознаваемы. Эта особенность метода большихъ чиселъ, при его употребленіи не для провѣрки, а для открытія новыхъ соотношеній, легко можетъ вводить въ заблужденіе. Знаніе сложнаго цѣлаго едва-ли можетъ быть достигнуто однимъ оперированіемъ надъ большими числами безъ тщательнаго изученія отдѣльныхъ составныхъ элементовъ. Говоря же въ частности о своей области, мнѣ думается, что, при изученіи явленій преступности, надо идти тѣмъ же путемъ, какимъ идетъ психіатрія при изученіи явленій душевныхъ болѣзней. Она прежде всего изучаетъ отдѣльные случаи, отдѣльные исторіи болѣзни и употребляетъ методъ большихъ чиселъ только какъ вспомогательный. Къ сожалѣнію, въ области изученія явленій преступности дѣло пока обстоитъ иначе. Здѣсь, для открытія причинъ явленій, прежде всего хотятъ начать съ метода большихъ чиселъ, какъ „единственнаго будто бы средства“ точнаго изслѣдованія соціальныхъ и нравственныхъ явленій. Но насколько, спрашивается, плодотворенъ такой пріемъ? Вышеприведенный примѣръ поможетъ намъ выяснить это. Группируя преступленія по мѣсяцамъ года или, иначе, по періодамъ различной температуры, мы открываемъ, напр., что на періодъ высшей температуры приходится повышеніе числа преступленій противъ личности и пониженіе числа преступленій противъ собственности, а на періодъ низкой—пониженіе числа первыхъ и повышеніе числа вторыхъ. Оставаясь въ предѣлахъ только этихъ данныхъ, къ какому, спрашивается, можно прійдти выводу? А къ тому, что опредѣляющей причиной преступленій про-

тивъ личности является высокая температура. Но какое значеніе можетъ имѣть подобный выводъ для прикладной науки уголовнаго права? Отъ него можно, пожалуй, сдѣлать одно заключеніе, которое между прочимъ и сдѣлалъ профессоръ Lombroso, а именно: мы не можемъ измѣнить климата, а потому и уничтожить преступленій [397]). Но попытаемся поставить тотъ же вопросъ нѣсколько иначе. Почему не всѣ люди, спросимъ мы себя, въ одно и то же время подвергающіеся вліянію высокой температуры какой-либо мѣстности, совершаютъ преступленія противъ личности? Очевидно, прежде всего оттого, что они органически различны и представляютъ собою различныя психо-физическія величины. Иначе говоря, одни уже своими органическими особенностями, вѣроятно, предрасположены къ этимъ преступленіямъ, тогда какъ другіе этого предрасположенія не имѣютъ. Такой отвѣтъ намъ подсказываетъ даже нашъ повседневный опытъ. Но теперь родятся другіе вопросы: въ чемъ состоитъ это предрасположеніе? какіе факторы и какъ порождаютъ его и проч.? Эти вопросы, въ свою очередь, приводятъ насъ къ заключенію о необходимости тщательнаго индивидуальнаго изученія особенностей дѣйствовавшихъ личностей, а такое изученіе уже намѣчаетъ факторы этихъ особенностей и средства для успѣшной борьбы съ ними, а чрезъ то и съ самымъ преступленіемъ, которое, какъ указываетъ примѣръ нѣкоторыхъ обществъ дикарей, почти незнающихъ *въ своей средѣ* такихъ преступленій [398]), вовсе не представляется необходимыми даже при высокой температурѣ. Послѣднее заключеніе подтверждается и слѣ-

---

397) L'uomo delinquente, 390. Проф. Lombroso говоритъ о невозможности устранить вліяніе климата, какъ и нѣкоторыхъ другихъ признаваемыхъ имъ причинъ преступленія, напр., расы и т. д.

398) „Жизнь монголовъ"—говоритъ г. Потанинъ въ своихъ „Очеркахъ сѣверо-западной Монголіи"—„проходитъ тихо, нравы ихъ мягки, преступленія рѣдки, о звѣрскомъ обращеніи съ женами или дѣтьми не слышно; преступленія, въ особенности убійства, случаются рѣдко. Иностранецъ можетъ спокойно путешествовать по странѣ, русскіе прикащики въ одиночку разъѣзжаютъ по кочевьямъ съ товарами и не жалуются на обиды". Эта выписка сдѣлана мною изъ статьи Д. Анучина, помѣщенной въ „Журналѣ минист. народн. просвѣщ". Подобныя же описанія другихъ нецивилизованныхъ народностей можно найдти въ „Запискахъ Императорскаго Русск. Геогр. Общества", у Леббока (Начало цивилизаціи), въ „Сборникѣ обычн. права сибир. инородц." и пр.

дующимъ простымъ соображеніемъ: если одни и при высокой температурѣ не совершаютъ преступленій противъ личности, то и другіе, доведенные путемъ воспитанія въ нѣкоторыхъ своихъ особенностяхъ до типа первыхъ, вѣроятно, не станутъ совершать ихъ.

Таково, думается мнѣ, различіе въ поучительности результатовъ, получаемыхъ отъ приложенія двухъ методовъ. Этимъ, повторяю опять, я вовсе не имѣю въ виду доказывать безполезность метода большихъ чиселъ въ приложеніи къ соціальнымъ и нравственнымъ явленіямъ. Этотъ методъ и здѣсь можетъ оказывать услуги. Не слѣдуетъ только забывать, что роль его второстепенная. На первомъ же планѣ и при изслѣдованіи явленій преступности, какъ и при изслѣдованіи явленій душевныхъ болѣзней, долженъ стоять методъ тщательнаго изученія отдѣльныхъ явленій дѣйствительности, въ ихъ факторахъ.

Послѣ этого отступленія, вернемся къ этіологіи преступленія профессора Lombroso.

Основываясь на различіи въ напряженности и характерѣ преступности у различныхъ какъ дикихъ, такъ и цивилизованныхъ народовъ, авторъ въ числѣ причинъ преступности указываетъ и на расовыя особенности [399]). Что касается до цивилизаціи, то онъ не считаетъ возможнымъ высказать какое-либо рѣшительное заключеніе о ея вліяніи. Онъ замѣчаетъ только, что цивилизація, какъ и варварство, вслѣдствіе различій въ условіяхъ жизни, имѣетъ свою специфическую преступность Далѣе онъ указываетъ на различныя, вредно дѣйствующія стороны цивилизаціи (на возростающую скученность въ большихъ городскихъ центрахъ, на разслабленіе узъ семьи, на болѣе частыя политическія революціи и пр.), увеличивающія число преступленій. Но слѣдомъ за этимъ онъ замѣчаетъ, что хотя цивилизація временно и можетъ повышать напряженность преступности, вообще же она ослабляетъ преступныя склонности и указываетъ болѣе успѣшныя средства борьбы съ преступленіемъ [400]).

Количество и качества пищи, по мнѣнію автора, основы

---

[399]) L'uomo delin., 242 и сл.

[400]) Тамъ же, 251 и сл.

вающагося въ этомъ случаѣ на статистическихъ данныхъ, также вліяютъ на преступность. Уменьшеніе цѣнъ на хлѣбъ уменьшастъ, наприм., число преступленій противъ собственности и, напротивъ, увеличиваетъ число преступленій противъ личности, особенно число изнасилованій. Растительная пища вліяетъ смягчающе на нравы, тогда какъ животная, напротивъ, увеличиваетъ ихъ жесткость [401]). Но особенно гибельно дѣйствуетъ на здоровье и на склонность къ преступленію и самоубійству употребленіе алкоголя и другихъ сходно дѣйствующихъ веществъ (опій, хашишъ). Употребленіе такихъ веществъ не только ухудшаетъ нравственность самихъ потребителей, но, путемъ наслѣдственной передачи, и ихъ нисходящихъ. Наслѣдственность дурныхъ склонностей является одной изъ могущественныхъ причинъ преступленій. Оффиціальная итальянская статистика за 1871—1872 г. показываетъ, напр., что изъ 2,800 малолѣтнихъ преступниковъ, 6,$_4$% имѣли родителей пьяницъ, а 3% — родителей осужденныхъ. Кромѣ того 28% семей этихъ малолѣтнихъ пользовались сомнительной репутаціей, а 26% дурной. Изъ 3,580 воспитанниковъ меттрэйской колоніи, 707 имѣли осужденныхъ родителей, а 308 имѣли родителей, жившихъ въ конкубинатѣ и пр. Но самые яркіе примѣры унаслѣдованія склонности къ преступленію намъ представляетъ исторія рода Маргариты съ Hudson'a, родословная семьи Chretien, приведенная у Despine, и родословная рода Juke, имя котораго въ Америкѣ стало синонимомъ преступника [402]).

Отмѣтивъ вліяніе наслѣдственности на преступность, авторъ, основываясь на статистическихъ данныхъ, указываетъ затѣмъ на вліяніе возраста, пола, брака, профессій и воспитанія (законный, незаконный, найденышъ, сирота) [403]), и наконецъ переходитъ къ разсмотрѣнію органическихъ причинъ преступности, въ числѣ которыхъ онъ указываетъ на золотуху и рахитизмъ, путемъ органической порчи повышающіе склонность къ преступленію, на малую вмѣстимость и неправильное образованіе черепа, на гипертрофію печени, повидимому, предрасполагающую къ преступлені-

401) Тамъ же, 260 и сл.

402) Тамъ же, 263 и сл.

403) Тамъ же, 276 и сл.

ямъ, обусловливаемымъ чувствомъ мщенія, на усиленное развитіе половыхъ органовъ, считающееся въ числѣ вѣроятныхъ причинъ изнасилованія, убійства и поджигательства. на поврежденія головы, на неблагопріятныя условія зачатія и на особенности чувственныхъ впечатлѣній и страстей [404]). Къ сожалѣнію, эта часть этіологіи, наиболѣе важная, по моему мнѣнію, представляется совершенно необработанной въ сочиненіи проф. Lombroso и, въ противоположность съ другими его частями, бѣдной фактическимъ матеріаломъ.

Въ другомъ своемъ сочиненіи „Sull'incremento del delitto in Italia„ профес. Lombroso указываетъ и на нѣкоторыя другія условія, содѣйствующія повышенію преступности, а именно: на вліяніе интернаціонализма [405]); на дурное правленіе, съ которымъ, основываясь на фактическихъ данныхъ, онъ ставитъ въ связь преступныя ассоціаціи и разбойничество, прибавляя, что коморра есть родъ естественнаго приспособленія къ несчастнымъ условіямъ жизни народа, сдѣланнаго варварскимъ своими правителями, и что разбойничество есть родъ дикаго правосудія противъ угнетателей [406]); на дурное вліяніе католическаго духовенства [407]); на свободное ношеніе оружія [408]); на бездѣятельность и лѣнь, являющіяся одними изъ главнѣйшихъ причинъ разбойничества; на несоотвѣтствіе заимствованныхъ учрежденій съ степенью образованности народа; на вліяніе бѣдности; на злоупотребленіе алкоголемъ, на долю котораго нѣкоторые относятъ 0,9 всѣхъ преступленій, совершающихся въ Италіи, $^4/_5$—въ Голландіи и пр. [409]); на мягкость наказаній; на замедленія въ ихъ приложеніи аппелляціями и кассаціями, въ томъ видѣ, въ какомъ послѣднія существуютъ въ насто-

---

[404]) Тамъ же, 299 и сл.

[405]) Sull'incremento, 6.

[406]) Тамъ же, 12 и сл. Въ этомъ отношеніи весьма интересна VI гл. соч. Marc-Monnier. „La camorra“, трактующая о соціальныхъ причинахъ, благопріятствовавшихъ развитію этой преступной ассоціаціи, 145 и сл. Интересныя указанія можно найдти также въ первыхъ 6 глав. другаго сочиненія того же автора: „Histoire du brigandage dans l'Italie méridionale“.

[407]) Sull'increm. 16 и сл., см. нѣкоторыя указанія въ Histoire du brigand., стр. 69 и сл., и 108 и сл.

[408]) Sull'incr., 23.

[409]) Тамъ же, 23 и сл.

ящее время; на право помилованія, которое авторъ разсматриваетъ, какъ отрицаніе правосудія, и какъ наиболѣе противорѣчивое установленіе современнаго уголовнаго права; на дурные порядки въ тюрьмахъ, являющіеся одною изъ главныхъ причинъ ассоціированныхъ преступленій; на малое устрашающее вліяніе тюремъ [110]); на дурное устройство суда присяжныхъ, въ который часто попадаютъ люди вполнѣ необразованные и невѣжественные; на учрежденіе полицейскаго надзора, стоющаго дорого, но не только не уменьшающаго числа преступленій, но еще побуждающаго къ ихъ совершенію; на публичность засѣданій уголовныхъ судовъ, получающихъ характеръ театральныхъ представленій; на вредное вліяніе прессы, сообщающей объ уголовныхъ процессахъ и дѣлающей преступниковъ какими-то героями въ ихъ собственныхъ глазахъ и пр. [111]).

Продолжая изученіе этіологіи преступленія, проф. Lombroso указываетъ на тѣсную связь между преступленіемъ и душевными болѣзнями, выражающуюся въ наслѣдственномъ родствѣ явленій, въ одиноковой склонности преступниковъ и душевно-больныхъ къ нѣкоторымъ болѣзнямъ, въ общности нѣкоторыхъ признаковъ вырожденія, въ общей тѣмъ и другимъ нѣкоторой нечувствительности къ боли, въ недостаточности сферы чувствъ, въ господствѣ сильныхъ и даже иногда неодолимыхъ влеченій, часто оттѣняемыхъ аномальнымъ характеромъ, въ недостаткѣ благоразумія и проч. [112]). Таковы аналогіи. Кромѣ того почти всѣ формы

---

[110]) Тамъ же, 28 и сл. Осмотрѣвъ весьма много тюремъ въ разныхъ странахъ Европы (см. мою статью въ I № „Юридич. Вѣстника“ за 1884 г.,— „Тюрьмы западной Европы“), а въ томъ числѣ и въ Италіи, я думаю, что это утвержденіе автора едва-ли справедливо. Условія тюремной жизни повсемѣстно достаточно тягостны, и если нѣкоторые, какъ совершенно справедливо указываетъ авторъ, и совершаютъ преступленія съ единственною цѣлью попасть въ тюрьму, то въ этомъ надо винить главнымъ образомъ нестерпимо тягостныя условія жизни многихъ членовъ общества, условія, до крайности деградирующія нравственную личность человѣка, а также и развращающее вліяніе безумной и вполнѣ безпрепятственной погони за наживой различныхъ предпринимателей, изобрѣтающихъ и повсюду раскидывающихъ всевозможные соблазны для болѣе легкаго уловленія невѣжественной и неустойчивой толпы.

[111]) Тамъ же, 49 и сл.

[112]) L'uomo delin., 308 и сл. Эта, какъ и многія другія части сочиненія проф. Lombroso, очень интересна по своему фактическому матеріалу.

душевныхъ болѣзней платятъ свой налогъ преступленію и въ средѣ преступниковъ встрѣчается не мало душевно-больныхъ [413]) Въ такихъ случаяхъ. впрочемъ, къ счастію, не особенно трудно открыть физическіе и психическіе признаки душевнаго разстройства. Душевно-больные и преступники отличаются другъ отъ друга со стороны своихъ антропологическихъ признаковъ (у душевно-больныхъ большая склонность къ долихоцефаліи, болѣе частыя микроцефаліи и ассиметріи черепа, менѣе тупой лицевой уголъ. меньшая пигментація волосъ и ириса, меньшій ростъ и вѣсъ, большая чувствительность къ барометрическимъ и термометрическимъ вліяніямъ, меньшая мускульная сила и пр.), со стороны своего поведенія (обыкновенная трезвость, необщительность и пр.), особенно послѣ совершенія преступленія (душевно-больные часто сознаются или сами доносятъ на себя, почти никогда не пытаются устроить себѣ alibi или бѣжать; отрицаютъ, что они душевно больные, не заботятся о сокрытіи слѣдовъ преступленія, не дѣйствуютъ въ соучастіи съ другими, часто съ удовольствіемъ открыто разсказываютъ о совершенномъ преступленіи и пр.), со стороны мотивовъ къ дѣйствію и пр. „Для преступниковъ“, замѣчаетъ авторъ, „убійство есть средство, — для душевно-больныхъ оно, напротивъ, есть цѣль“ [414]).

Но если существуютъ черты сходства между преступниками и душевно-больными, то онѣ еще въ большей степени существуютъ между первыми и представителями дикихъ расъ. Эти черты сходства проявляются во множествѣ органическихъ признаковъ. Напр., въ малой вмѣстимости черепа, въ структурѣ лба (лобъ, убѣгающій назадъ), въ усиленномъ развитіи надбровныхъ дугъ, въ толщинѣ черепныхъ костей, въ усиленномъ развитіи челюстей и скулъ, въ формѣ ушей, въ большемъ сходствѣ двухъ половъ между собой, въ малой чувствительности къ боли, въ полной нравственной нечувствительности, въ отсутствіи угрызеній совѣсти, въ непредусмотрительности, въ тщеславіи, въ стремительности, но неустойчивости страстей, въ любви къ играмъ и алкоголю, въ усиленномъ развитіи чувства соб-

---

[413]) Тамъ же, 324 и сл.

[414]) Тамъ же, 332.

ственной личности, въ склонности къ канибализму, а еще болѣе въ кровожадной жестокости, примѣшивающейся къ сладострастію и пр., и даже въ мелкихъ особенностяхъ, каковы особенности языка, литературы, обычай татуированія и пр. [415]). Во всѣхъ этихъ чертахъ сходства проявляется возвратъ къ прежнему, низшему типу — атавизмъ. Наиболѣе безчеловѣчныя преступленія имѣютъ физіологическую, атавистическую точку отправленія. Животные инстинкты, ослабленные въ человѣкѣ воспитаніемъ, средою, страхомъ наказанія, въ этихъ случаяхъ снова воскресаютъ и пробиваются наружу [416]).

Эта атавистическая теорія, въ примѣненіи къ преступленію и въ томъ видѣ, въ какомъ она изложена профессоромъ Lombroso, едва-ли можетъ быть признана вполнѣ удачной [417]). Будь дикари вообще и Монголы въ частности поголовными преступниками, тогда бы теорія атавизма въ сферѣ преступленія имѣла большое значеніе и объясняла бы многое. Но дѣйствительность представляетъ намъ противное и многія дикія народности, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить выше, могутъ быть поставлены въ примѣръ европейцамъ со стороны напряженности преступности въ ихъ средѣ, кромѣ того. надо думать, что между явленіями физическаго и сопутствующаго ему психическаго вырожденія констатированными у привычныхъ преступниковъ профессоромъ Lombroso. и органическими особенностями низшихъ расъ, не смотря на кажущееся сходство, существуетъ и глубокое различіе. Послѣднія суть результатъ низшаго орга-

[415]) Тамъ же, 125 и сл., и 375 и сл.

[416]) Тамъ же, 378 и 379.

[417]) Ту же теорію сходства преступниковъ съ дикарями проводитъ и проф. Lacassagne въ своей брошюрѣ: „L'homme criminel comparé à l'homme primitif". У него, впрочемъ, эта теорія значительно смягчается вводимой имъ поправкой, что сходство съ дикарями не ограничивается лишь преступниками. Онъ замѣчаетъ, что, со стороны количества и природы идей, многое множество послѣдователей наиболѣе возвышенныхъ религій не много ушли отъ обитателей гротовъ, и что крестьяне Европы въ умственной области отдѣляются лишь небольшимъ пространствомъ отъ обитателей береговъ Тонганаики. См. указанную брошюру, стр. 8. Теорію атавизма развиваетъ и Pike въ своей „History of crime in England". Онъ говоритъ, что преступники суть дикари, живущіе въ нашей средѣ и сохранившіе или, правильнѣе, унаслѣдовавшіе дикія склонности въ то время, когда громадное большинство обитателей той же страны усвоили уже новые уроки жизни, 508—514.

ническаго развитія, результатъ стоянія на низшихъ ступе няхъ животной лѣстницы. тогда какъ первыя суть резуль таты вліянія такихъ вредоносныхъ факторовъ, какъ алко-голь, рафинированный половый развратъ, крайняя скучен-ность въ зловонныхъ и гнилостныхъ жилищахъ, постоян-ное значительное перераздраженіе и пр., и пр. Впрочемъ, этимъ я вовсе не хочу сказать, чтобы констатированіе сходствъ въ особенностяхъ нѣкоторыхъ преступниковъ и дикарей не представляло никакого научнаго интереса. Я полагаю только, что оно едва-ли можетъ дать основаніе для теоріи атавизма въ приложеніи къ преступленію въ томъ видѣ, въ какомъ послѣдняя развита профессоромъ Lombroso. Если и можно согласиться съ его мнѣніемъ, то лишь при значительныхъ ограниченіяхъ. Мнѣ думается, что, на основаніи извѣстныхъ намъ фактовъ, мы можемъ сказать лишь одно, что многіе преступники также не культивированы, какъ и дикари, и что первые, отчасти вслѣдствіе унаслѣдованія дурныхъ особенностей организаціи, а отчасти вслѣдствіе дурнаго воспитанія и неблагопріятныхъ условій предшествующей жизни, являются столь же неприспособленными къ условіямъ общественной жизни своего времени, какъ неприспособленными къ ней оказались бы и вторые, перенесенные съ своей низшей организаціей въ условія современной общественной жизни, съ ея усиленной борьбой за существованіе.

Основываясь на всей совокупности собраннаго имъ статистическаго и антропологическаго матеріала, профессоръ Lombroso приходитъ къ заключенію, что преступленіе представляется столь же естественнымъ необходимымъ и неизбѣжнымъ явленіемъ, какъ рожденіе, смерть и зачатіе При этомъ онъ указываетъ, что идея необходимости преступленія не нова, и что еще Платонъ приписывалъ преступность дѣятеля особенностямъ его организаціи и воспитанія и обвинялъ въ ней его родителей и воспитателей [418]).

„Исходя изъ такого взгляда на преступленіе, профессоръ Lombroso признаетъ необходимымъ и наказаніе. „Необходимо преступленіе“, говоритъ онъ, „*но необходима и защита*,

[418]) L'uomo delinquente, 380.

а слѣдовательно и наказаніе“ [419]). Доказывая далѣе правомочіе общества на защиту, онъ замѣчаетъ: „А по какому другому праву, если не по праву защиты секвеструемъ мы душевно-больныхъ и подозрѣваемыхъ въ заразительныхъ болѣзняхъ? По какому другому праву лишаемъ мы солдата, по крайней мѣрѣ, по закону, наиболѣе священнаго и наиболѣе благороднаго права—права имѣть семью? и по какому другому праву, безъ вины и даже безъ его воли, мы посылаемъ его на смерть“? „Уголовная теорія, основанная на необходимости защиты“, прибавляетъ онъ далѣе, „наименѣе подвержена возраженіямъ“ [420]). Цѣли же исправленія, возмездія и устрашенія, по мнѣнію автора, не могутъ служить основаніемъ наказанія. Исправленіе достигается слишкомъ рѣдко. Возмездіе только ухудшаетъ преступника и тѣмъ увеличиваетъ его опасность для общества, послѣ его освобожденія. Устрашеніе дѣлаетъ наказаніе жестокимъ, а человѣка, вслѣдствіе того, менѣе чувствительнымъ. „Во время Робеспьера“—поясняетъ свою мысль авторъ—„даже маленькія дѣти играли въ маленькія гиліотины“. Наказаніе, согласно вѣрному опредѣленію Канта, какъ его объясняютъ Mittermayer и Lucas, это справедливое зло, причиняемое *въ видахъ обезпеченія порядка* тому, кто совершаетъ несправедливое зло [421]) Здѣсь нельзя не замѣтить, что, приравнивая въ ихъ значеніи исправленіе, устрашеніе, возмездіе и защиту или огражденіе общества, авторъ впадаетъ въ ошибку. Возмездіе и огражденіе общества могутъ быть основными цѣлями наказанія. Первое непосредственно вытекаетъ изъ чувства мщенія, подсказывается имъ и совершается для его удовлетворенія: причиняю страданія потому, что это нравится мнѣ, потому, что въ этомъ я нахожу удовлетвореніе для своего возмущеннаго чувства. Это цѣль, подсказываемая чувствомъ. Второе же, т.-е. огражденіе или защита общества, представляетъ собою цѣль, подсказываемую разумомъ, уже освободившимся изъ подъ господства непосредственнаго чувства. Напротивъ, исправленіе и устрашеніе могутъ быть только второстепенными цѣлями наказанія или, говоря точнѣй, различными средствами для до-

[419]) Тамъ же, 382.
[420]) Тамъ же, 384 и 385.
[421]) Тамъ же, 385—390.

стиженія основной цѣли — огражденія или защиты общества отъ зла преступленія. Поэтому въ данномъ случаѣ можно говорить не о томъ, какая изъ многихъ цѣлей наказанія—исправленіе, устрашеніе, возмездіе или огражденіе общества предпочтительнѣе, а о томъ, какое изъ двухъ средствъ, — устрашеніе преступниковъ или ихъ исправленіе, вѣрнѣе приводитъ къ цѣли огражденія общества отъ зла преступленія, разъ эта цѣль, согласно указаніямъ разума, признана основною цѣлью наказанія?

Такова одна часть сочиненія профессора Lombroso, посвященная изученію преступника Теперь обратимся къ другой его части. содержаніе которой и составляетъ содержаніе прикладной науки уголовнаго права Эта часть посвящена способамъ лѣченія соціальной болѣзни, извѣстной подъ именемъ преступленія, или, иначе говоря, терапіи преступленія (Terapia del dellito)

Понятно, что нѣкоторыя слабыя стороны первой части должны были отразиться и на второй. Отмѣтивъ и изучивъ многіе особенности и признаки преимущественно привычныхъ преступниковъ, авторъ, по моему мнѣнію, недостаточно вглядѣлся въ генезисъ преступленія, недостаточно прослѣдилъ сцѣпленіе причинъ, приводящихъ человѣка къ преступленію, и недостаточно заглянулъ въ душу преступника, если можно такъ выразиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ недостаточно прослѣдилъ и сцѣпленіе причинъ, приводящихъ къ рецидиву и дѣйствующихъ какъ въ самой тюрьмѣ, такъ и за стѣнами ея, въ свободной жизни въ обществѣ. въ которой тюремнаго выпущенника ожидаютъ всевозможныя лишенія и невзгоды.

Исходя изъ своей основной мысли, что преступники вообще представляютъ собою особую касту или расу, отмѣченную вполнѣ стойкими, въ теченіе многихъ поколѣній выработывавшимися, а потому и неисправимыми органическими особенностями [122]), роковымъ образомъ наталкивающими ихъ на преступленія, онъ значительно разошелся съ своими предшественниками Gall'емъ и Despine, видѣвшими въ исправленіи уже народившихся преступниковъ одно изъ главныхъ средствъ борьбы съ преступленіемъ, а также

[122]) Тамъ же, 151.

и съ д-ромъ Vergilio, который, основываясь на личномъ опытѣ [423]), совѣтывалъ „все пробывать и на все надѣяться“ въ этой области. Такой же совѣтъ давалъ и другой компетентнѣйшій изслѣдователь въ этой области,—д-ръ B. A. Morel. „Общество“, писалъ онъ въ своемъ „Traité des dégénérescences physiques, intellectuelles et morales de l'espèce humaine“, „занималось защитительной (défensive) профилактикой, секвеструя вредныхъ личностей, какова бы ни была причина, вызывающая ихъ состояніе; теперь оно должно заняться профилактикой предупредительной (preservatrice), пытаясь измѣнить умственныя, физическія и нравственныя особенности тѣхъ, которые, по разнымъ основаніямъ, были выдѣлены изъ среды другихъ людей; прежде, нежели возвращать ихъ въ свою среду, оно должно вооружить ихъ, такъ сказать, противъ нихъ самихъ, чтобы тѣмъ уменьшить число рецидивистовъ“ [424]). Напротивъ, проф. Lombroso, исходя изъ своего понятія о наказаніи, какъ о средствѣ защиты и огражденія общества, и упуская изъ виду, что въ дѣлѣ индивидуальнаго и общественнаго развитія и улучшенія, кромѣ принципа борьбы за существованіе, дѣйствуетъ и другой болѣе важный, думается мнѣ, принципъ,—принципъ симпатіи, взаимопомощи и единенія силъ всѣхъ составляющихъ общество единицъ для достиженія ихъ общихъ цѣлей, слишкомъ увлекся идеей борьбы и потому невѣрно, думается мнѣ, освѣтилъ нѣкоторыя важныя стороны вопроса.

Еще ранѣе, говоря о рецидивѣ и основываясь на статистическихъ данныхъ [425]) о значительномъ количествѣ рецидивистовъ, онъ пришелъ къ заключенію, что число рецидивистовъ почти равняется числу выпускаемыхъ изъ тюремъ [425]), что исправленія представляютъ собою исключенія, а рецидивъ правило, что наилучшія системы не пре-

---

[423]) Интересныя въ этомъ отношеніи примѣры изъ своей практики онъ приводитъ на 43 стр. своего сочиненія.

[424]) Стр. 691.

[425]) О цѣнности послѣднихъ для самостоятельнаго разрѣшенія вопросовъ о нравственныхъ явленіяхъ я уже говорилъ выше.

[426]) L'uomo delin, 151. На ошибочность этого положенія указано пр. Ferri, см. его ст. „Diritto penale ed antropol. criminale“, Archivio de psichiatria, v. I, p. 448 и сл.

дохраняютъ общества отъ рецидива [427]), что прогрессивная тюремная система Даніи дала печальные результаты [428]). что видимые успѣхи ирландской системы обусловлены эмиграціей выпущенниковъ въ Америку, гдѣ они населили тюрьмы Нью-Іорка, что, слѣдовательно, почти всѣ преступники неисправимы [429]), и что потому слѣдуетъ озаботиться основаніемъ учрежденій для неисправимыхъ, разсчитанныхъ не на исправленіе преступниковъ, а на ихъ пожизненное заключеніе и на огражденіе отъ нихъ общества. Помѣщеніемъ въ такія учрежденія (stabilimenti di incorreggibili) будетъ совершаться естественный подборъ, отъ котораго зависитъ самое существованіе расы и правосудіе [430]).

Нельзя не признать, что приведенныя заключенія автора имѣютъ многое за себя. Руководствуясь, при изученіи этого вопроса, только данными судебной и тюремной статистики, констатирующей существующее положеніе, проф. Lombroso и не могъ, пожалуй, прійдти къ инымъ выводамъ. Но тотъ же вопросъ намъ представится въ иномъ свѣтѣ, если къ нему мы подступимъ съ другой стороны.

Прежде всего надо замѣтить, что часть уголовнаго права, которую проф. Lombroso называетъ терапіей преступленія, представляется наименѣе разработанной вообще и въ его сочиненіи въ частности. Если многія особенности преимущественно привычныхъ преступниковъ имъ изучены, то, къ сожалѣнію, нельзя сказать того же самаго и по отношенію къ причинамъ преступности, изученіе которыхъ, однако, столь важно для рѣшенія вопроса о наилучшихъ средствахъ борьбы съ преступленіемъ. Хотя наслѣдственность органическихъ особенностей оказываетъ громадное вліяніе на обликъ психической личности, тѣмъ не менѣе это вліяніе, какъ увидимъ далѣе, не рѣшающее и воспитаніе довольно успѣшно можетъ бороться съ унаслѣдованными порочными особенностями. Раціонально и систематически

---

427) L'uomo delin., 386, 437.

428) Тамъ же, 148, 437.

429) Тамъ же, 133, 145 и сл. Beltrani Scalia, напр., показалъ, что многіе изъ тюремныхъ выпущенниковъ ирландскихъ тюремъ нашли себѣ въ Америкѣ занятія и уже не впадали болѣе въ преступленія. См. его сочин. „La riforma penitenziaria in Italia“, 214.

430) Тамъ же, 437 и сл.

комбинированныя воздѣйствія, изъ которыхъ слагаются системы воспитанія и перевоспитанія, конечно, не могутъ создать изъ плохаго или бездарнаго человѣка—человѣка прекраснаго или крупный талантъ, но они почти всегда могутъ измѣнить его, по меньшей мѣрѣ, на ту сравнительно незначительную величину, которая изъ вреднаго и нетерпимаго члена общества дѣлаетъ терпимаго и даже полезнаго, и поднять его до типа нормальнаго общественнаго человѣка или, иначе говоря, до minimum'а соотвѣтствія всей психофизической структуры личности съ условіями жизни окружающаго ея общества, mitum'а, необходимаго для самостоятельной жизни въ немъ. А вѣдь только въ этомъ и состоитъ необходимое исправленіе, о которомъ мечтаютъ, говоря о пенитенціарныхъ системахъ. Множество непреступныхъ членовъ общества, повидимому, далеко не представляются очень совершенными со стороны ихъ органическихъ особенностей. Тѣмъ не менѣе, благодаря привитымъ къ нимъ навыкамъ и привычкамъ, они могутъ свободно существовать и даже совершенствоваться въ обществѣ, не нарушая общественнаго порядка въ тѣхъ грубыхъ формахъ, которыя потрясаютъ его въ самыхъ его основахъ и даже дѣлаютъ его невозможнымъ

Съ другой стороны, весьма многія органическія особенности, отличающія преступниковъ и толкающія ихъ на преступленія, какъ совершенно вѣрно указываетъ д-ръ Reich[131]), не столько унаслѣдованы, сколько благопріобрѣтены подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій жизни и, какъ таковыя, еще болѣе поправимы. Кому не извѣстно могущественное вліяніе, оказываемое на всѣ особенности психической личности различными болѣзнями и порчами организма [132]). А

---

[131]) Die Erblichkeit der Gebrechen des Leibes und der Seele, 17.

[132]) Приведу одинъ примѣръ изъ многихъ. „Нѣкоторыя патологическія причины", говоритъ д-ръ Despine, „глубоко дѣйствуя на мозгъ, могутъ совершенно измѣнять инстинктивныя способности человѣка, а вслѣдствіе того и его характеръ". Далѣе онъ приводитъ примѣръ одного господина X, отличавшагося прекраснымъ характеромъ и пользовавшагося расположеніемъ всѣхъ его знавшихъ. Послѣ тяжелой болѣзни оспой, угрожавшей его жизни, характеръ его существенно измѣнился. Онъ сталъ раздражителенъ, сварливъ и придирчивъ. Онъ не сталъ выносить противорѣчій и бранилъ всѣхъ. Занимая мѣсто въ высшей администраціи, онъ сталъ писать министру клеветы на своихъ начальниковъ и

между тѣмъ такія порчи въ изобиліи образуются у преступниковъ, отчасти какъ результатъ различныхъ жизненныхъ невзгодъ, а отчасти какъ результатъ ихъ собственнаго поведенія, обусловленнаго отсутствіемъ разумнаго воспитанія и выработанной приспособленности къ условіямъ общественной жизни [433]). Д-ръ Thomson, напр., приводитъ мнѣніе одного тюремнаго медика, который утверждаетъ, что онъ никогда не встрѣчалъ такого скопленія различныхъ болѣзней, какое ему пришлось встрѣтить у преступниковъ: ихъ посмертныя вскрытія обыкновенно констатируютъ большія или меньшія пораженія почти всѣхъ органовъ [434]). „Нѣтъ ни одного лица“, замѣчаетъ d'Hossonville объ обитателяхъ, осмотрѣнныхъ имъ рабочихъ домовъ (Workhouses), „на которомъ нельзя было бы прочесть долгую исторію борьбы, горя и лишеній, исторію, приведшую этихъ несчастныхъ въ рабочій домъ. У однихъ, наиболѣе юныхъ, господствующимъ выраженіемъ является выраженіе печали, у другихъ—огрубѣнія и полнаго равнодушія. Впалые глаза, исхудалыя щеки, разгоряченная или синеватая окраска ясно показываютъ, что болѣзнь здѣсь не случайность, поражающая темпераментъ въ его силѣ, но нѣчто въ родѣ обычнаго состоянія—плодъ нищеты, а весьма часто и дурнаго поведенія“ [435]). „Что скажу я вамъ, г. президентъ?“, такъ передаетъ тотъ же авторъ разсказъ одного жизненнаго незадачника (а какое множество такихъ незадачниковъ въ тюрьмахъ?)— Maillot, dit le Jaune, судившагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ департаментѣ Сены за убійство, совершенное шайкою „Съ семи лѣтъ я находился одинъ на тротуарахъ Парижа. Съ этихъ поръ я не встрѣчалъ никого, кто

противорѣчилъ всему, что утверждали при немъ. Тѣмъ не менѣе онъ сохранилъ всю силу своего ума и всѣми считался весьма способнымъ въ исполненіи своихъ обязанностей, благодаря чему только и сохранилъ свою должность. „Въ продолженіи приблизительно четырнадцати лѣтъ“, прибавляетъ Despine, „его новый характеръ не измѣняется“. Psych. nat., I. 175.

433) Въ моей статьѣ, помѣщенной въ 1 № „Юридич. Вѣстн.“ за 1884 г. „Тюрьмы Западной Европы“, можно найдти нѣкоторыя небезъинтересныя изъ относящихся сюда данныхъ.

434) Hereditary Nature of Crime, Journal of Ment. Scien, 15 т., 492. Нѣкоторыя указанія на болѣзни нашихъ каторжныхъ см. у Максимова: «Сибирь и каторга», I, 262 и сл.

435) Revue des deux mondes, 1877 г., мартъ, «L'enfance a Paris», 42.

бы поинтересовался мною. Ребенкомъ я былъ предоставленъ всѣмъ случайностямъ и погибель моя была неизбѣжна. Я всегда былъ несчастливъ. Моя жизнь протекла въ тюрьмахъ. Вотъ все, что я могу сказать. Этимъ роковымъ путемъ я пришелъ къ настоящему преступленію. Я не скажу, чтобы я совершилъ его подъ вліяніемъ обстоятельствъ, независѣвшихъ отъ моей воли, но.... (здѣсь голосъ подсудимаго дрожитъ) я не имѣлъ никого и ничего, исключая перспективы кражи. Я воровалъ, а кончилъ убійствомъ“ [436]). Такова исторія этого жизненнаго незадачника. Вдумаемся, а затѣмъ спросимъ себя, сколько порчи, загрубѣнія и одичанія, помимо всякой наслѣдственности, должно было внести это тюремное воспитаніе и эта жизнь, полная горя и страданій. Сколько горечи, озлобленія, зависти и ненависти противъ всего счастливаго и довольнаго каждый разъ должны были пробуждать въ душѣ ребенка эта полная заброшенность и эта ранняя отверженность и безпомощность И всѣ эти ощущенія и чувства не могли проходить безслѣдно; напротивъ, какъ и всѣ психическія состоянія, они оставляли свой глубокій слѣдъ, формировали психическую личность и придавали ей ту, а не иную окраску.

И такихъ не одинъ, а ихъ множество. Дѣло общества озаботиться ихъ уничтоженіемъ, но не при посредствѣ учрежденій для неисправимыхъ, а при посредствѣ другихъ болѣе дѣйствительныхъ средствъ, для отысканія которыхъ необходимо, не ограничиваясь однимъ наружнымъ изученіемъ, заглянуть еще въ душу преступника, выслушать отъ него самого его грустную повѣсть и хотя мысленно поставить себя въ условія его тяжелаго существованія. Только такое сочувственное и дѣйствительно гуманное отношеніе и можетъ помочь найти и дѣйствительныя средства для борьбы со зломъ. Намъ говорятъ, что преступникъ неисправимъ при всѣхъ пенитенціарныхъ системахъ. Но, спрашивается, что сдѣлано для его исправленія какъ въ стѣнахъ самой тюрьмы, такъ и за стѣнами ея, и дѣйствительно-ли существуетъ много попытокъ такого исправленія? Самъ авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что невозможно клеймить виновника желѣзомъ въ лобъ и въ то же время гово-

---

[436]) L'enfance a Paris, октябрь, 481.

рить ему: „исправься“ [437]). А между тѣмъ въ дѣйствительности наши, такъ называемыя, исправительныя системы именно и представляютъ подобное смѣшеніе прежнихъ варварскихъ средствъ, унаслѣдованныхъ отъ давно минувшаго прошлаго, съ слабыми попытками иныхъ вліяній. Мнѣ лично пришлось осмотрѣть много тюремъ въ различныхъ странахъ Европы, и я съ трудомъ могу назвать двѣ, три тюрьмы, которыя хотя нѣсколько соотвѣтствуютъ разумнымъ требованіямъ отъ дѣйствительно исправительнаго заведенія. Неужели можно серьозно говорить объ исправляющемъ вліяніи Strafstuhl'я брухзальской тюрьмы, Enger и Lattenarrest'а саксонскихъ и прусскихъ тюремъ, десятилѣтней одиночной кельи бельгійскихъ или starke Zellen бернской [438])? На увѣщанія попытаться измѣнить свое враждебное настроеніе, одинъ заключенный, всегда проявлявшій передъ тюремнымъ священникомъ чувство ненависти и озлобленія, отвѣтилъ ему: „Шесть лѣтъ тому назадъ я былъ бичеванъ въ этой тюрьмѣ и еще ношу слѣды бичеванія на моемъ тѣлѣ; когда эти слѣды будутъ сглажены, тогда я забуду и въ состояніи буду простить“ [439]). Повторю то, что я сказалъ въ заключеніе своей статьи о тюрьмахъ западной Европы. „Этимъ я и закончу“, говорилъ я, „описаніе осмотрѣнныхъ мною тюремъ. Я не стану вдаваться въ оцѣнку степени ихъ исправляющаго вліянія. Этотъ вопросъ легко разрѣшитъ и самъ читатель. Пусть только онъ мысленно поставитъ себя въ описанныя мною условія монотонной и безпросвѣтной тюремной жизни большинства существующихъ тюремъ, а затѣмъ добросовѣстно отвѣтитъ на вопросъ, могъ-ли бы лично онъ, попортившись отъ какихъ либо неблагопріятныхъ вліяній жизни, исправиться при такихъ условіяхъ? Подобный способъ оцѣнки, по моему мнѣнію, есть наилучшій и наиболѣе плодотворный, но, къ несчастію, наименѣе практикуемый“.

Въ вопросахъ о мѣрахъ противъ преступленія мы, къ сожалѣнію, по большей части, забываемъ мудрое правило, предписывающее внимательно выслушивать и другую сто-

---

[437]) L'uno delin., 380.

[438]) См. мою статью: „Тюрьмы Западной Европы“.

[439]) Robin: „La question pénitentiaire, 74.

рону. Если же бы твердо соблюдали его, то она, конечно, подробно поразсказала бы изъ своей предтюремной, тюремной и послѣ тюремной жизни многое такое, что выяснило бы намъ устойчивость преступности во многихъ случаяхъ и избавило бы насъ отъ необходимости предполагать полную неисправимость и безнадежность многаго множества людей. Мы бы услыхали отъ нея о забр.шенныхъ семьяхъ, о бушующихъ и проклинающихъ пьяныхъ отцахъ, объ ужасающей нищетѣ съ самаго ранняго дѣтства, о развращенныхъ и жестокихъ хозяевахъ, о полной заброшенности и отсутствіи всякихъ друзей и покровителей, о несчастныхъ и загубленныхъ жизняхъ, о полномъ истощеніи и изнеможеніи отъ всевозможныхъ лишеній, о продолжительномъ и тщательномъ тюремномъ обученіи всякимъ художествамъ и развращенію, объ унижающемъ и жестокомъ обращеніи въ тюрьмахъ, о полной безпомощности, безработицѣ, голодѣ и холодѣ тюремныхъ выпущенниковъ, о всеобщемъ недовѣріи къ нимъ [440]), о чувствѣ безнадежности и отчаянія, при мысли о безконечно долгихъ срокахъ остающагося заключенія, о крайней „усталости отъ жизни“, о страстномъ желаніи смерти и пр., и пр. [441]).

Понятно, что трудно требовать отъ человѣка улучшенія, когда вся жизнь его, не исключая и тюремнаго перевоспитанія, есть не болѣе, какъ сплошная порча и ожесточеніе. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда хотя кое-что дѣлается для исправленія, послѣднее часто дѣйствительно достигается и казавшійся безвозвратно погибшимъ поднимается, по меньшей мѣрѣ, до уровня того minimum'а, при которомъ онъ становится терпимымъ и даже полезнымъ членомъ общества. Мягкое, а главное благожелательное прикосновеніе часто производитъ удивительно могущественное вліяніе на такія

---

[440]) „Вѣрь намъ“, говорили выпущенники одному своему сотоварищу, „что глупо желать оставаться честнымъ; насъ нигдѣ не хотятъ. Надо или составлять шайки, или умирать съ голоду“. Appert: „Bagnes, prisons et crimin“. IV, 59. Разсказы, слышанные мною въ осмотрѣнныхъ мною арестантскихъ отдѣленіяхъ, не противорѣчатъ этому заключенію.

[441]) Все сказанное не фраза, а лишь краткое резюме фактовъ. См., напр., въ сочиненіи Appert исторіи Lemelle, Chodron, Comple, Petit, Colonge, Dronillet и др., I, 279, 280, II, 5—9, 65 и 66, III, 77 и 78, 109 и сл., IV, 270 и слѣд.

загнанныя и въ дѣйствительности глубоко несчастныя натуры и въ нихъ, къ удивленію всѣхъ ихъ окружающихъ, вспыхиваетъ чувство собственнаго достоинства и начинаетъ способствовать ихъ постепенному подъему хотя бы на ту сравнительно незначительную величину, о которой я говорилъ выше [442]). Особенно могущественное вліяніе оказываетъ на нихъ довѣріе къ ихъ хорошимъ качествамъ. „Я всегда стараюсь дѣйствовать на ихъ нравственную сторону“, говорилъ мнѣ г. Beauquesne, директоръ Dépôt des condamnés въ Парижѣ. „Мнѣ случалось довѣрять имъ на слово, и въ такихъ случаяхъ никогда еще ни одинъ не обманулъ меня“. То же говоритъ и г. Максимовъ, въ своемъ сочиненіи „Сибирь и каторга“ [443]). „Никогда не показывайте человѣку“, говорилъ мнѣ директоръ бельгійскихъ земледѣльческихъ колоній для бродягъ и нищихъ [444]), „что вы думаете о немъ хуже, нежели онъ есть на самомъ дѣлѣ: онъ махнетъ рукой и упадетъ еще ниже. Напротивъ, если вы показываете ему, что думаете о немъ лучше, нежели онъ есть въ дѣйствительности, то онъ начинаетъ стараться подняться, чтобы не поколебать вашего хорошаго мнѣнія о немъ“. Въ своей статьѣ „Тюрьмы Западной Европы“ я привелъ примѣръ дѣйствительнаго исправленія прежняго завсегдатая карцера, нѣкоего Postel, подъ вліяніемъ умѣлаго обращенія директора мелонской тюрьмы во Франціи. Сходный случай разсказываетъ и д-ръ Morel про одного молодаго человѣка, который сначала приводилъ его въ отчаяніе своимъ упорно дурнымъ поведеніемъ. Часть своей жизни онъ провелъ въ тюрьмахъ, нѣсколько разъ бѣгалъ и не подчинялся никакой дисциплинѣ. Наконецъ, поставленный въ благопріятныя условія для проявленія его чувствъ, этотъ неукротимый характеръ умягчился и подчинился правиламъ дисциплины. Его симпатіи развились, его умственныя способности улучшились и никто не ухаживалъ за больными съ большимъ рвеніемъ, нежели онъ [445]).

[442]) Этотъ подъемъ духа въ загнанномъ и зашвырянномъ человѣкѣ художественно и правдиво очерченъ гр. Толстымъ въ его прекрасномъ разсказѣ «Поликушка».

[443]) См., напр., I т., 62, 63, 65.

[444]) Объ этихъ колоніяхъ см. мою ст. въ газетѣ «Земство» за 1882 г., №№ 25 и 26.

[445]) Etudes cliniques, I, 329.

Къ сожалѣнію, профессоръ Lombroso, не освѣтилъ достаточно вопроса съ этой стороны и, руководствуясь статистическими данными о рецидивѣ, пришелъ, какъ мы видѣли, къ заключенію почти о поголовной и полной неисправимости преступниковъ. Поэтому понятно, что и въ той части его сочиненія, которая посвящена терапіи преступленія, онъ обратилъ слишкомъ большое, хотя и не исключительное вниманіе на полицейско-предупредительныя мѣры и слишкомъ малое на мѣры болѣе дѣйствительныя. Въ числѣ мѣръ для борьбы съ преступленіемъ онъ рекомендовалъ: проложеніе новыхъ дорогъ, уничтоженіе лѣсовъ, обезоруженіе населенія, регулированіе эмиграціи [446]), уничтоженіе притоновъ привычныхъ преступниковъ, учрежденіе, по примѣру Америки, страховыхъ компаній отъ преступленій и предохранительныхъ телеграфовъ, учрежденіе, по примѣру Англіи, обществъ для розыска преступниковъ, снятіе со всѣхъ заключенныхъ фотографій [447]), ограниченіе числа праздниковъ, рынковъ и ярмарокъ, если послѣднія не имѣютъ большаго значенія для торговли, высокія пошлины на горячительные напитки и ограниченіе торговли ими, наказанія за пьянство, учрежденіе полезныхъ народныхъ удовольствій (весьма разумная мѣра) [448]), учрежденіе земледѣльческихъ колоній и рабочихъ домовъ вдали отъ большихъ центровъ для бродягъ и лѣнтяевъ, лучшее устройство полиціи и усиленіе полиціи тайной, затрудненіе доступа въ уголовные суды и стѣсненіе опубликованія уголовныхъ процессовъ [449]), значительныя измѣненія или даже и полную отмѣну суда присяжныхъ и замѣну его смѣшанными судами, ускореніе отправленія правосудія и для этого ограниченіе возможности аппелляцій, кассацій и прямое представленіе къ суду, возможно большее ограниченіе помилованій [450]), принятіе мѣръ противъ образованія въ большихъ городахъ ассоціацій порочныхъ дѣтей и заботы о сиротахъ, подкидышахъ и дѣтяхъ, брошенныхъ порочными родите-

---

[446]) L'uomo delin,, 391; Sull'incremento, 84.
[447]) Тамъ же, 392, 393, 133.
[448]) Тамъ же, 394 и сл.; 85 и сл
[449]) 396 и сл., 114 и сл.; 134 и сл.
[450]) Sull'incremento, 107—136.

лями [451]). При этомъ авторъ указалъ на многіе дѣйствительные недостатки существующихъ исправительныхъ школъ, на скопленіе въ нихъ слишкомъ большаго числа дѣтей, на ихъ взаимную порчу, на дороговизну содержанія такихъ школъ, а потому и на несоотвѣтствіе ихъ числа съ потребностями въ нихъ, на царствующія въ нихъ злоупотребленія и на значительное число даваемаго ими рецидива. Поэтому онъ рекомендовалъ ихъ замѣну индустріальными школами, дневными пріютами для дѣтей отъ 6—12 лѣтняго возраста и учрежденіями, сходными съ англійскими Ragged schools, а также и системой размѣщенія дѣтей въ хорошія и нравственныя семьи, какъ это дѣлается въ Америкѣ [452]).

Для взрослыхъ преступниковъ авторъ считаетъ нужнымъ замѣну системы совмѣстнаго заключенія—системой заключенія одиночнаго, которая препятствуетъ взаимной порчѣ и развращенію заключенныхъ. „Если же желаютъ достигнуть бо̀льшаго“, то всего удобнѣе ирландская прогрессивная система. Въ тюрьмахъ, по мнѣнію автора, необходимо уничтожить обученіе грамотѣ и замѣнить его обученіемъ полезнымъ для жизни ремесламъ, исключая немногихъ (напр., кузнечнаго, фотографскаго и пр.), которыя, какъ и грамотность, могутъ давать въ руки преступниковъ только лишнее орудіе для ихъ преступной дѣятельности [453]). Въ видахъ же малой исправимости преступниковъ, авторъ считаетъ нужнымъ и основаніе учрежденій для неисправимыхъ, разсчитанныхъ на ихъ пожизненное заключеніе, и особыхъ manicomi criminali для душевно-больныхъ преступниковъ [454]).

Кромѣ этихъ мѣръ авторъ предлагаетъ и другія, болѣе общія, а именно: учрежденіе сберегательныхъ кассъ, кооперативныхъ магазиновъ, пенсіонныхъ кассъ, рабочихъ школъ и банковъ, дешевыхъ кухонь, пониженіе налоговъ, поражающихъ низшіе классы и вообще улучшеніе положенія послѣднихъ, такъ какъ, по справедливому замѣчанію Cavour'a, „или высшіе классы займутся положеніемъ классовъ обездоленныхъ, или гражданская война станетъ неизбѣжна“ [455]).

---

[451]) L'uomo delin., 397 и сл.; Sull'increm., 115 и сл.

[452]) Тамъ же, 398 и сл., 414 и сл.; 90 и сл.

[453]) Тамъ же, 418 и сл.; 128 и сл.

[454]) 437 и сл., 441 и сл.; 97 и сл.

[455]) Sull'incremento, 87 и сл.

Такова послѣдняя часть сочиненія проф. Lombroso, представляющаяся, какъ я уже замѣтилъ выше, наименѣе разработанной. Въ ней мы находимъ не столько органическую систему, сколько простой перечень разнохарактерныхъ мѣръ, безъ достаточно строгой ихъ оцѣнки.

Но каковы бы ни были слабыя стороны сочиненія, ему безспорно принадлежитъ почетное и видное мѣсто въ наукѣ. Его авторъ — и въ этомъ его важнѣйшая и неумирающая заслуга — окончательно перенесъ вопросъ о преступности изъ области кабинетныхъ теорій въ область наблюденія и опыта и приложилъ къ изученію преступника точные методы современнаго естествознанія. Благодаря этому, вопросъ о преступности поставленъ на твердую почву Обоснованный на психологіи, психіатріи и антропологіи, вопросъ этотъ вышелъ уже изъ области произвольныхъ построеній и сталъ научной проблемой, разрѣшаемой и при помощи точныхъ научныхъ пріемовъ Каковы бы ни были возможные и даже неизбѣжные при начальныхъ изслѣдованіяхъ промахи и недосмотры, они, вслѣдствіе приложимости строго-научной провѣрки, все-таки не грозятъ большими опасностями и всегда сравнительно легко допускаютъ констатированіе и поправки. А между тѣмъ правильная научная постановка вопроса о преступности есть въ то же время и правильная научная постановка неразрывно связаннаго съ нимъ вопроса о жизненной обездоленности—вопроса, наиболѣе тяготѣющаго надъ современнымъ человѣчествомъ.

Для продолженія своего дѣла, проф. Lombroso основалъ въ 1880 г. спеціальный журналъ Archivio di psichiatria, antropologia criminale e scienze penali per servire allo studio dell'uomo alienato e delinquente, около котораго сгруппировались его ученики и послѣдователи и который сталъ органомъ новой позитивной школы уголовнаго права.

VI.

Новое позитивное направленіе въ наукѣ уголовнаго права, вполнѣ гармонирующее съ направленіемъ въ ходѣ научнаго развитія за послѣднее время вообще, нашло многихъ послѣдователей въ различныхъ странахъ и ему, по вѣрному замѣча-

нію проф. Puglia, предстоитъ блестящее будущее [456]). Внѣ Италіи представители этого направленія являются, однако, обособленными дѣятелями, связанными между собой лишь служеніемъ единой наукѣ. Только въ названной странѣ, благодаря плодотворной дѣятельности проф. Lombroso съумѣвшаго сгруппировать около себя и основаннаго имъ журнала [457]) многихъ ученыхъ и направить дружныя усилія

---

[456]) „L'evoluzione storica e scientifica del diritto e della procedura penale", 271.

[457]) „Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale" выходитъ выпусками 4 раза въ годъ и даетъ крайне интересныя и чрезвычайно разнообразныя по содержанію статьи по всѣмъ отдѣламъ науки о вырожденіи и преступности человѣка. Одинъ отдѣлъ посвященъ психіатріи, другой — уголовной антропологіи, третій—уголовному праву, четвертый—предварительнымъ сообщеніямъ и оригинальнымъ наблюденіямъ, пятый—уголовнымъ процессамъ, изучаемымъ съ антропологической точки зрѣнія, шестой — библіографіи, седьмой—разнымъ замѣткамъ. Въ журналѣ принимаютъ участіе многіе ученые какъ итальянскіе, такъ и иностранные. Имѣя въ виду охарактеризовать ученіе новой школы, по отношенію къ уголовному праву, я не стану вдаваться въ изложеніе богатаго фактическаго матеріала, заключающагося въ вышедшихъ уже 4 томахъ „Archivio" за 4 года его существованія. Я буду касаться только третьяго отдѣла, въ статьяхъ котораго излагается ученіе школы. Интересующіеся могутъ найти сжатый очеркъ антропологическихъ изслѣдованій преступниковъ за послѣднее время, напечатанныхъ какъ отдѣльными брошюрами, такъ и въ различныхъ журналахъ, а въ томъ числѣ и въ „Archivio", въ статьѣ проф. Lombroso: „L'anthropologie et la criminalité", помѣщенной въ 10 №. „Revue Scientifique", за 1884 г. Эти изслѣдованія, уже достаточно многочисленныя въ настоящее время и принадлежащія проф. Lacassagne, Manouvrier, Flesch, Ranke, Bordier, Heger, Dallemagne, Spika, Golgi, Marchi, Lombroso, Marro, Bono, Tamasira, Ferri и др., ясно показываютъ, что различныя патологическія явленія и органическія аномаліи между преступниками встрѣчаются весьма часто. Хотя наука и не можетъ еще объяснить связь между наблюдаемыми аномаліями и тѣми или другими психическими особенностями, тѣмъ не менѣе общее значеніе самыхъ наблюденій отъ этого нисколько не умаляется. Къ числу ихъ важнѣйшихъ результатовъ надо отнести часто встрѣчающіяся патологическія измѣненія на черепахъ и въ мозгахъ преступниковъ, частость между ними болѣзней кровеносной системы, малую способность краснѣнія, съ трудомъ вызываемаго даже амильнитратомъ, особый типъ какъ физіогноміи, такъ и вообще организаціи, часто встрѣчающійся не только между взрослыми преступниками, но и между дѣтьми (изслѣдованія послѣднихъ произведены въ широкихъ размѣрахъ Marro и Lombroso въ исправительныхъ школахъ и пріютахъ. Результаты изслѣдованія изложены въ I и II выпускахъ „Archivio" за 1883 г. въ статьѣ: „I germi della pazzia morale e del delitto nei fanciulli". Авторы нашли въ 44% аномальныя нравственныя влеченія и въ 17,16 преступныя влеченія. См. 163 и сл. стр., II вып.), болѣе часто, нежели у не преступныхъ людей

на разработку затронутыхъ имъ вопросовъ, представители новаго направленія образовали изъ себя, въ полномъ смыслѣ слова, новую школу [458]), которая, признавая, что существующее ученіе о преступленіи и наказаніи построено не на опытномъ основаніи, а на „выводахъ изъ недоказанныхъ принциповъ, доставляемыхъ абстрактными теоріями, часто противорѣчивыми и невѣрными", и задаваясь цѣлью сдѣлать изъ науки уголовнаго права науку положительную, вступила въ борьбу съ старой классической школой, представительницей метафизическаго направленія [459]).

Хотя въ средѣ сторонниковъ новаго направленія, наряду съ полнымъ единствомъ основныхъ принциповъ, и существуютъ нѣкоторыя различія мнѣній по частнымъ вопросамъ, но послѣднія, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Puglia, значительно менѣе, нежели тѣ, которыя раздѣляютъ сторонниковъ старой школы. Это полное единство во всѣхъ основныхъ взглядахъ и даетъ возможность изложить ученіе

встрѣчающееся лѣворучіе и вообще преобладаніе праваго мозговаго полушарія надъ лѣвымъ, пониженность общей чувствительности и чувствительности къ боли, нисходящей иногда до нуля. Профессоръ Ferri, производившій сравнительное изученіе не преступныхъ людей, душевно-больныхъ и преступниковъ на 1,711 чел., констатировалъ между прочимъ, какъ и докторъ Manouvrier, Lombroso и друг. изслѣдователи, частость усиленнаго развитія челюстей у преступниковъ (предварительное сообщеніе см. въ I вып. „Archivio" за 1883 г. „Studi di antropometria su criminali, pazzi e sani", стр. 110 и сл. Результаты этого изслѣдованія войдутъ въ сочиненіе этого автора „L'omicidio"). При этомъ онъ показалъ, что какъ у животныхъ, такъ и у человѣка такое развитіе челюстей сосуществуетъ не только съ усиленнымъ развитіемъ растительныхъ функцій, но и съ большею грубостью и жестокостью, тогда какъ мягкость характера обыкновенно сопутствуется меньшимъ развитіемъ челюстей. Въ своихъ конечныхъ выводахъ проф. Ferri замѣчаетъ объ антропометрическихъ изслѣдованіяхъ, что на основаніи ихъ можно говорить только о гораздо большей частости изученныхъ особенностей у преступниковъ и душевно-больныхъ, сравнительно съ обыкновенными людьми, а не о ихъ существованіи у всѣхъ лицъ одной серіи и ихъ абсолютномъ несуществованіи у всѣхъ лицъ другой. Поэтому, придавая извѣстную важность антропометрическимъ изслѣдованіямъ, онъ въ то же время придаетъ большое значеніе изслѣдованіямъ мозговъ и психической стороны преступниковъ, стр. 114.

[458]) „L'evoluzione storica" 223 и 270.

[459]) Garofalo: „Di un criterio positivo della penalità" 6 и 13. Puglia: „Prolegonini", 10 и 75. „Archivio", v. I, „Dei sostitutivi penali", 68. „Archivio", v. III, „I pericoli sociali di alcune teorie giuridiche", 380; „L'evoluzione storica", 270 и сл.

школы, какъ единаго цѣлаго, не вдаваясь въ подробный обзоръ отдѣльныхъ сочиненій, который въ данномъ случаѣ не имѣлъ бы значенія. Намъ важны не личныя мнѣнія того или другаго автора, а тѣ общепризнанные результаты, къ которымъ пришло новое научное направленіе.

Отличительной чертой новой позитивной школы уголовнаго права, какъ уже видно изъ самаго ея названія, является общее признаніе ея послѣдователями необходимости разъ навсегда покончить съ старыми методами изслѣдованія и построенія науки, которымъ они справедливо приписываютъ все зло. На мѣсто вывода изъ данныхъ самонаблюденія и отвлеченныхъ логическихъ построеній они считаютъ нужнымъ поставить наблюденіе фактовъ дѣйствительности, замѣняя преступника воображаемаго преступникомъ дѣйствительнымъ, и подвергая послѣдняго тщательному и всестороннему изслѣдованію, какъ и всякій другой объектъ научнаго изученія. Въ этомъ сходятся всѣ безъ исключенія. „Не должно быть никакого замедленія въ примѣненіи къ нравственнымъ и соціальнымъ наукамъ вообще и къ уголовному праву въ частности“, говоритъ, напр., проф. Ferri, „того положительнаго метода, которому естественныя науки обязаны своей необычайной силой и развитіемъ“; „единственнымъ прочнымъ основаніемъ“, продолжаетъ онъ далѣе, „и единственной отправной точкой должно быть экспериментальное изученіе фактовъ и выводъ общихъ принциповъ изъ точныхъ наблюденій“ [460]). „Наступило время“, замѣчаетъ проф. Puglia, „покинуть апріорный методъ въ наукѣ о преступленіи и наказаніи и начать тщательное изученіе человѣческихъ дѣйствій, нарушающихъ общественный порядокъ, изслѣдовать ихъ причины, изучить законы, по которымъ они развиваются, и выбрать пригодныя, предупредительныя и репрессивныя мѣры“. „Всякій апріорный принципъ долженъ быть навсегда оставленъ и всякая теорія, не обоснованная на фактахъ, должна быть навсегда изгнана. Основные принципы науки должны отыскиваться при посредствѣ индукціи, а не создаваться при посредствѣ воображенія“ [461]).

Если въ предшествующій періодъ своего развитія наука уголовнаго права главнымъ образомъ имѣла въ виду борьбу

[460]) „Teorica della imputabilita e negazione del libero arbitrio“, 4.

[461]) „Prolegomini allo studio del diritto repressivo“, 15. См. также, Garofalo:

съ средневѣковой жестокостью наказаній, то въ настоящее время она, по мнѣнію ученыхъ ново-италіанской школы, задается не менѣе гуманною цѣлью — цѣлью борьбы съ преступленіемъ и изысканія средствъ возможнаго уменьшенія числа послѣднихъ [462]). Къ сожалѣнію, идея *борьбы*, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить выше, говоря о сочиненіи профессора Lombroso, и теорія выдѣленія изъ общества, въ видахъ искусственнаго подбора, *его отбросовъ*, по моему мнѣнію, слишкомъ увлекаетъ италіанскихъ представителей позитивной школы и заставляетъ ихъ въ значительной мѣрѣ упускать изъ виду нѣкоторыя другія, не менѣе важныя стороны вопроса. Подобное увлеченіе идеей борьбы ясно проглядываетъ, напр., въ словахъ Garofalo, который, касаясь habeas corpus и суда присяжныхъ, замѣчаетъ, что все, что̀ удаляется отъ истинной цѣли уголовныхъ законовъ—борьбы съ преступленіемъ, все, что̀ подчиняетъ средства достиженія этой цѣли *соображеніямъ другаго порядка* онъ разсматриваетъ, какъ опасное уклоненіе [463]). Поэтому онъ настаиваетъ на необходимости поражать нѣкоторыя категоріи преступниковъ со всею строгостью и безъ всякаго милосердія наказаніями на вѣчное время и тѣмъ совершать „искусственный подборъ“, извергая навсегда изъ среды общества порочныхъ и неисправимыхъ [464]). Профессоръ Ferri приписываетъ такое же благодѣтельное вліяніе „искусственному подбору“, совершавшемуся при посредствѣ смертной казни и пр. [465]). Увлеченіе идеей борьбы объясняется, впрочемъ, особымъ положеніемъ Италіи, въ которой, благодаря предшествующимъ неблагопріятнымъ условіямъ и развращенію народа, число кровавыхъ преступленій во много разъ превышаетъ число тѣхъ же преступленій въ другихъ странахъ [466]), и въ которой могущественныя преступныя сообщества (коморра и мафія) и до сихъ поръ не могутъ быть уничтожены. Но хотя всѣ эти

„Di un criterio“, 3; Puglia: „La nuova fase evolutiva del diritto penale“, 6 и „L'evoluzione storica“, 16; „Archivio“, v. I, 68 и v. III, 52 и т. д.

462) „Il diritto di punire come funzione sociale“, „Archivio“, v. III, 51 и 52.

463) „Ciò che do'vrebbe essere un giudizio penale“. „Arch.“ III, 93.

464) „I pericoli sociali di alcune teorie giuridiche“, „Arch.“, v. III, 382 и 384.

465) „I nuovi orizzonti del diritto e della procedura penale“, 39, 43.

466) См. Beltrani Scalia: „La riforma peniten. in Italia“, 51 и сл.

условія отчасти и объясняютъ увлеченіе идеей борьбы, тѣмъ не менѣе они не дѣлаютъ его правильнымъ. Законъ борьбы за существованіе, конечно, развиваетъ силы отдѣльныхъ индивидуумовъ, но онъ не можетъ вести ихъ къ тому высшему совершенствованію, которое достигается только при помощи другаго закона — закона общественности, основывающагося на чувствахъ симпатіи и благожелательности, тѣсно сплачивающихъ членовъ общества въ одно единое цѣлое и заставляющихъ ихъ оказывать взаимную помощь другъ другу и направлять дружныя усилія на достиженіе общихъ цѣлій. Этому-то закону общественности рѣшительно и противорѣчатъ всѣ учрежденія, предназначенныя совершать „искусственный подборъ“ путемъ пожизненнаго заключенія. Какъ осуждается этимъ закономъ смертная казнь, такъ осуждаются имъ и подобныя учрежденія. Конечно, *безусловно* нельзя отрицать, что въ средѣ преступниковъ могутъ встрѣтиться отдѣльныя личности (здѣсь я не говорю о душевно-больныхъ преступникахъ, въ собственномъ смыслѣ слова, для которыхъ представители новой школы проэктируютъ особыя учрежденія), не поддающіяся никакимъ исправительнымъ воздѣйствіямъ даже въ предѣлахъ того minimum'а, о которомъ я говорилъ въ предшествующей главѣ, но нужно думать, что, при правильномъ отношеніи къ нимъ, такія личности будутъ рѣдкими исключеніями и не будутъ въ состояніи наполнить спеціально устроенныя для нихъ учрежденія для неисправимыхъ. Понятіе неисправимости слишкомъ относительное. Я уже упоминалъ объ одномъ заключенномъ ремесленникѣ, Karl'ѣ Eller (см. 91 и 92 стр.), акты котораго мнѣ удалось видѣть въ тюрьмѣ въ Zwickau (къ сожалѣнію, я уже не засталъ его въ тюрьмѣ). Этотъ Karl Eller былъ 14-мъ ребенкомъ (всѣхъ дѣтей было 16) и рожденъ, вѣроятно, уже въ сравнительно преклонномъ возрастѣ родителей (обстоятельство далеко не безразличное) [466*]). По словамъ знавшаго его Aufseher'а тюрьмы, и нѣкоторые другіе его

[466*]) Изъ изслѣдованія Dogdal'а видно, что младшія дѣти въ выраждающихся семьяхъ представляются менѣе жизненными, а потому и болѣе склонными къ пауперизму, а слѣдовательно и къ совершенію маловажныхъ преступленій, направленныхъ противъ собственности. См. «The Jukes a study in crime, pauperism, disease and heredity», 38.

братья также подвергались наказаніямъ. Самъ онъ до 57-лѣтняго возраста успѣлъ побывать въ тюрьмахъ по меньшей мѣрѣ 22 раза (нѣкоторыя указанія актовъ заставляютъ предполагать, что не всѣ легкія наказанія поименованы въ нихъ) и провелъ въ нихъ въ сложности 18 лѣтъ, 4 мѣсяца и 4 дня. Въ Zuchthaus'ѣ онъ былъ 6 разъ, въ рабочемъ домѣ и тюрьмѣ по 8 разъ. Нерѣдко одно пребываніе отдѣлялось отъ другаго мѣсяцемъ или двумя. Въ карательныхъ учрежденіяхъ онъ всегда былъ исполнителенъ, велъ себя хорошо и заслуживалъ довѣріе [467]). Въ молодости онъ 9 лѣтъ служилъ въ военной службѣ, по выходѣ изъ которой постоянно подвергался наказаніямъ за кражи и нищенство. Изъ его актовъ видно, что на свободѣ онъ предавался *пьянству и праздности*. Его, повидимому, отмѣчалъ одинъ порокъ или недостатокъ организаціи, — малая жизненность и малая способность къ настойчивому и упорному труду, а вслѣдствіе того—*при всѣхъ данныхъ условіяхъ его жизни* —и къ борьбѣ за существованіе въ узаконенныхъ формахъ. На свободѣ этотъ, повидимому, дряблый организмъ, *при непомѣрныхъ для него запросахъ жизни*, вслѣдствіе вѣроятнаго органическаго влеченія, принимался за *искусственные возбудители*, опускался и все снова, и снова впадалъ въ преступленія.

Но если нѣсколько порочная, недостаточная организація Eller'a, находясь въ неблагопріятныхъ для нея условіяхъ существованія, приводила его къ преступленію (поэтому, говоря о типѣ нормальнаго общественнаго человѣка, я между прочимъ и ставилъ его измѣненія въ зависимость отъ измѣненій въ условіяхъ общественной жизни), то организаціи того же типа, но при иныхъ окружающихъ условіяхъ, могутъ давать существованіе не только терпимымъ, но и полезнымъ личностямъ. Такой типъ намъ рисуетъ, напр., г. Максимовъ. Это человѣкъ „дряблый съ младенчества, болѣзненный въ отрочествѣ отъ мякинной пищи, безсильный въ работахъ тотчасъ же, какъ ихъ потребуютъ отъ него.

---

[467]) Директоръ женевской тюрьмы, г. Corbaz, говорилъ мнѣ, что рецидивисты, часто навѣщающіе тюрьму вообще самые лучшіе заключенные. Они почти всегда ведутъ себя примѣрно и прекрасно работаютъ; онъ даже радъ ихъ возвращенію. Единственный ихъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что они мало устойчивы и легко увлекаются всякимъ соблазномъ.

Онъ никуда не поспѣетъ, ничего не додѣлаетъ; много за то битъ пинками и толчками заколоченъ". „Живетъ въ родной семьѣ, словно въ пасынкахъ, въ родной деревнѣ обзывается такимъ насмѣшливымъ прозвищемъ, какое только можетъ быть хуже и обиднѣе всѣхъ. Нелюбимый, преслѣдуемый, онъ дѣлается угрюмымъ, замкнутымъ въ себя. Всякія игры для него чужды: онъ при городскихъ условіяхъ могъ бы сдѣлаться самоубійцей". Но, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ жизни, онъ находитъ дѣло по себѣ, по своимъ силамъ и способностямъ, влагаетъ въ него всю свою душу, отдается ему всецѣло, беззавѣтно и подъ вліяніемъ успѣха выростаетъ въ собственныхъ глазахъ, по немногу проникается чувствомъ собственнаго достоинства и изъ человѣка забитаго, легко склоннаго къ пьяному загулу съ горя и соединенному съ нимъ паденію, а подъ часъ и преступленіямъ, становится, въ предѣлахъ своихъ силъ и способностей, человѣкомъ сравнительно полезнымъ для общества [468]). Это глубокое различіе въ судьбахъ двухъ личностей, повидимому, одинаковаго типа организаціи, различіе, обусловленное различіями во внѣшнихъ условіяхъ ихъ существованія, ясно показываетъ намъ, что всегда необходима извѣстная степень соотвѣтствія между этими послѣдними и мѣрою и особенностями силъ человѣка. Разъ эта степень отсутствуетъ—и человѣкъ не можетъ двигаться правильно, легко сбивается съ пути, запутывается, деградируетъ и *тогда уже, и вслѣдствіе того* легко впадаетъ и въ преступленіе. Но это паденіе не совсѣмъ безнадежное. Во власти и возможности общества—разъ оно хорошо пойметъ и сознаетъ пользу и необходимость этого — измѣнить отношенія и создать условія, при которыхъ становится возможно не только безвредное, но и сравнительно полезное существованіе даже людей слабыхъ и малоодаренныхъ и поднятіе деградированныхъ на сравнительно незначительную величину уголовнаго исправленія, если можно такъ выразиться [468*]).

---

[468]) „Бродячая Русь", 15 и сл.

[468*]) Въ изслѣдованіи Dogdel'я (I таалица, 30 линія, 5 генерація) мы встрѣчаемъ, напр., случай, что женщина—отпрыскъ несчастнаго рода Jukes — отмѣченная неблагопріятной наслѣдственностью и уже въ юности познакомившаяся съ тюрьмой за бродяжество, вслѣдствіе благопріятнаго измѣненія, путемъ брака съ хорошимъ и трудолюбивымъ человѣкомъ, внѣшнихъ условій ея

Лучшимъ средствомъ было бы устраненіе индивидуальной изолированности и безпомощности и способствованіе образованію различныхъ артелей и ассоціацій. Послѣднія особенно можно и должно рекомендовать для тюремныхъ выпущенниковъ, какъ лучшее средство патроната и при томъ непремѣнно въ двухъ послѣдовательныхъ формахъ: 1) посредствующія, не вполнѣ свободныя и еще направляемыя артели и ассоціаціи и 2) свободныя и вполнѣ самостоятельныя [469]). Такія артели и ассоціаціи не только могли бы восполнять недостаточность индивидуальныхъ силъ своихъ членовъ, но и контролировать и направлять ихъ дѣятельность (понятно, что это сдѣлалось бы само собой). У насъ въ Россіи развитіе подобныхъ формъ, вслѣдствіе еще живучести формъ прошлаго, особенно удобно и *сравнительно* легко. Въ этомъ отношеніи могла бы оказать услугу и наша естественно-сложившаяся тюремная артель, на которую иногда возлагаютъ едва-ли не слишкомъ уже преувеличенныя на-

---

существованія, становится хорошей матерью семьи и пріобрѣтаетъ среди всѣхъ ее знавшихъ репутацію уважаемой женщины. См. «The Jukes», 24. См. также мнѣніе Dogdel'a на 58 стр. Неподдававшіеся исправленію маленькіе нищіе и бродяги рюиследской школы въ Бельгіи и учрежденія Д-ра Bernardo въ Англіи, будучи переведены въ устроенныя для нихъ морскія школы, болѣе соотвѣтствовавшія мѣрѣ и особенностямъ ихъ силъ, вышли полезными моряками, пользующимися прекрасной репутаціей и не только охотно принимаемыми, но еще и разыскиваемыми хозяевами купеческихъ судовъ. Таково важное значеніе соотвѣтствія внѣшнихъ условій существованія и особенностей организаціи дѣятелей. См. Annexes au rapport de M. Th. Roussel, troisieme partie, 232 и сл. особен., 237 и Robin Des écoles industrielles, 41.

[469]) Предложеніе объ образованіи переходныхъ не вполнѣ свободныхъ артельныхъ мастерскихъ сдѣлано Гр. П. Коновницинымъ первому съѣзду представителей русскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ. Авторъ предложенія указалъ при этомъ и на возможность выдѣленія изъ подобныхъ мастерскихъ уже вполнѣ свободныхъ артелей. См. „Труды Высочайше разрѣшен. перв. съѣзда“, приложенія, стр. 134 и 135. Благодаря извѣстному К. В. Рукавишникову, чрезвычайно много сдѣлавшему для московскаго исправительнаго пріюта, при этомъ послѣднемъ образована подобная переходная артельная мастерская. Къ сожалѣнію, не вполнѣ удовлетворительная постановка (недостаточность надзора) этого вполнѣ еще новаго дѣла до сихъ поръ препятствовала правильному функціонированію этого чрезвычайно полезнаго учрежденія. Въ апрѣлѣ настоящаго года мостерская реорганизована и для завѣдованія его переведенъ одинъ изъ воспитателей Руковишниковскаго пріюта. Надо надѣяться, что дѣло теперь пойдетъ лучше.

дежды, думая замѣнить ею разумное руководство развитаго директора тюрьмы [470]).

Къ сожалѣнію, въ формахъ общественной жизни и въ строѣ общественныхъ отношеній разумно направляющая мысль дѣйствуетъ далеко еще не въ надлежащей степени, и мнѣ кажется, что большая часть общественныхъ золъ порождается едва-ли не въ большей мѣрѣ недостаточностью правильнаго пониманія со стороны громаднаго большинства членовъ общества дѣйствительныхъ интересовъ какъ отдѣльнаго лица, такъ и всего общества, нежели недостаточностью средствъ и *абсолютнымъ* несовершенствомъ природы многихъ людей (я говорю объ инстинктивной природѣ). При современномъ развитіи научныхъ и техническихъ знаній, сумма общаго блага безъ труда могла бы быть по меньшей мѣрѣ удесятерена, если бы на пути къ этому не стояли препятствіемъ указанная недостаточность правильнаго пониманія и недостаточная степень приспособленія къ *общественной* жизни, порождаемая неудовлетворительностью современнаго воспитанія, по отношенію къ которому д-ръ Howard совершенно справедливо высказываетъ столь рѣзкое, но основательное осужденіе, видя въ существующихъ системахъ воспитанія одну изъ главнѣйшихъ причинъ всѣхъ общественныхъ золъ [471]).

Человѣкъ есть существо общественное и общество представляется нашему уму фактомъ естественнымъ и необходимымъ. Человѣкъ не существуетъ изолированно, но только какъ членъ, какъ элементъ ощества [472]). Общество есть могущественная причина удивительнаго измѣненія и совершенствованія человѣка. Только въ его средѣ развивается у человѣка во всей полнотѣ то нравственное чувство, которое существуетъ лишь въ рудиментарномъ состояніи у животныхъ. Внѣ общества человѣкъ выродился бы какъ физически, такъ и нравственно, потому что онъ не нашелъ бы благопріятныхъ условій для удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей физическихъ, нравственныхъ и умствен-

---

[470]) См. ст. проф. Сергѣевскаго: „Современныя задачи уголовн. законод. въ Россіи". „Журналъ гражданскаго и уголовн. права", мартъ, 1883

[471]) „Phylosophy of insanity, crime and responsability", 90.

[472]) Puglia: „Prolegomini", 36, 40, 74. Ferri: «La responsabilità del delinquente». См. «Rivist u di discipline carcerarie Fasc. 1—2, 1884, 18.

ныхъ [473]). Въ обществѣ же, какъ и во всемъ остальномъ мірѣ, господствуетъ борьба, подъ вліяніемъ которой совершается развитіе, эволюція и смѣна формъ во вселенной. Это всеобщій космическій законъ, законъ борьбы за существованіе, т.-е. за сохраненіе и совершенствованіе. Человѣкъ ведетъ эту постоянную и разнообразную борьбу, вслѣдствіе внутренняго, неодолимаго стремленія къ сохраненію и улучшенію, стремленія, присущаго его натурѣ, стремленія органическаго. Высшая же форма ведущейся человѣкомъ борьбы за существованіе — это борьба за право [474]). Какъ жизнь отдѣльнаго человѣка, такъ и жизнь общества были бы невозможны безъ законовъ поведенія. Поэтому законы поведенія суть законы жизни, т.-е. законы сохраненія и развитія. Критерій, которымъ долженъ руководствоваться человѣкъ — это понятіе о полезномъ, понятіе экспериментальное, сформировавшееся въ зависимости отъ чувствъ наслажденія и страданія. Съ поступательнымъ ходомъ умственнаго развитія, къ этому критерію привзошелъ другой высшій критерій —понятіе о соотношеніи средствъ съ цѣлями, которыхъ человѣкъ намѣренъ достигнуть для собственнаго блага или для блага другихъ людей [475]).

Законы поведенія регулируютъ дѣятельность человѣка и какъ существа индивидуальнаго, и какъ существа общественнаго. Дѣйствуя подъ вліяніемъ инстинкта самосохраненія, человѣкъ, въ своемъ стремленіи къ личному благу, сталкивается какъ съ отдѣльными людьми, такъ и съ цѣлымъ обществомъ. Поэтому, для возможности блага общественнаго, необходимо принесеніе въ жертву ему части благъ личныхъ и необходимъ высшій законъ поведенія, гласящій, что человѣкъ долженъ жертвовать своими личными благами въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для блага общественнаго. Этотъ высшій законъ, налагающій ограниченія на сферу дѣятельности человѣка, есть законъ сосуществованія индивидуумовъ или законъ существованія общественнаго [476]).

---

[473]) Тамъ же, 28—32.

[474]) Тамъ же, 48 и 49; „L'evoluzione stor.“ 29.

[475]) „Prolegomini“, 34 и 35.

[476]) Тамъ же, 36.

Законы поведенія бываютъ или законы нравственные, или законы правовые, юридическіе. Выполненіе первыхъ предоставляется на волю человѣка, а къ выполненію вторыхъ онъ принуждается силою, потому что безъ ихъ соблюденія невозможно существованіе общества. Объемъ и предѣлы той и другой области—области нравственности и области права, колеблются и измѣняются въ теченіе жизни общества, въ зависимости отъ измѣненій въ его развитіи и въ его взглядахъ на потребности и цѣли человѣческаго существованія [477]).

Право—это цементъ общества и на юридическихъ законахъ покоится существованіе послѣдняго. Право есть естественное слѣдствіе общественной жизни. Сожительство человѣка съ другими людьми есть единственный источникъ его правъ, а слѣдовательно и обязанностей. Юридическіе законы не только регулируютъ и обуздываютъ дѣятельность отдѣльнаго лица, но также координируютъ и направляютъ силы всѣхъ членовъ общества и потому являются законами гармоніи, законами жизни человѣчества. Они начинаютъ господствовать въ обществѣ съ того момента, когда въ человѣческихъ аггрегаціяхъ возникаетъ общественная власть, которая и полагаетъ предѣлы индивидуальнымъ силамъ [478]).

Когда юридическіе законы нарушаются, тогда нарушается и равновѣсіе между требованіями и обязательствами. нарушаются спокойствіе и порядокъ въ обществѣ, пробуждается ненависть, возникаетъ братоубійственная борьба, отличающаяся характеромъ дикости и заканчивающаяся принесеніемъ въ жертву множества произволу немногихъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ становится невозможенъ дальнѣйшій прогрессъ общества, а лишь его деградація и возвратъ къ прежнему варварству. Поэтому борьба за право есть борьба за возможно счастливое сохраненіе, за возможно большее и быстрое физическое и нравственное совершенствованіе, за необходимое развитіе нашихъ силъ и способностей, за наше существованіе и нашу жизнь. Она обязательна какъ для отдѣльнаго человѣка, такъ и для общественной власти. Только тотъ, кто не одаренъ нравствен-

---

[477]) Тамъ же, 37.

[478]) Тамъ же, 38, 39, 40. «La responsabilità del delinquente», 24.

нымъ чувствомъ, кто не управляется инстинктомъ сохраненія, можетъ уклоняться отъ этой борьбы [479]).

Главныя средства, которыя можетъ употреблять общественная власть для охраненія права, суть предупрежденіе, принужденіе и репрессія. Когда общественный порядокъ нарушается и гражданинъ выходитъ за предѣлы сферы дѣятельности, указанной ему закономъ, тогда реакція со стороны общественной власти является столь же естественной и необходимой, какъ и реакція отдѣльнаго индивидуума противъ внѣшнихъ вліяній, стремящихся нарушить его органическія функціи. Иногда эти нарушенія правоваго порядка представляются столь важными, что одно вознагражденіе и возстановленіе правомочій потерпѣвшаго недостаточны для возстановленія нарушеннаго порядка и для успокоенія общества, справедливо опасающагося повторенія того же самаго. Тогда становятся необходимы болѣе важныя юридическія мѣры, направленныя на то, чтобы оградить общество отъ дальнѣйшаго вреда со стороны нарушителя и со стороны другихъ,—его возможныхъ подражателей. Это и есть наказанія, необходимость и цѣль которыхъ, послѣ всего сказаннаго, становятся понятны. Эта цѣль—возможно лучшими средствами оградить и защитить общество отъ зла преступленія, которое, нарушая общественный порядокъ въ самыхъ его основахъ, тѣмъ самымъ посягаетъ и на важнѣйшія условія существованія и совершенствованія общества. Но хотя общество и защищается отъ зла преступленія при посредствѣ наказаній, тѣмъ не менѣе послѣднія не являются для него единственными средствами защиты [480]).

Для успѣшности борьбы съ преступленіемъ, преступленія и преступники должны быть тщательно изучены, а для этого наука уголовнаго права должна быть обоснована на прочномъ фундаментѣ, какимъ для нея могутъ служить психофизіологія, психіатрія, антропологія и ближайшимъ образомъ вновь образовавшійся отдѣлъ послѣдней — уголовная

---

[479]) Тамъ же, 49—53.

[480]) Тамъ же, 52 — 59. См. также: „La psico—fisiologia e l'avvenire della scienza crimin.“, „Arch.“, II, 68; Ferri: „Il diritto di punire, comefunzione sociale“, „Arch.“, III, 60.; Garofalo: „I pericol. social. di alcune teor. giurid.“, „Arch.“ III, 393.

антропологія. Этимъ, однако, все не заканчивается. Факторами преступленій являются факторы индивидуальные, естественные и соціальные, а потому и наука уголовнаго права не можетъ довольствоваться только указанными основами, но должна заимствовать и изъ другихъ областей знанія (юридическія науки, политическая экономія, этика, соціологія, статистика и пр. [481]). Вслѣдствіе такого соотношенія съ различными науками, къ изученію вопроса о преступникѣ и преступленіи могутъ быть приложены всѣ точные методы современнаго естествознанія. Тамъ, гдѣ невозможно приложеніе экспериментальнаго метода, на помощь является методъ наблюденія, двумя главными средствами котораго, въ приложеніи къ изученію нравственныхъ и соціальныхъ явленій, представляется статистика и исторія [482]).

Такая постановка вопроса о преступленіи и преступникѣ, понятно, требуетъ, чтобы и дѣятели уголовнаго права получали особую подготовку. Ихъ научное образованіе должно отличаться отъ образованія цивилистовъ. Для криминалиста нужно не римское право, а уголовная антропологія, тюрьмовѣдѣніе, статистика и проч. Чистые юристы, вслѣдствіе укоренившейся привычки, слишкомъ склонны къ отвлеченію отъ дѣйствительнаго человѣка и къ оперированію надъ отвлеченными формулами [483]).

---

[481]) „Prolegomeni“, 67, 88—100; „La psico-fisiologia“. „Arch“., II, 67; „Ciò che dovrebbe essere un giudizio penale“, „Arch“., III, 95.

[482]) „I nuov. oriz.“, 30 и 60; „Proleg.“, 18 и 19.

[483]) „Ciò che dovrebbe essere un giudiz. pen.“, 95. Едва-ли можно не согласиться съ основной мыслію этого положенія. Люди, готовящіеся къ выполненію тѣхъ или другихъ общественныхъ функцій, понятно, должны получать и соотвѣтствующую подготовку. Поэтому было бы весьма желательно, чтобы преподаваніе въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, по отдѣлу общественныхъ наукъ, подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ, и чтобы въ него были введены нѣкоторыя отрасли естествознанія, имѣющія наиболѣе тѣсное соприкосновеніе съ обществовѣдѣніемъ. Если общество слагается изъ людей, то, понятно, что тщательное изученіе отдѣльнаго человѣка, рекомендованное еще древнимъ изреченіемъ: „Познай самого себя“, должно быть фундаментомъ изученія общества. Только при этомъ условіи сдѣлается возможнымъ глубокое пониманіе и плодотворно-разумное направленіе общественныхъ явленій. Поэтому антропологія, психо-физіологія, психо-патологія и нѣкоторыя другія науки необходимо должны бы войти въ кругъ обществовѣдѣнія, какъ его фундаментъ. Тюрьмовѣдѣніе и соединенное съ нимъ исправительное школовѣдѣніе также должны бы занять свое мѣсто.

Но не однѣ репрессивныя мѣры служатъ, какъ только что замѣчено выше, для борьбы съ преступленіемъ. На ряду съ ними, въ рукахъ общественной власти есть средства предупрежденія, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Эти средства находятся въ самой тѣсной связи съ средствами репрессіи и стремятся къ одной съ ними цѣли—охраненію правоваго порядка и улучшенію условій жизни человѣчества. Задача предупредительной дѣятельности — вліять на посредствующія причины преступленій. Она предназначена устранять однѣ изъ нихъ, нейтрализовать вліяніе другихъ и смягчать дѣйствіе третьихъ. Задача репрессивной дѣятельности—путемъ спеціальныхъ средствъ, воздѣйствовать на непосредственныя причины преступленій,— на преступниковъ. Она должна или устранять, или измѣнять ихъ [484]).

Еще нѣкоторые древніе мыслители считали политической мудростью воздѣйствовать на самыя причины преступленій, безъ чего невозможно уменьшеніе числа послѣднихъ. Къ несчастію, законодатели, увлекаемые чувствомъ раздраженія по отношенію къ преступникамъ, не слѣдовали этому мудрому правилу и полагали, что преступленія должны уменьшаться въ прямомъ отношеніи съ увеличеніемъ строгости наказаній. Однако, опытъ постоянно показывалъ и показываетъ всю несостоятельность послѣдняго соображенія. Внимательное изученіе преступленій констатируетъ намъ, что они обусловливаются причинами трехъ порядковъ: 1) антропологическими или индивидуальными (возрастъ, полъ, темпераментъ и пр.); 2) физическими или естественными (климатъ, плодородіе и особенности почвы, температура и проч.) и 3) соціальными (возростаніе населенія, эмиграція, обычаи, семейный строй, земледѣльческое и ремесленное производство и проч.). Разъ эти причины даны—остаются безъ измѣненія и вызываемыя ими преступленія. Послѣднія порождаются, увеличиваются въ числѣ и уничтожаются не вслѣдствіе дѣйствія наказаній, а подъ вліяніемъ другихъ, болѣе могущественныхъ причинъ. Наказанія, какъ показываетъ опытъ, слишкомъ слабы въ борьбѣ съ

---

[484]) „Prolegom“, 71, 72; „Nuov. oriz.“, 116; „Dei sostitutivi penali“ „Arch.“, I, 248.

преступленіемъ, когда въ общественной средѣ существуютъ опасные зародыши [485]).

Эту мысль о слабомъ вліяніи наказаній, при наличности причинъ преступленій, профес. Ferri доказываетъ и иллюстрируетъ какъ историческими примѣрами, такъ и данными прекрасно разработанной французской статистики съ 1825 г. Въ средніе вѣка, напр., репрессія была груба и жестока, но таковы же были и преступленія и общество безвыходно вращалось въ этомъ заколдованномъ кругу. Средневѣковая Европа думала сломить преслѣдованіями, въ формѣ наказаній, религіозную реформацію, но на самомъ дѣлѣ достигла совершенно противнаго. Магія, съ величайшей жестокостью преслѣдовавшаяся Валентиніаномъ и Валентомъ, постоянно практиковалась и находила послѣдователей. Она возобновилась въ средніе вѣка и всѣ мученія, изобрѣтавшіяся законодателями и судьями, оказались безсильны въ борьбѣ съ ней. Дуэль, не уступавшая передъ смертной казнію и пытками и не страшившаяся драконовскихъ эдиктовъ Карла IX, Генриха IV, Людовиковъ XIII и XIV, почти исчезла въ

---

[485]) „Prologom.“, 35, 67.; „La nuov. fase evolut.“, 36; „I nuov. orizz., 72; „Dei sostit. penal., 67, 71, 249“. Socialismo e criminalità, 24, 59 и сл. Здѣсь нельзя не замѣтить, что если *угроза уголовнаго кодекса наказаніемъ* и оказывается слишкомъ слаба, чтобы уравновѣшивать постоянно дѣйствующія причины преступленій, то примѣненіе разумно-организованныхъ наказаній несомнѣнно могло бы оказывать значительное вліяніе на пониженіе преступности, опредѣляя будутъ-ли и если будутъ, то въ какой мѣрѣ тюремные выпущенники, столь многочисленные между преступниками, увеличивать число преступнаго люда. Поступилъ человѣкъ въ тюрьму пьяницей, безремесленнымъ и безграмотнымъ. Здѣсь онъ отвыкъ отъ пьянства, получилъ нѣкоторое школьное образованіе и прибыльное ремесло (см. нѣкоторые подобные примѣры, заимствованные изъ практики мелонской тюрьмы, въ моей статьѣ: „Тюрьмы Западной Европы“), привыкъ къ труду и порядку и пріобрѣлъ нѣкоторые полезные навыки и пр. Несомнѣнно, что всѣ эти измѣненія окажутъ рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу тюремнаго выпущенника, а чрезъ то и на количественную сторону преступности въ странѣ. Если же къ этому вліянію тюрьмы прибавить еще вліяніе переходныхъ патронатныхъ ассоціацій и дополнительныхъ свободныхъ, о которыхъ я говорилъ выше, то вліяніе исправительныхъ наказаній будетъ еще рѣшительнѣе. Конечно, существовавшія до сихъ поръ наказанія почти не достигали своей цѣли, что вполнѣ доказывается громаднымъ количествомъ многократныхъ рецидивистовъ. Но это уже вина нераціональности употреблявшихся мѣръ и полной неспособности и неподготовленности грамаднаго большинства членовъ, какъ попало комплектовавшейся тюремной администраціи.

современной Европѣ, благодаря лишь вліянію измѣнившагося общественнаго мнѣнія. То же нужно сказать и о преступленіи богохульства, жестоко, напр., преслѣдовавшагося во Франціи со временъ Людовика IX до временъ Людовика XV и пр. Напротивъ, экономическія измѣненія, вслѣдствіе которыхъ движимая собственность получила перевѣсъ надъ недвижимой, и помимо воли законодателя, оказали рѣшительное вліяніе на измѣненія въ преступленіяхъ. Каждый возрастъ, каждый полъ, каждое гражданское положеніе, профессія, соціальный классъ и проч. отличаются своей собственной, спеціальной преступностью, которая опредѣляется особенностями физіологическихъ, психологическихъ и соціальныхъ условій, стоящихъ внѣ воли законодателя. Внимательно разсматривая французскія статистическія таблицы судившихся преступленій и проступковъ, невольно приходишь къ мысли, что всѣ происшедшія значительныя измѣненія въ преступности, болѣе, нежели утроившейся въ полстолѣтіе, зависѣли не отъ измѣненій въ уголовномъ законодательствѣ, а отъ другихъ причинъ. Такъ, напр., смягченіе наказаній закономъ 1832 г., послѣ котораго измѣненія въ преступленіяхъ продолжали по прежнему идти своимъ чередомъ, невольно заставляетъ думать, что различія въ количественной сторонѣ репрессіи по большей части индифферентны для измѣненій въ преступности страны. Краснорѣчивый примѣръ безсилія уголовнаго законодательства задержать волну преступности представляетъ постоянно возростающее количество преступленій противъ стыдливости и добрыхъ нравовъ. Даже министръ Abbatucci долженъ былъ сознаться, что усиленная строгость присяжныхъ, по отношенію къ этимъ преступленіямъ, оказалась безсильна и они, въ теченіе 25 лѣтъ, увеличились въ печальныхъ размѣрахъ. Не смотря на такое признаніе, въ 1851, 1859 и 1865 гг. снова повторяются разсужденія о необходимости строжайшихъ наказаній, а въ 1876 г., вслѣдствіе постоянно продолжающагося возростанія преступленій противъ нравственности, Dufaure снова заявляетъ, что „одна только твердая и энергическая репрессія можетъ реагировать противъ пе чальнаго распространенія преступленій противъ нравствен ности“ [486]).

---

[486]) „I nuov. oriz.“ 87; „Dei sostit. penal.“, 73 и сл.

Подобные примѣры, повидимому, ясно показываютъ намъ, что измѣненія уголовнаго кодекса имѣютъ меньшее общественное значеніе не только сравнительно съ измѣненіями уголовнаго процесса, но даже судебной полиціи и тюремной администраціи [487]). „Человѣкъ всегда равенъ самому себѣ и, конечно, нѣтъ параграфа закона, болѣе или менѣе строгаго, который бы могъ измѣнять естественныя склонности". Напротивъ, измѣненія въ физической и соціальной средѣ, какъ показываютъ статистическія таблицы, всегда сопровождаются измѣненіями въ преступности. Уровень послѣдней опредѣляется изъ года въ годъ различными условіями окружающей физической и соціальной среды, наслѣдственными влеченіями и случайными импульсами по закону, который, выражаясь химическимъ языкомъ, можно назвать закономъ „уголовнаго насыщенія" (saturazione criminosa). Поэтому становится понятна необходимость дѣйствовать на самыя причины преступленій, съ измѣненіемъ которыхъ измѣняется и предѣлъ насыщенія.

---

[487]) Съ этимъ мнѣніемъ едва-ли можно вполнѣ согласиться. Конечно, всѣ учрежденія имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку они воплощаются въ людяхъ, осуществляющихъ ихъ въ жизни. Дѣйствительныя учрежденія, въ противоположность бумажнымъ, неотдѣлимы отъ осуществляющихъ ихъ людей: измѣняются эти люди, соотвѣтственно тому и въ той же мѣрѣ измѣняются и дѣйствительныя учрежденія, хотя бумажныя могутъ оставаться безъ перемѣны. Поэтому качества лицъ тюремной администраціи несомнѣнно имѣютъ рѣшающее значеніе для пенитенціарныхъ учрежденій, а слѣдовательно, для характера и вліянія большинства важнѣйшихъ наказаній. Эти учрежденія, собственно говоря, въ этихъ лицахъ и воплощаются и отъ нихъ заимствуютъ свои достоинства и недостатки. Но и измѣненія въ уголовномъ кодексѣ, *если только они находятъ дѣйствительныхъ исполнителей, строго въ соотвѣтствіи съ мыслію законодателя проводящихъ ихъ въ жизнь*, имѣютъ большое значеніе. Стоитъ только припомнить, судьба сколькихъ лицъ и семей зависитъ отъ подобныхъ измѣненій! Если же къ этому еще прибавить вліяніе этихъ лицъ и семей на окружающихъ, то, очевидно, что итогъ получится почтенный. Правда, въ дѣйствительности обыкновенно очень рѣзкихъ перемѣнъ не бываетъ и все совершается послѣдовательно. Какъ рѣзко не измѣняются носители учрежденій—люди и поколѣнія людей, такъ точно рѣзко не измѣняются и сами учрежденія. Обыкновенно измѣненія, производимыя какой-нибудь крутой реформой, отличаются болѣе внѣшнимъ характеромъ. Но это уже особенность всѣхъ реформъ какъ законодательныхъ, такъ и тюремныхъ. Эта общая особенность поэтому и заставляетъ говорить не о рѣзкихъ измѣненіяхъ, а о постепенномъ ростѣ учрежденій, хотя и болѣе или менѣе быстромъ, смотря по характеру дѣятельности людей, особенно направляющихъ теченіе общественной жизни.

Какъ въ экономической области, при недостаткѣ того или другаго необходимаго продукта, прибѣгаютъ къ продуктамъ, могущимъ замѣнить недостающій, точно такъ и въ области юридической, вслѣдствіе недостаточности, какъ показываетъ опытъ, ограждающаго вліянія наказаній, необходимо прибѣгнуть для защиты общества къ ихъ замѣстителямъ (sostitutivi penali), при помощи которыхъ только и можетъ быть достигнуто значительное пониженіе уровня преступности [488]). Къ числу такихъ замѣстителей относятся: свободный обмѣнъ, препятствующій ненормальному повышенію цѣнъ; свобода эмиграціи; налоговая система, соотвѣтствующая дѣйствительнымъ доходамъ плательщиковъ; публичныя работы для бѣдныхъ во время голода; высокая такса на фабрикацію и продажу алкоголя; поощреніе продажи чая и кофе; увеличеніе гражданской отвѣтственности кабатчиковъ; рабочьи и народные банки; кооперативныя и взаимновспомогательныя общества; сберегательныя кассы на старость; инвалидные дома для рабочихъ; національное и дѣйствительно либеральное правленіе; свобода мнѣній; уваженіе къ правамъ личности и общества; запрещеніе ношенія оружія; признаніе незаконорожденныхъ и дозволеніе отыскивать незаконнаго отца, какъ средства противъ конкубината; надзоръ за мастерскими оружія; законное установленіе судовъ чести; допущеніе разводовъ; запрещеніе браковъ нѣкоторымъ лицамъ, которыя могутъ передавать пагубное органическое наслѣдіе своему потомству; стѣсненіе посѣщеній уголовныхъ судовъ публикою; упорядоченіе проституціи; воспитаніе дѣтей бѣдныхъ въ школахъ и земледѣльческихъ колоніяхъ, которыя бы давали имъ не одну только грамотность, а правильное воспитаніе; улучшеніе положенія школьныхъ учителей; стѣсненіе права аппелляцій и кассацій по маловажнымъ поводамъ; тюремная реформа, которая сдѣлала бы изъ тюрьмы мѣсто наказанія, а не удобнаго пребыванія, и заставила бы заключенныхъ собственнымъ трудомъ оплачивать всѣ издержки ихъ содержанія и пр. [489]).

---

[488]) „Dei sostitutivi penali“, 218, 219, 225, 230, 247; „I nuovi oriz.“ 62, 64, 65, 88, 89.

[489]) „I nuov. oriz.“, 90 и сл.; „Dei sostit. penal.“, 231 и сл. Я не привелъ полнаго перечня „замѣстителей“, рекомендуемыхъ проф. Ferri. Я перечислилъ всѣ

Но хотя наказанія и не оказываютъ того вліянія, которое имъ приписывается общераспространеннымъ мнѣніемъ, тѣмъ не менѣе было бы весьма ошибочно заключать изъ этого о ихъ абсолютной безполезности, какъ это дѣлаетъ

важнѣйшіе. Едва-ли можно что-либо возразить противъ большинства изъ нихъ. Нужно замѣтить только, что значительная часть предлагаемыхъ средствъ, къ сожалѣнію, нѣсколько поверхностнаго характера и едва-ли можетъ достигнуть того, въ чемъ въ настоящее время ощущается особенная нужда—*моралиэаціи массъ*, необходимость которой указывалъ еще д-ръ Morel (Traité des dégénerescen., 688) Ненасытная жажда наслажденій, на которую въ числѣ предрасполагающихъ причинъ указываютъ почти всѣ новѣйшіе психіатры, близко сталкивающіеся съ печальными явленіями дѣйствительности, постоянно растетъ, а соотвѣтственно растутъ и нарождаются и средства соблазна, а на ряду съ этимъ, повидимому, слабѣютъ и внутреннія силы сопротивленія имъ. „Симптомы вырожденія и нравственныхъ аномалій между молодежью“, писалъ опытный директоръ шлиренской колоніи близъ Цюриха, г. Tschudi, одинъ изъ учениковъ знаменитаго Werhli, „увеличиваются въ обществѣ въ такой степени, что всякій человѣкъ добра поражается этимъ и опасается за будущее“. См. „Comptes-rendus des sean. du Congr. péniten intern. de Stockholm“, т. I, 369. То же повторилъ мнѣ почтенный директоръ и при личномъ свиданіи въ 1882 г., поясняя, что увеличеніе за послѣднее время числа «дурныхъ натуръ», по его мнѣнію, объясняется тѣмъ, что въ современномъ обществѣ умственное развитіе не идетъ на ряду съ нравственнымъ, и что въ немъ развивается усиленное стремленіе къ наслажденіямъ и легкимъ заработкамъ. Въ прекрасномъ докладѣ сенатора Th. Roussel, по поводу его извѣстнаго проэкта закона о покровительствѣ дѣтямъ, читаемъ слѣдующее: «Документы, напечатанные въ этомъ томѣ, устанавливаютъ, что *нарощеніе преступности въ молодомъ возрастѣ* не есть явленіе, свойственное только нашей странѣ. Англія ранѣе насъ почувствовала себя въ опасности отъ умноженія «опасныхъ классовъ», которое, какъ зловѣщая тѣнь, слѣдуетъ за развитіемъ ея обширной промышленности. Въ нашихъ выпискахъ, касающихся Соединенныхъ Штатовъ Америки, можно найти свидѣтельства о томъ ужасѣ, съ которымъ это молодое и смѣлое общество въ свою очередь констатировало прогрессъ духа преступности въ своихъ новыхъ поколѣніяхъ, не смотря на умноженіе школъ и на успѣхъ образованности. Изъ этихъ выписокъ можно также видѣть, что Германія въ послѣднее время находится въ такой же тревогѣ, и что Швейцарія, эта родина старыхъ республиканскихъ добродѣтелей, сама съ горестью признаетъ глубокій вредъ, причиненный нравственному достоинству одной части новыхъ поколѣній развитіемъ современной промышленности и пьянствомъ. См. «Annexes au Rapport de M. Th. Roussel», т. III, стр. IV, 1883. Директоръ знаменитой колоніи Mettray, г. Blanchard, въ своемъ послѣднемъ отчетѣ за 1882 г., указавъ, что въ колонію поступаютъ все болѣе и болѣе порочныя дѣти, замѣчаетъ: «съ другой стороны, проступки и преступленія вовсе не уменьшаются въ числѣ между малолѣтними. Напротивъ, ихъ количество, кажется, увеличивается». См. «Bulletin de la soc. Gén. des pris., 2 и 3 №№, 1884 г., стр. 292. Въ самое послѣднее время (въ засѣданіи 6 февраля, 1884 г.) въ

Girardin (Du droit de punir) и отчасти Вырубовъ [490]). Наказаніе все-таки есть одно изъ средствъ, хотя и довольно ограниченное въ своемъ дѣйствіи, для борьбы съ преступленіемъ. Поэтому наукѣ уголовнаго права предстоитъ важная задача, основываясь на тщательномъ психологическомъ изслѣдованіи, отыскать и изучить дѣйствительныя средства борьбы съ преступленіемъ, которыя ограждали бы общество отъ дѣйствій, посягающихъ на его существованіе и дѣлали бы преступниковъ безвредными [491]).

Старая классическая школа уголовнаго права основывала и основываетъ приложимость карательныхъ средствъ на понятіи свободы воли человѣка и нравственнаго вмѣненія. Между тѣмъ такой свободы, въ смыслѣ неопредѣляемости воли ея предшествующими, не существуетъ [492]). Закону причинности одинаково подчинены и теченіе мыслей, и процессы чувствъ и вообще всѣ психическія проявленія человѣка. Поэтому и его дѣйствія, опредѣляемыя психиче-

---

бельгійской палатѣ депутатовъ высказывались подкрѣпляемыя солидными статистическими данными совершенно основательныя опасенія болѣе и болѣе распространяющейся деморализаціи массъ, проявляющейся въ громадномъ повышеніи числа проступковъ (delits, а не contraventions. Во Франціи число delits въ періодъ 50 л. возвысилось съ 41 тыс. до 146 тыс.), въ значительномъ повышеніи процента преступленій противъ нравственности (съ 10% до 25%), въ громадномъ увеличеніи—что особенно прискорбно—числа малолѣтнихъ преступниковъ (съ 5000 на 20500) и пр. (Bulletin de la Société Génér. des prisons, февраль и мартъ 1884 г.). Другія, подобныя же свидѣтельства см. въ моей статьѣ: „Заброшенныя и преступныя дѣти“ „Русск. Мысль, іюль, 1884. Однѣ мѣры, направленныя на поднятіе матеріальнаго благосостоянія далеко недостаточны. Напротивъ, мы имѣемъ факты, которые ясно показываютъ намъ, что одно увеличеніе матеріальнаго достатка, безъ соотвѣтствующаго поднятія уровня нравственности, не только не понижаетъ преступности, а, напротивъ, по крайней мѣрѣ иногда, еще повышаетъ ее и увеличиваетъ пьянство. Такіе факты о Ланкаширѣ приведены въ сочиненіи д-ра Baer'a, „Der Alcoholismus (320 и 328 стр.) и въ отчетѣ д-ра Cleaton (см. Journal of Ment. Science, т. II, 269). Конечно, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ проф. Ferri, что народная школа должна давать не одну только грамотность, а главнымъ образомъ надлежащее воспитаніе. Но какъ достигнуть того, чтобы воспитаніе, даваемое школой, развивало дѣйствительно нравственныхъ и хорошихъ людей?—вотъ вопросъ, требующій отвѣта и притомъ отвѣта сложнаго. Его я и коснусь во второй части этого труда, спеціально посвященной малолѣтнимъ преступникамъ.

[490]) Dei sostitut. penal., 85.

[491]) „Gravità relativa dei delitti“, Arch., I, 108; „La psico-fisiologia“, II, 69.

[492]) „La nuova fase evolut.“, 19; „La psico-fisiologia“, 64.

скими моментами, какъ и всѣ остальныя явленія во вселенной находятся въ строгой зависимости отъ того же закона, и здѣсь нѣтъ мѣста для посредствующихъ теорій, потому что здѣсь все регулируется необходимостью. Только частая неуловимость посредствующихъ звеньевъ между воздѣйствіемъ и конечнымъ эффектомъ — дѣйствіемъ человѣка, поддерживаетъ понятіе о „самопроизвольности“ [493]). То, что мы называемъ мотивами, суть тѣ же причины и, какъ таковыя, съ необходимостью производятъ свойственныя имъ эффекты. Изъ этого слѣдуетъ, что и въ этой области если даются одинаковыя условія, то всегда получаются и одинаковые эффекты, а если измѣняются условія, то соотвѣтственно измѣняются и эффекты. И такъ всегда и во всѣхъ случаяхъ. Современное состояніе научныхъ данныхъ даетъ намъ право утверждать, что и дѣйствія человѣка всегда неизбѣжно суть слѣдствія опредѣленныхъ причинъ, часто неизвѣстныхъ, но всегда существующихъ. Наше внутреннее свидѣтельство, что мы можемъ сдѣлать то, что мы хотимъ, ничего не говоритъ противъ этого. Оно утверждаетъ только, 1) что мы можемъ сдѣлать — это дѣятельность, и 2) что мы хотимъ сдѣлать—это воля, но не свобода воли [494]).

Если же не существуетъ свободы воли, то понятно, что и о нравственной отвѣтственности, абсолютной или относительной, *въ томъ смыслѣ этого слова, который ему придается метафизиками*, не можетъ быть и рѣчи. Понятіе о нравственной отвѣтственности, какъ показываетъ практика на-

---

[493]) „Teorica della imputabilita e negazione del libero arbitrio“, 21, 26, 250, 261, 311, 312, 366 и 367. Въ вопросѣ о свободѣ воли между авторами существуетъ нѣкоторое различіе. Проф. Ferri и Garofalo, повидимому, ограничиваются отрицаніемъ свободы воли и разсматриваютъ всѣ дѣйствія, какъ *одинаково* неодолимыя (Garofalo: „Di un criterio positivo“, 8). Проф. Puglia, напротивъ, отчасти усматриваетъ различіе между объективной и субъективной свободой, о которомъ я говорилъ на стр. 143 и сл., хотя и не можетъ вполнѣ ясно уловить его. Онъ отличаетъ неодолимую силу отъ психологической необходимости и разсматриваетъ первую, какъ результатъ ненормальнаго состоянія психическаго динамизма, а вторую, какъ принадлежность нормальнаго состоянія. Но выше, говоря о свободѣ воли, я указалъ, что слабость направляющей силы и чрезмѣрное развитіе чувственныхъ влеченій можетъ наблюдаться и у недостаточныхъ или порочныхъ, но не болѣзненныхъ организацій. Си. „Passioni ed emozioni“, Arch., III, 409.

[494]) „Teorica della imputab.“, 73, 81, 248, 400.

шихъ дней, приводитъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Съ одной стороны, признаютъ свободу воли и вытекающую изъ нея нравственную отвѣтственность, а съ другой — признаютъ и нѣкоторые выводы антропологіи и, вслѣдствіе того, освобождаютъ самыхъ опасныхъ преступниковъ [495]).

Общество имѣетъ одно лишь право и одну обязанность— защищать себя. Въ одномъ случаѣ общественная реакція называется заключеніемъ въ маникоміо (заведеніе для душевно-больныхъ), въ другомъ — заключеніемъ въ тюрьму, въ третьемъ—наложеніемъ штрафа, въ четвертомъ—вознагражденіемъ за вредъ, въ пятомъ—санкціей общественнаго мнѣнія и т. д. Но какъ бы ни называлась эта реакція, всегда она въ большей или меньшей мѣрѣ поражаетъ человѣка, сознательно или нѣтъ совершившаго дѣйствіе и испытывающаго его естественныя и общественныя слѣдствія. Существуетъ одна лишь отвѣтственность — отвѣтственность общественная. Эта послѣдняя существуетъ во всѣхъ случаяхъ какъ въ сферѣ уголовной, такъ и въ сферѣ гражданской и этической. Человѣкъ во всѣхъ случаяхъ является отвѣтственнымъ передъ обществомъ и притомъ за каждое свое дѣйствіе. Если послѣднее хорошо, то и реакція общества хороша и полезна для дѣятеля, въ противномъ же случаѣ она вредна для него. По какимъ основаніямъ человѣку засчитывается все, совершенное имъ хорошее, и онъ получаетъ за него похвалы и награды, по такимъ же точно основаніямъ ему засчитывается и все, совершенное имъ дурное, и онъ расплачивается за него. Конечно, не вина преступника, что онъ родился злымъ, но не вина и общества, что оно заботится о собственномъ сохраненіи и безопасности. Репрессія — это естественная функція общественнаго организма и такой взглядъ на нее представляетъ собою дальнѣйшую фазу научнаго эволюціонизма [496]).

---

[495]) „Di un criterio positivo della penalità“, 36; „Teorica della imput.“, 414. Il dir. di punire come funz. sociale“, 64, Arch., III; „Passioni ed emoz.“, 395 и 405, Arch. III; „La nuovo fas. evol.“, 28.

[496]) Ferri: „Il dir. di pun come funz. social.“, 56, 57, 66, 73, 75; его же: „Teorica della imput.“, 414; его же: „I nuovi oriz.“, 25. „La responsabilità del delin. 19, 21, 25.

Отвѣтственность преступника измѣряется его устрашительностью (timibilità) или опасностью. Степень послѣдней опредѣляется при помощи индивидуальнаго психо-физическаго изученія преступника, его предшествующей жизни, вѣроятныхъ условій, опредѣлившихъ его къ преступленію, характера двигательной страсти, способа совершенія и вообще всѣхъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ, сопутствовавшихъ и слѣдовавшихъ за совершеніемъ преступленія. Это изученіе и показываетъ, къ какой категоріи преступниковъ принадлежитъ данный индивидуумъ, а, слѣдовательно, и какова его опасность. Здѣсь особенно рѣзко выступаетъ различіе между ученіемъ старой классической школы и новой позитивной. Первая, во всемъ склонная къ абсолютизму, придаетъ сопутствующимъ условіямъ разъ навсегда опредѣленное значеніе, тогда какъ вторая, вполнѣ признавая значеніе этихъ обстоятельствъ для опредѣленія степени опасности преступника, не придаетъ каждому изъ нихъ разъ навсегда опредѣленнаго значенія, а настаиваетъ на необходимости индивидуальной оцѣнки. По воззрѣнію новой школы — какъ это можно предвидѣть и напередъ — эмоціи и страсти, какъ таковыя, не могутъ уничтожать общественной отвѣтственности совершителя. Онѣ, наравнѣ съ другими условіями, могутъ лишь способствовать опредѣленію особенностей дѣйствовавшаго. Если окажется, что послѣдній принадлежитъ къ числу душевно-больныхъ или неисправимыхъ (упорный рецидивистъ), то, понятно, что онъ представляется въ высшей степени опаснымъ, а потому и требуетъ удаленія изъ общества, будь импульсъ, натолкнувшій его на преступленіе, одолимъ или нѣтъ Напротивъ, если дѣйствовавшій подъ вліяніемъ страсти окажется совсѣмъ не опасенъ (что можетъ имѣть мѣсто въ рѣдкихъ случаяхъ), то и наказаніе не должно имѣть мѣста. Можно сказать вообще, что тотъ, кто совершаетъ преступленіе по причинамъ, которыя, вѣроятно, не повторятся болѣе, менѣе опасенъ, нежели тотъ, кто совершаетъ то же дѣйствіе подъ вліяніемъ причинъ постоянно дѣйствующихъ или легко повторяющихся. Поэтому понятно, что съ точки зрѣнія новой школы не можетъ быть и рѣчи объ условіяхъ, уничтожающихъ вмѣняемость въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимаютъ представители классической школы. Конечно, и новая школа

вполнѣ признаетъ, что эти условія, какъ и многія другія, всегда необходимо имѣть въ виду, но не потому, чтобы они могли уничтожать общественную отвѣтственность преступника, а потому что они могутъ измѣнять ее, иначе говоря, могутъ измѣнять тѣ средства защиты, которыя будутъ примѣнены обществомъ по отношенію къ данному индивидууму, по поводу даннаго преступленія [497])

Таковы условія общественной отвѣтственности. Теперь посмотримъ, каковы группы или классы преступнаго люда, подлежащаго ей.

Каждый человѣкъ, какъ и другія существа, живетъ въ опредѣленной физической и общественной средѣ, которая и оказываетъ на него то или иное вліяніе. Упражняя въ различной мѣрѣ его различныя способности, она тѣмъ самымъ вырабатываетъ въ немъ тѣ или другія психо-физическія особенности, которыя и опредѣляютъ характеръ его физической и нравственной личности, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, опредѣляетъ его отношенія къ окружающимъ. Ближе присматриваясь къ общественной средѣ, мы замѣчаемъ въ ней различные слои, отличающіеся и опредѣленными особенностями. Верхній слой, представляющій собою продуктъ высшей культуры, обладаетъ и высшимъ нравственнымъ развитіемъ. Для этого слоя уголовный законъ почти ненуженъ, потому что онъ носитъ законъ въ самомъ себѣ. Напротивъ, низшій слой, состоящій изъ личностей, лишенныхъ всякаго образованія и воспитанія и унаслѣдовавшій отъ предковъ и передающій своимъ потомкамъ анормальныя организаціи, представляетъ атавистическій возвратъ къ дикимъ расамъ. Изъ этого слоя преимущественно и выходятъ прирожденные и привычные преступники. Наконецъ третій, промежуточный слой, во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ собою средину. Принадлежащія къ нему лица не представляютъ собою ни счастливыя, ни несчастныя организаціи. Они колеблются между порокомъ и добродѣтелью и опредѣляются къ преступленію въ зависимости или отъ какихъ-либо случайныхъ личныхъ условій,

---

[497]) Garofalo: „Gravità relat. dei delit.“, Arch., I, 113, 114. Puglia: Il reato d'infanticidio, Arch., II, 334; Ferri: Il diritto di pun. come funz. social., 78, 79; Passioni ed emoz., 406; La nuov. fase evolut., 28; Prolegom., 78.

или отъ такихъ же условій соціальныхъ. Двумя послѣдними общественными слоями почти исключительно и поставляются преступники [498]).

Старая классическая школа уголовнаго права и уголовный законъ смѣшивали и смѣшиваютъ всѣхъ преступниковъ (если не принимать во вниманіе ихъ раздѣленія по различію совершаемыхъ ими преступленій) въ одну общую массу. Напротивъ, новая школа — и въ этомъ, по мнѣнію ея представителей, одна изъ ея главнѣйшихъ заслугъ — подраздѣлила всѣхъ преступниковъ, соотвѣтственно ихъ особенностямъ, на категоріи. Къ первой она отнесла преступниковъ сумасшедшихъ и полусумасшедшихъ (semipazzi) или матоидовъ (mattoidi). Послѣдніе представляютъ собою промежуточную ступень между душевно-больными и здоровыми. Они то обыкновенно и совершаютъ наиболѣе ужасныя кровавыя преступленія, и притомъ съ поразительнымъ хладнокровіемъ, обусловленнымъ порочностью ихъ организаціи. Ко второй категоріи италіанская школа относитъ преступниковъ прирожденныхъ (delinquenti nati) или неисправимыхъ (incorreggibili). Это почти дикари. Грубые, лишенные идей нравственности и потому чуждые раскаянію, они не отличаютъ убійства и воровства отъ честнаго промысла. Ихъ чувства и взгляды, по отношенію къ преступленію и наказанію, рѣзко отличаются отъ тѣхъ, которые въ нихъ предполагаются законодателемъ и криминалистами [499]).

---

[498]) „Prolegom“., 27, 28, 29; „I nuov. oriz.“, 58, 59; „Educazione, ambiente e criminalita“, Arch., IV, 30, 31, 33. „Socialismo e criminal“, 12.

[499]) Maudsley даетъ слѣдующую тройственную классификацію: 1) преступники, въ дѣйствительности не предрасположенные къ преступленію, которые совершили его, вслѣдствіе необычайнаго гнета или стеченія исключительно— неблагопріятныхъ условій. 2) Преступники, имѣющіе нѣкоторое предрасположеніе къ преступленію, но для которыхъ возможно спасеніе, если бы, вмѣсто дурнаго воспитанія и преступной среды, они могли пользоваться хорошимъ воспитаніемъ и благопріятными жизненными условіями. 3) Преступники прирожденные, которыхъ самые ихъ инстинкты, при всякихъ условіяхъ жизни, слѣпо толкаютъ на преступленія. Эти лица не могутъ быть реформированы ни мягкостью, ни обученіемъ, ни наказаніемъ; они естественно возвращаются къ преступленію, какъ только истекаетъ срокъ ихъ предшествующаго наказанія. Въ моихъ статьяхъ: „Преступный человѣкъ“ („Юридич. Вѣстн.“, 1882 г., декабрь) и „Тюрьмы западной Европы“ (тамъ же, Январь, 1884) приведены классификаціи д-ра Ferrus'a, санитарнаго инспектора французскихъ тюремъ, и д-ра Harel, врача гальенской тюрьмы во Франціи.

Къ третьей категоріи относятся преступники привычные. Они хотя и не отличаются указываемыми антропологіей признаками, но обыкновенно еще въ дѣтствѣ начинаютъ свою преступную карьеру, продолжаютъ ее въ теченіе жизни и, вслѣдствіе того, пріобрѣтаютъ хроническую привычку къ преступленію. Тюрьма портитъ ихъ, пьянство обыкновенно отупляетъ ихъ, а общество ихъ забрасываетъ.

Эти три категоріи, относящіяся, по мнѣнію профессора Ferri, къ области уголовной антропологіи, составляютъ приблизительно 40% всѣхъ преступниковъ. Остальные 60% выпадаютъ на долю преступниковъ случайныхъ, изъ среды которыхъ надо выдѣлить особую категорію преступниковъ — преступниковъ, совершившихъ преступленіе подъ вліяніемъ страсти. Эти послѣдніе представляютъ нѣкоторыя особенности, легко отличающія ихъ отъ всѣхъ остальныхъ [300]).

Это распредѣленіе преступниковъ на категоріи составляетъ заслугу новой школы и шагъ впередъ въ наукѣ уголовнаго права. Оно кладетъ въ основу не преступленіе, а преступность человѣка или ту особенность психо-физической организаціи послѣдняго, которая, при извѣстныхъ условіяхъ, приводитъ его въ столкновеніе съ закономъ. Къ

---

[300]) „I nuovi oriz.“, 35 и сл.; Ferri: „Diritto penale ed antropologia criminale“, 474 и сл.; Arch., I; „Il diritto di punire come funzion. sociale“, 56, 60 и 61. Socilismo e criminal., 62. Надо замѣтить, что, по отношенію къ классификаціи преступниковъ, между авторами существовало нѣкоторое различіе. Проф. Puglia прежде принималъ слѣдующія 4 категоріи: 1) сумасшедшіе и полусумасшедшіе преступники, 2) преступники прирожденные, 3) преступники случайные и 4) преступники, совершившіе преступленіе подъ вліяніемъ неодолимыхъ импульсовъ (см., напр., „La nuova fase evolut.“ 31 и сл.). Позднѣе, подъ вліяніемъ, какъ говоритъ онъ самъ, болѣе глубокаго изученія уголовной психологіи и онъ принялъ классификацію, приведенную въ текстѣ и подраздѣлилъ всѣхъ преступниковъ на слѣдующія 4 категоріи: 1) сумасшедшіе и полусумасшедшіе, 2) прирожденные, 3) привычные и 4) случайные. Изъ послѣдней категоріи онъ выдѣлилъ особую группу преступниковъ, дѣйствовавшихъ подъ вліяніемъ этическаго импульса (delinquenti per impulso etico). Къ нимъ онъ относитъ людей нравственныхъ и честныхъ по природѣ, совершившихъ преступленіе подъ вліяніемъ справедливаго или оправдываемаго мотива. Очевидно, что эта группа почти вполнѣ подходитъ къ 5 категоріи приведенной въ текстѣ классификаціи,—преступникамъ, совершившимъ преступленіе подъ вліяніемъ страсти. См. „Passioni ed emozioni“, 406 и 408.

сожалѣнію, классификація, принятая италіанской школой, едва-ли можетъ быть названа вполнѣ удачной.

Общая особенность, отмѣчающая всѣхъ преступниковъ, можетъ быть лишь съ нѣкоторыми крайне рѣдкими исключеніями, выпадающими на долю случайныхъ преступниковъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова — существованіе у нихъ тѣхъ или иныхъ дефективностей, тѣхъ или иныхъ недостатковъ психо-физической организаціи, которые по различнымъ личностямъ, конечно, представляются крайне различными, но всегда обусловливаютъ ихъ неприспособленность или, иначе, несоотвѣтствіе съ требованіями общественной жизни [500*]). Съ одной стороны, эти дефекты различаются по степени ихъ устойчивости: у однихъ они унаслѣдованы и выработаны въ теченіе жизни восходящихъ, у другихъ же они благопріобрѣтены въ болѣе или менѣе близкій къ совершенію преступленія періодъ ихъ жизни и притомъ большимъ или меньшимъ количествомъ упражненій. Съ другой стороны, у различныхъ личностей эти порочности психо-физической организаціи представляются болѣе или менѣе рѣзко выраженными или, иначе говоря, различными количественно. Въ случаяхъ маловажныхъ преступленій, и недостатки или порочности, ихъ вызвавшія, также могутъ быть весьма незначительны. Въ сферѣ преступленія, какъ и вездѣ въ природѣ, нѣтъ ничего строго ограниченнаго и обособленнаго. Явленія и здѣсь представляютъ постепенные и неуловимые переходы, незамѣтно сливающіе ихъ съ сферами другихъ явленій. Такова уже особенность всѣхъ явленій во вселенной. Вообще можно сказать лишь одно, что чѣмъ важ-

---

[500*]) Сходный съ этимъ взглядъ на преступниковъ вообще высказываетъ и проф. Ferri. Говоря о существовавшемъ прежде воззрѣніи на душевно-больныхъ, онъ высказываетъ убѣжденіе, что наука измѣнитъ взглядъ общества и на преступниковъ и научитъ смотрѣть на нихъ, какъ на людей, „болѣе или менѣе обиженныхъ судьбой, вслѣдствіе анормальнаго состоянія ихъ организма, которое или съ раннихъ поръ наталкиваетъ ихъ на преступленіе, или дѣлаетъ ихъ недостаточно сильными, чтобы противостоять побуждающимъ обстоятельствамъ“. „La respon., del delin., 21 p. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о преступникахъ случайныхъ, онъ совершенно основательно замѣчаетъ, что и они не впали бы въ преступленіе, „если бы въ нихъ не было индивидуальнаго элемента (въ смыслѣ органическаго), который заставляетъ ихъ преступно реагировать на внѣшнія и общественныя вліянія“. Socialismo e crimin., 65.

нѣе преступленіе, чѣмъ болѣе оно осуждается общественной совѣстью той среды, въ которой жилъ и развивался преступникъ, тѣмъ важнѣе *въ большинствѣ случаевъ* и порочность психо-физической организаціи, его вызвавшая. Мало того, даже указанная общая особенность — порочность психо-физической организаціи, какъ я уже замѣтилъ выше, свойственна не однимъ только преступникамъ. Если можно утверждать, что всякій преступникъ, за весьма можетъ быть малыми исключеніями чисто случайныхъ преступниковъ, которыхъ поэтому едва-ли и можно называть преступниками, представляетъ собою въ большей или меньшей степени порочную психо-физическую организацію, то нельзя утверждать наоборотъ, что всякій человѣкъ съ такою организаціей есть въ то же время и преступникъ. Поэтому понятно, что такая слишкомъ общая особенность, какъ порочность психо физической организаціи, недостаточна для характеристики и необходимо различеніе разновидностей преступниковъ, иначе говоря, необходима ихъ классификація, которая указывала бы на ближайшія, въ психо-физической организаціи преступника кроющіяся причины его преступности. Ознакомившись съ послѣдними, можно уже перейдти и къ предрасполагающимъ причинамъ какъ болѣе близкимъ, наталкивающимъ дефективныя натуры на совершеніе преступленій, такъ и къ болѣе отдаленнымъ, вырабатывающимъ самые недостатки или пороки организаціи. Но понятно, что такая классификація должна быть построена на естественныхъ признакахъ, однородныхъ съ общимъ признакомъ, иначе говоря, на особенностяхъ психо-физической организаціи. При этомъ передъ нами выступали бы истощенныя, вялыя и инертныя натуры, съ истощеннымъ тономъ чувствъ и съ развитыми потребностями только растительной жизни, натуры половыя и другія дурно уравновѣшанныя натуры съ усиленно и непропорціонально развитыми тѣми или иными опредѣленными чувственными влеченіями, зарождающимися въ той или другой органической системѣ. Основы такой классификаціи отчасти уже намѣчены мною (см. ст. 148 и сл.). Въ ходѣ дальнѣшаго изложенія я попытаюсь развить ее и въ деталяхъ.

Между тѣмъ, италіанская школа беретъ для классификаціи разнородные признаки. Для первой категоріи такимъ

признакомъ она избираетъ душевную болѣзнь, а для остальныхъ, повидимому, большую или меньшую степень устойчивости преступности, при чемъ въ каждой отдѣльной категоріи она соединяетъ самые разнообразные психо-физическіе типы. Впрочемъ, на первый взглядъ можетъ казаться, что такая классификація имѣетъ большое значеніе для опредѣленія характера средствъ борьбы съ преступленіемъ, по отдѣльнымъ категоріямъ преступнаго люда. Однако, на самомъ дѣлѣ и это, повидимому, не такъ. Характеръ средствъ долженъ опредѣляться главнымъ образомъ особенностями преступности или, иначе говоря, ея качественной стороной. Кромѣ того, указанная классификація не опредѣляетъ достаточно точно даже и устойчивость преступности или степень исправимости. Термины: прирожденные, неисправимые преступники, по моему мнѣнію, крайне неудачны. Они только ставятъ предубѣждающіе ярлыки, а первый изъ нихъ, своимъ значеніемъ, даже говоритъ намъ, что нѣкоторые люди уже рождаются роковыми преступниками. Опытъ, конечно, не позволяетъ сомнѣваться, что человѣкъ можетъ унаслѣдовать отъ своихъ восходящихъ такія особенности психо-физической организаціи, которыя предрасполагаютъ его къ преступленіямъ и, при извѣстныхъ условіяхъ, а главное при отсутствіи или недостаточности разумнаго воспитанія, могутъ стать и ближайшими причинами преступленія. Но сдѣлаются-ли онѣ таковыми или нѣтъ, это будетъ зависѣть отъ окружающей обстановки, отъ всѣхъ жизненныхъ условій вообще и отъ характера воспитанія въ частности. Если антропологія и указываетъ, что причисляемые къ этой категоріи преступники представляютъ нѣкоторыя органическія особенности, констатируемыя наружнымъ осмотромъ, то она въ то же время не указываетъ какой-либо необходимой связи между этими особенностями и совершеніемъ преступленій, при всякой системѣ воспитанія и перевоспитанія и при всякихъ жизненныхъ положеніяхъ.

Но каковы бы ни были особенности различныхъ категорій преступниковъ и каковы бы ни были причины ихъ преступленій, общество не можетъ, какъ уже замѣчено выше, оставаться беззащитнымъ и не можетъ не ограждать себя отъ зла преступленія, которое, „посягая на юридическій

порядокъ — основной фундаментъ общества", тѣмъ самымъ посягаетъ и на его благополучіе, на его развитіе и даже на самое его существованіе. Поэтому оно съ необходимостью, вслѣдствіе естественной реакціи, наблюдаемой повсюду въ животномъ царствѣ, должно прибѣгать къ средствамъ огражденія и защиты [501]). При этомъ оно не должно руководиться стремленіемъ къ отмщенію на виновномъ своей обиды, ни къ искупленію имъ его прегрѣшенія, ни къ осуществленію воздающей справедливости. При выборѣ средствъ, оно не должно полагать его юридической основой и идеи исправленія, часто недостижимаго, или идеи возстановленія абстрактнаго юридическаго порядка. Оно должно разсматривать преступленіе, какъ слѣдствіе индивидуальной анормальности и какъ симптомъ патологическаго состоянія общества, которое необходимо требуетъ удаленія элементовъ заразы и оздоровленія среды, въ которой развиваются ея зародыши [502]).

Существующая въ настоящее время система карательныхъ средствъ не достигаетъ своей цѣли и не рѣдко даже наталкиваетъ разъ начавшаго на новыя преступленія и тѣмъ приноситъ вредъ обществу [503]). Поэтому система дѣйствительныхъ средствъ огражденія должна быть организована иначе. Эти средства распадаются на 4 категоріи: 1) средства предупрежденія непосредственнаго и посредственнаго (sostitutivi penali); 2) средства гражданскаго вознагражденія за причиненный вредъ, которыя новая школа, въ противоположность старой, рѣзко не выдѣляетъ изъ ряда всѣхъ остальныхъ; 3) средства репрессивныя (тюремное заключеніе, заключеніе въ земледѣльческой колоніи для малолѣтнихъ и взрослыхъ, арестъ и пр.) или временныя наказанія, не разсчитанныя на удаленіе преступника изъ общества; 4) средства выдѣленія, расчитанныя на то, чтобы сдѣлать невозможнымъ повтореніе и навсегда удалить изъ общественнаго организма не—ассимилируемые элементы, которые иначе были бы постоянной угрозой для него [504]).

---

501) „Teorica della imputab.", 416, 466, 520; La nuov. fase, 25 и 26.

502) „I nuov. oriz.", 24; „Prolegom". 62; „Teorica della imputab". 520; „Il diritto di pun. come funz. sociale", 54.

503) Garofalo: „Di un criter. positivo della penal.", 18, 19, 20, 66.

504) „Il dir. di pun. come funz. soc.", 76, 77.

Различіе и выборъ средствъ должны обусловливаться не преступленіемъ, а особенностями преступника, опредѣляемыми принадлежностью его къ той или другой категоріи преступнаго люда. Для преступниковъ сумасшедшихъ и полусумасшедшихъ должно быть назначаемо заключеніе въ manicomio criminale (заведеніе для душевно-больныхъ преступниковъ) на неопредѣленное время, съ возможностью выхода лишь въ рѣдкихъ случаяхъ дѣйствительнаго миновавія опасности [505]). Для преступниковъ прирожденныхъ и рецидивистовъ, послѣ опредѣленнаго числа повтореній, признанныхъ привычными или неисправимыми, должно быть назначаемо заключеніе въ особыя заведенія для неисправимыхъ, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, должно быть пожизненнымъ, а по мнѣнію другихъ—безсрочнымъ [506]).

---

[505]) „I nuov. oriz.“, 36; „Di un criter. positiv.“, 65. „Gravita relat. dei del., Arch. I, 111, 113, 479. Исторію вопроса о спеціальныхъ заведеніяхъ для душевно-больныхъ преступниковъ и различныя основанія, приводившіяся за и противъ такого обособленія, можно найти въ ст. д-ра Motet: „Les aliénés criminels en Angleterre“, помѣщенной во 2 и 3 № Bulletin de la Societ. Gén. des pris., 1884.

[506]) „I nuov. oriz“., 38, 52, 481, 483; „L'eval. storic.“, 268; „Di un crit. posit.“, 73, 75; „La psico-fisiol.“, 76; „Cio che dovrebbe essere un giud. penal., Arch. III. 90“; I pericol. social. di alcun. teor. giurid., Arch. III, 383 и384. Недостатки системы напередъ назначаемыхъ, по общей формулѣ, наказаній для всѣхъ совершителей одинаковыхъ преступленій давно сознавались и давно наводили на мысль о необходимости опредѣленія времени пребыванія въ тюрьмѣ дѣйствительнымъ исправленіемъ. Bonneville предлагалъ, напр., смѣшанную систему до срочныхъ освобожденій и удлинненій назначеннаго срока. Исправился человѣкъ—онъ получаетъ досрочное освобожденіе; не исправился—назначенный приговоромъ срокъ удлиняется. Очевидно, что такая система, въ конечномъ своемъ результатѣ, сводится къ неопредѣленности срока, которая рѣшительно необходима. Дѣйствительно, невозможно дисциплинировать и исправить преступника въ напередъ опредѣленный періодъ времени. Въ дѣлѣ исправленія все зависитъ отъ индивидуальности случая. Освобождать же заключеннаго ранѣе его исправленія, по меньшей мѣрѣ, неосновательно. Такія освобожденія рѣшительно обезсмысливаютъ наказаніе. Спрашивается, для чего же было потрачено столько труда на сыскъ, на судъ и на заключеніе? Неужели только для того, чтобы освободить человѣка неисправленнаго, а потому и непригоднаго къ общественной жизни, который черезъ короткій срокъ снова совершитъ преступленіе и снова потребуетъ новаго сыска, суда и заключенія? Съ другой стороны, не слѣдовало бы безполезно заставлять страдать и отрывать отъ семьи и отъ общества и человѣка уже исправившагося только на томъ основаніи, *что не истекъ еще срокъ, опредѣленный неизвѣстно на основаніи какого уравненія.* Система напередъ опредѣленныхъ наказаній лишена всякихъ основаній, а по-

Столь же различны мнѣнія авторовъ и по вопросу о примѣнимости смертной казни. Проф. Ferri хотя и считаетъ ее правомѣрной, но въ то же время полагаетъ, что, вслѣдствіе невозможности ея примѣненія хотя сколько-нибудь въ широкихъ размѣрахъ, она представляется излишней въ спокойное время. Напротивъ, по мнѣнію Garofalo, она безусловно необходима и въ обыкновенное время для нѣкоторыхъ личностей [507]).

По отношенію къ преступникамъ случайнымъ, италіанская школа рекомендуетъ различныя и теперь практикуемыя средства. Она особенно указываетъ на денежное вознагражденіе за причиняемый вредъ, уплачиваемое изъ имущества или изъ заработка, которое, по ея мнѣнію, съ большимъ удобствомъ и пользою могло бы служить однимъ изъ замѣстителей многихъ краткосрочныхъ лишеній свободы. Сверхъ того для преступниковъ этой категоріи она рекомендуетъ тюремное заключеніе, но съ тѣмъ, чтобы тюрьма была дѣйствительнымъ наказаніемъ, а не мѣстомъ удобнаго пребыванія для праздныхъ и лѣнивыхъ и чтобы заключенные собственнымъ трудомъ покрывали всѣ издержки своего

тому безусловно произвольна и представляетъ собою не болѣе, какъ обезсмыслившееся переживаніе отъ эпохъ далекаго прошлаго. Строгая соразмѣрность или, иначе говоря, одноцѣнность тяжести преступленія и наказанія— вотъ ея основной принципъ. Но почему, спрашивается, предумышленное убійство, по тяжести своей, ровняется отъ 15 до 20 л. каторжныхъ работъ въ рудникахъ? Какое, спрашивается, соотвѣтствіе между этими двумя величинами? Почему 15 или 20, а не 30 или 10? Какимъ масштабомъ справедливости намѣрено именно столько, а не больше и не меньше? Очевидно, что найдти хотя сколько нибудь удовлетворительные отвѣты на всѣ эти вопросы невозможно Даже теорія устрашенія не даетъ ихъ. Какъ доказать въ самомъ дѣлѣ, что назначеніе 15 л. каторжныхъ работъ вмѣсто 6 или 8 вызоветъ и соотвѣтственно болѣе интензивное психическое чувство страха, которое на 7 или на 9 единицъ (соотвѣтственно 7 или 9 лишнимъ годомъ) будетъ оказывать большее задерживающее вліяніе? Доказать это рѣшительно невозможно. Напротивъ, все извѣстное намъ о законахъ психической жизни человѣка противорѣчитъ этому. Способность представленія вовсе не на столько совершенна, чтобы хотя сколько нибудь ясно ощущительно отличать эти разницы. *Предстоящія* наказанія никогда такъ соотносительно не оцѣнивиются и не могутъ оцѣниваться человѣкомъ вообще, а тѣмъ болѣе большинствомъ преступниковъ, представляющимъ несовершенныя организаціи·

[507]) „I nuov. oriz.“, 39, 45; „Dei sostit. pen.“, 225. „Di un criter. posit., 82 и сл. „Alcune osservazioni sul progetto del codice penale“, Arch. IV, 464 и сл.

содержанія; срочное заключеніе въ земледѣльческія колоніи, исправительные и рабочьи дома, арестъ и пр.

Для преступниковъ, дѣйствовавшихъ подъ вліяніемъ страсти и потому или вовсе не опасныхъ, или мало опасныхъ, италіанская школа въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускаетъ полную безнаказанность, а въ другихъ рекомендуетъ тѣ же наказанія, варьируемыя въ зависимости отъ индивидуальности случая [508]).

Всѣ указанныя мѣры должны имѣть въ виду или удаленіе преступника изъ общества, или устрашеніе какъ его, такъ и другихъ, а если возможно, то и его исправленіе. Послѣднее, однако, не можетъ быть основною ближайшею цѣлью наказанія. Для исправленія необходимо воспитаніе. Послѣднее слагается изъ воспитанія физическаго, умственнаго и нравственнаго. Намъ извѣстны правила перваго, менѣе извѣстны правила втораго и почти неизвѣстны правила послѣдняго. Нравственная сторона обусловливается всѣми особенностями организаціи, а въ томъ числѣ и особенностями внутреннихъ системъ, объ условіяхъ воспитанія которыхъ мы ничего не знаемъ [509]).

Задача уголовнаго суда, по мнѣнію италіанской школы, должна бы состоять въ томъ, чтобы, на основаніи тщательнаго и всесторонняго изслѣдованія, опредѣлить, къ какой категоріи преступнаго люда принадлежитъ данный индивидуумъ, а затѣмъ назначить и соотвѣтствующія мѣры, считаемыя наукой наиболѣе пригодными для лицъ этой категоріи [510]).

Такова система мѣръ, рекомендуемая италіанской школой для борьбы съ преступленіемъ. Ставя выборъ средствъ въ зависимость отъ категоріи, къ которой принадлежитъ преступ-

---

[508]) „I nuov. oriz.“ 54, 55, 122, 123; „Di un. crit. posit., 67, 68; „L'evoluz. stor.“ 269; „La psico-fisiol.“, 74, 76.

[509]) „L'evoluz. storic.“, 269. „Di un criter. posit.“. 92. „Educazione, ambiente e criminalita“, Arch. IV, 27 и сл. Съ этимъ взглядомъ, особенно настойчиво проводимымъ проф. Ferri, конечно, нельзя согласиться. Хотя воспитаніе и перевоспитаніе и представляютъ трудныя, но все-таки разрѣшимыя задачи. Здѣсь я, конечно, не могу вдаваться въ подробный разборъ этого вопроса. Во второй части этого труда, спеціально посвященной малолѣтнимъ преступникамъ, я попытаюсь, опираясь на научныя данныя, подробно изложить руководящіе принципы системы мѣръ исправленія.

[510]) „Cio che dovrebbe essere un gin diz. pen“. 87 и сл.

никъ, она тѣмъ самымъ, какъ я уже замѣтилъ выше, несомнѣнно дѣлаетъ шагъ впередъ и пріурочиваетъ ихъ опредѣленіе не къ преступленію, а къ преступности человѣка. Къ сожалѣнію, сдѣланный шагъ не вполнѣ достаточенъ. Предметомъ карательной дѣятельности итальянская школа дѣлаетъ не особенности преступности, какъ бы слѣдовало, а степень ея устойчивости. Но даже и при этомъ съ ея стороны было бы болѣе послѣдовательно стать на точку зрѣнія теоріи исправленія и вполнѣ отказаться отъ напередъ опредѣленныхъ наказаній, имѣвшихъ прежде свой raison d'être въ основательномъ отчасти недовѣріи законодателя къ судьямъ и другимъ исполнительнымъ органамъ, часто нестоявшимъ, по ихъ умственно-нравственному развитію, на высотѣ ихъ призванія. Къ сожалѣнію, и въ этомъ вопросѣ италіанская школа увлеклась исключительно идеей борьбы и потребностію защиты и приняла за отправную точку свои категоріи, построенныя, какъ я уже замѣтилъ выше, на несущественныхъ признакахъ и настолько же несоотвѣтствующихъ дѣйствительнымъ различіямъ въ преступности, насколько несоотвѣтствуетъ, напр., дѣленіе на легко излечимыхъ, трудно излечимыхъ и вовсе неизлечимыхъ больныхъ различіямъ въ самыхъ болѣзняхъ.

Таково въ существенныхъ чертахъ ученіе италіанской школы уголовнаго права. Я старался возможно безпристрастно изложить его со всѣми его достоинствами и недостатками. Конечно, по отдѣльнымъ авторамъ и у одного и того же автора встрѣчаются нѣкоторыя разногласія и противорѣчія. Но иначе и быть не можетъ. Изложенное ученіе не представляетъ собою чего либо вполнѣ законченнаго и неподвижнаго. Какъ и всякое научное ученіе оно, по мѣрѣ движенія впередъ самого изученія явленій, растетъ и развивается. Италіанская школа уголовнаго права считаетъ еще слишкомъ мало времени со дня своего возникновенія. Она получила притомъ въ наслѣдіе цѣлую систему не провѣренныхъ и не путемъ опыта выработанныхъ понятій. Скоро отрѣшиться вполнѣ отъ всѣхъ невыгодъ такого наслѣдія слишкомъ затруднительно. Но новая школа твердо идетъ впередъ, руководимая убѣжденіемъ, что основой всѣхъ научныхъ теорій должны служить не апріорныя произвольныя построенія, а опытъ и наблюденіе явленій дѣйствитель-

ности и ихъ тщательное изученіе. Можно быть увѣреннымъ, что при такомъ надежномъ руководителѣ италіанская школа не собьется съ вѣрнаго пути и постепенно подойдетъ къ дѣйствительно научному рѣшенію вопроса о преступности. Слѣдя въ хронологическомъ порядкѣ за произведеніями представителей новой школы, легко замѣтить, какъ, даже въ сравнительно очень короткій періодъ времени ея существованія, отъ ея ученія, подъ вліяніемъ животворнаго духа опытнаго изученія явленій дѣйствительности, все болѣе и болѣе отпадаютъ обветшалые придатки [511]).

Главная заслуга италіанской школы, по моему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что она отказалась отъ „апріорнаго изученія преступленія, какъ юридической отвлеченной сущности“ [511*]) и приложила къ изученію своей области опытные методы и тѣмъ ввела уголовное право въ кругъ другихъ опытно-наблюдательныхъ наукъ, которыя „всѣ имѣютъ тождественную натуру и тождественную цѣль: изученіе природы и раскрытіе ея законовъ на благо человѣчества“ [512*]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, руководствуясь опытнымъ изученіемъ фактовъ дѣйствительности, она рѣшилась подвергнуть тщательной научной провѣркѣ все существовавшее ученіе уголовнаго права въ самыхъ его основахъ. Конечно, при этомъ она дѣлала и дѣлаетъ нѣкоторые промахи и многое ей еще остается сдѣлать. Но иначе, повторяю опять, и быть не можетъ. Наука, какъ и ея носитель — человѣкъ, живетъ, растетъ и развивается. Нужно заботиться лишь о томъ, чтобы наука шла правильнымъ путемъ и чтобы ея выводы допускали возможность опытной провѣрки. При такихъ условіяхъ, нечего бояться научныхъ увлеченій, которыя оживляютъ изслѣдованіе, а сами быстро разбиваются о свидѣтельство фактовъ. Опасны для истиннаго знанія не выводы опытнаго изученія, а блестящія апріорныя построенія, которыми насъ въ такомъ изобиліи снабжала и снабжаетъ старая классическая школа уголовнаго права.

---

511) Уже и въ настоящее время въ тѣхъ отдѣлахъ „Archivio“, которые посвящены не столько теоретической разработкѣ, сколько тщательному изученію отдѣльныхъ явленій, скопился богатый матеріалъ для изученія дѣйствительныхъ преступниковъ.

511*) Ferri: „Le ragioni storiche della scuola positiva di diritto criminale“, 6.

512*) Тамъ-же, 8.

Кромѣ того италіанская школа вѣрно и ясно опредѣлила и основную цѣль карательной дѣятельности: огражденіе общества отъ зла преступленія, при помощи средствъ, основанныхъ на изученіи особенностей преступника. Такое опредѣленіе имѣетъ весьма важное значеніе, потому что, отбрасывая всѣ туманности, оно тѣмъ самымъ значительно способствуетъ правильности дальнѣйшихъ изслѣдованій въ области уголовнаго права. Трудно и даже невозможно говорить о цѣлесообразномъ характерѣ и особенностяхъ организаціи мѣръ противъ преступника, пока ясно и вѣрно не опредѣлена цѣль послѣднихъ.

Новое направленіе, кромѣ Италіи, нашло себѣ видныхъ представителей и въ другихъ странахъ. Однимъ изъ выдающихся дѣятелей этого направленія въ Германіи является извѣстный психіатръ д-ръ Kraepelin, приглашенный въ настоящее время редижировать антропологическій отдѣлъ въ журналѣ Liszt'a. Исходя отъ мысли о необходимости изучить явленія преступности съ естественно-научной точки зрѣнія и примѣнить къ мѣрамъ противъ преступниковъ тѣ же основные принципы, которые руководятъ и мѣрами противъ душевнобольныхъ [512]), д-ръ Kraepelin посвятилъ въ 1880 г. вопросу о преступности уже цитированную мною прекрасную монографію—„Die Abschaffung des Strafmasses“ [513]).

Постоянно близко сталкиваясь съ явленіями психо-физической деградаціи человѣка и тщательно изучая ихъ и ихъ причины, д-ръ Kraepelin избѣжалъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ промаховъ, которые сдѣланы италіанскими авторами. Онъ не увлекся слишкомъ идеей борьбы съ преступленіемъ и, принимая во вниманіе интересы общества, не упустилъ изъ вида и блага преступника, какъ члена того же общества, тѣсно съ нимъ связаннаго. Поэтому его работа, написанная, какъ говоритъ онъ самъ „pro humanitate“, проникнута тѣмъ дѣйствительно гуманнымъ духомъ, который безусловно необходимъ для здороваго роста и развитія общества. Въ противоположность италіанскимъ писателямъ, онъ преиму-

---

[512]) „Die Abschaffung des Strafmasses“, III.

[513]) Въ 1883 г. онъ напечаталъ въ „Rivista di filosofia scientifica“, fosc. 5 e 6 новую статью,—„La culpa e la pena“, въ которой онъ останавливается на затронутомъ уже имъ вопросѣ о вмѣняемости. Содержаніе этой статьи мнѣ извѣстно только по изложенію, помѣщенному въ IV т., „Archivio“, 420.

щественно останавливается на вопросѣ о средствахъ борьбы съ преступленіемъ въ лицѣ уже народившагося преступника.

Человѣкъ, по мнѣнію автора, безусловно не обладаетъ свободой воли и представленіе о ней есть не болѣе, какъ продуктъ наивнаго міросозерцанія [514]). Преступникъ представляетъ собою необходимый продуктъ унаслѣдованныхъ особенностей и вліянія послѣдующихъ условій жизни [515]). Но каковъ бы онъ ни былъ, будь онъ свободенъ или нѣтъ, общество безусловно нуждается въ защитѣ отъ его посягательствъ. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія наказаніе приводитъ къ теоріи защиты и представляется не болѣе, какъ реакціей общества противъ дѣйствій, угрожающихъ его безопасности и благополучію — простымъ средствомъ защиты. Когда же обращаютъ вниманіе и на ближайшія причины преступленій и изъ наказанія дѣлаютъ средство воздѣйствія на нихъ, то приходятъ къ опредѣляющей дальнѣйшую судьбу преступника теоріи исправленія, которое должно быть ближайшей цѣлью раціональной системы наказаній. Воспитаніе, леченіе и исправительныя наказанія одинаковы въ своихъ принципахъ и преслѣдуютъ одинаковыя цѣли [516]). Къ сожалѣнію, на употребляемыхъ до сихъ поръ карательныхъ средствахъ рѣзко еще отражается вліяніе старыхъ идей отмщенія и возмездія. Это особенно проявляется въ правилѣ напередъ точно опредѣленныхъ въ кодексѣ наказаній, по „приводящей въ восторгъ бюрократовъ ариѳметикѣ“, „наивно выражающей тяжесть каждаго преступленія въ маркахъ, въ мѣсяцахъ тюремнаго заключенія и въ годахъ Zuchthaus'a“. Индивидуальность же преступника, его естественныя склонности, условія его предшествующей жизни и воздѣйствовавшія на него вліянія, опредѣлившія его къ преступленію — все это если и принимается въ разсчетъ, то лишь въ качествѣ смягчающихъ и отягчающихъ обстоятельствъ. Остальное же опредѣляется составомъ преступленія. „Такой-то параграфъ нарушенъ и предписываетъ такое-то наказаніе, ergo fiat justitia, pereat

---

514) „Die Abschaff.“, 8, 9, 28, 36. Этотъ вопросъ довольно подробно уже разобранъ мною и къ этому разбору я и отсылаю читателя.

515) Тамъ же, 10 и 11.

516) Тамъ же, III, 4, 29, 33.

mundus“! Въ противность общеизвѣстному факту, что одинаковыя наказанія дѣйствуютъ самымъ различнымъ образомъ на различныхъ индивидуумовъ, судья нашего времени считаетъ возможнымъ различнымъ личностямъ назначать одинаковыя наказанія, при одинаковомъ составѣ преступленія [517]). Противъ этого предварительнаго назначенія наказаній особенно и вооружается авторъ. Исправленіе не можетъ достигаться въ наперед опредѣленный срокъ и наперед опредѣленными средствами. Все здѣсь зависитъ отъ особенностей случая и опредѣляется въ зависимости отъ результатовъ индивидуальнаго изученія.

Касаясь вопроса о выборѣ наказаній вообще, авторъ полагаетъ, что депортація можетъ оказывать *на нѣкоторыя личности* очень хорошее вліяніе, а потому она *иногда* и можетъ съ пользою употребляться, какъ исправительное средство. Денежныя наказанія если и могутъ примѣняться, то съ крайней осторожностью и въ ограниченныхъ размѣрахъ за маловажные проступки. Тѣлесныя наказанія могутъ быть удержаны, какъ исключительная и временно-переходная дисциплинарная мѣра только за важные проступки въ самой тюрьмѣ. Основнымъ же наказаніемъ должна служить раціонально организованная система лишенія свободы, особенно пригодная для цѣлей исправленія. Образцами для карательныхъ заведеній этого рода могли бы служить издавна существующія заведенія для душевно-больныхъ и исправительныя заведенія для малолѣтнихъ преступниковъ [518]).

Задача суда должна состоять лишь въ рѣшеніи вопроса о виновности и въ опредѣленіи, въ какое заведеніе долженъ быть помѣщенъ обвиненный (заведеніе для душевно-больныхъ, исправительное заведеніе для малолѣтнихъ и тюрьма). Выборъ мѣръ и пріемовъ воздѣйствій, напротивъ, всецѣло долженъ находиться въ рукахъ тюремной администраціи, какъ онъ уже давно находится въ рукахъ завѣдывающихъ учрежденіями для душевно-больныхъ. Срокъ выхода на свободу также долженъ быть опредѣляемъ тою же администраціей, когда она будетъ находить, что цѣль заключенія до-

---

[517]) Тамъ же, 13, 17, 18, 19, 54.

[518]) Тамъ же, VI, 29, 44, 45, 50, 52, 54 55.

стигнута и осужденный уже болѣе не опасенъ для общества. Самое освобожденіе должно производиться на основаніи мотивированнаго представленія директора тюрьмы подлежащему учрежденію [519]).

Такая неопредѣленность напередъ срока пребыванія въ тюрьмѣ есть прямое и логическое слѣдствіе теоріи исправленія. Разъ признанная, она оказывала бы самое благотворное вліяніе на заключеннаго, который зналъ бы, что его освобожденіе поставлено въ зависимость отъ его поведенія и отъ его самодѣятельности въ дѣлѣ исправленія.

Это предложеніе д-ра Kraepelin'a вызвало возраженіе со стороны одного изъ представителей италіанской школы, Garofalo, который полагаетъ, что отсутствіе въ законѣ напередъ количественно опредѣленныхъ наказаній и предоставленіе опредѣленія срока пребыванія въ тюрьмѣ тюремной администраціи повлекли бы за собою произволъ послѣдней [520]). На это надо замѣтить, что *нежелательный* произволъ зависитъ не отъ чего болѣе, какъ отъ качествъ людей. Единственная гарантія противъ него заключается въ дѣйствующихъ и надзирающихъ лицахъ, въ ихъ умственно-нравственномъ развитіи и въ ихъ уваженіи къ достоинству и правомочіямъ окружающихъ, а также и во внутреннихъ качествахъ этихъ послѣднихъ. Поэтому слѣдуетъ заботиться о тщательномъ выборѣ и подготовкѣ людей, а не о безполезныхъ ограженіяхъ стѣною бумажныхъ гарантій.

Индивидуализація, по мнѣнію д-ра Kraepelin'a, есть основной педагогическій принципъ воспитанія и перевоспитанія и потому тюремная администрація, чтобы проводить его, прежде всего должна тщательно ознакомляться съ вновь поступающимъ заключеннымъ и, въ зависимости отъ этого ознакомленія, которое потребуетъ иногда періода предварительнаго наблюденія, должна уже опредѣлять соотвѣтствующую ему категорію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соотвѣтствующія средства воздѣйствія на него. Дѣленіе на такія категоріи должно производиться по полу, по возрасту, по степени развитія, по особенностямъ характера и степени привычности къ преступленію.

---

[519]) Тамъ же, 29, 45, 62.

[520]) „Ciò che dovrebbe essere un giudizio penale", Arch. III, 89

Заключенные должны пріучаться къ регулярному труду, для чего при тюрьмахъ должны существовать мастерскія, полевыя и садовыя работы и другія, возможно разнообразныя занятія. Перевоспитаніе заключенныхъ должно совершаться ослабленіемъ ихъ порочныхъ страстей, при посредствѣ полнаго измѣненія условій обстановки, укрѣпленіемъ ихъ нравственныхъ понятій и сообщеніемъ послѣднимъ управляющей силы надъ естественными влеченіями, направленіемъ теченія представленій на другіе пути и укрѣпленіемъ и развитіемъ характера заключенныхъ вообще.

Обхожденіе тюремной администраціи съ заключенными должно быть твердое и послѣдовательное, но въ то же время и гуманное, чтобы они не смотрѣли на себя, какъ на какихъ-то паріевъ, отверженныхъ обществомъ и, вслѣдствіе того, находили бы въ себѣ достаточно силы для работы надъ своимъ исправленіемъ.

Свободу, по примѣру ирландской тюремной системы, заключенные должны получать лишь постепенно и нѣкоторое время по выходѣ должны находиться подъ наблюденіемъ. Для тюремныхъ выпущенниковъ сверхъ того должна быть организована *правильная* система покровительства и помощи, которая бы оказывала этимъ, еще только оправляющимся людямъ дѣйствительную поддержку въ трудныхъ и опасныхъ обстоятельствахъ ихъ новой внѣ тюремной жизни [521]).

Понятно, что, для выполненія такихъ задачъ, члены тюремной администраціи должны комплектоваться изъ людей, получившихъ соотвѣтствующую теоретическую и практическую подготовку, которая особенно необходима для директора тюрьмы. Послѣдній долженъ быть человѣкомъ твердымъ, соотвѣтственно образованнымъ и практически опытнымъ въ тюремномъ дѣлѣ. Люди, прошедшіе военную карьеру, не обладая нужными качествами, рѣшительно не годятся для такихъ назначеній [522]).

Таковы взгляды д-ра Kraepelin'a. Хотя онъ и выражаетъ твердую увѣренность, что научная истина возьметъ перевѣсъ надъ предубѣжденіемъ и предразсудками, тѣмъ не менѣе онъ хорошо сознаетъ, что рѣшительный переворотъ

---

[521]) „Die Abschaffung", 57—68.

[522]) 63, 64.

въ воззрѣніяхъ и дѣйствіяхъ не можетъ совершиться сразу и что всегда необходима извѣстная подготовка, извѣстная постепенность въ переходѣ. Поэтому прямо и рѣшительно ставя вопросъ въ теоріи, онъ въ то же время на первый разъ рекомендуетъ только переходныя мѣры. Къ числу послѣднихъ онъ относитъ: организацію системы исправительно-воспитательныхъ учрежденій для малолѣтнихъ; уничтоженіе возраста безотвенности [523]); отдѣленіе въ тюрьмахъ привычныхъ преступниковъ отъ всѣхъ остальныхъ; классификацію заключенныхъ по возрасту, степени образованія и характерамъ; назначеніе членовъ тюремной администраціи съ строгимъ выборомъ изъ людей подготовленныхъ; болѣе частое досрочное освобожденіе, а на ряду съ нимъ и дозволеніе удерживать въ тюрьмахъ сверхъ срока тѣхъ заключенныхъ, освобожденіе которыхъ представляется явно опаснымъ для общества и, наконецъ, правильную организацію попеченія о тюремныхъ выпущенникахъ [524]).

Изъ новѣйшихъ французскихъ авторовъ, кромѣ Despine, внесшаго столь крупный вкладъ въ науку уголовнаго права, упомяну о сотрудникѣ „Archivio“ профессорѣ Lacassagne и д-рѣ Le Bon, работы которыхъ уже цитированы мною выше [525]).

Профессоръ Lacassagne, по отношенію къ приступленію, послѣдователь теоріи атавизма [525*]). Въ своей статьѣ „Marche de la criminalité en France“ онъ сравниваетъ различные слои общества съ долями мозга, изъ которыхъ переднія соотвѣтствуютъ наиболѣе развитому и интиллигентному классу общества, теменныя — среднему, полуобразованному классу и, наконецъ, затылочныя—многочисленной необразованной массѣ. Погрессъ, будучи результатомъ вліянія сравнительно малочисленнаго образованнаго класса на громадную необразованную массу, можетъ быть только крайне медленнымъ.

---

[524]) Государство, по его мнѣнію, не можетъ и не должно оставлять ребенка на порчу развращеннымъ родителямъ только потому, что онъ не достигъ извѣстнаго возраста.

[524]) „Die Abschaff.“, 76 и 77.

[525]) Lacassagne: „Marche de la criminalité en France“; „Revue scient.“, май 1881; „L'homme criminel comparé a l'homme primitif“. Le Bon: „La question des criminels“; „Revue philosophique“, май 1881.

[525*]) См. его «L'homme criminel comporé al'homme primitif».

Для переднихъ долей (развитаго класса) уголовный кодексъ не нуженъ. Онъ предназначенъ для долей затылочныхъ (необразованная и грубая масса), но и на нихъ онъ почти не оказываетъ никакого вліянія. „Нужно имѣть храбрость сознаться“, говоритъ авторъ, „что уголовный кодексъ есть не болѣе, какъ общественная иллюзія“. „Преступность есть внѣшнее проявленіе прирожденныхъ или преходящихъ антисоціальныхъ склонностей“. Біологическіе факторы (полъ, возростъ, наслѣдственность, темпераментъ) дѣйствуютъ на всѣ стороны человѣка. „Ихъ вліяніе придаетъ чувствамъ (реакція внутренностей), мыслямъ и поступкамъ особый характеръ“, и наказуемость оказываетъ самое незначительное вліяніе на преступность, потому что причины послѣдней недоступны для кодексовъ.

Изъ таблицъ видно, что кривая преступленій противъ собственности сильно колеблется, тогда какъ кривая преступленій противъ личности колеблется очень слабо. „Въ теченіи этого долгаго періода времени (1825—1880)“, говоритъ авторъ, „мало различій въ числѣ этихъ преступленій“, кривой которыхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ кривая потребленія вина.

Всѣхъ преступниковъ проф. Lacassagne дѣлитъ на 3 разряда. I) Les criminels de sentiments ou d'instincts. Это дѣйствительные преступники. Они, по мнѣнію автора неисправимы. Преступленіе для нихъ есть профессія. II) Les criminels d'actes. Это или преступники случайные или преступники по страсти. Они наиболѣе многочисленны и на нихъ наказаніе можетъ оказывать нѣкоторые вліяніе. III) Les criminels de pensé. Это душевно-больные приступники.

Для первой группы авторъ рекомендуетъ депортацію въ малонаселенныя мѣста, для второй—тюремное заключеніе, и для третьей—заведенія для душевно-больныхъ.

Д-ръ Le Bon является болѣе послѣдователемъ патологической теоріи преступленія. Онъ замѣчаетъ, что медицинское изслѣдованіе казненныхъ только въ рѣдкихъ случаяхъ не открывало слѣдовъ мозговыхъ разстройствъ.

Всѣхъ преступниковъ онъ дѣлитъ на два большихъ класса: I) на преступниковъ, порочныя особенности которыхъ унаслѣдованы и II) у которыхъ они пріобрѣтены въ теченіи жизни, вслѣдствіе образовавшихся разстройствъ въ ихъ

нервной системѣ. Наслѣдственники въ свою очередь подраздѣляются на нѣсколько группъ: 1) преступники прирожденные, которыхъ ничто не можетъ исправить; 2) преступники импульсивные, которые дѣйствуютъ подъ вліяніемъ минуты. Они хотя и у наслѣдовали такія особенности, которыя привели ихъ къ преступленію, но эти особенности могли быть и исправлены. Для такихъ лицъ добродѣтель и преступленіе одинаково легки. 3) Лица, хотя и не имѣющія преступныхъ склонностей, но унаслѣдовавшія слабость нравственныхъ сторонъ характера, вслѣдствіе которой они зависятъ отъ обстоятельствъ и примѣра. Они могутъ быть названы neutres, 4) лица даровитыя, энергичныя и вполнѣ владѣющія собой, но или безнравственныя, или съ развращенными инстинктами. Такія личности не доходятъ до преступленія вообще или до преступленія строго караемаго, вслѣдствіе страха уголовнаго закона. Эта группа весьма многочисленна. фальсификаторы торговцы, банкиры, разоряющіе семьи и пр. Воспитаніе на такихъ лицъ не оказываетъ никакого вліянія (?). Только наказанія могли бы оказать его, еслибы были очень строги (?).

Ко второму классу принадлежатъ лица, нервная система которыхъ въ теченіи жизни подверглась патологическимъ измѣненіямъ. Число такихъ лицъ, съ пріобрѣтенными разстройствами, въ теченіи цивилизаціи, не только не уменьшается, но увеличивается. „Ни въ одну еще быть можетъ историческую эпоху“, замѣчаетъ авторъ, „пріобрѣтенныя разстройства нервной системы, которыя вслѣдъ за тѣмъ могутъ передаваться наслѣдственно, не были столь часты, какъ въ настоящее время“. Всевозможные возбудители, чрезмѣрная работа и различные эксцесы дѣлаютъ изъ нашей эпохи, эпоху „*возбужденныхъ*“. А между тѣмъ „человѣкъ дѣйствуетъ соотвѣтственно своей организаціи и соотвѣтственно средѣ, въ которой эта организація функціонируетъ. Предположить, что преступникъ или человѣкъ добродѣтельный могли бы дѣйствовать иначе, нежели какъ они дѣйствовали, это значитъ самымъ фактомъ этой гипотезы предположить другія организаціи и другія условія, нежели тѣ, которыя заставили ихъ дѣйствовать, а слѣдовательно измѣнить и серію „предыдущихъ“, которыя породили преступленіе или добродѣтельный поступокъ“.

По мнѣнію автора, современныя уголовныя законодательства, не отрѣшившись вполнѣ отъ понятія объ отмщеніи и вознагражденіи, не находятся болѣе въ соотвѣтствіи съ нуждами общества и приводятъ къ самымъ плачевнымъ результатамъ: рецидивъ значительно увеличивается; растетъ и число важныхъ преступленій. Въ возможность исправленія преступниковъ, путемъ тюремнаго заключенія, д-ръ Le Bon не вѣритъ. „Эта армія (преступниковъ)“, говоритъ онъ, „быстро растетъ и мы уже можемъ предвидѣть день, когда современныя цивилизаціи будутъ въ состояніи отдѣляться отъ нея только цѣною тѣхъ гекатомбъ, которыя заставляютъ содрагаться исторію (?)“.

Авторъ предлаетъ для важныхъ преступниковъ депортацію, для остальныхъ штрафы, обязательныя работы или службу въ арміи, при строгой дисциплинѣ, а для душевнобольныхъ—вѣчное заключеніе.

Вопросъ о томъ, свободно или нѣтъ совершилъ человѣкъ свое дѣяніе, онъ называетъ праздным. „Когда ехидна или бѣшеная собака кусаютъ меня, тогда я мало забочусь о томъ, чтобы знать, отвѣтственно ли животное или нѣтъ. Я стараюсь препятствовать ему вредить себѣ и другимъ“. Та же точка зрѣнія должна быть распространена и на преступниковъ. „Всѣ преступники, безъ исключенія, отвѣтственны и общество имѣетъ обязанность защищать себя противъ нихъ“.

Я не стану подробно останавливаться на разборѣ взглядовъ d-ra Le Bon по отношенію къ средствамъ борьбы съ преступленіемъ. Сказанное по поводу нѣкоторыхъ увлеченій италіанской школы еще съ большимъ основаніемъ относится и къ нимъ. Нисколько не отрицая правомочія и обязанности общества ограждать себя отъ зла преступленія, я здѣсь замѣчу лишь, что если бы между человѣческимъ обществомъ и преступниками существовали только такія же связи и отношенія, какія существуютъ между обществомъ и дикими животными и бѣшенными собаками, то можетъ быть и точка зрѣнія автора была бы основательна [52б]).

[52б]) Въ Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie (Vierzigster Band, Viertes Heft 1883.) напечатана весьма интересная и богатая фактическими данными

Въ то время, какъ все предшествующее уже было напечатано, появилось третье значительно переработанное изданіе сочиненія профессора Lombroso: „L'uomo delinquente“. Вышедшій томъ посвященъ изслѣдованію лишь нѣкоторой части преступниковъ, которыхъ италіанская школа называетъ прирожденными (delinquenti nati) и которыхъ авторъ, какъ увидимъ далѣе, отождествляетъ съ нравственно помѣшанными (pazzi morali). Поэтому онъ не представляетъ собою, какъ второе изданіе того же сочиненія, полной трактатъ о преступникѣ вообще, а скорѣе какъ бы особую мо-

---

статья д-ра Knecht: „О распространенности явленій психическаго вырожденія между преступниками и о соотношеніи между признаками вырожденія и невропатіями“.

Данныя, приводимыя д-мъ Knecht, собраны имъ въ 1876 и 1877 гг., въ бытности его врачемъ въ Вальдхеймѣ, гдѣ находится наиболѣе многолюдная тюрьма Саксоніи. Его изслѣдованіе относится къ 1214 заключеннымъ, перебывавшимъ за указанный періодъ времени въ означенной тюрьмѣ. Изслѣдованіе, какъ говоритъ самъ авторъ, вслѣдствіе недостатка времени, не совсѣмъ полно и, вслѣдствіе того, полученные результаты ниже дѣйствительныхъ.

Изъ общаго числа 1214 изслѣдованныхъ только 594 чел. (между которыми было 19 случаевъ или 3,4% страдавшихъ душевными болѣзнями или эпилепсіей) не имѣли внѣшнихъ органическихъ признаковъ вырожденія, обыкновенно сопутствуемыхъ тѣми или другими нервными разстройствами. Остальные 620 чел. распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 478 чел. изъ нихъ были отмѣчены различными наружными физическими признаками вырожденія, при чемъ между ними было еще 64 случая (13,14) душевныхъ болѣзней и эпилепсіи. Остальные 142 чел. (11,7%) происходили изъ невропатическихъ семей или отъ родителей пьяницъ (такихъ удалось констатировать только 22 чел. Незначительность случаевъ, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что приходилось руководствоваться исключительно показаніями самихъ заключенныхъ. Замѣчательно, что ни одинъ изъ этихъ 22 не былъ свободенъ отъ признаковъ вырожденія, что показываетъ, какую глубокую конституціональную порчу производитъ пьянство). 101 чел. (71%) изъ наслѣдственниковъ имѣли наружные признаки вырожденія и только 41 чел. (29%) были свободны отъ нихъ. Между первыми было 39 случ. (38,6%) душевныхъ разстройствъ и эпилепсіи, а между послѣдними — 11 случ. (37,7%). Такимъ образомъ изъ общаго числа 1214 всѣхъ отмѣченныхъ наружными признаками вырожденія было 579 чел. (47,7%), а страдавшихъ психическими разстройствами и эпилепсіей 133 чел. (10,9%).

Вскрытія имѣли мѣсто приблизительно въ половинѣ всѣхъ смертныхъ случаевъ и при томъ, какъ говоритъ самъ авторъ, были сравнительно весьма поверхностны, почему и сдѣланныя находки, по его словамъ, должны быть разсматриваемы скорѣе, какъ случайныя. Тѣмъ не менѣе и при этихъ условіяхъ много разъ были найдены аномаліи въ строеніи важнѣйшихъ внутренностей.

нографію о нравственно-помѣшанныхъ, совершившихъ преступленія. Поэтому же въ немъ опущено все то, что относилось къ другимъ категоріямъ преступниковъ и что составитъ собою предметъ особаго трактата. За то въ третьемъ изданіи, сравнительно со вторымъ, мы находимъ многія новыя главы. Таковы, напр., начальныя главы, въ которыхъ, по выраженію проф. Lombroso, излагается „эмбріологія преступленія“. Изъ этихъ новыхъ главъ особый интересъ, по моему мнѣнію, представляетъ глава вторая, —„біологія и психологія“. Въ ней приведены результаты изслѣдованій

„Только личный опытъ дѣлаетъ вѣроятнымъ“, говоритъ авторъ, „тотъ низкій масштабъ, который прилагаютъ присяжные и судьи по отношенію къ уголовной вмѣняемости. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ удостовѣренная свидѣтельствами полная неспособность къ обученію, по причинѣ слабоумія, не могла защитить отъ уголовнаго осужденія“. Изъ всѣхъ 1214 чел., слабоумныхъ было 41 чел. Около половины изъ нихъ были полные идіоты, а нѣкоторые и эпилептики. Уменьшенная способность всѣхъ этихъ заключенныхъ къ работамъ, по словамъ автора, разсматривалась тюремнымъ начальствомъ, какъ лѣность и приписывалась „злой волѣ“, а потому и вызывала наказанія. Послѣднія только раздражали сознававшихъ свою *субъективную правоту* наказываемыхъ и, вслѣдствіе того, вызывали съ ихъ стороны акты насилія, навлекавшіе на нихъ новыя и при томъ все болѣе и болѣе усиленныя наказанія, въ свою очередь порождавшія и болѣе тяжелыя формы душевнаго разстройства.

Изъ страдавшихъ различными формами душевныхъ болѣзней, 7 чел. были доставлены въ тюрьму уже въ такомъ состояніи, другіе заболѣли въ самой тюрьмѣ, а нѣкоторые страдали душевнымъ разстройствомъ ранѣе своего *преступленія*, *что*, *однако*, нисколько не оказало вліянія на приговоръ. Эпилептиковъ было 59 чел. (около 5%); встрѣчались и другіе неврозы. Что же касается до невростеніи (истощенность нервной системы), то, вслѣдствіе недостаточности изслѣдованія, число случаевъ этого разстройства, по словамъ автора, не могло быть опредѣлено сколько-нибудь точно, хотя между изслѣдованными часто встрѣчались субъекты съ весьма раздражительнымъ сердцемъ и сосудистой системой, обусловливавшими значительную и быструю измѣнчивость пульса (обстоятельство, указывающее на ненормальность въ функціонированіи нервной системы и на капризность, т.-е. непостоянство настроенія).

Привычныхъ пьяницъ, по удостовѣренію актовъ или по собственному признанію заключенныхъ, было 212 чел. (17,5%).

На основаніи всѣхъ собранныхъ имъ данныхъ, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Такъ называемые, признаки вырожденія въ большинствѣ случаевъ представляютъ собою проявленія невропатическаго предрасположенія. 2) Обладающіе такими признаками въ 3—4 раза болѣе предрасположены къ заболѣванію психозами и неврозами, нежели нормально развитые люди. 3) Отсутствіе такихъ признаковъ для лицъ, *имѣющихъ наслѣдственное предрасположеніе*, не представляетъ какой-либо достаточной гарантіи отъ

чувствительности и реакціи кровеносныхъ сосудовъ у прирожденныхъ преступниковъ [527]). Вообще въ третье изданіе вошли результаты всѣхъ новѣйшихъ изслѣдованій предмета, начиная съ 1878 г.,—времени выхода въ свѣтъ втораго.

Новая работа профессора Lombroso отличается замѣчательной тщательностью изученія предмета. Къ сожалѣнію, въ ней преобладаетъ пріемъ массовыхъ изслѣдованій и методъ среднихъ чиселъ и, напротивъ, отсутствуетъ всестороннее изученіе отдѣльныхъ случаевъ, которые полно воспроизводили бы передъ нами генизисъ преступности, иначе говоря, отсутствуетъ то, что въ медицинѣ извѣстно подъ именемъ исторій болѣзни, тщательное изученіе которыхъ, по моему глубокому убѣжденію, только и можетъ привести насъ къ вѣрному пониманію явленій человѣческой преступности. Но какъ бы тамъ ни было, а автору L'uomo delinquente неоспоримо принадлежитъ неумирающая заслуга приложенія точныхъ методовъ естествознанія къ изученію преступнаго человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и къ изученію преступленія, какъ общественнаго явленія.

Я не стану излагать здѣсь содержаніе вышедшаго тома сочиненія проф. Lombroso, который, не смотря на всѣ измѣненія, представляетъ только дальнѣйшую разработку изложеннаго во второмъ изданіи. Поэтому почти всѣ замѣчанія, сдѣланныя мною по поводу этого послѣдняго, сохраняютъ свою силу.

Въ предисловіи къ вышедшему тому и въ XIII его главѣ проф. Lombroso заявляетъ, что изъ противника теоріи тож-

---

заболѣванія психозами и неврозами. 4) *Наиболѣе наслѣдственно отягощенными представляются исходящіе эпилептиковъ и пьяницъ.*

Хотя авторъ и полагаетъ, что напряженность преступности въ странѣ обусловливается соціальными моментами, тѣмъ не менѣе онъ въ заключеніе прибавляетъ, что невропатическіе субъекты, вслѣдствіе ихъ уменьшенной устойчивости и частыхъ потрясеній ихъ нервной жизни, находятся въ болѣе неблагопріятномъ положеніи по отношенію къ борьбѣ за существованіе, сравнительно съ людьми, обладающими нормальной нервной системой, и, вслѣдствіе того, гораздо скорѣе и легче впадаютъ въ различныя затрудненія, нищету и состоянія страсти. По скольку же всѣ такія состоянія являются источникомъ преступленій, по столько существуетъ и связь между этими послѣдними и невропатическимъ предрасположеніемъ.

527) Съ содержаніемъ этой главы я въ общихъ чертахъ уже познакомилъ читателя. См. 457 прим.

дества, такъ называемыхъ, нравственно-помѣшанныхъ (moral. insan.) и прирожденныхъ преступниковъ, какимъ онъ былъ во время обработки первыхъ двухъ, а отчасти и третьяго изданія, онъ сталъ теперь ея сторонникомъ. Къ такому переходу его принудило бьющее въ глаза тождество особенностей нравственно-помѣшанныхъ, какъ они констатируются всѣми изслѣдователями, и особенностей прирожденныхъ преступниковъ [528]). Доказательству этого тождества и посвящена вся XIII глава, въ которой послѣдовательно сопоставляются отдѣльныя особенности тѣхъ и другихъ.

Впрочемъ, прирожденные преступники, по мнѣнію автора, не представляютъ собою только результатъ болѣзненныхъ уклоненій, но въ то же время и результатъ возврата къ низшему типу, иначе говоря, результатъ атавизма, какъ это доказывается сходствомъ множества ихъ особенностей съ особенностями дикарей. Прирожденный преступникъ— это, по мнѣнію проф. Lombroso „дикій человѣкъ и вмѣстѣ больной“ [529]). Возможность соглашенія этихъ 2 воззрѣній на преступника проф. Lombroso видитъ въ теоріи задержки развитія. Задержка въ развитіи нѣкоторыхъ органовъ, а главное плохо питаемыхъ психическихъ центровъ дѣлаетъ съ одной стороны изъ такихъ органовъ locum minoris resistentiae, иначе говоря, предрасполагаетъ ихъ къ различнымъ разстройствамъ, а съ другой — возвращаетъ ихъ къ типу низшаго развитія [530]).

Такова теорія проф. Lombroso въ новомъ ея видѣ. Высказать о ней вполнѣ опредѣленное сужденіе крайне затруднительно, потому что вышедшій томъ касается только одной категоріи преступниковъ. Въ виду этого я ограничусь лишь нѣкоторыми, самыми краткими замѣчаніями.

О теоріи атавизма я уже говорилъ, излагая содержаніе втораго изданія, и теперь не стану повторять сказаннаго. Что же касается до патологической теоріи, то она мнѣ кажется не вполнѣ удовлетворительный. Подводить въ широкихъ размѣрахъ преступность подъ понятіе болѣзни,—это значитъ слишкомъ распространять послѣднее и тѣмъ порождать запутанность и безполезные споры. Несомнѣнно,

528) IX, X и 543 и 4.

529) L'uomo del., 3-е изд. 583

530) Тамъ-же, 588.

что между преступниками есть душевно-больные различныхъ формъ, но они и составляютъ особую группу душевно-больныхъ преступниковъ съ ея различными подраздѣленіями. Остальные же не подходятъ подъ понятіе душевной болѣзни, въ собственномъ значеніи этого слова. Они образуютъ собою иную формацію Общее, что отмѣчаетъ всѣхъ преступниковъ,—это та или иная болѣе или менѣе устойчивая и длящаяся порочность или недостаточность ихъ организаціи, ставящая ихъ ниже типа нормальнаго общественнаго человѣка и дѣлающая ихъ неспособными удовлетворять предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ общественной жизни даннаго времени и бороться за свое существованіе въ узаконенныхъ формахъ.

Для примѣра возьмемъ организацію, отмѣченную усиленнымъ конституціональнымъ малокровіемъ и вялостью кровообращенія (крайне малый калибръ и весьма малая энергія сердца и сосудовъ), являющимися отчасти результатомъ наслѣдственной передачи, а отчасти—особенностей всего первоначальнаго воспитанія. Такая конституціональная особенность несомнѣнно повлечетъ за собой всѣ печальныя слѣдствія усиленнаго малокровія и вялости кровообращенія: склонность къ лѣни, скорую истощаемость энергіи, вялость мышленія и чувствъ, раздражительность, а вмѣстѣ съ тѣмъ безучастность и апатію и другія уже вторично порождаемыя невыгодныя психическія особенности, какъ непосредственно вытекающія изъ первыхъ, такъ и являющіяся слѣдствіемъ неудачныхъ столкновеній жизни. Такую организацію, очевидно, едва ли возможно назвать больною, въ строгомъ смыслѣ этого слова. Это порочная, а потому, *при извѣстныхъ неблагопріятныхъ для нея окружающихъ условіяхъ существованія* болѣе предрасположенная къ преступленію, но не больная организація.

Весьма неудачнымъ кажется мнѣ также употребляемый проф. Lombroso терминъ,—прирожденной преступникъ. Изъ его собственныхъ изслѣдованій видно, что съ одной стороны не всѣ его прирожденные преступники отмѣчены установленными имъ признаками, а съ другой—что и люди не преступные бываютъ отмѣчены ими. Каковы бы ни были числовыя отношенія такихъ явленій, а выводъ изъ нихъ ясенъ: можно говорить о порочной въ различныхъ степеняхъ орга-

низаціи, предрасположенной къ преступленіямъ, но нельзя говорить о преступной организаціи или, что почти все то же, о прирожденной преступности. Такая постановка вопроса, будучи логически невѣрна, можетъ и дѣйствительно приводитъ къ невѣрнымъ заключеніямъ и выводамъ.

Этимъ я и закончу очеркъ развитія ученія новой позитивной школы уголовнаго права, которой несомнѣнно „принадлежитъ будущее“ и которая по вѣрному замѣчанія проф. Lacassagne, является выразительницей глубокаго переворота, происходящаго на нашихъ глазахъ въ наукѣ уголовнаго права [531]). Я изложилъ конечную, но не заключительную стадію научнаго эволюціонизма. Изслѣдованіе еще только начато, хотя и успѣло уже привести къ важнымъ результатамъ. Изученіе вопроса о преступности, касаясь самыхъ болевыхъ и самыхъ темныхъ сторонъ общественной жизни, въ будущемъ несомнѣнно принесетъ еще болѣе богатый плодъ и, вѣроятно, въ значительной мѣрѣ будетъ способствовать ея обновленію. Теперь оно пока вскрываетъ язвы, но затѣмъ укажетъ и вѣрныя средства излѣченія ихъ.

VII.

Изъ всего сказаннаго въ предшествующихъ главахъ ясно видно, что наука уголовнаго права, вслѣдствіе столкновенія на ея почвѣ различныхъ теченій, въ настоящее время находится въ переходномъ состояніи. Между тѣмъ, какъ въ старой метафизической или, такъ называемой, классической школѣ еще живы руководящія идеи отмщенія или возмездія и вознагражденія, возникшія на почвѣ грубой между-родовой мести, — новыя теченія приносятъ съ собой въ науку уголовнаго права и новыя противоположныя воззрѣнія. Въ то время, какъ старая школа еще продолжаетъ исходить въ своихъ построеніяхъ отъ *общаго* понятія о человѣкѣ *вообще*, и въ своихъ рѣшеніяхъ вопросовъ о человѣческой преступности продолжаетъ руководиться самонаблюденіемъ или, иначе говоря, внутреннимъ опытомъ авторовъ, — соприкоснувшаяся съ уголовнымъ правомъ психіатрія ясно показываетъ всю несостоятельность такого предположенія и

[531]) „L'hom. crimin.“, 5.

вскрываетъ передъ нами цѣлый міръ невѣдомыхъ психическихъ явленій. Основываясь на многочисленныхъ и тщательно провѣренныхъ наблюденіяхъ, она показываетъ, что психическіе моменты, отмѣчаемые уголовнымъ правомъ общимъ именемъ „злой умыселъ“ и „злая воля“ на самомъ дѣлѣ представляютъ величайшее разнообразіе оттѣнковъ психическихъ состояній, а потому съ необходимостью требуютъ конкретнаго изученія на почвѣ опыта и наблюденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ новая позитивная школа уголовнаго права прямо выставляетъ своимъ девизомъ необходимость приложенія опытныхъ методовъ и къ рѣшенію вопроса о борьбѣ съ преступленіемъ, совершенно основательно находя, что если эти методы привели къ столь плодотворнымъ результатамъ въ однихъ отдѣлахъ науки, то рѣшительно нѣтъ основаній не прилагать ихъ и къ другимъ, такъ какъ всѣ научные отдѣлы составляютъ въ своей совокупности лишь одно цѣлое,—единую науку, какъ результатъ дѣятельности испытующаго ума человѣка, направившагося на изученіе единаго, хотя и необъятнаго цѣлаго,—природы, какъ всего существующаго и сопослѣдующаго въ пространствѣ и времени, не исключая и самого человѣка и его дѣятельности. И такое направленіе, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ проф. Ferri [532]), явилось лишь необходимымъ слѣдствіемъ развитія науки вообще и уголовнаго права въ частности.

При возрожденіи науки уголовнаго права въ глоссаторскихъ школахъ Италіи, глоссаторы имѣли передъ собой два окруженные ореоломъ источника,—римское и каноническое право — которые и сдѣлались предметомъ изученія, иначе говоря, объектомъ науки. При высокомъ уваженіи, окружавшемъ въ средніе вѣка оба названныя права, и при тогдашнемъ уровнѣ научнаго развитія, такая постановка была вполнѣ понятна. То и другое право, въ глазахъ ученаго юриста того времени, являлись источниками совершенными и высшими. Поэтому оставалось лишь изучать и комментировать ихъ. Отношеніе къ нимъ глоссатора было сходно съ отношеніемъ естествоиспытателя къ явленіямъ природы. Послѣдній, дѣлая эти явленія объектомъ своей науки, наблю-

---

[532]) Le ragioni storiche della scuola positiva di diritto criminale, 16 и сл.

даетъ ихъ и стремится понять. То же дѣлалъ и глоссаторъ: онъ изучалъ и стремился понимать.

Не то теперь. Ученый криминалистъ нашего времени не можетъ относиться къ современнымъ законодательствамъ такъ, какъ относился древній глоссаторъ къ римскому и кононическому праву. Его отношеніе къ нимъ иное, оно критическо-творческое. Онъ не только старается изучать и понимать, но еще—исправлять и улучшать. А для такой дѣятельности ему, понятно, необходимо исходить изъ какихъ-либо руководящихъ научныхъ положеній, которыхъ въ самыхъ законахъ, подлежащихъ обработкѣ, очевидно, найти нельзя. Сосредоточенная по прежнему лишь на изученіи законодательствъ или, правильнѣе, заключающихся въ послѣднихъ понятій о преступленіи и наказаніи вообще и о различныхъ ихъ видахъ въ частности, и замкнутая въ кругъ логическихъ построеній и выводовъ изъ понятій, правильность которыхъ не только не провѣрена, но часто и прямо отрицается опытомъ, наука уголовнаго права, какъ она понимается старой школой, ему такихъ руководящихъ положеній также доставить не можетъ. Сознаніе этой недостаточности и вынуждаетъ писателей-криминалистовъ старой школы, какъ это легко видѣть изъ ихъ ученыхъ трудовъ, пытаться восполнить ее результатами собственнаго внутренняго и внѣшняго опыта. Но несовершенный внутренній опытъ и при томъ человѣка не преступнаго, опытъ, захватывающій только нѣкоторые моменты его психическихъ процессовъ, и повседневныя наблюденія, по большей части не систематичныя, отрывочныя, не провѣряемыя и производимыя безъ посредства гарантирующихъ точность строго-научныхъ методовъ, очевидно, не могутъ дать достаточныхъ элементовъ для построенія науки. При такихъ условіяхъ уголовное право, какъ наука, можетъ только внѣшне упорядочивать уголовные законы, вносить въ нихъ систему, но не можетъ ни на шагъ впередъ подвигать рѣшеніе существеннѣйшаго вопроса, съ необходимостью выдвигаемаго самой жизнію, для рѣшенія котораго создаются и самые уголовные законы, а именно вопроса о наилучшихъ средствахъ борьбы съ преступленіемъ или, иначе говоря, о наилучшихъ средствахъ низведенія числа преступленій до возможнаго minimum'a, до нуля включительно, который яв-

ляется идеаломъ успѣха. А между тѣмъ преступленія наращаются въ числѣ, источники ихъ постепенно получаютъ все болѣе и болѣе зловѣщіе размѣры, рецидивъ размножается, старыя средства оказываются рѣшительно недостаточны для борьбы съ могуче набѣгающей волной преступленія, а жизнь предъявляетъ къ наукѣ свои требованія и обращается къ ней съ своими запросами. Въ чемъ кроется причина постепенно увеличивающагося напора преступленія? что дѣлать и гдѣ искать средствъ для борьбы съ разъѣдающимъ общество зломъ? говоритъ она, обращаясь къ криминалисту и его наукѣ, взявшимся за рѣшеніе всѣхъ этихъ проблемъ. Но оба они или остаются совершенно безмолвны, или даютъ прежній отвѣтъ и рекомендуютъ прежнія, уже извѣданныя средства, недостаточность которыхъ ясно доказывается вѣковымъ опытомъ народовъ.

Безсиліе науки уголовнаго права въ рѣшеніи принадлежащихъ къ ея области вопросовъ является прямымъ и необходимымъ слѣдствіемъ ея неправильной постановки, препятствующей ея правильному развитію и лишающей ее того животворящаго духа, который сообщается наукамъ лишь опытомъ и наблюденіемъ. Немудрено поэтому, что она, не обладая дѣйствительными средствами развитія и потому обреченная на застой, забывала о своей основной цѣли,—изысканія наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ борьбы съ преступленіемъ. и вдавалась въ безплодные споры и изслѣдованія, на которые затрачено такъ много труда, остроумія, а часто и не дюжинныхъ умственныхъ силъ. Покушеніе съ негодными средствами или на негодный объектъ, теорія прикосновенія и уноса въ ученіи о кражѣ и проч., и проч.,—все это слѣдствія уклоненія отъ правильнаго пути научнаго развитія.

Неудовлетворительное состояніе науки уголовнаго права. повидимому, сознается и учеными представителями старой школы, у которыхъ является стремленіе придать ей иную постановку, что и проглядываетъ въ признаніи существованія вспомогательныхъ наукъ (Hülfswissenschaften), къ которымъ они относятъ статистику, этику, *психологію*, *антропологію*, психологію народовъ, *физіологію*, судебную медицину. судебную психологію и пр. [533]). Но въ какомъ отношеніи

---

[533]) См. напр. Schütze: „Lehrbuch des Deutschen Strafrechtes“, изд. 2, стр.

должны стоять всѣ эти науки къ наукѣ уголовнаго права, какъ и въ какой мѣрѣ онѣ должны оказывать ей помощь?— все это вопросы, на которые въ трактатахъ мы не находимъ опредѣленныхъ отвѣтовъ. Поэтому не мудрено, что, не смотря на признаніе указанныхъ наукъ, науками вспомогательными, постановка уголовнаго права въ трудахъ ученыхъ старой школы остается прежняя и самое признаніе не оказываетъ никакого замѣтнаго вліянія на ходъ изученія.

Иначе ставитъ вопросъ новая позитивная школа. Задавшись приложеніемъ опытнаго метода и въ сферѣ науки уголовнаго права, она преслѣдуетъ „два благородныхъ идеала“ На почвѣ практической она ставитъ себѣ цѣлью уменьшеніе преступленій, которыя слишкомъ увеличаются въ числѣ, а на почвѣ теоретической — конкретное изученіе преступленія не какъ юридической абстракціи, а какъ человѣческаго дѣйствія, *какъ естественнаго явленія* и при томъ не только изученіе преступленія въ самомъ себѣ, какъ юридическаго отношенія, но и его совершителя, т.-е. преступнаго человѣка. Такъ формулируетъ задачи позитивной школы одинъ изъ ея наиболѣе видныхъ представителей въ Италіи, профессоръ Ferri [534]). Но очевидно, что указанныя задачи могутъ быть задачами позитивной школы уголовнаго права, а не одной только науки уголовнаго права. Дѣйствительно, не трудно видѣть, что приведенное опредѣленіе захватываетъ дѣятельность не одной а нѣсколькихъ наукъ. Всѣ науки, какъ извѣстно, подраздѣляются на науки чистыя и науки прикладныя. Область первыхъ опредѣляется сходствомъ или единообразіемъ механизма изучаемыхъ явленій,

---

14. Hugo-Meyer: „Lehrbuch des Deutschen Strafrechtes, 118 и сл. Holtzendorf's Hanbuch des Deutschen Strafrechtes, I, 13 и сл. Berner: Lehrbuch des Deutschen Strafrechtes, Sechste Auflage, 97 и пр.

534) Le ragioni storiche, 16. Въ другой своей статьѣ: „Diritto di punire come funz. social.“ (Arch. III, 53) тотъ же авторъ говоритъ, что по своимъ результатамъ и цѣлямъ уголовное право принадлежитъ къ юридической энциклопедіи, а по своимъ основамъ и по пріемамъ изслѣдованія представляетъ собою вѣтвь соціологіи. Вспомогательными науками она имѣетъ біологію, психологію, антропологію и статистику (послѣдняя, замѣчу отъ себя, не наука, а лишь пріемъ изслѣдованія. Существуетъ уголовная, экономическая и другія статистики. Но въ этомъ случаѣ онѣ представляютъ собраніе фактовъ соотвѣтствующихъ наукъ, обработанныхъ по статистическому методу).

тогда какъ область вторыхъ—объемомъ выдвигаемой жизнію цѣли. Наука уголовнаго права, которая, какъ увидимъ далѣе, принадлежитъ къ наукамъ послѣдней категоріи [335]) и поэтому не можетъ единовременно преслѣдовать и задачъ практическихъ и задачъ теоретическихъ, т.-е. задачъ чистаго знанія. Ея дѣятельность значительно уже, и на болѣе точномъ опредѣленіи круга этой дѣятельности мы и остановимся теперь.

Человѣкъ изначала искалъ средствъ для удовлетворенія своихъ потребностей и это стремленіе поставляло ему цѣли дѣятельности. Но его исканія первоначально не руководились наукой, еще тогда не существовавшей или только зараждавшейся. Знаніе средствъ для достиженія различныхъ цѣлей не могло еще сложиться въ научныя системы за недостаткомъ надлежащаго базиса. Для возможности напередъ разсчитаннаго въ его слѣдствіяхъ воздѣйствія на взаимную смѣну явленій, предварительно необходимо было, чтобы испытующій умъ человѣка направился на изученіе окружающаго его міра, всѣ явленія котораго взаимно обусловливаютъ и переходятъ другъ въ друга. Ихъ невѣдомо откуда исходящая причина или факторъ — сила, извѣстная намъ въ своихъ проявленіяхъ, какъ движеніе, постоянно и постепенно переходитъ и переливаетъ отъ однихъ и изъ однихъ формъ къ другимъ, принося съ собою повсюду жизнь, неразрывно связанную съ движеніемъ. Перекатываетъ и отливаетъ пространственно далѣе волна движенія, количество его уменьшается — и на мѣстѣ прежней клокочущей и роскошно проявлявшейся жизни наступаетъ затишье и относительный покой, напоминающій тишину смерти.

Этими постепенными и постоянными переливами движенія и обусловливается причинно-роковая связь всѣхъ безчисленныхъ и многообразныхъ явленій волнующагося вокругъ насъ міра явленій, связь, вслѣдствіе которой одно явленіе, разъ возникнувъ, неизбѣжно вызываетъ опредѣленное другое, передавая ему большую или меньшую часть, произведшаго его движенія. Эта непоколебимая связь явленій,

---

[335]) Этому вопросу я посвятилъ одну изъ своихъ статей („Къ вопросу о вмѣненіи"), помѣщенную въ 4 № „Юридическаго Вѣстника" за 1879 г. Въ ней я старался выяснить задачи и пріемы науки уголовнаго права и показать, что она принадлежитъ къ числу наукъ прикладныхъ.

обусловленная переливами силъ [536]), и даетъ возможность созданія науки, т.-е. раскрытія законовъ окружающаго насъ міра или непосредственной и неизмѣнной связи всѣхъ совершающихся вокругъ насъ явленій въ ихъ сосуществованіи и сопослѣдовательности. Совокупность такихъ законовъ и составляетъ научную теорію явленій природы, излагающую механизмъ ихъ воспроизведенія и отвѣчающую на одинъ лишь вопросъ: какъ совершаются явленія и какими законами они управляются? Наука въ этомъ своемъ видѣ есть наука въ тѣсномъ смыслѣ или наука чистая, единственная непосредственная цѣль которой—знаніе законовъ явленій. Ея объектъ неизмѣримъ и необъятенъ. Это совокупность всѣхъ явленій, составляющихъ весь міръ, всю вселенную, въ ея прошломъ и въ ея настоящемъ. Познать и охватить въ его цѣломъ это необъятное и безпредѣльное—задача слишкомъ непосильная для ограниченнаго ума человѣка. Необходимо поэтому то или иное дробленіе на части. Но какъ и гдѣ найдти разграничительныя линіи, которыхъ не представляетъ природа? Гдѣ заканчивается міръ неорганическій и начинается міръ органическій? гдѣ твердая граница между міромъ животныхъ и міромъ растеній? гдѣ заканчивается здоровье и начинается болѣзнь? Какъ въ неуловимыхъ переливахъ оттѣнковъ цвѣтовъ солнечнаго спектра невозможно съ точностью указать, гдѣ оканчивается одинъ цвѣтъ и начинается другой, такъ точно и въ этихъ многообразныхъ явленіяхъ единой необъятной и въ то же время множественной природы, къ которымъ принадлежитъ и самый этотъ спектръ, невозможно указать, гдѣ заканчивается одна семья явленій, если можно такъ выразиться, и начинается другая. Тѣмъ не менѣе необходимость дробленія, обусловливаемая ограниченностью индивидуальныхъ силъ человѣка, является безусловной. И вотъ условно производится дробленіе и устанавливаются отдѣлы единой чистой науки или, какъ ихъ называютъ, отдѣльныя науки, каждая изъ которыхъ изучаетъ лишь условно отмежеванный кругъ явленій, сходныхъ по своему механизму.

Такова чистая наука съ ея подраздѣленіями. Излагая механизмъ явленій при тѣхъ условіяхъ и въ томъ видѣ, въ

---

[536]) Carpenter: „Principles of mental Physiologie“, sixth edit. II и сл.

какомъ они совершаются во вселенной, независимо отъ какихъ бы то ни было цѣлей человѣка, она сравнительно далеко отстоитъ отъ нуждъ повседневной жизни, которая не находитъ въ ней прямаго отвѣта на свои запросы. Для удовлетворенія потребностей практики необходимо, чтобы изучающій умъ пересталъ быть только „наблюдателемъ независящихъ отъ него явленій", сталъ бы творческой силой и создалъ новыя комбинаціи. Необходимо, чтобы между чистой наукой и потребностями практики явилась посредница, которая указала бы какъ воспользоваться знаніемъ законовъ явленій, чтобы достигнуть осуществленія желанныхъ цѣлей. Такимъ продуктомъ творческой дѣятельности ума, такою посредницею между чистою наукой и жизнію и является наука прикладная или наука-искусство, цѣль которой „сдѣлать природу лучшею посредствомъ дѣятельности человѣка". Эта прикладная наука, руководствуясь данными науки чистой, указываетъ средства. при помощи которыхъ наилучше могутъ быть достигнуты тѣ или иныя выдвигаемыя жизнію цѣли. Прикладная наука говоритъ не о томъ, что есть, а о томъ, какъ, при наличности данныхъ условій, достигнуть желаемаго или еще только долженствующаго быть. Поэтому, разъ общественной жизнью выдвигаются тѣ или другія цѣли, — создается и прикладная наука, объемъ которой, въ противоположность отдѣламъ науки чистой, опредѣляется не сродствомъ явленій, а объемомъ самыхъ цѣлей Гдѣ и въ какихъ отдѣлахъ знанія будетъ отыскивать прикладная наука указываемыя ею средства— это безразлично. Необходимо лишь, чтобы средства были отысканы и чтобы они, по возможности, были наилучшія. Но понятно, что нахожденіе средствъ предварительно требуетъ изученія того объекта или ряда тѣхъ явленій, на видоизмѣненіе которыхъ придется воздѣйствовать [537]). Такое изученіе, какъ изученіе того, что есть и при томъ такъ, какъ оно есть не можетъ, однако, быть предметомъ прикладной науки, а лишь одного изъ отдѣловъ науки чистой. Изложеніе результатовъ такого изученія въ прикладной наукѣ всегда является заимствованіемъ или. иначе говоря, простымъ переносомъ готовыхъ результатовъ. Содержаніе

---

[537]) Compte: Cours de philosophie positive, изд. 3, IV, 291 и сл.

и пріемы прикладныхъ наукъ Милль опредѣляетъ такъ: „составивъ“, говоритъ онъ въ своей „Системѣ Логики возможно широкое понятіе о цѣли, которая имѣется въ виду, т.-е. о дѣйствіи, которое нужно произвести, и опредѣливъ такимъ же широкимъ образомъ рядъ условій, отъ которыхъ зависитъ это дѣйствіе, остается еще общій обзоръ средствъ, которыя требуются для выполненія этого ряда условій; и когда результаты этого обзора будутъ выражены въ наименьшемъ числѣ самыхъ общихъ предложеній, то эти предложенія и будутъ представлять общее отношеніе между избираемыми средствами и цѣлью и составятъ общую теорію искусства, изъ которой его практическія методы будутъ вытекать, какъ короллярій [538])“. Къ числу такихъ прикладныхъ наукъ принадлежитъ и занимающая насъ наука уголовнаго права.

Вліяніе внѣшнихъ дѣятелей, а въ томъ числѣ и дѣйствій окружающихъ насъ людей на воспроизведеніе въ организмѣ тѣхъ или иныхъ состояній и при томъ не только въ непосредственно слѣдующіе за воздѣйствіемъ моменты, но и въ болѣе отдаленномъ будущемъ познавалось и познается человѣкомъ при посредствѣ количественно нарощавшагося опыта и наблюденій. Усвоенные результаты послѣднихъ формулировались въ правила или нормы, опредѣляющія какъ самыя ничтожныя обстоятельства жизни, такъ и болѣе общія группы отношеній. Совокупность такихъ правилъ или нормъ и составляетъ область нравственности, права и житейскихъ правилъ, въ которыхъ коротко излагается многовѣковой опытъ прошлой жизни человѣчества и которыя представляютъ собою цѣлый кодексъ для дѣятельности отдѣльнаго человѣка въ средѣ другихъ людей. Одна часть этихъ нормъ, давая масштабъ для дѣйствій, опредѣляетъ ихъ преимущественно съ внѣшней стороны, почти не касаясь ихъ внутренней подкладки, другая же преимущественно—со стороны внутренней, со стороны тѣхъ чувственныхъ состояній, изъ которыхъ вытекаютъ и самыя дѣйствія. Для примѣра возьмемъ, напр., нормы „Не убей“ и „Не укради“, воспрещающія рядъ извѣстныхъ движеній, составляющихъ дѣйствія, которыми отнимается жизнь или собствен-

---

[538]) Милль: Система логики, II, 533, см. всю главу XII.

ность у другаго человѣка. Правда, и указанныя нормы касаются внутренней стороны дѣяній, являющейся необходимымъ предшествующимъ всѣхъ внѣшнихъ движеній, но только сравнительно въ незначительной степени: ими воспрещается умыселъ, достигающій степени рѣшимости, въ свою очередь реализирующейся въ дѣйствіяхъ и имѣющей своимъ слѣдствіемъ рядъ движеній, прекращающихъ жизнь или тайно посягающихъ на собственность другихъ людей. Поэтому дифинируя дѣйствія, воспрещаемыя нашими нормами, мы дифинируемъ ихъ преимущественно съ внѣшней стороны, почти не касаясь ихъ внутренней подкладки. Не такова другая норма: „Возлюби ближняго, какъ самого себя“ Она преимущественно имѣетъ въ виду извѣстное внутреннее чувственное состояніе, вызываемое однимъ человѣческимъ субъектомъ въ другомъ. Предписывая это состояніе она, понятно, въ то же время предписываетъ и всѣ тѣ дѣйствія, въ которыхъ можетъ проявляться оно. Она не опредѣляетъ ихъ въ отдѣльности, а разумѣетъ всѣ въ совокупности,—она, такъ сказать, указываетъ принципъ дѣйствій. Этими нѣсколькими словами: „Возлюби ближняго своего, какъ самого себя“ христіанское ученіе выражаетъ весь кодексъ взаимныхъ человѣческихъ отношеній и при томъ выражаетъ его наиболѣе понятно для всякаго: дѣйствуй по отношенію къ другому такъ, какъ ты дѣйствуешь по отношенію къ себѣ. Этимъ все сказано и руководящій принципъ всѣхъ отношеній данъ: нечего ни прибавить, ни убавить.

Первыя нормы суть нормы права, тогда какъ вторыя—нормы нравственности.

Изъ всего сказаннаго становится вполнѣ понятна тѣсная связь области права и области нравственности и невозможность ихъ разграниченія: первая безъ второй—форма безъ содержанія,—потерявшій смыслъ отрывокъ.

Общественная жизнь, необходимо создавая всѣ эти нормы, въ то же время, къ несчастію, различными своими сторонами порождала и явленія ихъ нарушеній, которыя, поражая различныя блага или цѣлаго человѣческаго сопряженія или отдѣльныхъ лицъ не могли болѣзненно не отзываться въ испытывавшихъ ихъ общественныхъ организмахъ, потрясаемыхъ такими нарушеніями часто въ самыхъ основныхъ условіяхъ своего существованія. Отсюда становится понятна

реакція и борьба, которую подобныя нарушенія вызывали какъ со стороны потерпѣвшаго, такъ и со стороны сочленовъ того союза, къ которому принадлежалъ послѣдній и который въ различныя историческія эпохи имѣлъ и различныя основы. Эта реакція во всѣ времена, не смотря на различіе употреблявшихся средствъ, отражала одно стремленіе,—охранить и отстоять отъ нарушеній сложившіяся путемъ постепеннаго приспособленія къ совмѣстной жизни правила для послѣдней, безъ которыхъ эта жизнь становится невозможна, превращаясь въ ожесточенную кровавую борьбу человѣка съ человѣкомъ.

Такимъ образомъ, сама жизнь во всѣ времена постоянно выдвигала одну и ту же насущную цѣль, неизбѣжно вытекавшую изъ самой природы общества. Цѣль эта — уничтожить совсѣмъ или низвести до возможнаго minimum'а потрясенія установленнаго общественнаго порядка, безъ котораго нѣтъ внутренняго мира, нѣтъ развитія, нѣтъ общаго блага и счастія, а лишь хаосъ и одичаніе.

Первоначально вновь образовавшіяся общества для водворенія внутренняго мира употребляли средства, заимствованныя изъ практики прежнихъ между-родовыхъ войнъ, въ которой слѣпымъ совѣтникомъ человѣка являлась возбужденная эмотивная сфера. Отсутствіе знаній, умственная неразвитость и малая культивированность человѣка того времени не могли создать по отношенію къ чужеродцамъ болѣе дѣйствительныхъ и цѣлесообразныхъ средствъ для борьбы съ преступленіемъ. Поэтому не мудрено, что практика между-родовыхъ войнъ продолжала жить и въ первичныхъ уголовныхъ законодательствахъ, которыя и впослѣдствіи развивались въ своемъ первоначальномъ направленіи.

Впослѣдствіи на помощь практикѣ явилась и зародившаяся наука уголовнаго права, которая съ самого своего появленія, по своему существу не могла быть ни чѣмъ инымъ, какъ только наукой прикладной. Какъ и уголовная практика, она была вызвана къ жизни опредѣленною цѣлью,—цѣлью борьбы съ преступленіемъ. Но эта наука, будучи лишена научныхъ источниковъ, которые бы питали ее и которыхъ въ это время еще не существовало, не могла привести къ желаннымъ результатамъ. Она явилась лишь комментаріемъ существовавшихъ законодательствъ, въ кото-

рый его авторы, сыны своего времени, заносили свои личные взгляды, основанные не на тщательномъ изученіи явленій дѣйствительности, съ которыми приходилось имѣть дѣло, а на внутреннемъ несовершенномъ опытѣ и столь же несовершенныхъ повседневныхъ наблюденіяхъ. Но если зародившаяся наука уголовнаго права или, точнѣе, ея старая школа и не могла разрѣшить предстоявшей ей задачи, то въ послѣдующія эпохи своего существованія, путемъ заноса личныхъ, болѣе гуманныхъ взглядовъ авторовъ, она значительно смягчила практиковавшіяся прежде варварскія мѣры репрессіи. Вмѣстѣ съ этимъ она внесла строго-логическую систему въ свое изученіе, хотя и отвлеченное, и создала стройную схему науки, которая, вѣроятно, удержится и на будущее время.

Между тѣмъ быстро подвигавшееся впередъ опытное изслѣдованіе создало, какъ мы видѣли, новыя теченія, съ разныхъ сторонъ направившіяся на изученіе преступленія и преступника а также и средствъ воздѣйствія на него. Благодаря имъ отдѣльно разбросанныя данныя по вопросу скопились уже въ достаточномъ количествѣ и ближайшая задача настоящаго времени—свести все до сихъ поръ сдѣланное въ одно стройное научное цѣлое. Задача собственно уголовнаго права, какъ науки прикладной, вполнѣ ясна: изучить и указать наилучшія средства борьбы съ преступленіемъ и тѣмъ отвѣтить на вѣковые запросы общественной жизни. Для осуществленія этой цѣли необходимо, однако, предварительное изученіе явленій, на которыя прійдется воздѣйствовать, потому, что только изученіе природы (понимая это слово въ томъ широкомъ значеніи, въ какомъ я его употребилъ выше), по справедливому замѣчанію Auguste Compt'a можетъ доставать „истинно раціональныя основы для воздѣйствій человѣка на природу“ [535]). Отсюда слѣдуетъ, что необходимо предварительное изученіе психо-физическихъ особенностей преступника и факторовъ, дѣйствіемъ которыхъ вырабатывается этотъ порочный, недостаточный организмъ, стоящій ниже типа нормальнаго общественнаго человѣка [536]). Необходимо также предварительное изученіе

[535]) Cours de philosophie positive, I, 50 и 51.

[536]) Говоря это я имѣю въ виду преимущественно преступниковъ, совершающихъ общія преступленія.

и самого преступленія въ его факторахъ. Для наличности преступленія мало вѣдь одного порочнаго организма, а необходимы еще извѣстныя условія, извѣстныя воздѣйствія на этотъ послѣдній. Въ два сравнительно близкіе момента своей жизни человѣкъ можетъ оставаться приблизительно одинаковымъ, а между тѣмъ въ послѣдній изъ нихъ передъ нами будетъ уже преступникъ, въ формальномъ значеніи этого слова, тогда какъ въ первый на лицо былъ лишь порочный психо-физическій организмъ. Поэтому очевидно, что для бытія преступленія къ порочному организму необходима еще опредѣленная добавочная величина, — факторы преступленія.

Но и всего этого мало для построенія прикладной науки. Мало изучить преступленіе и преступника вообще. Кромѣ преступленій и преступниковъ, какъ родовыхъ явленій, существуютъ еще преступленія и преступники, какъ явленія видовыя. Если мы скажемъ вмѣстѣ съ Ribot, что „каждому психическому состоянію, каково бы оно ни было, соотвѣтствуетъ и опредѣленное состояніе физіологическое; и наоборотъ, каждому физіологическому состоянію, каково бы оно ни было, соотвѣтствуетъ и опредѣленное состояніе психическое“ [537]), то для насъ станетъ въ значительной степени вѣроятнымъ, что если для совершенія преступленія необходимъ порочный или недостаточный психо-физическій организмъ, то для совершенія различныхъ видовыхъ преступленій необходимы, *говоря вообще*, видовыя особенности порочности психо-физической организаціи. Иначе какъ объяснить, что одинъ преступникъ легко, почти безъ колебаній рѣшается, напр., на убійство, и его мысль какъ бы инстинктивно наталкивается на него, тогда какъ другой не прибѣгаетъ къ нему ни при какихъ условіяхъ, чувствуя къ нему рѣшительное и неодолимое отвращенье и т. д.

Таково должно быть предварительное изученіе. Оно, очевидно, не можетъ быть дѣломъ науки собственно уголовнаго права. Для этого послѣднее не имѣетъ надлежащихъ средствъ, да и задачи его, какъ науки прикладной, слишкомъ опредѣленны. Поэтому указанныя части могутъ

---

[537]) L'hérédité, изд. перв., 168.

быть лишь только заимствованными изъ другихъ наукъ, спеціально ими занимающихся. Относящіяся къ нимъ явленія могутъ и должны быть излагаемы въ системѣ уголовнаго права, но лишь какъ явленія переносныя. Данныя изученія преступниковъ намъ должна доставить антропологія, изучающая человѣка какъ одного изъ членовъ животнаго царства, психо-физіологія, психо-патологія и особенно вновь возникшая судебная психологія.

Хотя преступленіе и есть результатъ сознательной дѣятельности человѣка, но въ то же время оно есть и слѣдствіе болѣе или менѣе устойчиваго несоотвѣтствія особенностей его психо-физической организаціи съ предъявляемыми къ нему требованіями общественной жизни даннаго времени, несоотвѣтствія, источникъ котораго почти всегда кроется въ особенностяхъ безсознательной области или того, что я называю *остовомъ психической личности*. Поэтому понятно, что только изученіе человѣка въ его цѣлости, въ его здоровыхъ и болѣзненныхъ состояніяхъ можетъ освѣтить намъ преступленье въ особенностяхъ его дѣятеля и указать вѣрныя средства для борьбы съ разъѣдающимъ общество зломъ. Антропологія, психо-физіологія, психо-патологія и ихъ спеціальный отдѣлъ — судебная психологія составляютъ тотъ главный, хотя и не единственный базисъ, на которомъ только и можетъ быть построена прикладная наука уголовнаго права [539]). Если, начиная съ XVII столѣтія, какъ замѣчаетъ Ribot, неврологія все болѣе и болѣе врывается въ психологію [540]), въ настоящее время превратившуюся въ психо-физіологію, то съ другой стороны и эта послѣдняя съ своими отдѣлами все болѣе и болѣе начинаетъ врываться въ область уголовнаго права, для котораго она, во всей ея цѣлости, безусловно необходима. Криминалистъ, желающій прочно обосновать свою науку, не можетъ уклониться отъ возможно полнаго ея изученія и долженъ широкой рукой черпать изъ нея основы своихъ положеній. При этомъ возможно обстоятельное знакомство съ результатами наблюденій психіатрической клиники для

[539]) Къ этой мысли близокъ Thomson, когда онъ утверждаетъ, что «леченіе преступленія есть отдѣлъ психологіи». См. The Journal of Mental science, т. 15, «The heroditary Natur of crime», 488.

[540]) L'hérédité, изд. 1-е, 303.

него, какъ и для всякаго психолога, является особенно важнымъ и необходимымъ. И это по многимъ основаніямъ. Укажу хотя нѣкоторыя.

Психическія явленія, какъ и всѣ явленія, подлежащія научному изслѣдованію, могутъ быть изучаемы только при посредствѣ опытнаго метода. По отношенію къ человѣку намъ представляется 3 пути для изученія явленій его психической жизни: самонаблюденіе, опытъ, т.-е. искусственное вызываніе тѣхъ или другихъ психическихъ процессовъ и, наконецъ, изученіе результатовъ клиническаго наблюденія (какъ часть сюда входитъ и наблюденіе вообще) психическихъ явленій и сопутствующихъ имъ явленій органическихъ. Первый путь рѣшительно недостаточенъ. Развивается, напр., безотчетно-тоскливое и удрученное настроеніе духа, странныя, чудовищныя влеченія охватываютъ сознаніе (припомнимъ, напр., Philipp'a, стр. 71), принудительныя и волнующія представленія то и дѣло возникаютъ и устойчиво держатся въ немъ. Спрашивается, откуда всѣ эти непрошенные и непріятные гости? Что можетъ сказать намъ о нихъ самонаблюденіе, не могущее заглянуть въ тайники безсознательной жизни? Чѣмъ обусловлено удрученное настроеніе? Что породило чудовищныя влеченія? Откуда явились принудительныя мысли, повидимому, не имѣющія связи со всѣмъ предшествующимъ?—все это вопросы, на которые самонаблюденіе въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ отвѣчаетъ лишь молчаніемъ. Если же ему случайно и удастся подмѣтить то или другое соотношеніе двухъ рядовъ явленій, то такое наблюденіе остается какъ бы случайнымъ и не выходитъ за предѣлы собственнаго субъективнаго міра, а потому и не можетъ дать прочной опоры для научныхъ построеній.

Второй путь. — путь опыта, въ собственномъ значеніи слова, мало приложимъ къ человѣку. Остается изученіе результатовъ наблюденій психіатрической клиники, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для психологическаго изученія, въ которомъ Auguste Compte основательно видитъ „эквивалентъ опыта въ собственномъ смыслѣ этого слова“ [541]). Наблюденія психіатрической клиники запол-

---

[541]) Cours de philos. posit., III т., 230.

няютъ намъ тѣ многочисленные пробѣлы, которые оставляются изученіемъ при помощи самонаблюденія и опыта. Представляя намъ разнообразнѣйшія и частичныя порчи психофизическаго механизма, психіатрическая клиника тѣмъ самымъ, какъ бы выдѣляетъ дѣятельность разстроенныхъ органовъ и, давая намъ возможность наблюдать сопутствующія органическимъ разстройствамъ измѣненія психическія, дѣлаетъ возможнымъ подмѣчать устойчивыя соотношенія отдѣльныхъ членовъ двухъ неразрывно-связанныхъ рядовъ явленій,—органическихъ и психическихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и роль дѣятельности различныхъ органовъ въ экономіи психической жизни и открываетъ намъ малодоступные при обыкновенныхъ условіяхъ законы отраженія различныхъ органическихъ процессовъ въ сознаніи. Для поясненія возьмемъ конкретный случай. Больной утверждаетъ, напр., что онъ умеръ, или что одна половина его тѣла связана съ трупомъ и проч. [512]). Спрашивается, какимъ путемъ возникли у него подобныя нелѣпыя представленія? Этотъ вопросъ остался бы безъ отвѣта при чисто психологическомъ изученіи, но тщательное изслѣдованіе не замедливаетъ открыть намъ потерю накожной чувствительности или всего тѣла, или одной его половины. Эта находка, сопоставляемая съ другими сходными находками измѣненій въ накожной чувствительности, мускульныхъ галлюцинацій, явленій гиперестезіи и проч. и ихъ отраженій въ сознаніи, и наводитъ насъ на мысль о роли измѣненій накожной и мускульной чувствительности въ экономіи психической жизни и не только во время болѣзненныхъ состояній, но и въ теченіи жизни вообще. Если неправильно функціонирующій мозгъ и даетъ невѣрныя объясненія получаемымъ въ сознаніи отраженіямъ, тѣмъ не менѣе самыя отраженія сохраняютъ все свое научное значеніе.

Путемъ такихъ постоянно расширяющихся изслѣдованій, постепенно и вскрываются передъ нами тайники психическихъ явленій и опредѣляется роль отдѣльныхъ психофизическихъ процессовъ въ крайне сложномъ и гармоническомъ цѣломъ,—душевной жизни человѣка.

Изученіе результатовъ клиническаго наблюденія имѣетъ

---

[512]) Ball: «Lecons sur les maladies mentales», 170.

и еще одно важное значеніе. Оно способствуетъ расширенію нашего кругозора, объективированію нашей мысли и выводитъ насъ за предѣлы нашего сравнительно бѣднаго внутренняго опыта. Исходя лишь исключительно изъ самонаблюденія и изъ поверхностнаго наблюденія сходныхъ съ нами здоровыхъ людей, находящихся притомъ въ сравнительно благопріятныхъ жизненныхъ положеніяхъ, мы обыкновенно приходимъ къ самымъ невѣрнымъ выводамъ и бываемъ рѣшительно неспособны понять истинный смыслъ и значеніе множества психическихъ явленій, лежащихъ за предѣлами нашего внутренняго ограниченнаго опыта. Мало того мы бываемъ при этомъ крайне нетерпимы и субъективны, а потому и прилагаемъ ко всѣмъ исключительно свою узкую мѣрку. Будучи устойчиво сильными, мы рѣшительно не понимаемъ, какъ возможно быстро истощаться и приходить отъ того въ брезгливо-раздражительное настроеніе духа. Нервно слабыхъ и истощенныхъ, не относящихся съ интересомъ къ окружающимъ и склонныхъ къ бездѣятельности и покою мы отмѣчаемъ именемъ лѣнтяевъ и смотримъ на нихъ, какъ на людей *произвольно и сознательно не желающихъ* трудиться. Будучи людьми невозмутимо спокойными и обладая устойчивымъ внутреннимъ равновѣсіемъ, мы бываемъ не въ силахъ понять, какъ возможно быстро приходить въ состояніе крайняго раздраженія, доходящаго до помраченія сознанія. Будучи людьми здоровыми и уравновѣшанными, мы, руководствуясь собственнымъ внутреннимъ здоровымъ опытомъ, тѣмъ менѣе бываемъ въ состояніи понять людей нѣсколько странныхъ, уклоняющихся отъ нормы и испытывающихъ множество странныхъ ощущеній отъ ихъ *невыгодно развитыхъ* или болѣзненно-разстроенныхъ органовъ. Вслѣдствіе этого мы предъявляемъ требованія тамъ, гдѣ нужно вліять, озлобляемся и мстимъ,—гдѣ нужно разумно и спокойно дѣйствовать, предполагаемъ сложные планы и замыслы, — гдѣ имѣемъ дѣло лишь съ темными инстинктивными влеченіями, возникающими въ области неправильно развитой растительной жизни.

Только обращаясь къ тщательному и систематическому наблюденію окружающаго насъ міра, мы мало-по-малу, путемъ этого наблюденія и подыскиванія хотя нѣсколько аналогичныхъ явленій въ собственномъ внутреннемъ опытѣ,

начинаемъ постепенно выходить въ представленіяхъ за предѣлы круга нашего сомочувствія, получаемъ возможность болѣе объективно относиться къ явленіямъ внѣшняго міра, становимся болѣе способны понимать загадочныя явленія чужой душевной жизни и постепенно вырабатываемъ въ себѣ *разумно*-гуманное отношеніе къ окружающимъ, которое вноситъ въ человѣческое общество миръ и терпимость— эти необходимые спутники высокой степени умственно-нравственнаго развитія человѣка.

Особую услугу въ расширеніи нашего кругозора въ этомъ направленіи намъ и оказываютъ наблюденія психіатрической клиники, которыя вскрываютъ передъ нами цѣлый невѣдомый дотолѣ міръ самыхъ разнообразныхъ и странныхъ явленій психической жизни и притомъ вскрываютъ ихъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для тщательнаго наблюденія, когда тотъ или другой процесъ какъ бы выдѣляется изъ ряда всѣхъ остальныхъ, съ нимъ со существующихъ, и особенно ярко окрашивается. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти наблюденія указываютъ намъ и сопутствующія интересующихъ насъ психическихъ явленій, явленія органическія и тѣмъ самымъ улавливаютъ и твердо устанавливаютъ неразрывную связь двухъ рядовъ явленій. При посредствѣ изученія такихъ наблюденій, мы становимся способны отрѣшиться отъ чисто субъективныхъ мѣрокъ и, путемъ нѣкоторыхъ аналогій, до извѣстной степени выяснить себѣ механизмъ загадочныхъ и казалось бы прихотливыхъ явленій душевной жизни и притомъ не только въ ея болѣзненныхъ, но и здоровыхъ состояніяхъ. Болѣзненныя душевныя явленія возникаютъ и развиваются по тѣмъ же законамъ, по которымъ возникаютъ и развиваются и явленія здоровыя. Первыя суть результаты чрезмѣрнаго ослабленія или усиленія вторыхъ, а потому изученіе явленій душевныхъ болѣзней есть въ то же время отчасти и посредствующее изученіе явленій душевнаго здоровья. Поэтому во второй главѣ настоящаго труда я и воспользовался въ такой широкой мѣрѣ фактами наблюденій психіатрической клиники, чтобы, путемъ сопоставленія рѣзко выраженныхъ явленій, лучше выяснить и оттѣнить понятіе порочнаго организма, который, представляя многочисленныя и разнообразныя степени неприспособленности къ условіямъ общественной жизни, въ рѣзко вы-

раженныхъ своихъ формахъ граничитъ съ явленіями всѣми признаваемыхъ душевныхъ разстройствъ, развивающихся на почвѣ органическаго вырожденія, нѣкоторые типическіе примѣры которыхъ я привелъ выше. Съ другой стороны, по той же причинѣ я воспользовался и клиническими фактам и для того, чтобы выяснить вѣроятную роль уклоненій и особенностей тонаціи половой нервной системы въ наблюдаемой наклонности нѣкоторыхъ преступниковъ дѣйствовать убійствомъ для удовлетворенія тѣхъ или другихъ потребностей и влеченій.

Если данныя по изученію преступниковъ намъ должна доставить антропологія и психологія съ своими отдѣлами, то данныя по изученію преступленій намъ должна доставить соціологія съ своими многочисленными подраздѣленіями [543]). Внѣ общества наука не знаетъ человѣка и внѣ общества съ его разнообразнѣйшими отношеніями не существуетъ ни закона, ни преступленія, а потому послѣднее можетъ быть изучаемо лишь на почвѣ общественной жизни и при помощи наукъ ею занимающихся. Оторванное отъ этой почвы оно становится лишь отвлеченнымъ понятіемъ, на безплодный анализъ котораго старая школа потратила столь много крупныхъ силъ. Впрочемъ, точно указать всѣ источники, изъ которыхъ прійдется черпать нужный матеріалъ, крайне затруднительно. Наиболѣе важныя прикладныя науки, по справедливому замѣчанію Auguste Compt'a, пользуются помощью почти всѣхъ главныхъ наукъ или отдѣловъ науки [544]). Дальнѣйшее развитіе только еще начинающей слагаться въ своемъ новомъ видѣ науки уголовнаго права само собою опредѣлитъ ея источники. Можно сказать лишь одно, что нужно искать данныя вездѣ, гдѣ только можно найти ихъ.

Такимъ образомъ, все, входящее въ рамки научной системы уголовнаго права, само собою подраздѣляется на двѣ части. Первая посвящается изученію тѣхъ явленій, на которыя необходимо воздѣйствовать. Эта часть, какъ я уже

---

543) Но нельзя согласиться съ Garofalo и съ ново-италіанской школой вообще, которые ошибочно и самое уголовное право зачисляютъ въ область соціологіи, которая есть наука чистая. «Наша молодая школа», говоритъ Garofalo, «сдѣлала смѣлый шагъ: она классифицировала науку уголовнаго права въ область соціологіи»: Arch. III. «Cio que dovrebbe essere un gind. pen.», 86.

544) Cours de philos. posit., I, 55.

говорилъ выше, представляется заимствованной изъ разныхъ чистыхъ наукъ. Она изучаетъ сосуществующія и сопослѣдующія явленія такъ, какъ они есть, изучаетъ ихъ въ ихъ факторахъ, а слѣдовательно въ ихъ механизмѣ. Оно „удовлетворяетъ основной потребности, испытываемой нашимъ умомъ, знать законы явленій“ [545]). Эта часть есть результатъ преимущественно наблюдающей, испытующей дѣятельности человѣческаго ума. Другая часть занимается изысканіемъ наилучшихъ средствъ, при помощи которыхъ явленія преступленій могутъ быть или вовсе устранены или сведены къ своему возможному minimum'у [546]). Эта часть есть наука-искусство или, иначе, наука прикладная, создаваемая преимущественно творческою дѣятельностью человѣческаго ума. Задача ея не изложеніе механизма сосуществующихъ и сопослѣдующихъ явленій, а изысканіе наилучшихъ средствъ для проведенія опредѣленнаго идеала (который и является ея цѣлью) въ жизнь.

Для упорядоченія всего указаннаго богатаго содержанія научной системы уголовнаго права можно воспользоваться прекрасною схемой, выработанной старой школой. Послѣдняя, какъ извѣстно, подраздѣляетъ всю область уголовнаго права на двѣ части,—общую и особенную. Общую она дѣлитъ на два отдѣла: ученіе о преступленіи и ученіе о наказаніи. Въ первомъ отдѣлѣ она излагаетъ общее ученіе о субъектѣ, объ объектѣ и о самомъ дѣйствіи, а во второмъ—общее ученіе о наказаніяхъ. Особенная часть занята изложеніемъ отдѣльныхъ видовъ преступленій и соотвѣтствующихъ имъ наказаній. Пользуясь этой прекрасной схемой, мы можемъ распредѣлить весь нашъ матеріалъ, доставляемый наблюденіемъ и изученіемъ дѣйствительности, слѣдующимъ образомъ. Часть общая. Отдѣлъ первый. Общее ученіе о преступникѣ и преступленіи. Въ этомъ отдѣлѣ

---

[545]) Тамъ же, 51.

[546]) Эту часть можно пожалуй обограничить только изученіемъ средствъ борьбы съ преступленіемъ въ лицѣ уже народившагося преступника. Но мнѣ кажется болѣе удобнымъ вносить въ нее и отдѣлъ о предупрежденіи, потому что безъ относящихся къ нему средствъ невозможна плодотворная борьба съ преступленіемъ даже въ лицѣ уже народившагося преступника, который, по отбытіи того, что мы называемъ наказаніемъ, снова возвращается въ среду общества.

должно быть излагаемо все, касающееся преступника вообще, какъ порочнаго организма, а также и все, касающееся самого дѣйствія вообще, т.-е. преступленія, какъ реальнаго явленія общественной жизни, въ его факторахъ. Второй отдѣлъ или отдѣлъ прикладной науки долженъ содержать въ себѣ общее ученіе о средствахъ борьбы съ преступленіемъ, не исключая и средствъ предупредительныхъ. Наконецъ вторая часть или часть особенная должна быть посвящена изученію отдѣльныхъ видовъ преступниковъ и преступленій и средствъ воздѣйствія на первыхъ.

Такова стройная научная система уголовнаго права въ которой преступленіе и преступникъ не разсматриваются уже болѣе, какъ „отвлеченныя юридическія сущности", а какъ реальныя явленія общественной жизни, изучаемыя при посредствѣ опытнаго метода, общаго всѣмъ научнымъ отдѣламъ, какъ единому цѣлому—наукѣ вообще.

Для полной обработки такого стройнаго цѣлаго, конечно, необходима упорная работа еще весьма многихъ силъ. Хотя за послѣднее время многое уже сдѣлало по изученію преступленія и преступника и условій ихъ порождающихъ, но сдѣланнаго все еще далеко не достаточно. Необходимо, чтобы отчасти судебная практика, а главнымъ образомъ, такъ называемыя, карательныя учрежденія начали доставлять болѣе обстоятельный матеріалъ для научныхъ изслѣдованій. Уголовно-пенитенціарная статистика, конечно, можетъ иногда наводить на нѣкоторыя догадки, но, понятно, далеко не достаточныя. Для науки необходимо точное изученіе явленій въ ихъ факторахъ, а этого-то уголовно-пенитенціарная статистика и не даетъ. Судебные процессы какъ въ ихъ предварительномъ, такъ и въ судебномъ слѣдствіи обыкновенно доставляютъ также весьма скудный матеріалъ. Только въ процессахъ, особенно выдающихся по личностямъ подсудимыхъ или по условіямъ ихъ совершенія, можно бываетъ найдти, хотя и съ большими пробѣлами, нѣкоторыя данныя для характеристики самого дѣятеля, условій его создавшихъ и факторовъ совершеннаго имъ преступленія. Въ остальныхъ же, такъ-называемыхъ, мелкихъ процессахъ, которые, однако, составляютъ собою громаднѣйшее большинство, самыя необходимыя и основныя свѣдѣнія совершенно отсутствуютъ. Карательныя учрежденія также или

вовсе не даютъ ничего, или даютъ крайне мало. Завѣдывающіе ими обыкновенно вовсе и не заботятся о собираніи какихъ-либо свѣдѣній о личности, семьѣ и прошлой жизни заключенныхъ. Изъ осмотрѣнныхъ мною многихъ тюремъ въ различныхъ странахъ Западной Европы я могу указать на одинъ лишь пенитенціарій Невшателя, гдѣ можно еще найдти нѣкоторыя сравнительно цѣнныя систематическія данныя для характеристики каждаго заключеннаго. А между тѣмъ карательныя учрежденія, если бы ихъ административный персоналъ состоялъ изъ людей болѣе подготовленныхъ къ дѣлу, легко могли бы, кромѣ непосредственной пользы благотворнаго вліянія на преступника, доставлять и драгоцѣннѣйшій научный матеріалъ.

Вслѣдствіе недостатка послѣдняго, особенно мало изслѣдованъ еще генезисъ преступленія, какъ необходимый результатъ воздѣйствій опредѣленныхъ внѣшнихъ вліяній на опредѣленный *психическій составъ* личности, если можно такъ выразиться. А между тѣмъ только изучая преступленіе въ его генезисѣ, возможно понять его дѣйствительную природу и найдти дѣйствительныя средства борьбы съ нимъ. Въ цѣпи послѣдовательно развивающихся явленій, въ которой предшествующія являются факторами вновь нарождающихся послѣдующихъ, преступленіе не составляетъ исключенія и имѣетъ свою исторію и при томъ исторію родовую и исторію индивидуальную [517]). Если и не всегда, то по меньшей мѣрѣ въ значительномъ числѣ случаевъ душевно больной и преступникъ (какъ порочный организмъ) являются искупительными жертвами за грѣхи, недостатки, ошибки и заблужденія ихъ входящихъ. Душевныя болѣзни и крупные пороки организаціи, какъ показываютъ подвигающіяся впередъ изслѣдованія, являются часто лишь финаломъ въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній посте-

---

[517]) Капитальное изслѣдованіе Dugdal'емъ рода Jukes представляетъ прекрасный примѣръ родовой исторіи преступленія. «Привычные преступники», говоритъ въ предисловіи къ этому изслѣдованію Elicha Harris «происходятъ почти исключительно изъ выраждающихся родовъ», 5). «Я думаю», говоритъ Maudsley, «что человѣкъ имѣетъ четыре природы: свою животную природу, свою природу человѣческую, *свою природу родовую* и свою природу индивидуальную» La pathologie de l'esprit. 95. Вотъ эта-то родовая природа и обусловливаетъ то, что я называю родовой исторіей преступленія.

пенно нарощавшейся органической деградаціи,—этого худшаго изъ всѣхъ золъ, которымъ сами собою караются нарушенія законовъ жизни организма. Всѣ грѣхи, недостатки ошибки и заблужденія оставляютъ свой неизбѣжный органическій слѣдъ, записываются въ книгу жизни и вносятъ свою опредѣленную долю вліянія въ дальнѣйшія судьбы нисходящихъ поколѣній. „Извѣстно, что рядомъ съ передачею по наслѣдству какихъ-либо отличительныхъ признаковъ, характеризующихъ наблюдаемыя семьи“, говоритъ проф. Жоли, „существуетъ нерѣдко постепенное накопленіе условій, подготовляющихъ тѣхъ или другихъ личностей изъ этихъ семей. или фамилій, къ той или другой физической или душевной болѣзни, къ слабоумію, помѣшательству или даже къ нѣкоторымъ порокамъ. Фактъ этотъ до такой степени прочно установленъ теперь наукою, что ни одинъ образованный человѣкъ не питаетъ относительно его ни малѣйшихъ сомнѣній“ [518])

Въ теченіи этого иногда долго длящагося процеса деградаціи, когда въ нисходящихъ поколѣніяхъ постепенно замираютъ лучшія человѣческія чувства, являющіяся необходимою основой человѣческаго общежитія и дальнѣйшаго развитія, члены рода *пошедшаго на убыль*, руководимые своими унаслѣдованными влеченіями и склонностями, постоянно получаютъ какъ бы предостереженія въ различныхъ конституціональныхъ болѣзняхъ, непріятностяхъ и незадачахъ. Но не всегда, а вѣрнѣе рѣдко, знаніе и разумно-благодѣтельныя внѣшнія вліянія приходятъ къ нимъ на помощь [519]), а потому предостереженія проходятъ, не производя надлежащаго вліянія. Но законы природы непреложны, а пото-

---

[518]) Психологія великихъ людей, 51 и 2. Вообще интересна вся глава о фамильной наслѣдственности 51—130.

[519]) Отдѣльныя линіи нерѣдко, конечно, возраждаются путемъ благопріятныхъ браковъ, а слѣдовательно—обновленія крови. Всякій въ своихъ воспоминаніяхъ, вѣроятно, найдетъ не мало примѣровъ постепенной деградаціи семей. Лучшій же примѣръ этого рода, по прекрасной обработкѣ, представляетъ исторія рода Jukes, въ которой читатель можетъ слѣдить за перепетіями процеса по прекрасно составленнымъ генеалогическимъ таблицамъ. Въ одномъ изъ своихъ разсказовъ (Отечественныя Записки 1881 г. «По деревнямъ») Г-жа Горбунова приводитъ разсказъ крестьянки, изъ котораго видно, что явленія родоваго вырожденія подмѣчены и ходячимъ народнымъ опытомъ. Говоря о законѣ наслѣдственности, мы встрѣтимся со многими фактами этого рода.

му отягощенный органическими грѣхами родъ неминуемо призывается къ отвѣтственности въ лицѣ его несчастныхъ представителей и тогда начинается иногда долго еще длящаяся агонія заклейменнаго рода, въ теченіи которой его отпрыски проходятъ черезъ состоянія бѣдности, пауперизма, всяческаго униженія, гнилостнаго разложенія ихъ нравственныхъ личностей, если можно такъ выразиться, и не рѣдко попадаютъ въ палаты домовъ для душевно-больныхъ, въ нищенскія депо и на скамьи подсудимыхъ. Этимъ, въ лицѣ потомковъ иногда даже славнаго по своимъ качествамъ прежде рода, совершается конечный судъ и наказаніе за грѣхи, неправды, ошибки и заблужденія восходящихъ поколѣній. Сильное физически и нравственно живетъ и развивается, а слабое гнилостно разлагается и умираетъ. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія генезисъ преступленія и душевной болѣзни придаетъ глубокій смыслъ вѣрованію народовъ о наслѣдіи грѣха и осужденія.

Такова родовая исторія преступленія. Но послѣднее имѣемъ еще и индивидуальную исторію, т.-е. исторію, заключающуюся въ предѣлахъ исторіи жизни его совершителя. И въ этой послѣдней конечные корни преступленія часто, а можетъ быть и въ большинствѣ случаевъ, отходятъ чуть не къ самому раннему дѣтству. Только оцѣнивая преступленіе, какъ психіатръ оцѣниваетъ наблюдаемую имъ душевную болѣзнь, въ связи со всѣми возможно-подробными свѣдѣніями о всей прошлой жизни совершителя, мы въ состояніи будемъ выдѣлить анализомъ его послѣдовательные факторы и соотвѣтственно имъ изыскать и средства лѣченія. Правда, что личность, какъ увидимъ далѣе, является на свѣтъ съ опредѣленными наслѣдственными задатками, иначе говоря, съ опредѣленнымъ психическимъ остаткомъ, который отчасти уже напередъ опредѣляетъ будущій нравственный обликъ личности, но послѣдующими внѣшними воздѣйствіями и культурой переданныхъ задатковъ въ значительной мѣрѣ будутъ опредѣляться событія (по скольку, конечно, послѣднія зависятъ отъ самой личности), а въ томъ числѣ и преступленія ея послѣдующей жизни. Конечно, воспитательная культура изъ плохаго матеріала не выработаетъ гиганта, но она все-таки въ значительной мѣрѣ опредѣлитъ, протечетъ ли жизнь человѣка безъ силь-

ныхъ потрясеній для него самого и для общества, или же она станетъ въ тягость и ему и этому послѣднему. Понятно, что неразумный и наслѣдственно въ большей или меньшей степени отмѣченный ребенокъ, предоставленный самому себѣ и свободнымъ влеченіямъ своей порочной организаціи, да вліянію примѣра одичалой и деградированной семьи, неминуемо пойдетъ по пути паденія къ своему конечному нравственно-физическому разрушенію, обыкновенно сопровождающемуся и потрясеніями общественнаго порядка [350]). Вотъ здѣсь-то и должна начинаться благотворная роль общества или, правильнѣе, разумной его части, на долю которой достались блага умственно-нравственнаго развитія, свѣтъ научнаго знанія, и которая имѣетъ въ своихъ рукахъ могущественныя воспитательныя средства для противодѣйствія злу нравственнаго развращенія. Поэтому утвержденіе, что вина преступленія лежитъ на обществѣ, *въ нѣкоторой степени* имѣетъ свой разумный смыслъ и значеніе. „Если общество“, справедливо говоритъ д-ръ Channing, „не будетъ употреблять средствъ своего благосостоянія на то, чтобы спасти невѣжественнаго и бѣднаго отъ грязнѣйшаго порока, то оно должно страдать отъ преступленія и заслуживаетъ этого страданія. Если ребенокъ оставляется расти въ положительномъ невѣденіи объ обязанностяхъ и о Томъ, Кто его создалъ, о своихъ отношеніяхъ къ обществу; если онъ оставляется расти въ атмосферѣ нечестія и невоздержанія, практикуя обманъ и мошенничества, то пусть общество и не жалуется на его преступленія“. „Ваши грязные британскіе юноши“, язвительно замѣчаетъ англійскій сатирикъ Baby, „окружены принципами habeas corpus о ненарушимости свободы и справедливости. Вы предоставляете ихъ отцамъ и матерямъ и всякому, кто захочетъ избавить васъ отъ безпокойства слѣдить за ними, образовывать ихъ въ ихъ ранніе годы, какъ они того желаютъ. Если же воспитатели случайно оставятъ ихъ безпомощными инвалидами,— вы помѣщаете ихъ въ дома для призрѣнія бѣдныхъ; если они дѣлаютъ ихъ ворами, — вы сѣчете ихъ или содержите съ большими издержками въ Millbank'ѣ или Dartmoor'ѣ;

---

350) См. мою статью: «Заброшенныя и преступныя дѣти и учрежденія для исправительнаго воспитанія». Русск. Мысль, 1884, іюль.

если ихъ страсти, никогда не контралировавшіяся, натолкнутъ ихъ на убійства, — вы ихъ вѣшаете, исключая случаевъ, когда преступленія на столько ужасны, что привлекаютъ благосклонное вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ; если они совершаютъ самоубійства, — вы назначаете слѣдствія, которыя стоятъ денегъ, даете даровые гроба и хороните ихъ. А между тѣмъ я могу доказать вамъ, что эти существа, съ которыми вы обращаетесь, какъ съ собаками на ярмаркѣ, не соприкасались не только въ теченіи дней, но даже часовъ съ добротой, чистотой, правдой или только доброжелательностью“ [551]). И дѣйствительно, если первые зачатки преступленія въ его индивидуальной исторіи отходятъ къ раннему дѣтству, то не неразумному, и несмышленому ребенку, окруженному неблагопріятными условіями и, къ несчастію, часто еще унаслѣдовавшему порочныя особенности психофизической организаціи, бороться съ ними, а обществу, которое, въ лицѣ просвѣщенной и разумной своей части, понимаетъ смыслъ и значеніе первыхъ зловѣщихъ признаковъ и можетъ найдти средства къ ихъ устраненію, а потому на немъ и лежитъ вина если зная и понимая оно не выполняетъ своей задачи. „Жнутъ, что сѣяли“, справедливо замѣчаетъ въ своемъ отчетѣ извѣстный общественный дѣятель Бельгіи, Ducpetiaux, говоря о деградированныхъ семьяхъ, „и если дерево остается безплодно или приноситъ только дурные плоды, то не вина ли это по большей части садовника [552])?

Теперь мнѣ бы слѣдовало перейдти къ главному предмету работы, — малолѣтнимъ преступникамъ, но я предпочитаю нѣсколько удлиннить это введеніе, посвящая его окончаніе краткому очерку явленій психофизической наслѣдственности съ одной стороны и явленій приспособляемости съ другой, который и составитъ переходъ ко второй части. Вопросъ о наслѣдственности и о возможности борьбы съ дурными наслѣдственными проявленіями стоитъ въ предверіи прикладной науки уголовнаго права. Для нее, какъ увидимъ далѣе, онъ краеугольный вопросъ, а потому я и отвожу ему мѣсто во введеніи.

[551]) Wines: «The State of Prisons, 72.

[552]) «Colonies agricoles, écoles rurales et écoles de réformè etc» Rapport adressé à M. Fesch, Ministre de la justice par Ducpetiaux, XVIII. См. также въ 3 изданіи сочиненія Lombroso IV главу о задаткахъ преступности у дѣтей.

VIII.

„На Востокѣ“, говоритъ Lucas, „существуетъ странная легенда [553]), по своему содержанію, относящаяся къ первымъ временамъ творенья. Она разсказываетъ, что когда изгнанные Адамъ и Ева уходили изъ рая, держа другъ друга за руки, то ангелъ Гавріилъ явился имъ. „Оставь руку Евы, сказалъ онъ Адаму, — Богъ хочетъ, чтобы ты былъ отдѣленъ отъ нея“. Они исполнили велѣнье и горько заплакали, причемъ Адамъ ударилъ себя по бедру, а Ева взялась рукою за голову. Отсюда, по словамъ легенды, традиціональная и наслѣдственная привычка мужчинъ и женщинъ: одни въ горѣ ударяютъ себя по бедру, а другія хватаются рукою за голову [554]).

Эта легенда ясно указываетъ намъ, что уже издавна ходячій народный опытъ подмѣтилъ обще-біологическій законъ наслѣдственной передачи и указалъ на его вліяніе не только въ сферѣ физической, но и въ сферѣ психической. Свое знаніе онъ формулировалъ и во множествѣ пословицъ, повидимому, существующихъ у всѣхъ народовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, правда, заноснаго происхожденія и встрѣчаются въ разныхъ мѣстностяхъ, что, впрочемъ, нисколько не умаляетъ ихъ значенія, какъ формулъ обще-народнаго убѣжденія. „Отцы поѣли зеленаго винограда, а у дѣтей на зубахъ оскомина набилась“ говорятъ пословицы еврейская и англійская. „Яблочко не далеко отъ яблонки падаетъ“, говоритъ наша русская, а съ ней и нѣмецкая (Der Apfel fält nicht weit vom Stamm) и итальянская (Il fruto non cade lontano dal l'albero). „Каковъ источникъ, такова вода“. „Какъ поютъ старые, такъ щебечутъ молодые“, говорятъ двѣ другія нѣмецкія. „Цыпленокъ обнаруживается въ яйцѣ,— ребенокъ въ колыбели“, поясняетъ армянская. „Узнай отца, узнай мать и такъ суди объ ихъ дѣтищѣ“, совѣтуетъ грузинская и пр.

Литературамъ народовъ древности, какъ указываетъ Lucas, былъ хорошо извѣстенъ бьющій въ глаза фактъ на-

---

553) Она заимствована имъ изъ сочиненія Perron: «Légendes orientales.— Apersu historique sur les temps anté—islamiques, Rev. ind. t. IV, p. 450.

554) L'hérédité naturelle, II, 594.

слѣдственной передачи физическихъ и психическихъ особенностей [555]). Вся разница состояла лишь въ томъ, что однѣ изъ нихъ приписывали его мужскому, а другія женскому вліянію [556]). Особенно ясно отразилось это убѣжденіе въ наслѣдственной передачѣ въ вѣрованіяхъ древнихъ, что наказаніе за грѣхи поражаетъ не только виновныхъ, но и ихъ нисходящихъ, часто до третьяго и четвертаго колѣна или же и до полнаго угасанія рода [557]). То же убѣжденіе дало начало и распространенному въ древности уваженію къ чистотѣ крови. „Хорошая кровь не можетъ обманывать“, говоритъ народная поговорка. Оно же, какъ полагаетъ Lucas, залегло и въ основаніе дѣленія на касты [558]) и сказалось въ запрещеніи законами индусовъ браковъ съ членами семей, страдающихъ тѣми или другими болѣзнями [559]) „Общества, которыя допускали наслѣдственность добродѣтелей и заслугъ и которыя считали нужнымъ освятить это вѣрованіе учрежденіемъ знати, послѣдовательно должны были допустить“, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Ribot, „и наслѣдственность пороковъ и преступныхъ влеченій. Отсюда и происходятъ проклятыя расы, нечистыя касты, изгнанные роды и преступленія отца, наказываемыя въ лицѣ дѣтей и внуковъ. Исторія учитъ насъ, что чѣмъ болѣе мы углубляемся въ древность, тѣмъ болѣе это вѣрованіе является общимъ и тѣмъ болѣе представляются многочисленными учрежденія и законы, въ которыхъ оно выражается“ [560]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что, согласно жизненному опыту и убѣжденію народовъ, человѣкъ не является на свѣтъ какой-то tabula rasa, какой-то статуей, какъ думали Bonnet и Condillac, свободной отъ слѣдовъ всякихъ воздѣйствій, на которой только послѣдующія жизненныя вліянія начинаютъ уже расписывать различные узоры. Его прирожденныя особенности не представляются, какъ уви-

---

555) Тамъ же, II, 292. Maudsley: «Отвѣтственность при душевн. болѣз.», 23.

556) Тамъ же, I, 351, 368, 369, 514, 520.

557) Maudsley: «La pathologie de l'esprit», 93 и 94. Отвѣтств. при душевн. болѣз., 23, 26.

558) «L'héréd natur». I, 341—352.

559) Тамъ же, 349.

560) L'héréd. psych., изд. 2. 373

димъ далѣе, результатами какихъ-либо случайныхъ вліяній, а, напротивъ, отражаютъ въ себѣ долгую жизненную исторію его предковъ, записанную въ книгѣ бытія лишь особыми органическими знаками. Въ этомъ и состоитъ консерватизмъ наслѣдственности. Послѣдняя, по мѣткому выраженію Lucas, есть „память жизни (mémoire de la vie) [561]), вслѣдствіе которой человѣкъ и послѣ смерти продолжаетъ жить въ своемъ потомствѣ какъ въ своихъ хорошихъ качествахъ, такъ и въ своихъ порокахъ. При его появленіи на свѣтъ, въ немъ какъ бы воскресаютъ къ новой жизни души его предковъ, но конечно, не какъ вновь проснувшіяся прежнія „я“, а какъ суммы бывшихъ свойственными и имъ психическихъ особенностей, обусловленныхъ унаслѣдованіемъ особенностей органическихъ. Ученіе древнихъ о переселеніи душъ, но, конечно, не въ его детальныхъ особенностяхъ, а въ его основной идеѣ, повидимому, какъ это не странно,—зиждилось на данныхъ опыта. Переходъ пріобрѣтенныхъ психическихъ особенностей отъ предковъ къ ихъ потомкамъ и предопредѣленіе судьбы послѣднихъ дѣйствіями первыхъ представляли и представляютъ собою повседневно наблюдаемые факты. Только разсчитанный подборъ систематическихъ вліяній можетъ, какъ мы увидимъ далѣе, въ значительной мѣрѣ измѣнять это роковое предопредѣленіе жизненной судьбы нисходящихъ всяческимъ развратомъ и пороками ихъ восходящихъ.

Новѣйшая наука вполнѣ подтвердила вѣрованія древнихъ и воззрѣнія ходячаго опыта, выраженныя въ народныхъ пословицахъ, и собрала громадный и строго-провѣренный матеріалъ для ихъ подтвержденія. „Наслѣдственность“, говоритъ она, „создаетъ каждому его особую судьбу, и всякій изъ насъ есть необходимое органическое слѣдствіе опредѣленныхъ органическихъ предшествующихъ и какъ таковое не можетъ избѣжать тираніи своей организаціи“ [562]). Такъ коротко формулируетъ д-ръ Maudsley новѣйшія научныя воззрѣнія на значеніе наслѣдственныхъ вліяній, и его фор-

---

561) «L'hérédité natur.», II, 1.

562) Maudsley «La pathologie de l'esprit», 93. На 59 стр. другаго своего сочиненія «Body and mind»—онъ замѣчаетъ: «Прогрессивное развитіе человѣческаго мозга представляетъ собою доказательство, что мы унаслѣдуемъ, какъ естественный надѣлъ, трудовыя пріобрѣтенія нашихъ предковъ».

мула вполнѣ соотвѣтствуетъ фактическимъ даннымъ, которыя согласно указываютъ намъ, что закону наслѣдственной передачи подчиняются всѣ, даже мельчайшія особенности органазаціи. Наслѣдственно передаются особенности кровеносной системы (напр., размѣры сердца, калибръ и особенности сосудовъ и проч.), особенности пищеварительнаго аппарата, нервной, половой и мускульной системъ, особенности тканей и количественныя и качественныя особенности различныхъ органическихъ жидкостей и пр. [563]). „Нѣтъ ни одного внутренняго органа", замѣчаетъ Lucas, собравшій въ своемъ двухътомномъ сочиненіи—„L'hérédité naturelles" многочисленный фактическій матеріалъ, „который не былъ бы подчиненъ закону наслѣдственной передачи" [564]). „Посмотрите на сложность этихъ зародышевыхъ элементовъ", восклицаетъ Maudsley. „Нѣтъ ни одного органа въ тѣлѣ родителей, какъ мы имѣемъ основаніе думать, нѣтъ ни одной ткани, изъ которыхъ слагаются органы, нѣтъ ни одного элемента тканей, особенности которыхъ не были бы скрытымъ и таинственнымъ образомъ представлены въ этомъ маленькомъ зародышѣ" [565]). Какія мельчайшія органическія особенности передаются наслѣдственно, видно, напр., изъ слѣдующаго случая, разсказаннаго д-мъ James Paget. У одной своей паціентки — невростенической дѣвушки—докторъ замѣтилъ во время изслѣдованія особый способъ краснѣнія: сначала появлялось густое красное пятно на щекѣ и за нимъ уже только слѣдовали другія пятна на самомъ лицѣ и на затылочной части шеи. На вопросъ, обращенный къ присутствовавшей при изслѣдованіи матери, послѣдняя отвѣтила, что этотъ способъ краснѣнія унаслѣдованъ дочерью отъ нея, при чемъ и сама она покраснѣла также, какъ и ея дочь [566]). Изъ этого примѣра мы видимъ, что даже особенности инерваціи очень небольшаго отдѣла поверхностныхъ кровеносныхъ сосудовъ могутъ передаваться по наслѣдству.

Соотвѣтственно этому, какъ можно предвидѣть и напе-

---

563) Lucas, I, 219 и сл., Reich: «Die Erblichkeit der Gebrechen des Leibes und der Seele», 16. Ribot: «L'héréd., 2-e, 3 и сл.

564) Lucas, I, 223.

565) «La pathol. de l'esprit, 98.

566) Beard: «Die Nervenschwäche», 49.

редъ, наслѣдственно передаются и всѣ особенности психической организаціи, начиная съ пріобрѣтенныхъ привычекъ, инстинктовъ, особенностей чувствительности, ощущеній, вкусовъ, талантовъ, страстей и влеченій, зарождающихся въ различныхъ органическихъ системахъ, и кончая особенностями обычнаго настроенія или общаго чувства и [567]) характера.

Я не стану здѣсь утруждать вниманія читателя цитированіемъ многочисленныхъ примѣровъ, по отношенію къ которымъ затруднителенъ лишь выборъ. Для поясненія приведу только нѣкоторые, довольно характерные.

De Candole въ главѣ: „Etude speciale de l'hérédité“ передаетъ слѣдующій разсказъ James Simpson'a. Знаменитый хирургъ былъ однажды приглашенъ на роды къ одной маркизѣ. Онъ первый объявилъ ея мужу о рожденіи у него сына. Маркизъ былъ весьма обрадованъ вѣстью и началъ при этомъ особенно страннымъ способомъ потирать свои руки, такъ что нѣсколько удивилъ Simpson'a. *Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого маркизъ умеръ*, а лѣтъ черезъ 12 или 15 Simpson, по поводу какой-то болѣзни, былъ снова приглашенъ къ маркизѣ. Онъ узналъ при этомъ, что принятый имъ мальчикъ очень огорчается отказомъ матери купить паровую машинку. Simpson уговорилъ маркизу исполнить желаніе сына, и когда сообщилъ послѣднему о согласіи матери, то, къ крайнему своему удивленію, замѣтилъ у мальчика тотъ же способъ потиранія рукъ при радости, какой онъ много лѣтъ тому назадъ замѣтилъ у его покойнаго отца [568]).

Одинъ господинъ усвоилъ себѣ привычку накладывать, лежа въ кровати, правую ногу на лѣвую. Его дочь принесла съ собой эту привычку уже при появленіи своемъ на свѣтъ и въ колыбели, не смотря на стѣсненія отъ одѣялецъ, постоянно принимала эту позу [569]). Сходный случай унаслѣдованія извѣстенъ лично мнѣ. Привычка накладыванія подъ одѣяломъ одной ступни на другую и особаго способа поджиманія пальцевъ верхней ступни унаслѣдствована мальчикомъ отъ его матери.

---

[567]) Lucas, I, 372 и сл. Ribot, 2-е издан., 38 и сл., 71—86, 89—103.

[568]) «Histoire des sciences et des savants», 316.

[569]) Ribot, 2-е изд. 52.

Lucas разсказываетъ о лично имъ наблюдавшемся наслѣдственномъ отвращеніи, въ теченіи трехъ поколѣній, къ принятію какихъ бы то ни было жидкостей [570]). Одинъ шотландскій разбойникъ за совершеніе нѣсколькихъ убійствъ, вызванныхъ между прочимъ неодолимымъ влеченіемъ ко вкусу человѣческаго мяса, былъ сожженъ съ женою и дѣтьми, исключая младшей дочери, которой въ то время не было и года. Послѣдняя, воспитанная внѣ родительскихъ вліяній, совершила то же преступленіе, достигнувъ 12-ти-лѣтняго возраста, за что и была казнена. „Почему вы выражаете отвращеніе?“, спрашивала она своихъ воспитателей. „Если бы знали, какъ вкусно человѣческое мясо, то всѣ бы стали ѣсть своихъ дѣтей“ [571]). Интересный примѣръ унаслѣдованія обычнаго настроенія передаетъ Lucas. Это примѣръ д ра Janhson'a, которой унаслѣдовалъ отъ своего отца равнодушное отношеніе ко многому, что волнуетъ другихъ людей, и обычно мрачное настроеніе духа [572]). Но наиболѣе рѣзко выраженные случаи унаслѣдованія особенностей настроенія или общаго чувства и при томъ иногда въ строго совпа. дающіе періоды жизни, — это случаи унаслѣдованія неодолимаго влеченія къ самоубійству. Нѣсколько поразительныхъ примѣровъ этого рода приведено, напр., въ сочиненіи Moreau (de Tour) —„La phychologie morbide“ [573]). Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ влеченіе къ самоубійству существовало въ семьѣ въ теченіи 3 генерацій. Въ послѣднемъ выпускѣ Archivio di psichiatria, scienze penali за 1883 годъ, д-ръ Maccabruni приводитъ нѣсколько заимствованныхъ имъ подобныхъ же случаевъ, а затѣмъ разсказываетъ и собственное наблюденіе семьи самоубійцъ, въ которой жертвою пагубнаго влеченія сдѣлался 62 лѣтній отецъ, 2 сына, дочь и внукъ, а одинъ сынъ пока еще только томится этимъ влеченіемъ, чувствуя свое безсиліе бороться съ нимъ [573]). Д-ръ Féré приводитъ интересный случай этого рода, разсказанный Hammond. Нѣкто перерѣзалъ себѣ бритвой горло въ ваннѣ, будучи 36 лѣтъ отъ роду. Послѣ него осталось трое дѣтей: два сына, которые въ тотъ же возрастъ и тѣмъ

---

570) Lucas, I. 388.

571) Moreau (de Tour): «De l'homicide», 26.

572) См. стр. 171—177. См. также сочин. Trelat «La folie lucide», 270 и сл.

573) «Arch. di psich.», 1883, fas. VI, 429 и сл.

же способомъ лишили себя жизни, и дочь, также перерѣзавшая себѣ горло въ ваннѣ, когда ей было 34 года. Она оставила сына, который, послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ, лишилъ себя жизни тѣмъ же способомъ, будучи 31 году отъ роду“ [573*]). Д-ръ Legrand du Saulle, говоря о прирожденныхъ особенностяхъ дѣтей, замѣчаетъ: Одни робки, кротки, справедливы, честны и добры, а другія наглы, лживы, горды и злы. Эти неспособны дѣлать зло, потому что ихъ природа противится всякому порицаемому дѣйствію: тѣ злонамѣренны и легко сродняются съ мыслію о причиненіи вреда другимъ. Если мы теперь станемъ отыскивать первоначальную причину этихъ бьющихъ въ глаза различій, то не припомнимъ-ли мы тотчасъ же слѣдующую мысль Наполеона I: «Будущность ребенка есть всегда работа его матери» [574]).

На ряду съ основными особенностями психической личности, съ ея остовомъ, наслѣдственно передаются и всѣ особенности ея высшихъ способностей, способностей умственныхъ, которыя и отмѣчаютъ иногда семьи въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній [575]). „Мы знали семьи“, говоритъ De Candolle, руководствуясь собственнымъ продолжительнымъ опытомъ и опытомъ своего отца, „въ которыхъ преобладало воображеніе, а другія,—въ которыхъ преобладалъ разумъ; мы знали семьи ограниченныя и семьи, отличавшіяся умственными способностями своихъ членовъ“ [576]).

Однимъ словомъ, наслѣдственно передаются всѣ особенности личности отъ низшихъ до высшихъ включительно. „Вліяніе наслѣдственности“, замѣчаетъ Ribot, „распространяется на всѣ элементы, на всѣ функціи организма, на его внѣшнюю и внутреннюю структуру, на его болѣзни, на его особенности и на его пріобрѣтенныя измѣненія“. „Показавъ долгимъ перечисленіемъ фактовъ“, говоритъ онъ далѣе, „что чувственныя и интеллектуальныя способности передаются наслѣдственно, и что также возможно унаслѣдовать чахотку, рахитизмъ или долговѣчность, мы надѣя-

---

573*) Arch. de Neurol.: «La famile névropathique» 1884, № 10, 7.

574) «Gazette des hopitaux», 1867, «Les enfant devant la justice».

575) Lucas, I, 585 и сл., Ribot, 2-e, 65 и сл.

576) «Hist. des scien». 324.

лись, что, по меньшей мѣрѣ, часть психической жизни находится внѣ сферы дѣйствія детерминизма, что характеръ, личность, наше, „я“ ускользаютъ отъ вліянія наслѣдственности. Но оказывается, что наслѣдственность, т.-е. детерминизмъ, охватываетъ насъ со всѣхъ сторонъ, какъ со стороны внѣшней, такъ и со стороны внутренней“ [577]). Профессоръ Ball такъ очерчиваетъ роль наслѣдственности вообще. „Каждый изъ насъ“ говоритъ онъ, „есть продуктъ работы, начала которой отходятъ въ глубь вѣковъ. Доля нашей психо физической организаціи, лично намъ принадлежащая, крайне незначительна, если мы ее сравнимъ съ тѣмъ, что приходится на долю нашихъ предковъ. Если бы мы могли облечь тѣломъ ту абстракцію, которую мы называемъ наслѣдственностью и надѣлить ее голосомъ, то она могла бы сказать намъ словами Писанія: „Гдѣ былъ ты, когда я закладывала фундаментъ твоей организаціи“? [578]).

Передачею анатомическихъ и психо-физіологическихъ особенностей не ограничивается вліяніе закона наслѣдственности. Различныя формы душевныхъ болѣзней и различныя порочности психо-физической организаціи, вырабатываемыя восходящими, подъ вліяніемъ-ли условій разъѣдающей бѣдности и по большей части соединенной съ нею духовной нищеты, или подъ вліяніемъ развращающаго бѣздѣлья и роскоши, какъ и слѣдуетъ ожидать, наслѣдственно переходятъ и къ ихъ нисходящимъ и создаютъ изъ нихъ многочисленныя разновидности вырожденія расы, которыми и пополняются, такъ называемые, „опасные классы“ общества. населеніе тюремъ и заведеній для душевно-больныхъ „Они малы, хилы, лимфатичны, золотушны или косоглазы“, такъ описываетъ д-ръ Legrand du Saulle нѣкоторыя изъ этихъ разновидностей еще въ самомъ ихъ дѣтствѣ“. „Они имѣютъ мало развитыя или очень большія головы, узкія груди и медленное кровообращеніе. Они всегда запаздывали“. „Своенравные, раздражительные, буйные и, къ несчастію, мало интиллигентные, они чужды всѣхъ благородныхъ чувствъ и неисправимы“. „Эти существа, столь несчастно рожден-

---

[577]) Ribot, 2 и 324.

[578]) „Leçons sur les maladies mentales“, 359.

ныя ни душевно-больные, ни слабоумные, ни идіоты.... они суть отсталые". „Иногда они дѣти стариковъ, кровныхъ родственниковъ, пьяницъ, эпилептиковъ или душевно-больныхъ. Иногда же — и это наиболѣе частый случай — они обязаны жизнію неизвѣстному отцу и матери золотушной, рахитичной, истеричной, развратной или душевно-больной". „Они бродяжатъ, нищенствуютъ, предаются педерастамъ, воруютъ, совершаютъ кражи и не останавливаются и передъ убійствомъ" [379]). Такихъ дѣтей во Франціи авторъ насчитываетъ отъ 10—12 тыс. и замѣчаетъ что они крайне дорого стоятъ государству.

Что касается до вліянія наслѣдственности на порожденіе душевныхъ болѣзней, то оно признается и не можетъ не признаваться всѣми психіатрами. Все различіе состоитъ лишь въ томъ, что одни относятъ на долю ея вліянія большій, а другіе меньшій процентъ всѣхъ душевныхъ заболѣваній [380]) Нѣкоторые, какъ, напр., профессоръ Ball признаютъ ея вліяніе во всѣхъ случаяхъ. Душевную болѣзнь, по мнѣнію профессора Ball'я, нужно разсматривать, какъ заключительную главу долгой исторіи, какъ послѣдній этапъ на долгомъ пути. „Если бы отъ меня потребовали", говоритъ онъ, „сконцентрировать въ одномъ словѣ все, что мы знаемъ о причинахъ душевныхъ болѣзней, я бы охотно отвѣтилъ: Есть одна лишь причина душевнаго разстройства,— это наслѣдственность". Разъясняя далѣе свою мысль, онъ совершенно вѣрно замѣчаетъ: „незадачи существованія суть нашъ общій удѣлъ; одни не сгибаясь несутъ бремя жизни, другіе изнемогаютъ подъ нимъ; нѣкоторые теряютъ здоровье, а нѣкоторые разумъ. Но откуда это глубокое различіе? Оно проистекаетъ изъ физическаго наслѣдія, за-

---

379) Gazette des hôpitaux, 1876 г., 540.

380) Объ этомъ см. у Ball'я: «Leçons sur les malad. ment.», 360 и сл. и у Maudsley: «La pathol. de lesprit», 112 и 113. О наслѣдственности идіотизма см. Айрлэндъ; «Идіотизмъ и тупоуміе», 15 и сл. Авторъ между прочимъ разсказываетъ про двухъ почти идіотокъ, взятыхъ замужъ по разсчету, въ потомствѣ которыхъ этотъ недостатокъ проявлялся въ теченіи цѣлаго столѣтія, даже до четвертаго и пятаго поколѣнія. Въ концѣ сочиненія Айрлэнда приложено нѣсколько весьма интересныхъ генеалогій. Въ интересной статьѣ д-ра Doutrebente: «Etudes généalogique sur les aliénés héréditaires (Ann. médico-psych., 1869, сен.), приведена слѣдующая интересная генеалогія.

Первая генер.	Вторая генер.	Третья генерація.	Четвертая ген.	Пятая генер.
	Дочь; весьма интиллигентная; была два раза замуж.	Дочь; страдала меланхолическимъ помѣшательствомъ съ наклонностью къ самоубійству.	»	»
	Дочь; слабоумная, паралитичная, страдала алкоголизмомъ.	Дочь; странная; страдала маніей; ея мужъ эпилептикъ.	Дочь; ея мужъ имѣлъ душевно-больную сестру.	Нѣсколько дѣтей, умершихъ въ раннемъ возрастѣ.
Дѣдъ; слабоумный и самоубійца.			Сынъ; интеллигентный, пьяница и золотушный.	»
Бабка; страдала алкоголизмомъ и умерла паралитичной.	Дочь; безумная, съ приступами періодическаго возбужденія.	Дочь; легко возбуждающаяся и впечатлительная особа. Ея бракъ весьма благопріятенъ для оздоровленія потомства.	Дочь; не представляетъ дурныхъ особенностей ни съ физической, ни съ психической стороны.	»
	Сынъ, страдалъ delirium tremens.	Дочь; истеричная; занимаетъ мѣсто на границѣ душевнаго здоровья и болѣзни. Ея мужъ причудливъ, странненъ, почти сумасшедшій; безплодіе.	»	»
		Дочь мертворожден.	»	»
	Дочь; странная, причудливая и пьяница. Ея мужъ походитъ на нее какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи.	Дочь; систематизированный бредъ преслѣдованія. Ея мужъ дипсоманъ, наслѣдственно-отмѣченный. Его отецъ также дипсоманъ и галлюцинантъ; его дядя съ отцовской стороны сумасшедшій; тетка съ материнской стороны также; двоюродный братъ самоубійца и душевно-больной.	Дочь; особа съ холоднымъ характеромъ и съ мало развитою сферою чувствъ; она лишена нравственнаго чувства и слабоумна	»
			Сынъ еще маленькій мальчикъ	»

Въ Allgemeine Zeitschrift für Psychiat., 1883, Virzigster Band, 3 Heft, 382, кратко передается исторія одной семьи, оба родители въ которой были наслѣдственно отмѣченные. Отецъ хотя и не былъ душевно-больнымъ, но представлялся страннымъ и своенравнымъ человѣкомъ. Эта брачная пара имѣла

вѣщаннаго намъ отъ нашихъ предковъ [581]). „Существуетъ мало случаевъ душевныхъ болѣзней“, говоритъ д-ръ A. Voisin, „въ которыхъ мы не находили бы болѣзненной наслѣдственности“. „Изслѣдуйте старательно восходящихъ индивидуума, пораженнаго душевной болѣзнію, и, въ большинствѣ случаевъ, вы отыщите, болѣе или менѣе отдаленно среди его предковъ съ отцевской или материнской стороны, несомнѣнныя доказательства наслѣдственности, какъ и въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ вѣрной исторіи его собственной предшествующей жизни вы можете отыскать не менѣе очевидныя указанія идіосинкразій, уже проявлявшихся въ словахъ, въ наклонностяхъ и въ дѣйствіяхъ, болѣе или менѣе многочисленныхъ, болѣе или менѣе безумныхъ и болѣе или менѣе замѣчавшихся“ [582]). Сходное мнѣніе высказываетъ и другой извѣстный французскій психіатръ Luys. „Чѣмъ болѣе я наблюдаю“, говоритъ онъ, „и

---

9 челов. дѣтей. Трое изъ нихъ умерли въ дѣтскомъ возрастѣ; пятеро были частью душевно-больные, частью нравственно-выраждающіяся личности; девятый умеръ чахоткою. Въ прекрасной статьѣ проф. Ball'я «Les familles des aliénés», помѣщенной въ журналѣ «L'Encéphale» за 1883 г., №№ 4, 5 и 6, мы можемъ слѣдить за явленіями наслѣдственности, сравнительно въ большомъ масштабѣ. Авторъ беретъ 100 семей нормальныхъ людей, 100 сем. прогрес. паралитиковъ, 100 сем. душевно больныхъ въ собственномъ смыслѣ слова, 50 сем. лицъ истеричныхъ, 50 сем. эпилептиковъ и 100 сем. алкоголиковъ. Онъ изслѣдуетъ семьи этихъ лицъ въ четырехъ поколѣніяхъ,—въ ихъ собственномъ, въ двухъ восходящихъ (отцы и дѣды) и одномъ нисходящемъ (дѣти)—всего 8844 чел. и при томъ со стороны ихъ долговѣчности, жизненности, плодовитости и болѣзненности. Изслѣдованія этой послѣдней показываютъ, что въ нормальныхъ семьяхъ нѣтъ преобладающей болѣзненной склонности. Болѣзни въ нихъ измѣнчивы и почти равномѣрно распредѣляются между всѣми органическими системами. Въ семьяхъ прогрес. паралитиковъ, страдающихъ мозговой болѣзнію, характерической болѣзненной склонностью является склонность къ болѣзнямъ мозговымъ, а въ семьяхъ душевно-больныхъ къ болѣзнямъ душевнымъ. Семьи эпилептиковъ не отмѣчены какою-либо рѣзко выраженною болѣзненной склонностью. У восходящихъ нѣсколько болѣе выдающимися болѣзненными склонностями представляется склонность къ чахоткѣ и алкоголизму, а у нисходящихъ—къ мозговымъ болѣзнямъ. Въ семьяхъ лицъ истеричныхъ характерной болѣзненной склонностью представляется склонность къ нервнымъ болѣзнямъ вообще и къ нервозизму и истеріи въ частности. Въ семьяхъ алкоголиковъ болѣе характерною склонностью у восходящихъ представляется склонность къ алкоголизму, а у нисходящихъ — къ мозговымъ болѣзнямъ въ дѣтствѣ, и къ чахоткѣ.

581) «Lecon. sur les mal. ment.» 354 и 355.

582) Aug. Voisin: «Lecons cliniques sur les mal. ment.», 15 и 184.

внимательно слѣжу за случаями, проходящими у меня передъ глазами. тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ душевныя болѣзни подготовлены порочнымъ и прирожденнымъ предрасположеніемъ, предшествующимъ всякимъ нравственнымъ потрясеніямъ [583]).

И дѣйствительно, если мы не будемъ ограничиваться только спеціальной наслѣдственностью, а примемъ во вниманіе всѣ условія, которыя способны, какъ показываетъ опытъ, порождать душевныя разстройства въ потомствѣ, то, несмотря на трудность собиранія свѣдѣній, мы найдемъ очень мало исторій душевныхъ болѣзней, ясно не отмѣченныхъ печатью наслѣдственности. Къ числу такихъ условій, кромѣ собственно душевныхъ болѣзней восходящихъ, нужно отнести ихъ пьянство — этотъ особенно разрушительно дѣйствующій на потомство факторъ—и различныя подозрительныя странности и чудачества ихъ характера, служащія, какъ показываетъ ближайшее изученіе, доказательствомъ недостаточности душевнаго равновѣсія. „Я наблюдалъ случаи наслѣдственнаго сумасшествія, стоявшіе въ связи съ явленіями ипохондріи или просто странностей у восходящихъ“, говоритъ особенно компетентный въ этихъ вопросахъ д-ръ Morel. „Наслѣдственныя склонности, передаваемыя въ случаяхъ этого рода представляютъ гораздо большую опасность“ [584]). Д-ръ Brierre de Boismont, говоря о родословной 42 душевно-больныхъ подростковъ, замѣчаетъ: „Родители были часто личности странныя, своенравныя, малоумныя, съ странными сужденіями. Нѣкоторые изъ нихъ при-

---

[583]) «Traité cliniq. et pratiq. des mal. ment.», 323.

[584]) «Traité des mal. ment» 525. Одинъ изъ такихъ случаевъ разсказываетъ, напр., д-ръ Voisin. Это молодой человѣкъ 15 лѣтъ, очень интеллигентный, но подверженный приступамъ возбужденія. Его отецъ женился на своей племянницѣ, которая была очень интеллигентна, *но лимфатична и крайне впечатлительна*. Съ перваго года ихъ сынъ страдалъ tic'омъ лица. Скоро замѣтили, что онъ отличается различными странностями, вспыльчивостью, склонностью къ разрушенію и вообще дикимъ характеромъ. *Съ наступленіемъ 15 л. характеръ его еще болѣе ухудшился*. Онъ сдѣлался необычайно сварливъ, лживъ и сталъ даже воровать. *Онъ говорилъ о всевозможныхъ неприличностяхъ и непристойностяхъ*, развивалъ крайне странныя теоріи и совершалъ такіе же поступки. *Однажды онъ даже связалъ горничной руки и ноги чтобы ее изнасиловать*. Впослѣдствіи у него развилась эпилепсія. См. цитиров. уже сочин. 29 и 30.

знавались, что они всегда отличались чрезмѣрной впечатлительностью, что воображеніе ихъ безпрестанно переходило изъ одной крайности въ другую, усматривая только печальныя стороны явленій, что въ ихъ жизни преобладала сфера чувствъ и что они чрезмѣрно обращали вниманіе на разныя мелочи". Дѣти, рожденныя отъ такихъ родителей, „съ раннихъ поръ представляли неровности характера, были экзальтированы, грубы, раздражительны, то чрезмѣрно печальны, то чрезмѣрно веселы, неуживчивы. Они не подчинялись дисциплинѣ, постоянно заслуживали брань и наказанія и нелюбовь своихъ учителей, въ которыхъ они провидѣли своихъ будущихъ враговъ, виновниковъ своихъ будущихъ преслѣдованій, мысль о которыхъ составляетъ собою предметъ столь распространенной въ настоящее время формы душевнаго разстройства" [585]).

Болѣзни, усиленно истощающія и портящія органическую конституцію какъ, напр., золотуха, чахотка и пр., какъ и слѣдуетъ ожидать по тѣсной связи физическаго и психическаго, могутъ также сдѣлаться, какъ учитъ опытъ, отправной точкой для развитія въ потомствѣ какъ крайне нервныхъ темпераментовъ, такъ и душевныхъ разстройствъ [586]). Бываютъ, однако, случаи, въ которыхъ, при поверхностномъ взглядѣ, повидимому, не находится наслѣдственныхъ причинъ послѣдовавшаго душевнаго разстройства. Но не будемъ забывать, что кромѣ рѣзко бросающихся въ глаза каждаго факторовъ душевныхъ разстройствъ и вырожденія породы есть еще множество факторовъ, дѣйствующихъ медленно, почти незамѣтно, какъ тать въ нощи", но тѣмъ не менѣе постепенно и неуклонно подтачивающихъ физическія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и душевныя силы человѣка. Не могу удержаться, чтобы не привести здѣсь слѣдующую выдержку изъ позднѣйшаго прекраснаго сочиненія проф. Maudsley, этого выдающагося научнаго проповѣдника гуманизма, нравственности и необходимости оздоровленія взаимныхъ человѣческихъ отношеній. „Вѣроятно нѣтъ болѣе дѣйствительной опредѣляющей причины душевнаго вырожденія", говоритъ онъ, „какъ обычная жизнь негоціанта, душа ко-

585) «Recherches sur l'alienation mental. des enfants», 16.

586) Maudsley: «La pathologie de l'esprit.», 118. См. клинич. случаи въ цитированномъ уже сочин. Voisin, 352—359.

тораго всецѣло поглощена мелкими постоянными пріобрѣтеніями, и который, подъ санкціей коммерческихъ обычаевъ, систематически практикуетъ обманы и надувательства и видитъ въ тщательномъ разсмотрѣніи субботнихъ счетовъ вознагражденіе за несправедливости, совершенныя въ теченіи всей недѣли. Такой человѣкъ не способенъ произвести дѣтей съ развитымъ нравственнымъ чувствомъ, и для него надежда основать устойчивую семью равна надеждѣ построить прочный домъ на сыпучемъ пескѣ. Порчи его натуры, имъ самимъ пріобрѣтенныя, поскольку онѣ не будутъ уравновѣшены возможнымъ благотворнымъ вліяніемъ его жены, передадутся, какъ пагубное наслѣдіе его дѣтямъ и проявятся у нихъ въ формѣ какихъ-нибудь нравственныхъ недостатковъ, можетъ быть порочностей натуры, а можетъ быть и душевной болѣзни". „Принципы нравственности", продолжаетъ онъ далѣе, проповѣданные мудрецами древности и необходимые для благосостоянія и долговѣчности семей и націй, не представляютъ собою какихъ-то бредней возбужденнаго воображенія или пустыхъ разглагольствованій проповѣдниковъ. Напротивъ, они основаны на точномъ знаніи законовъ природы и ихъ вліянія на условія жизни человѣческой и были предвѣдѣніемъ вѣчныхъ истинъ развитія человѣчества" [387]).

Что проф. Maudsley говоритъ о вліяніи одного изъ жизненныхъ положеній, какъ оно очень часто существуетъ въ настоящее время, то же съ полнымъ основаніемъ можно сказать и о нѣкоторыхъ другихъ, столь же разрушительно, хотя иногда и крайне медленно дѣйствующихъ на экономію душевной жизни.

Но если твердо констатирована наслѣдственность душевныхъ болѣзней, то и наслѣдственность болѣе легкихъ степеней порочности организаціи, порождающихъ различныхъ пожизненныхъ нищихъ, бродягъ, пауперовъ, проститутокъ и привычныхъ преступниковъ имѣетъ за себя не менѣе данныхъ. Особенно рельефно выступитъ для насъ вліяніе наслѣдственности въ этихъ случаяхъ, если мы примемъ во вниманіе близкое сродство и интимную связь всѣхъ этихъ взаимно-порождающихъ другъ друга слѣдствій порчи, не-

[387]) «La pathol. de l'espr , 144, а также 183.

доразвитія и вырожденія породы, связь, признаваемую всѣми авторами, сколько-нибудь занимавшимися изслѣдованіемъ генезиса этихъ язвъ человѣческаго общества. „Можно утверждать", говоритъ Daniel Hack Tuke, „что между преступленіемъ и душевной болѣзнію, особенно слабоуміемъ, существуетъ связь самого интимнаго характера какъ по отношенію къ личностямъ, совершающимъ преступленія, такъ и по отношенію къ ихъ нисходящимъ" [588]).

Говоря о нѣкоторыхъ женщинахъ, помѣщенныхъ въ заведеніе для душевно-больныхъ и проявлявшихъ „самыя дурныя влеченія сердца человѣческаго", д-ръ Morel замѣчаетъ: "больныя, представлявшія намъ эти печальныя явленія, по большей части, были приговорены къ уголовнымъ наказаніямъ. Въ состояніи бродяжества, вызваннаго болѣзненностью, человѣческое правосудіе поразило этихъ несчастныхъ, которыя, вслѣдствіе ихъ болѣзненныхъ инстинктовъ, періодически предавались бездѣлью, кражамъ и пьянству. Нѣкоторыя, не совершавшія такихъ порицаемыхъ дѣяній, были побуждаемы—толкаемы, какъ выражаются онѣ сами—оставить своихъ мужей, своихъ дѣтей и семьи и перемѣнять мѣста безъ всякой цѣли. Изслѣдованіе не замедлило показать намъ, *что эти женщины происходятъ отъ родителей душевно-больныхъ, пьяницъ или приговоренныхъ къ уголовнымъ наказаніямъ*. Въ другихъ же случаяхъ ихъ восходящіе отличались прирожденной слабостью интеллекта" [589]).

Наука владѣетъ множествомъ исторій наслѣдственно отмѣченныхъ семей, въ рядѣ поколѣній которыхъ душевныя болѣзни, самоубійства, пьянство и всякія нравственныя убожества чередовались съ преступленіями, бродяжествами и различными нарушеніями порядка. Такъ одинъ французскій трактирщикъ, семейную исторію котораго намъ передаетъ Moreau (de Tour), пользуясь во время революціи затруднительнымъ положеніемъ знатныхъ лицъ своей коммуны, заманивалъ ихъ къ себѣ и, какъ утверждала молва, убивалъ ихъ и присвоивалъ себѣ ихъ деньги. Его дочь, знавшая о его преступленіяхъ, поссорившись съ нимъ однажды за что-то, донесла на него, но онъ, за недостаткомъ

[588]) „Insanity in ancient and moder. life", 102.

[589]) „Traité des mal. ment. 560; см. также Moreau (de Tour): «La psychologie morbide» 377; Maudsley: «La pathol. de l'esprit, 109.

уликъ, былъ оправданъ. У этой дочери впослѣдствіи развилась меланхолія и она покончила свою жизнь самоубійствомъ, ранѣе чего, одинъ изъ ея братьевъ, по поводу какой-то ссоры, покушался убить ее, при чемъ нанесъ ей нѣсколько ранъ ножемъ. Другой ея братъ удавился, а одна изъ ея дочерей была полуидіаткой, страдала эпилепсіей и имѣла приступы буйства; у другой же дочери въ 30 лѣтн. возрастѣ развился бредъ преслѣдованія [590]).

Д-ръ Morel разсказываетъ про одну душевно-больную, отецъ которой былъ пьяница, а мать сумасшедшая. Изъ 5 дѣтей, происшедшихъ отъ этого брака, одинъ сынъ покончилъ самоубійствомъ, двое другихъ подверглись уголовнымъ осужденіямъ, одна дочь была душевно-больная, а другая полуидіотка [591]).

Въ невшательскомъ пенитенціаріи я встрѣтилъ одного осужденнаго, отецъ котораго имѣлъ припадки раздраженія, а мать была нервная женщина. Самъ онъ съ ранняго дѣтства былъ странный и крайне мечтательный ребенокъ. Онъ часто безпричинно становился задумчивъ и при этомъ испытывалъ какое-то особое ощущеніе, поднимавшееся изъ области желудка. До своего послѣдняго осужденія онъ имѣлъ до 15 предшествующихъ за кражи и бродяжества. Въ послѣдній разъ онъ приговоренъ за убійство и ограбленіе своей жертвы. Въ тюрьмѣ онъ считается опаснымъ заключеннымъ. Въ составляемыхъ имъ запискахъ мнѣ прежде всего бросился въ глаза нѣсколько болѣзненный оттѣнокъ страданія скорбію другихъ.

Особенно разрушительно дѣйствуетъ на потомство, къ несчастію, повидимому, все болѣе и болѣе распространяющееся у насъ въ Россіи *пьянство родителей, подъ вліяніемъ котораго*, по справедливому выраженію A. Vosin, *происходитъ «преждевременная смерть наиболѣе благородныхъ сторонъ человѣческаго существа»* [592]) и *„разрушеніе физическихъ и нравственныхъ силъ народа»*.[593]) и которое, въ рядѣ нисходящихъ поколѣній, порождаетъ неспособность къ продуктивному труду и проистекающую изъ нея наклонность къ пауперизму,

590) „La psychol. morbid“., 359 и 360.

591) „Traité des mal. ment.“, 561.

592) Цитированное уже сочиненіе, 211.

593) Baer: «Der Alcoholismus», 322.

пьянству, бродяжеству, идіотизму, эпилепсіи и преступленію. „Если мы“, говоритъ Dagonet, „бросимъ взглядъ на болѣзненныя условія, которыя, помимо душевныхъ болѣзней, въ собственномъ смыслѣ, могутъ сдѣлаться у дѣтей причиной наслѣдственнаго предрасположенія, то во главѣ всѣхъ мы поставимъ привычное пьянство“ [594]).

„Нѣтъ сомнѣнія“, замѣчаетъ въ своей монографіи д-ръ Baer, „что поколѣніе, физическая и психическая жизнь котораго протекла подъ вліяніемъ искуственно возбуждающаго и одуряющаго средства, передастъ послѣдующимъ генераціямъ пріобрѣтенную отъ того *общеконституціональную слабость*, вслѣдствіе чего склонность къ этому возбудителю у нихъ получитъ характеръ принудительнаго влеченія, при которомъ употребленіе его становится необходимостью и потребностью“. „За наслѣдственную передачу“, замѣчаетъ онъ далѣе, „говоритъ тотъ фактъ, что въ семьяхъ явныхъ пьяницъ въ нисходящихъ поколѣніяхъ наблюдаются душевразстройства, неврозы, физическія убожества, преступленія и пьянство“ [595]). Д-ръ Gendrau даетъ слѣдующій перечень возможныхъ послѣдствій пьянства восходящихъ для ихъ потомства: дипсоманія, эклампсія при самыхъ слабыхъ эмоціяхъ, ранняя развращенность и жестокость, склонность къ сумасшествію (folie) и маніи; дрожанія, гиперстезіи, головокруженія, эпилепсія и пр. [596]).

Но пагубнѣе всего — и на это я считаю нужнымъ обратить особое вниманіе читателя—что, подъ вліяніемъ пьянства и вызываемыхъ имъ органическихъ измѣненій [597]), вырабатываются своеобразныя психическія особенности, которыя, какъ и все благопріобрѣтенное родителями, стремятся передаваться наслѣдственно нисходящимъ. Благодаря этому, между послѣдними нерѣдко и наблюдаются тѣ нравственно-деградированныя и несоціабельныя личности, кото-

---

594) «Nouveau traité des mal. ment.», 478.

595) Цитированн. уже сочиненіе, 7 и 270.

596) Это мнѣніе заимствовано мною изъ сочиненія проф. Fonssagrives: «Leçons d'hygiène infantile», 535. См. также статью д-ра Martin въ январьской книжкѣ Annal. médico-psychol. за 1879, «О пьянствѣ родителей, какъ причинѣ эпилепсіи въ ихъ потомствѣ».

597) Подробныя указанія см. въ цитир. сочиненіи Баер'а. 23—93 и у Voisin, 259 - 265.

рыя, разъ разумное воспитаніе во время имъ не приходитъ на помощь, поражаютъ своей порочностью. Размноженіемъ подобныхъ личностей, вѣроятно, и объясняются отвратительныя и животно-дикія преступленія, за послѣднее время все чаще и чаще начинающія повторяться у насъ въ Россіи. Психіатрическая клиника, на рядѣ многочисленныхъ и тщательно провѣренныхъ примѣровъ, наглядно отмѣчаетъ намъ пагубныя особенности нравственной личности, постепенно вырабатывающіяся подъ вліяніемъ *водочнаго воспитанія*, если можно такъ выразиться. Эти примѣры, въ связи съ закономъ наслѣдственности, отчасти и объясняютъ намъ почти повсемѣстно раздающіяся за послѣднее время жалобы на упадокъ нравственнасти.

Подъ вліяніемъ употребленія алкоголя у привычныхъ пьяницъ, какъ показываютъ клиническія наблюденія, развивается невѣроятная лживость, лицемѣрность, нерадивость, безучастность къ окружающему, инстинктивность, раздражительность, грубость, жестокость и вмѣстѣ съ тѣтъ трусливость, непосѣдливость. скучливость и потому склонность къ бродяжеству, крайне ослабленная выносливость и терпѣливость, непослѣдовательность, наклонность къ безцѣльно-злобнымъ и вредоноснымъ дѣйствіямъ, склонность къ разврату и крайняя половая распущенность, не останавливающаяся ни передъ какими нравственными преградами, дурные инстинкты, слабохарактерность, нерѣшительность, непослѣдовательность, чрезмѣрная уступчивость, крайнее ослабленіе воли и самообладанія, а потому и легкая увлекаемость другими на путь порока и преступленія, отсутствіе инціативы, непріятная тонація общаго чувства, неувѣренность въ себѣ и своей пригодности, наклонность къ самоубійству, ослабленіе ясности сознанія, упадокъ семейственныхъ и общественныхъ чувствъ, полная подавленность чувства приличія, нравственнаго чувства и свободы (въ смыслѣ власти сферы представленій надъ чувственными влеченіями), ослабленіе памяти, трудность сосредоточенія вниманія и ослабленіе умственныхъ способностей и ихъ вліянія на дѣятельность [598]).

Таковы умственно-нравственныя особенности, являющіяся

---

[598]) Клиническіе факты см. въ цитир. соч. Voision, 211—280 и Baer'a, 267—378.

слѣдствіемъ водочнаго воспитанія и, по закону наслѣдственности, въ большей или меньшей степени передаваемыя нисходящимъ. Въ этихъ особенностяхъ трудно не узнать особенностей многихъ нашихъ преступниковъ, какъ онѣ проявляются въ судебныхъ процессахъ и въ практикѣ тюремной жизни.

Исторія семей пьяницъ показываетъ намъ, какое множество различныхъ нравственныхъ убожествъ передаютъ они своему несчастному потомству, на которомъ со дня рожденія уже тяготѣетъ роковая отмѣтка.

Д-ръ Taguet разсказываетъ, напр., слѣдующую исторію семьи. Отецъ пьяница и развратникъ, мать трезвая женщина, но она дочь и сестра пьяницъ. Изъ 5 дѣтей, происшедшихъ отъ этого брака, старшій сынъ въ нравственномъ отношеніи вполнѣ походилъ на отца; второй сынъ 2 раза былъ въ заведеніи для душевно-больныхъ и страдалъ маніей; третій сынъ умеръ отъ чахотки; старшая дочь, повидимому, не представляла ничего особеннаго, а младшая бросила мужа и предалась разнузданной жизни. Старшій сынъ имѣлъ 3 дѣтей (это уже 3-е поколѣніе), одинъ изъ которыхъ былъ гидроцефаликъ, другая отличалась *дурными привычками*, а третій былъ эпилептикъ, пьяница и тупоумный. Старшая дочь была замужемъ за трезвымъ и умнымъ человѣкомъ и имѣла шестерыхъ дѣтей, одинъ изъ которыхъ былъ пьяница и имѣлъ уголовное осужденіе. Тотъ же авторъ сообщаетъ исторію другой семьи, въ которой дѣдъ былъ пьяница, а бабка умерла отъ страданія печени. Ихъ единственный сынъ былъ страннаго характера и умеръ отъ алкоголизма въ заведеніи для душевно больныхъ. Ихъ внукъ отличался крайней впечатлительностью и болѣзненно робкимъ характеромъ, а впослѣдствіи страдалъ маніей. Изъ трехъ его сыновей старшій жилъ всего нѣсколько дней, второй оставался здоровымъ до двухъ лѣтъ, а младшій былъ гидроцефаликъ и умеръ въ конвульсіяхъ [599]).

Д-ръ Morel разсказываетъ про одного молодаго человѣка, отецъ котораго былъ пьяница и весьма странный. Самъ паціентъ съ ранняго дѣтства уже проявлялъ самые жестокіе инстинкты. Помѣщаемый въ различныя воспитательныя учрежденія онъ послѣдовательно былъ изгоняемъ изъ всѣхъ.

---

599) «Journal of Mental Science», т. XXIV, 1879, 146.

Наконецъ, его принудили вступить въ военную службу, въ надеждѣ, что военная дисциплина укротитъ этотъ необузданный и дикій характеръ. Тщетная надежда И въ военной службѣ онъ не переставалъ безчестить семью самыми позорными эксцесами и однажды, продавъ свои военныя принадлежности для пріобрѣтенія водки, онъ дизертировалъ. Только заключеніе медиковъ о неодолимости влеченія избавило его отъ грозившаго ему наказанія. Съ этихъ поръ онъ влачилъ свое существованіе въ различныхъ заведеніяхъ для душевно-больныхъ, изъ которыхъ по временамъ выходилъ на свободу, давая торжественное обѣщаніе не предаваться болѣе пьянству, но всегда нарушалъ свое слово Въ концѣ онъ дошелъ до такой нравственной деградаціи, о которой, по словамъ Morel'я, даже трудно составить себѣ понятіе [600]). Изъ ста шестидесяти одного алкоголика, наблюдавшихся д-мъ Macon, 98 имѣли отцевъ пьяницъ, 6—матерей, 16—дѣдовъ и другихъ близкихъ родственниковъ; въ 16 семьяхъ были случаи душевныхъ болѣзней, иногда осложнявшихся и пьянствомъ [601]). Изъ 17418 заключенныхъ въ прусскихъ тюрьмахъ 8306 сами были пьяницы, а 22,5% изъ нихъ имѣли кромѣ того родителей пьяницъ. Изъ 4087 заключен. въ баварскихъ тюрьмахъ 1503 сами были пьяницы, а 34,6% имѣли и родителей пьяницъ. Въ Эльзасъ-Лотарингіи изъ 715 заключ. 396 ч. сами были пьяницы, а 22% имѣли и родителей пьяницъ и т. д. [602]). Д-ръ Бѣляковъ, изслѣдовавшій убійцъ въ тюрьмахъ Ярославля и Москвы, говоритъ, „что болѣе 50% нашихъ убійцъ постоянно злоупотребляли спиртными напитками“. Изъ 31 человѣка, съ родословной которыхъ ему удалось познакомиться, 8 чел. или 21.6% имѣли хроническихъ пьяницъ въ прямой линіи своихъ восходящихъ [602*]).

Въ dossiers воспитанниковъ различныхъ исправительныхъ заведеній, которые мнѣ приходилось просматривать за границей я постоянно встрѣчалъ слѣдующія краснорѣчивыя

---

[600]) «Traité des dégénérescences», 118 и 119.

[601]) «The Woman's Journal», 1883, 11 Авт.

[602]) «Der Alcoholismus», 271.

[602*]) Архивъ психіатр., нейролог. и судебн. психопатол.: «Антропологическое изслѣдованіе убійцъ», 1884, IV, № 2, 46 и 47.

характеристики: 1) отецъ пьяница, воспитанникъ съ раннихъ лѣтъ проявлялъ дурной и злой характеръ; 2) отецъ пьяница, воспитанникъ бродяга и воръ; 3) отецъ пьяница, воспитанникъ бродяга и лѣнтяй; 4) отецъ пьяница, воспитанникъ пьяница, бродяга и воръ; 5) отецъ пьяница, воспитанникъ почти идіотъ [603]); 6) отецъ лѣнтяй и пьяница, воспитанникъ воръ, мстительнаго характера и способенъ на все дурное; 7) родители пьяницы и пользуются вспомоществованіемъ отъ коммуны; заключенный дурнаго поведенія, лѣнтяй, пьяница и воръ; 8) отецъ лѣнтяй, пьяница развратникъ, имѣетъ злой характеръ; заключенный лѣнтяй, пьяница и развратникъ; его сестры кое-какъ перебиваются поденной работой; никто изъ членовъ семьи не имѣетъ порядочнаго положенія и репутаціи и надъ семьей, по словамъ людской молвы, тяготѣетъ обвиненіе въ оставшимся безнаказнымъ преступленія дѣда и т. д., и т. д. [604]).

Другіе факторы вырожденія, каковы развратъ, нищета, преступленія и пр. оказываютъ не менѣе пагубное вліяніе на потомство.

„Главный и постоянный источникъ преступленій между молодежью“, говоритъ Brace, въ теченіи многихъ лѣтъ изучившій, такъ называемые, „опасные классы“, „есть наслѣдственность—передача влеченій (tendencies) и качествъ родителей и многихъ поколѣній предковъ“. Далѣе онъ приводитъ примѣръ наслѣдственности пауперизма и проституціи въ теченіи четырехъ генерацій [605]) Основываясь на своихъ тщательныхъ изслѣдованіяхъ и разсматривая одну статистическую таблицу, Dugdale замѣчаетъ: „цѣломудренная мать производитъ и болѣе цѣломудренное потомство, нежели нецѣломудренная, а законнорожденная вѣтвь болѣе цѣломудренна, нежели незаконнорожденная“. Далѣе онъ приводитъ между прочимъ слѣдующій генеалогическій примѣръ. „Останавливаясь на 13 линіи и слѣдя за наслѣдственностью“, говоритъ онъ, „мы находимъ (6 генерація) двухъ незаконнорожденныхъ дѣтей одной бѣлой женщины. Одна изъ нихъ была дѣвочка мулатка, родившаяся въ домѣ для

---

603) Эти выписки сдѣланы изъ dossiers исправительной школы въ Ruysselede въ Бельгіи.

604) Эти выписки сдѣланы изъ dossiers гандской и невшательской тюремъ.

605) «The donger. Classes of New-Jork», 42 и 43.

бѣдныхъ и умершая одного году отъ сифилиса (унаслѣд.). Ея мать (5 генер.) была незаконнорожденный, бродячій и безпріютный ребенокъ. Семи лѣтъ отъ роду она уже побывала въ тюрьмѣ за проступокъ. Она была лѣнива, до отвратительности нечистоплотна, занималась проституціей и страдала сифилисомъ. Ея единокровная сестра имѣла незаконнорожденнаго ребенка. Ея мать (4 генер.) дважды была замужемъ, а потомъ сожительствовала съ однимъ человѣкомъ. Когда послѣдній ушелъ на войну 1863 года и оставилъ ее, то она, по примѣру своихъ четырехъ сестеръ проститутокъ, одна изъ которыхъ содержала публичный домъ, занялась проституціей Она страдала сифилисомъ въ конституціональной формѣ, унаслѣдованнымъ ею отъ ея развратнаго отца. Послѣдній былъ солдатомъ въ 1812 г. и былъ крайне развратенъ; онъ имѣлъ двухъ развратныхъ сестеръ, а матерью не менѣе развратную Аду [606]).

Въ тѣхъ же dossiers исправительныхъ заведеній и тюремъ мы встрѣчаемъ слѣдующія характеристики: 1) *родители лѣнтяи, мать развратная*, воспитанникъ неуживчивъ, упрямъ и лживъ и отличается крайне порочными склонностями; 2) *мать проститутка, отецъ въ bagne*, воспитанникъ бродяга и лѣнтяй; 3) *родители бѣдняки*, воспитанникъ съ дурными склонностями, бродяга и воръ; 4) *родители бѣдняки*, воспитанникъ лѣнтяй, бродяга и развратникъ; 5) *родители бѣдняки*, воспитанникъ лѣнтяй, бродяга и воръ и всегда проявлялъ самыя дурныя склонности; 6) *родители бѣдняки, отецъ осужденъ за изнасилованіе дочери*, воспитанникъ лѣнтяй, покушался на невинность сестры и осужденъ за нанесеніе побоевъ и ранъ; 7) *родители бѣдняки, имѣли осужденіе за кражу*, братья были въ тюрьмѣ, самъ заключенный отличался слабымъ характеромъ, былъ крайне лѣнивъ, пьянствовалъ, развратничалъ и скверно обращался съ женой; коммуна была вынуждена помогать его семьѣ [607]) и такъ далѣе, и такъ далѣе, и такъ безъ конца! Le Play, въ своемъ сочиненіи,

---

606) «The Jukes. 20 и 21. Далѣе приведены и другіе такіе же генеалогическіе примѣры. См. также на стр. 19 таблицу процентнаго отношенія развратныхъ женщинъ въ родѣ Jukes.

607) Эти выписки заимствованы изъ dossiers туринской La Generala, рюиследской и намюрской исправительныхъ школъ, колоніи Serix, невшательской и гандской тюремъ.

„Les ouvriers europeens“, замѣчаетъ, что нищета въ Англіи и Шотландіи стала явленіемъ нормальнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наслѣдственнымъ [608]). „Рабочіе“ говоритъ Lucas, „которые ведутъ сидячую жизнь въ населенныхъ кварталахъ городовъ, помѣщаются въ тѣсныхъ жилищахъ и дышатъ испорченнымъ воздухомъ, обыкновенно производятъ органически обѣднѣлую расу [609]). „Вниманіе трехъ филантроповъ Швейцаріи“, говорятъ Lurieu и Romand“, было поражено явленіемъ, которое они назвали наслѣдственнымъ нищенствомъ—родъ воспроизведенія нищеты самою нищетою—и которое, помимо всѣхъ другихъ причинъ, присущихъ нашему общественному строю, безпрестанно стремится увеличивать число нищихъ и создаетъ среди всѣхъ европейскихъ націй особую касту, особую убогую расу, какъ бы аристократію заплатъ и лохмотьевъ“ [610]). „Пусть изслѣдуютъ исторію этихъ семей, до нѣкоторой степени обреченныхъ *на наслѣдственную нищету и деградацію*“, говоритъ въ своемъ уже цитированномъ отчетѣ Ducpetiaux, касаясь вопроса объ изслѣдованномъ имъ нищенствѣ, „пусть прослѣдятъ шагъ за шагомъ отъ его начала поступательное развитіе ихъ плачевнаго положенія и тогда увидятъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ оно есть не болѣе, какъ неизбѣжное слѣдствіе заброшенности, невѣжества и отсутствія благожелательнаго покровительства“ [611]). Въ своемъ изслѣдованіи Dugdale дѣлитъ пауперизмъ на пріобрѣтенный и наслѣдственный, удачно называя послѣдній „общественнымъ выраженіемъ физической дегенераціи“ и приводитъ статистическую таблицу, изъ которой видно, что напряженность пауперизма въ государствѣ вообще и напряженность пауперизма въ родѣ Jukes относились между собой, какъ 1 къ $6_{,767}$ [612]). Въ своемъ сочиненіи „Бродячая Русь“ г. Максимовъ указываетъ, что нищенскій промыселъ сдѣлался наслѣдственнымъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи и принесъ съ собою пьянство и нравственную деградацію населенія. „Еще не видали примѣра“, разсказы-

608) См. I т., 310.

609) «L'héréd. natur». I, 244.

610) «Études sur les colonies agricoles», 187.

611) «Colonies agric., écoles rurales et écoles de réforme» etc., XVIII.

612) «The Jukes, 28, 37 и 38.

ваетъ онъ о дѣвушкахъ изъ нищенскихъ семей, „чтобы онѣ сдѣлались настоящими людьми и добрыми хезяйками. Взятая туда, гдѣ нищенство предосудительно и занятіе имъ зазорно, сыто накормленная и одѣтая куколкой, она ищетъ случая какъ бы выскользнуть изъ глазъ и воспользоваться темнотой сумерекъ, одѣться въ лохмотья". „Ни ласки мужа, ни совѣты свекра, ни упреки заловокъ и свекрови не въ силахъ побѣдить страсти, одинаковой съ той, которая тянетъ кабацкаго завсегдатая сглотнуть хоть капельку винца изъ стаканчика, выпитаго прохожимъ посѣтителемъ". „Она не прочь и стянуть плохо лежащее. Честной семьѣ не мало достается труда розыскивать потомъ тѣхъ, кого она обидѣла, и возвратить то, чѣмъ она обездолила" [613]).

Д-ръ Thomson, въ своей статьѣ „The Hereditary Natur of crime", утверждаетъ, что его многолѣтній и ежедневный опытъ, какъ тюремнаго врача, привелъ его къ убѣжденію, что большая часть преступленій наслѣдственна [614]). Въ другой своей статьѣ,—„The Psychologie of criminals", онъ указываетъ, что, согласно статистическимъ даннымъ, $^5/_6$ пауперизма Англіи, имѣютъ наслѣдственный корень. При этомъ онъ приводитъ мнѣніе Frederich Hill, въ теченіи многихъ лѣтъ бывшаго инспекторомъ тюремъ, который утверждаетъ, что, согласно даннымъ Pour Law Commissioners, преступность переходитъ часто отъ отца къ сыну въ долгой линіи послѣдовательности. Самъ авторъ такъ выражается о привычныхъ преступникахъ: „born in crime born into crime and whos vacation is crime (рожденные въ преступленіи, рожденные среди преступленія и чье призваніе есть преступленіе [615]).

Изъ представленной д мъ Vergilio таблицы наслѣдственности видно, что у изслѣдованныхъ имъ заключенныхъ (266 ч.) душевно-больные родственники въ отцевской, материнской или боковыхъ линіяхъ встрѣчались въ $14{,}_{32}\%$, страдающіе эпилепсіей и другими неврозами въ $24{,}_{99}\%$, пьяницы въ $20{,}_{96}\%$, осужденные въ $32{,}_{24}\%$, глухо-нѣмые въ $0{,}81\%$, эксцентрики въ $5{,}_{67}\%$, слабоумные въ $0{,}81\%$. Комментируя эту таблицу, д-ръ Vergilio между прочимъ замѣ-

[613]) «Бродячья Русь» 148—163, 174—177.

[614]) «Journal of Mental Science», т. 15, 488.

[615]) «Journal. of Ment. Scien.»

чаетъ, что онъ припоминаетъ одного заключеннаго за убійство, прадѣдъ, дѣдъ и отецъ котораго были также убійцами [616]). Изъ 37 убійцъ, свѣдѣнія о родословной которыхъ удалось собрать, д-ръ Бѣляковъ нашелъ у 13 или 35% патологическую наслѣдственность. Хроническій алкоголизмъ констатированъ у 21 члена семьи (3 раза у дѣда, 6—у отца, 2—у матери, 8—у братьевъ, 2—у дяди), нервныя и душевныя болѣзни—у 15 чл. сем. (1 разъ у дѣда, 2—у матери, 2—у брата, 6—у сестеръ, 4—у тетки), идіотизмъ—у 4, самоубійство—у 2, убійство—у 5, другія преступленія—у 2 [616*]).

Въ невшательскомъ пенитенціаріи, въ которомъ, благодаря высокоразвитому директору, д-ру Guillaum, собираются довольно полныя свѣдѣнія о заключенныхъ, я просмотрѣлъ отмѣтки о 514 ч. изъ нихъ. Изъ этого числа восемнадцать челов. имѣли осужденныхъ отцевъ, а двое — матерей. Вообще же особенности восходящихъ этихъ заключенныхъ были слѣдующія: Съ отцевской стороны: отцовъ пьяницъ 128, душевно-больныхъ 3, осужденныхъ 18. Съ материнской стороны: матерей пьяницъ 13, душевно-больныхъ 2, эпи-

[616]) См. цитирован. уже сочиненіе, 31 и 32.

[616*]) См. уже цит. ст., 46. Въ ней г. Бѣляковъ, на основаніи произведеннаго имъ изслѣдованія 100 убійцъ, приходитъ между прочимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. «Наконецъ», говоритъ онъ», «мы познакомились съ такими признаками, на основаніи которыхъ, по даннымъ Lombroso и Bordier, нельзя не признать въ преступникѣ атавизма. Если мы присоединимъ еще сюда тѣ измѣненія формы черепа, которыя представляютъ безусловно паталогическія атипіи и причиняютъ глубокія нарушенія питанія мозга, а, во-вторыхъ, вѣскія доказательства болѣе или менѣе глубокихъ пораженій мозговыхъ оболочекъ и центральной нервной системы, существованіе которыхъ несовмѣстимо съ правильнымъ отправленіемъ мозга, то получимъ наглядную картину организація большинства современныхъ преступниковъ». «Очень часто приходилось констатировать всевозможныя оригинальности и эксцентричность, рядомъ съ интеллектуальными странностями». «Такимъ образомъ», говоритъ онъ въ другомъ, мѣстѣ, «сынъ преступника, нищаго, бродяги, пьяницы, неряхопата, публичной женщины, подкидышъ, лицо, не имѣющее никакого воспитанія и понятія о трудѣ, религіозное невѣріе и вмѣстѣ съ тѣмъ грубое суевѣріе—вотъ начало и разсадникъ преступленій. Если прибавить къ этому еще всевозможныя заболѣванія, которыя гнѣздятся тутъ,—залотуха, чахотка, падучая, сифилисъ, паразитическія сыпи, то получимъ мрачную картину преступнаго класса». Для борьбы со зломъ онъ между прочимъ рекомендуетъ разумно организованныя школы, реорганизацію тюремъ и назначеніе въ нихъ завѣдующими компетентныхъ людей, которые стояли были на высотѣ науки.

лептичныхъ 1, осужденныхъ 2. Въ боковыхъ линіяхъ душевно-больныхъ 7, идіотовъ 1. Интересно, что заключенные, имѣющіе такихъ родственниковъ осуждены почти исключительно или за такія преступленія, которыя указываютъ на неспособность собственнымъ трудомъ заработать средства существованія, или за преступленія половыя. Преобладаютъ простыя кражи; ихъ 63 За нищенство заключенъ одинъ; за кражи и бродяжество вмѣстѣ—4 ч.. за бродяжество—5 ч., за бродяжество и нищенство вмѣстѣ—5 чел., за мошенничество—7 чел.. за нарушеніе довѣрія- 5 чел.. за половыя преступленія—10 и т. д.

Изъ 79 малолѣтнихъ преступниковъ, изслѣдованныхъ проф. Lombroso, свѣдѣнія о наслѣдственности удалось собрать только относительно 59 чел., причемъ оказалось, что въ 27 случаяхъ ($45,_{76}$%) она была неблагопріятна (14 разъ отцы, 3 раза матери и 10 разъ братья, сестры и дяди), а именно: въ 3 случаяхъ душевныя болѣзни, въ одномъ — крайняя странность, въ трехъ — необузданность и жестокость характера, въ четырехъ—нервныя разстройства, въ четырехъ же — преступность, въ одномъ—проституція, въ четырехъ безнравственность и въ семи пьянство [617]).

„Сдѣланныя мною наблюденія въ мѣстахъ заключенія, которыя вмѣщаютъ въ себѣ множество малолѣтнихъ“, говоритъ д-ръ Morel, „дали мнѣ доказательства, что законъ двойнаго оплодотворенія, въ смыслѣ физической и нравственной порочности, допускаетъ малоисключеній. Я констатировалъ *наслѣдственность преступности* у малолѣтнихъ заключенныхъ, остановка въ развитіи которыхъ и дурное образованіе ихъ головъ ясно указываютъ ея источникъ“ [617*]).

Во второй части своего изслѣдованія г. Dugdale даетъ слѣдующую интересную таблицу жизненныхъ условій 233 заключенныхъ, тщательно имъ изслѣдованныхъ въ обурнской и сингъ-сингской тюрьмахъ [618]).

---

617) L'Uomo delinquen. 3-е издан., 136 и 137.

617*) «Traité des dégénérescence», 568.

618) „The Jukes“, 85 и 86. Терминъ: „невропатическое происхожденіе“ (Neurotic Stock) авторъ прилагаетъ какъ къ тѣмъ, которые сами страдали душевн. болѣзн., эпилепсіей, идіотизмомъ, хореей, параличомъ и друг нервными разстройствами, такъ и къ тѣмъ, которые имѣли родственниковъ страдавшихъ ими. Авторъ основательно замѣчаетъ, что показанный процентъ та-

	Общее число преступников.	Невропотическое происхожденіе.	Сироты.	Заброшенныя дѣти.	Привычные преступники.	Дѣти воспитывавшіяся въ испр. зав.	Преступныя семьи.	Пораженный пауперизмомъ родъ	Невоздержанныя семьи (пьяницы).	Привычныя пьяницы.	Не знающіе ремесла.
За всякія преступленія	233	23,3	40,77	46,78	75,63	22,74	17,16	22,31	42,19	39,05	79,40
За преступленія противъ личности . . .	42	40,47	30,95	30,95	59,52	11,90	19,04	16,66	38,08	40,47	85,71
За преступленія противъ собственности.	191	16,75	42,93	50,26	79,03	25,13	16,75	23,30	43,45	38,74	78,01
Привычные преступника.	176	14,20	42,61	68,18	—	29,41	18,75	22,72	45,45	42,61	79,97

Всѣ выше приведенныя цифры, конечно, далеко не указываютъ всѣхъ дурныхъ особенностей восходящихъ, передаваемыхъ по наслѣдству. Свѣдѣнія о послѣднихъ, какъ справедливо замѣчаетъ д-ръ Virgilio, если и собираются въ настоящее время, то лишь съ крайними затрудненіями и не могутъ претендовать на большую точность. Они могутъ указывать только достовѣрный minimum особенностей восходящихъ.

Одинъ изъ наиболѣе интересныхъ примѣровъ, повидимому, наслѣдственной склонности къ преступленію представляетъ исторія довольно многочисленнаго рода Chretien и Tenre, приведенная въ сочиненіи Despine [619]). Въ 1857 году во Франціи судилась преступная шайка изъ 14 челов. Главными виновниками были Villet, Lemaire, Hugot и Bourse. Въ числѣ второстепенныхъ членовъ шайки, которые почти всѣ были родственники названныхъ лицъ, былъ сынъ Villet, Prosper, одна изъ его дочерей и его жена. Этой шайкой совершено 50 кражъ, нѣсколько поджоговъ и 6 убійствъ. Изслѣдованіе констатировало цѣлую преступную родословную.

кихъ лицъ значительно ниже дѣйствительнаго, потому что многіе изъ изслѣдованныхъ были сироты и заброшенныя дѣти и не имѣли свѣдѣній о своихъ восходящихъ.

619) «Psycholog. natur». II, 401—415.

Родъ Chrétien.

Jean Chrétien, общій родоначальникъ, прапрадѣдъ Lemair'a. Онъ имѣлъ трехъ сыновей: Pierre казненный убійца, Thomas—женоубійца и Jean Baptiste. 1° Pierre имѣлъ сына, который умеръ въ bagne. Онъ былъ приговоренъ къ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ за кражу и убійство. 2° Thomas имѣлъ: a) сына François, осужденнаго за женоубійство, b) Martin, осужденнаго за убійство. Сынъ этого Martin, дядя Lemair'a умеръ въ Каеннѣ, осужденный за кражу. 3° Jean Baptiste имѣлъ сына Jean François, мужа Marie Tanré. Послѣдній имѣлъ 7 челов. дѣтей: 1) Jean François, осужденный за нѣсколько кражъ и умершій въ тюрьмѣ. 2) Benoit, умершій отъ паденія съ крыши во время совершенія кражи. 3) X...dit Clain, осужденный за многія кражи. 4) Marie Reine, умершая въ тюрьмѣ и осужденная за нѣсколько кражъ. 5) Marie—Rose умершая въ тюрьмѣ и осужденная за нѣсколько кражъ. Она имѣла незаконнаго сына, который уже подвергался осужденіямъ за кражи. 6) Victor, содержащійся въ тюрьмѣ за кражу. 7) Victorine Chrétien, жена Théophil'a Lemaire и мать осужденнаго Lemaire; она не имѣла осужденій.

Родъ Tanré.

André Tenré, подозрѣвавшійся во многихъ поджогахъ. Онъ имѣлъ сына, также André, бывшаго каторжникомъ, и дочь Marie—Rose, вышедшую замужъ за Jean—François Chrétien. О ихъ семи дѣтяхъ было упомянуто выше. Эта Marie—Rose подверглась многимъ осужденіямъ за кражи и лжесвидѣтельства. Она отбыла 11 л. заключенія. Во время процесса шайки Villet и др. она сдѣлала важныя показанія противъ своего внука Lemaire. Два года спустя она снова судилась за кражу.

Связь родовъ Chrétien, Lemaire, Hugot и Pillot.

Claude Lemaire. дѣдъ осужденнаго. Онъ имѣлъ двухъ дѣтей: 1° Aubin; 2° Anne—Française, бывшую замужемъ за Luis Hugot.

Aubin Lemaire имѣлъ: 1° сына Thophil'a. который же-

нился на Victorin'ѣ Chrétien. Это отецъ и мать осужденнаго члена шайки—Lemaire; 2° дочь Augustin'y, бывшею замужемъ за Louis Pillot и мать осужденнаго Prosper'a Pillot; 3° дочь Victorin'y, асужденную жену судившагося главы шайки Villet, подстрекавшую Lemair'a на убійства.

Изъ приводимыхъ P. Despine данныхъ видно, что еще прежде, а именно въ 1821 и 1822 г. судилась другая многочисленная преступная шайка, считавшая въ числѣ своихъ членовъ нѣсколькихъ женщинъ и наполнявшая округу многочисленными убійствами и кражами. Между членами этой шайки былъ André Tenré, Jean—François Chrétien и Pierre Parvillé дядя Martin Chrétien. Двадцать человѣкъ изъ шайки были приговорены къ каторжнымъ работамъ, а семь человѣкъ, а въ томъ числѣ и одна старая женщина къ смертной казни. Въ 1832 г. та же мѣстность снова стала театромъ дѣйствій новой шайки, которая считала въ своей средѣ многихъ сыновей и родственниковъ преступниковъ, осужденныхъ въ 1822 г.

Но самый замѣчательный случай наслѣдственной преступности, пауперизма и разврата какъ по многочисленности изслѣдованныхъ членовъ рода, такъ и по тщательности и точности самого изслѣдованія мы находимъ въ исторіи ставшаго знаменитымъ рода „Jukes“, которой по священъ прекрасный трудъ Dugdal'я. Послѣдній на столько интересенъ и поучителенъ, что я считаю нужнымъ болѣе подробно познакомить читателя съ его содержаніемъ.

Въ 1874 г. нью-іоркская тюремная ассоціація командировала г. Dugdal'я для осмотра тюремъ штата Нью-Іоркъ. Во время этого осмотра г. Dugdale нашелъ между заключенными 6 лицъ, находившихся между собою въ родственныхъ отношеніяхъ. Ихъ родъ въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній жилъ въ одной мѣстности и былъ настолько презираемъ въ честномъ обществѣ, „что его фамильное имя стало употребляться генерически, какъ бранный терминъ“.

Предпринятое по документамъ и по личному ознакомленію на мѣстѣ тщательное изслѣдованіе обнаружило многіе крайне интересные факты фамильнаго унаслѣдованія наклонности къ пауперизму, разврату и преступленію. Приступая къ изложенію результатовъ своего терпѣливаго изученія, г. Dugdale слѣдующимъ образомъ характеризуетъ

взаимно другъ друга обусловливающія особенности этого злополучнаго рода въ его цѣломъ. „Блудъ между единокровными и не единокровными“, говоритъ онъ, „составляетъ основную особенность ихъ нравовъ и сопровождается съ одной стороны пауперизмомъ, а съ другой—преступленіемъ. Второстепенныя характеристическія черты: проституція съ ея дополненіемъ, — незаконнорожденностью и ея слѣдствіемъ, — заброшенностью и дурнымъ воспитаніемъ дѣтей: истощеніе съ его дополненіемъ,—невоздержанностью и его слѣдствіемъ, — неуравновѣшанностью душевной жизни; и болѣзненность съ ея дополненіемъ,—угасаніемъ“ [620]).

Насколько извѣстно, происхожденіе рода Jukes было таково. Между 1720 и 1740 гг. родился нѣкто Max. Онъ былъ потомокъ раннихъ нѣмецкихъ колонистовъ. Про него разсказываютъ, что онъ былъ „охотникъ и рыболовъ, *ужасный пьяница*, веселый и общительный человѣкъ, *питавшій нерасположеніе къ длительному труду*“. Онъ постепенно то усиленно трудился приступами, то предавался полной праздности. *Потомство его было многочисленно. Нѣкоторые члены этого потомства почти несомнѣнно были незаконнорожденные.* Двое изъ его сыновей женились на двухъ изъ 6 сестеръ (названныхъ Dugdal'емъ „Jukes“), родившихся между 1740 и 1770 гг. Ихъ происхожденіе не могло быть съ достовѣрностью опредѣлено. *Крайне вѣроятно*, однако, что всѣ онѣ не были вполнѣ сестрами, и *что нѣкоторыя изъ нихъ, если только не всѣ, были незаконнорожденныя.* Судьбы потомства пяти сестеръ были прослѣжены, а судьбы потомства шестой — остались неизвѣстны, потому что она выбыла изъ графства.

Три сестры имѣли незаконнорожденныхъ дѣтей ранѣе брака. Одна, названная Dugdal'емъ Адой, имѣла старшаго незаконнорожденнаго сына, который былъ родоначальникомъ явно преступной линіи. Два его сына хотя и никогда не бывали въ тюрьмѣ, но были завѣдомыми мелкими воришками и отцами осужденныхъ преступниковъ, а двѣ ихъ дочери были матерями преступниковъ. Другая сестра имѣла двухъ незаконнорожденныхъ сыновей, которые, кажется, не имѣли дѣтей. Третья сестра имѣла четверыхъ дѣтей. — трехъ мальчиковъ и одну дѣвочку. Три старшихъ ребенка

---

[620]) „The Jukes“, 7, 8 и 13.

были мулаты, а младшій — бѣлый мальчикъ. Четвертая сестра пользовалась репутаціей цѣломудренной. О пятой свѣдѣнія въ этомъ отношеніи не могли быть собраны. Извѣстно, что она была замужемъ за однимъ изъ сыновей Max'a и была родоначальницею линіи, явно наклонной къ пауперизму. Потомство этихъ пяти сестеръ и было изслѣдовано съ большей или меньшей точностью въ теченіи пяти генерацій, что составитъ, если считать самого Max'a за первую генерацію, всего семь генерацій. Число изслѣдованныхъ потомковъ, соединенныхъ съ родомъ Jukes узами крови — 540 чел., соединенныхъ съ нимъ браками и сожительствами — 169, а всего 709 челов. Вся же совокупность членовъ этого рода достигаетъ, вѣроятно, 1200 челов., но судьбы остальныхъ не могли быть прослѣжены [621]).

Изучая генеалогическія таблицы потомства Ады Jukes, г. Dugdale приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) мальчики преобладаютъ въ незаконнорожденныхъ линіяхъ. 2) Дѣвочки преобладаютъ въ отрасляхъ, тѣсно связанныхъ между собою взаимными браками (intermarried). 3) Такія отрасли рода Jukes представляютъ наименьшее число преступниковъ. 5) Преступленія по большей части, начинаются тогда, когда кровь Jukes смѣшивается съ кровью X (посторонними) [622]). 6) Члены незаконнорожденныхъ линій преимущественно вступали въ браки съ X. 7) Преступленія преобладаютъ въ незаконнорожденныхъ линіяхъ. Напряженность преступности въ такихъ линіяхъ въ потомствѣ Ады въ 30 разъ больше, нежели въ окружающемъ обществѣ 8) Въ незаконнорожденныхъ преступныхъ линіяхъ боковыя вѣтви иногда представляются честными и трудолюбивыми [623]).

Раннее пробужденіе половыхъ влеченій и половой развратъ представляются весьма распространенными въ родѣ Jukes. Двѣ дѣвушки, принадлежавшія къ этому роду, были матерями еще не достигнувъ 15 л., а одна была матерью въ 12 л. Если поэтому включить въ число женщинъ брачнаго возраста всѣхъ женщинъ, начиная съ 14 лѣтъ, то

---

621) Тамъ же, 14 и 15.

622) Тѣхъ, которые по прямой линіи происходятъ отъ одной изъ 5 сестеръ, г. Dugdale отмѣчаетъ терминомъ: „кровь Jukes", а тѣхъ, которые вошли въ родъ путемъ браковъ и сожительствъ - терминомъ: „кровь X".

623) Тамъ же, 16.

число развратныхъ между женщинами этого возраста крови Jukes будетъ $52,_{40}{}^{0}/_{0}$, тогда какъ въ окружающемъ обществѣ оно равняется всего $1,_{66}{}^{0}/_{0}$. Повышая даже послѣднее число до $1._{80}{}^{0}/_{0}$, какъ это дѣлаетъ Dugdale, мы все-таки получимъ что развратность въ родѣ Jukes въ 29 разъ напряженнѣе, нежели въ окружающемъ обществѣ. Что эта особенность есть вѣроятная особенность крови Jukes и преимущественно потомства развратной Ады видно, наприм., изъ того, что въ тѣхъ линіяхъ потомства Клары Jukes, которыя образовались отъ браковъ съ посторонними, напряженность разврата выражается числомъ $44,_{44}{}^{0}/_{0}$, въ линіяхъ, которыя образовались черезъ браки съ членами потомства Ады и Беллы — $60,_{93}$, а въ линіяхъ потомства самой Ады — $66._{66}{}^{0}/_{0}$ и $70{}^{0}/_{0}$ [264]).

Въ тѣхъ семьяхъ рода Jukes, въ которыхъ братья совершали преступленія, сестры занимались проституціей, а потому г. Dugdale приходитъ къ предположенію, что проституція женщинъ есть явленіе аналогичное (правильнѣе, эквивалентное) преступленіямъ и пауперизму мужчинъ.

Между женщинами Jukes пауперизмъ въ $7^{1}/_{2}$ разъ, между мужчинами въ 9 разъ, а среднимъ числомъ между обоими полами „крови Jukes и крови X“ въ $6^{3}/_{4}$ раза болѣе напряженъ, нежели въ окружающемъ обществѣ. Отношеніе женщинъ пауперовъ къ мужчинамъ пауперамъ „крови Jukes“ есть 100 къ 124, а „крови X“—100 къ 80. Изучая явленія пауперизма въ родѣ Jukes, г. Dugdale между прочимъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) пауперизмъ есть признакъ или нѣкотораго рода слабости, или юности, болѣзни, старости, поврежденій, а у женщинъ и родоваго періода. 2) Онъ можетъ быть подраздѣленъ на пауперизмъ наслѣдственный и пріобрѣтенный. 3) Первый главнымъ образомъ развивается послѣ нѣкоторыхъ формъ болѣзни и стремится закончиться угасаніемъ рода; онъ можетъ быть названъ общественнымъ проявленіемъ органической дегенераціи. 4) Истощеніе и болѣзни, которыя наиболѣе участвуютъ въ его порожденіи, суть результаты половой распущенности. 5) Пауперизмъ у взрослыхъ и особенно въ среднемъ возрастѣ ихъ жизни указываетъ на наслѣдственную склонность, которая

---

[264]) Тамъ же, 18, 19 и 20.

можетъ или не можетъ быть измѣнена вліяніемъ окружающихъ условій. 6) Пауперизмъ, поражающій болѣе мужчинъ, нежели женщинъ есть указатель рѣшительной склонности къ наслѣдственному пауперизму. 7) Различныя степени пауперизма взрослыхъ вообще указываютъ различныя градаціи недостаточности жизненности. Съ этой точки зрѣнія остается открытымъ вопросъ, не есть ли лѣность, этотъ какъ говорятъ, корень всѣхъ пороковъ, лишь признакъ *пониженной жизненности* и только слѣдствіе, дѣйствующее, какъ вторичная причина. 8) Младшій ребенокъ имѣетъ наклонность сдѣлаться пауперомъ семьи (конечно, въ семьяхъ, имѣющихъ опредѣленныя особенности) [625]).

Явленія преступности въ родѣ Jukes приводятъ г. Dugdale къ заключеніямъ, что: 1) преступность тяготѣетъ въ незаконнорожденныхъ линіяхъ. 2) Законнорожденныя линіи входятъ въ сферу преступленія при посредствѣ браковъ. 3) Черты преступности замѣчаются въ законнорожденныхъ линіяхъ тогда, когда эти линіи соединятся съ кровью X. 4) Старшій сынъ имѣетъ наклонность стать преступникомъ семьи. 5) Преступленіе преимущественно проходитъ по мужскимъ линіямъ. 6) Длиннѣйшая линія преступленія идетъ вдоль линіи старшаго сына.

Сравнивая преступность и пауперизмъ въ родѣ Jukes и сопоставляя при этомъ явно преступную вѣтвь потомства Ады и явно наклонную къ пауперизму вѣтвь Эффіи, авторъ приходитъ къ констатированію слѣдующихъ различій между ними: 1) число пользовавшихся общественной помощью въ первой—56%, а число совершившихъ преступленіе—60%, тогда какъ во вторый число первыхъ — 99%, а число вторыхъ—53%. 2) Начало пользованія общественной помощью въ линіи Эффіи отходитъ къ болѣе раннему возрасту, нежели въ линіи Ады. 3) Пауперизованная вѣтвь представляется менѣе агрессивной, нежели вѣтвь преступная. 4) Обдуманныя преступленія составляютъ отличительную черту преступной линіи, а маловажные проступки — отличительную черту линіи пауперизованной [626]).

Совмѣстно изучая преступленіе и пауперизмъ по генеалогическимъ таблицамъ, г. Dugdale приходитъ между про-

[625]) Тамъ же, 26, 37, 38.

[626]) Тамъ же, 47 и 48.

чимъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) преступленіе, *сравнив ае мое съ пауперизмомъ*, есть признакъ нѣкоторой силы 2) Дѣйствительныхъ преступниковъ пауперизмъ поражаетъ или въ старости, или въ дѣтствѣ; у нихъ онъ не совпадаетъ съ преступнымъ временемъ жизни. 3) Преступная карьера болѣе легко можетъ быть измѣняема, потому что преступленіе, особенно замышляемое самимъ совершителемъ, до нѣкоторой степени есть признакъ способности, а послѣдняя, гдѣ бы она не встрѣчалась, болѣе наклонна поддаваться вліянію благотворныхъ внѣшнихъ воздѣйствій. 4) Если взрослый движется между домомъ для бѣдныхъ и тюрьмой, то это порождаетъ предположеніе или о пріобрѣтенной болѣзненности, или объ унаслѣдованной физической, или психической слабости. 5) Изнасилованіе, особенно малолѣтнихъ, есть преступленіе слабости и, когда оно совершается по прошествіи періода высшаго разгара жизненности, то указываетъ на упадокъ послѣдней и на соотвѣтствующее ослабленіе власти воли надъ страстями [627]).

Разсматривая далѣе потомство Беллы и Ады Jukes, г. Dugdale замѣчаетъ, что въ наиболѣе сильныхъ отрасляхъ честность и трудолюбіе являются первыми по порядку, преступленіе вторымъ, а пауперизмъ третьимъ. Поэтому мы и встрѣчаемъ случаи, что старшіе члены честны, средніе преступны, а младшіе пауперы (понятно, что это замѣчаніе можетъ имѣть значеніе только по отношенію къ роду Jukes и подобнымъ же вырождающимся родамъ). „Послѣ болѣзни, наиболѣ однообразной и заслуживающей вниманіе особенностью дѣйствительныхъ преступниковъ является недостатокъ въ нихъ элемента непрерывности усилій“ [628]). „Мах былъ охотникъ“, говоритъ авторъ, „и по своимъ, рабочимъ привычкамъ, былъ не только типомъ своихъ нисходящихъ, но и организаторомъ ихъ неблагопріятныхъ особенностей“. „Мы видѣли“, продолжаетъ г. Dugdale, „что болѣзнь производитъ подавляющее вліяніе на нравственное чувство, что невоздержанность въ значительной мѣрѣ обусловливается нѣкотораго рода недостаткомъ жизненности, что пауперизмъ обязанъ тому же процессу, и что каррьера пре-

627) Тамъ же, 49 и 50.

628) Эта особенность указываетъ, повидимому, на неправильности кровообращенія.

ступника часто начинается и заканчивается въ домѣ для бѣдныхъ, тогда какъ средина жизни, когда жизненность напряжена, посвящается хищничествамъ. Ко всему этому и при томъ въ нѣкоторомъ смыслѣ заднимъ числомъ привходитъ блудъ, приводящій къ болѣзнямъ, подкапывающимъ жизненныя силы и, въ буквальномъ смыслѣ слова, создающимъ лѣнь, которая въ свою очередь еще болѣе усиливается прекращеніемъ занятій. Такимъ образомъ оба фактора, — условія обстановки и наклонности становятся взаимно другъ друга пополняющими. Остатокъ жизненной энергіи, переставъ затрачиваться на трудъ. долженъ искать выхода въ другой дѣятельности. а таковой, какъ наиболѣе привлекательной (конечно, для такихъ личностей), представляются половые эксцессы. Послѣдніе, такимъ образомъ, замыкаютъ пагубный кругъ, дѣлая лѣнь и блудъ взаимными причинами другъ друга и наслѣдственными особенностями" [629])

Касаясь вопроса объ исправленіи Jukes, г. Dugdale приходитъ между прочимъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Jukes отличаются недостаткомъ непрерывности въ усиліяхъ и преждевременной половой возбудимостью. 2) Эти двѣ особенности, воздѣйствуя одна на другую, какъ причина и слѣдствіе, стимулируютъ преступленіе и пріобрѣтенный пауперизмъ. 3) Поэтому основаніемъ воспитанія Jukes должно быть упорядоченіе половыхъ влеченій съ ранняго дѣтства, что предполагаетъ: 1) удаленіе отъ заразительнаго примѣра и контролированіе окружающей нравственной атмосферы и 2) индустріальное воспитаніе и культуру эстетическихъ вкусовъ [630]).

Въ заключеніи мы находимъ въ изслѣдованіи г. Dugdal'я слѣдующую суммарную таблицу, довольно наглядно представляющую намъ особенности злополучнаго рода Jukes.

---

[629]) Тамъ же, 50, 51, 59 и 60.

[630]) Тамъ же, 64.

Суммарная таблица рода Jukes [631]).

	Общее число членовъ въ генераціи.	Брачныя отношенія.							Собственность		Пауперизмъ.				Преступленіе.		
		Взрослые неженатые и незамужнія.	Женатые и замужнія.	Имѣвшія незаконнорожд. дѣтей до брака.	Имѣвшія незаконнорожд. дѣтей послѣ брака.	Проститутки.	Опредѣлен. неизвѣстно.	Безплодные.	Содержатели публичн. домовъ.	Сифилизованные.	Пріобрѣли.	Потеряли.	Число лицъ, получавш. помощь въ учрежд.	Число лѣтъ.	Число лицъ, получавш. помощь въ учрежд.	Число лѣтъ.	Число лицъ.	Число лѣтъ.	Число преступленій.
2-я генер. Женщ. Jukes.	5	—	5	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Мужч. Х. .	5	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3-я генер. Женщ. Jukes.	34	2	13	1	1	3	1	5	—	—	1	—	3	20	2	2	—	—	—
Женщ. Х. .	16	—	4	—	—	3	1	—	—	—	—	—	1	23	—	—	—	—	—
Мужч. Jukes.	—	—	11	—	—	4	5	4	—	1	4	1	6	54	3	6	1	—	1
Мужч. Х. .	—	—	5	—	—	4	—	—	—	1	1	1	2	14	3	5	2	3	2
4-я генер. Женщ. Jukes.	117	6	26	6	8	12	—	3	5	12	1	—	18	122	7	7	5	1	7
Женщ. Х. .	—	—	15	3	—	4	6	4	1	7	—	—	8	53	3	3	2	½	2
Мужч. Jukes.	—	5	22	—	—	4	23	7	1	6	5	3	19	129	8	12	12	11	15
Мужч. Х. .	59	—	19	—	—	15	—	1	3	2	2	1	11	50	3	3	10	13	11
5-я генер. Женщ. Jukes.	224	10	37	6	3	36	7	5	5	25	—	—	24	100	12	18	9	¼	15
Женщ. Х. .	—	—	15	2	1	14	4	4	—	2	—	—	11	49	2	4	1	¼	1
Мужч. Jukes.	—	14	21	—	—	12	22	7	—	7	5	1	25	87	11	21	18	72	41
Мужч. Х. .	84	—	26	—	—	14	11	6	2	4	3	1	14	33	—	—	12	8	16
6-я генер. Женщ. Jukes.	152	8	2	2	—	2	—	—	1	—	—	—	—	—	3	8	2	½	2
Женщ. Х. .	—	—	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Мужч. Jukes.	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	7	2	6½	2
Мужч. Х. .	5	—	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
7-я генер. Женщ. Jukes.	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Мужч. Jukes.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Общее Женщ. Jukes.	—	26	83	18	12	53	8	13	11	37	1	—	45	242	24	35	16	1¾	24
Женщ. Х. .	—	—	35	6	1	21	12	8	1	9	—	—	20	125	5	7	3	¾	3
Мужч. Jukes.	—	20	55	—	—	20	50	18	1	14	14	5	50	270	29	46	33	89½	59
Мужч. Х. .	—	—	57	—	—	34	19	7	5	7	4	3	27	97	6	8	24	24	29
Кровь Jukes.	540	46	138	18	12	73	58	31	12	51	15	5	95	512	53	81	49	91½	83
Кровь Х. .	169	—	92	6	1	55	23	15	6	16	7	3	47	222	11	15	27	24¾	32
Итого . .	709	46	230	24	13	128	81	46	18	67	22	8	142	734	64	96	76	116	115

631) Въ заключеніи своего изслѣдованія, г. Dugdale даетъ приблизительную оцѣнку стоимости для общества въ теченіе 75 л. членовъ рода Jukes. При этомъ онъ принимаетъ

Въ сочиненіи Lucas „Traité de l'hérédité naturelle“ также собрано не мало интересныхъ фактовъ наслѣдственной склонности къ преступленію. [632]). Между прочимъ мы находимъ въ немъ слѣдующій случай. Въ 1845 г. ассизный судъ департамента Сены приговорилъ трехъ членовъ изъ пяти одной преступной семьи. При этомъ на судебномъ разбирательствѣ выяснилось, что отецъ не нашелъ у всѣхъ своихъ дѣтей одинаковыхъ и желанныхъ имъ склонностей. Онъ принужденъ былъ прибѣгать къ насиліямъ по отношенію къ своей женѣ и двумъ младшимъ дѣтямъ, не подчинявшимся его преступнымъ приказаніямъ. Напротивъ, старшая дочь, какъ бы по инстинкту, сама слѣдовала за нимъ и была настолько же настойчива и жестока въ стремленіи подчинить семью своимъ порочнымъ склонностямъ, какъ и онъ. „У одной части дѣтей“, замѣчаетъ по этому поводу Lukas, „натура была иная; они унаслѣдовали ея отъ своей матери“ [633]).

До сихъ поръ мы говорили о наслѣдственности внѣ зависимости отъ колебаній во временныхъ органическихъ состояніяхъ. А между тѣмъ на самомъ дѣлѣ человѣкъ вовсе не представляетъ собою съ органической стороны постоянной, всегда самой себѣ равной величины. Напротивъ, въ своихъ особенностяхъ и состояніяхъ онъ постоянно частично измѣняется, при чемъ послѣднія, въ зависимости отъ внѣшнихъ

во вниманіе стоимость содержанія пауперовъ, преступниковъ, проститутокъ, стоимость хищенія, суда и проч. Оказывается, что за указанный періодъ времени это злополучное потомство обошлось обществу по меньшей мѣрѣ въ 1,308,000 дол., не считая неизлѣчимыхъ болѣзней, идіотизма, душевныхъ разстройствъ и предрасположенія къ пауперизму, наслѣдственно переданныхъ потомству. Представивъ этотъ разсчетъ, г. Dugdale заканчиваетъ замѣчаніемъ, что время спросить, *что могутъ подѣлать съ предложеннымъ вопросомъ наши суды, наши законы, наши богадѣльни и наши тюрьмы?* Во второй части своего изслѣдованія, относящейся къ заключеннымъ, изслѣдованнымъ имъ въ обурнской и сингъ-сингской тюрьмѣ, г. Dugdale представляетъ интересную таблицу 38 привычныхъ преступниковъ, изъ которой видно, что средняя продолжительность времени преступной дѣятельности каждаго равняется $11_{,35}$ л.; изъ нихъ $3_{,71}$ л. проводятся въ тюрьмѣ, а $7_{,84}$ на свободѣ. Среднее число ежегодно совершаемыхъ преступленій 103, а среднее число осужденій $4_{,55}$. Отношеніе же числа преступленій къ числу осужденій, выведенное на основаніе 14 случаевъ, есть 146 къ 1. См. „The Jukes“, 68 70 и 102.

[632]) См. I т., 480 и сл.

[633]) Тамъ же, 495 и сл.

воздѣйствій, разнообразно колеблются между органической силой и истощеніемъ, между здоровьемъ и болѣзнію и т. д. Конечно, одинъ и тотъ же человѣкъ, въ основныхъ чертахъ своей личности, въ близкіе по времени моменты своей жизни представляется сходнымъ. Но это лишь сходство, а не тождество, и при томъ сходство тѣмъ болѣе уменьшающееся, чѣмъ болѣе отдаленныя по времени періоды жизни берутся для сравненія. Поэтому мы можемъ сказать, что человѣкъ представляетъ собою величину, поступательно измѣняющуюся и притомъ еще постоянно колеблющуюся въ психо-физическихъ состояніяхъ. А если такъ, то спрашивается, что же именно передается наслѣдственно? Органическія ли особенности дѣтства, или юношества, или періода возмужалости и какого именно? Отвѣтъ, повидимому, найдти не трудно,—онъ напрашивается самъ собой. Очевидно, что наслѣдственно передаваться можетъ только то, что есть на лицо, иначе говоря, наслѣдственно могутъ передаваться не органическія особенности вообще, такъ какъ таковыхъ не существуетъ, а органическія особенности и состоянія даннаго времени, органическія особенности и состоянія момента акта зачатія [631]). Наука вполнѣ подтверждаетъ такой отвѣтъ и фактъ унаслѣдованія органическихъ особенностей и состояній момента акта зачатія можно считать доказаннымъ.

Въ сочиненіи Ribot: „L'hérédité psychologique“ мы находимъ, напр., слѣдующій интересный фактъ, опубликованный д-мъ Lucas въ 1878 г. Одна замужняя женщина, находившаяся въ связи съ однимъ докторомъ, во время акта зачатія сильно перепугалась прибытія своего мужа и начала дрожать всѣмъ тѣломъ. Родившаяся дочь съ самаго дня рожденія страдала дрожью во всемъ тѣлѣ; впослѣдствіи она сдѣлалась пьяницей и впала въ душевное разстройство [635]).

---

[631]) De Candolle основательно считаетъ различія временныхъ состояній момента зачатія одной изъ важнѣйшихъ причинъ различій нисходящихъ. „Я считалъ нужнымъ“, говоритъ онъ, „напомнить современнымъ натуралистамъ объ одномъ важномъ источникѣ различій въ послѣдующихъ генераціяхъ: временномъ состояніи родителей въ моментъ зачатія и состояніи матери въ непосредственно слѣдующій періодъ“ „Histoire des sciences“, 311 и 312. Случаи вліянія нравственныхъ состояній матери въ періодъ беременности см. въ цитированномъ уже сочиненіи Voisin, 336—343.

[635]) L'héréd. psych. 2 изд. 107 и 108.

Побочная дочь Людовика XIV, зачатая г-жею Montespan въ припадкѣ слезъ и раскаянія, вызванномъ религіозными церемоніями юбилея, сохранила въ теченіи всей своей жизни характеръ, вслѣдствіе котораго она была названа куртизанками: „Дитя юбилея“ [636]).

Д-ръ Lucas такъ формулируетъ условія преобладанія въ наслѣдственной передачѣ той или другой стороны: 1) прирожденная энергія организаціи; 2) степень развитія и возрастъ жизни во время акта зачатія; 3) энергія дѣйствія и временнаго возбужденія [637]). Отсюда становится понятно, что большая или меньшая старость, или ранняя молодость родителей во время акта зачатія, ихъ опьянѣлое состояніе, душевныя волненія, состояніе духа, болѣзни, органическое истощеніе и проч. должны, повидимому, оказывать рѣшительное вліяніе на физическія и нравственныя особенности потомства [638]). Въ сочиненіи Lucas мы находимъ, напр., слѣдующій фактъ. Когда въ 1812 и 13 гг. конскрипція во Франціи достигла крайняго предѣла, то родители начали очень рано женить своихъ дѣтей. Эти ранніе браки дали, какъ видно изъ конскрипцій 1833 и 34 г., соотвѣтствовавшихъ бракамъ 1812 и 13 г., весьма слабое и истощенное поколѣніе. Сходный фактъ сообщаетъ и Монтескье [639]).

Подобное же слабое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и малоодаренное поколѣніе даютъ и слишкомъ старые родители. Lucas разсказываетъ, что жена кучера Карла X, имѣвшая уже многихъ дѣтей, къ удивленію всѣхъ окружающихъ забеременнила вновь, будучи слишкомъ 60 л. отъ роду. Родившійся ребенокъ съ самого своего появленія на свѣтъ носилъ на себѣ ясные слѣды старости своихъ родителей [640]). Въ статьѣ „эпилепсія и первичное помѣшательство“ д-ръ Платоновъ описываетъ случай эпилепсіи въ соединеніи съ первичнымъ помѣшательствомъ (бредъ преслѣдованія съ

---

636) Lucas, II, 504. О вліяніи органич. состоян. во время акта зачат. см. также Ribot 253—262; Reich: „Die Erblichkeit der Gebrechen, 7—11 Moreau (De Tour) Psych morb. 63; Lucas, 501 и сл.

637) Lucas, II, 260.

638) Lucas, II, 501—506, 524—527.

639) Факты, относящіеся къ послѣдствіямъ раннихъ браковъ см. у Lucas, II, 459 и сл.

640) Томъ II, 461 и сл.

ипохондрическимъ оттѣнкомъ) у крестьянки, происходившей изъ вполнѣ здоровой семьи, но родившейся отъ 66 лѣтн. отца и 50 л. матери и съ 16 л. уже обнаруживавшей наклонность къ самоубійству. По поводу этого случая авторъ замѣчаетъ: „въ жизни не разъ приходится наблюдать, что дѣти, родившіяся отъ родителей стариковъ, обыкновенно хилы, слабы, склонны ко всякаго рода заболѣваніямъ, ограничены и тупы. Приходится не рѣдко встрѣчать и паціентовъ — психопатовъ, которые видимо не обременены наслѣдственностью и составляютъ исключеніе изъ всей родной семьи. Въ подобныхъ случаяхъ часто удается констатировать старческій возрастъ обоихъ родителей или одного изъ нихъ въ моментъ зачатія паціента“ [611]). Въ 1881 году, въ Парижѣ, въ Бисетрѣ удавился нѣкто Thuriot. Въ 1874 году онъ вошелъ въ одинъ ресторанъ и, не говоря ни слова, однимъ ударомъ ножа убилъ служившую въ немъ дѣвушку— Marie Cotard. Въ то время его душевное состояніе, возбудившее сомнѣнія, было признано ненормальнымъ и онъ былъ помѣщенъ въ Бисетръ, гдѣ онъ велъ тихую и спокойную жизнь, занимаясь мелкими ручными производствами, а затѣмъ, повидимому, безъ всякой особой причины покончилъ съ собой самоубійствомъ. Разслѣдованіе показало, что Thuriot родился въ тюрьмѣ Saint-Lazare. Мать его была дѣвушка, еще не достигшая 15 лѣтъ, а отецъ — португальскій еврей 65 лѣтъ. Въ теченіи жизни, Thuriot перемѣнилъ множество разнообразныхъ занятій, поступилъ въ папскіе зуавы, а затѣмъ въ африканскую армію. Двадцати четырехъ лѣтъ онъ совершилъ преступленіе и попалъ въ Бисетръ.

Повидимому, еще болѣе пагубное вліяніе на нравственныя особенности потомства оказываетъ состояніе опьяненія во время акта зачатія. „Приведенные Демо, Флеммингомъ, Руфомъ и др. примѣры эпилептическихъ дѣтей, зачатыхъ въ пьяномъ состояніи“, говоритъ Шуле, „не только находятъ частое подтвержденіе въ жизни, но доказываются

---

[611]) Архивъ психіатріи, нейрологіи и судебн. психопат., 1883, т. I, № 1, 50. См. также Psychol. morbide, 159; Fonssagrives: Lecons d'hygiène infantie 484.

[612]) Шуле, 227.

[613]) „La pathol. de l'esprit“, 194.

экспериментально случаями проскакиванія здоровыхъ потомковъ въ то время, когда въ порокѣ отца наступаетъ нѣкоторая пауза“ [642]). Maudsley сообщаетъ заимствованный имъ изъ сочиненія д-ра Noble слѣдующій случай, въ которомъ семь первыхъ дѣтей одного пьяницы кабатчика, постоянно находившагося въ состояніи опьяненія, были идіоты, тогда какъ восьмой ребенокъ,—дочь, зачатая въ то время, когда ея отецъ, растративъ все свое состояніе, находился въ состояніи вынужденной трезвости, была совершенно здорова и сдѣлала хорошую партію [643]). Нѣсколько сходный случай мы находимъ также у Descuret. Изъ 6 человѣкъ дѣтей нѣкоего L. четверо были рождены до начала пьянства отца, а двое—послѣ него. Дѣти воспитывались при одинаковыхъ условіяхъ, но родные съ удивленіемъ замѣтили рѣзкую противоположность въ ихъ склонностяхъ. Четверо первыхъ были всегда трезвы, а двое вторыхъ съ раннихъ лѣтъ проявляли уже рѣзко выраженную наклонность къ пьянству и, не смотря на всѣ мѣры строгости, принятыя родителями и временно лишь задержавшія развитіе печальной особенности, скоро спились съ круга и закончили печальнымъ образомъ [644]).

Вліяніе опьянѣлыхъ состояній во время акта зачатія было извѣстно еще древнимъ грекамъ. „Твой отецъ былъ сильно пьянъ, когда твоя мать зачала тебя“, говорилъ Діогенъ одному глупому ребенку [645]). Дѣти, зачатыя во время такихъ состояній часто страдаютъ эпилепсіей и отличаются умственными и нравственными дефектами и часто унаслѣдуютъ склонность къ злоупотребленію алкоголемъ [646]). Д-ръ Voisin разсказываетъ между прочимъ слѣдующіе случаи. Одна идіотка была дочерью завзятаго пьяницы, который имѣлъ двухъ дѣтей. Каждый ребенокъ былъ зачатъ во время опьяненія отца и плодомъ такихъ зачатій была упомянутая идіотка и ея слабоумный братъ. Въ другомъ случаѣ девять человѣкъ дѣтей, одного пьяницы всѣ были

644) „La medicine des passions“, I. 400 и сл.

645) Lucas, II, 502 и сл.

646) См. Moreau (de Tour): „De l'homecide, commis par les enfants, 115 и сл. Ribot, 2 изд. 254 и сл. Случай страданія эпилепсіей зачатаго въ пьяномъ состояніи см. Bourneville въ Recherches cliniq. et thérap. sur l'épilep., l'hyster. et l'idiotie, 148, и Voisin: „Leçon. cliniq.“. 583.

зачаты во время опьянѣлыхъ состояній отца, Восемь изъ нихъ умерли въ конвульсіяхъ, а девятая идіотка помѣщена въ госпиталь. Въ третьемъ случаѣ одна женщина, мать многихъ здоровыхъ дѣтей, имѣла незаконорожденнаго ребенка отъ одного профессіональнаго пьяницы. Этотъ послѣдній ребенокъ былъ воръ и поджигатель. Еще въ одномъ случаѣ одна здоровая женщина имѣла мужемъ хроническаго пьяницу. Ея дочь, о которой идетъ рѣчь, была зачата во время опьянѣлаго состоянія отца. Тринадцати мѣсяцевъ она ходила и до четырехъ лѣтъ не представляла ничего особеннаго. Въ этотъ возрастъ она имѣла внезапный приступъ возбужденія, продолжавшійся нѣсколько дней. Во время него она галлюцинировала: видѣла различныхъ животныхъ, хотѣла спастись отъ нихъ въ дверь или черезъ окно и пр. Впослѣдствіи она перестала узнавать свою мать, кусала ее, не хотѣла болѣе ее слушаться, забыла все, что знала и перестала говорить. Во время ея поступленія въ госпиталь, когда ей было уже восемнадцать лѣтъ, она не знала почти ничего и на всѣ вопросы безразлично отвѣчала „да“ [647]).

Если такое пагубное вліяніе оказываютъ состоянія опьянѣлаго разслабленія во время акта зачатія, то, весьма вѣроятно, что не менѣе пагубное вліяніе должны оказывать и другія болѣзненныя состоянія. Бурдахъ утверждаетъ даже— и это утвержденіе, повидимому, имѣетъ многое за себя, что постоянныя несогласія и нерасположеніе родителей другъ къ другу не проходятъ безслѣдно и неблагопріятно отражаются на обликѣ психической личности ихъ дѣтей [648]).

Изъ этого видно, какое рѣшающее вліяніе оказываютъ особенности брачныхъ связей и вообще половыхъ сожительствъ на грядущія судьбы общества, которое, такимъ образомъ, является жизненно заинтересованнымъ въ вопросахъ брака. Всѣ эти отжившіе или только готовящіеся жить, всѣ эти пьяницы, всѣ эти развращенные и разслабленные, вступая въ браки или просто половыя сожительства и такимъ образомъ не воздерживаясь отъ рожденія дѣтей, производятъ хилое потомство, члены котораго, *при современныхъ*

---

[647]) Voisin: „Leçon. cliniq.“ 197 и 350 и сл.

[648]) Шуле, 227.

запросахъ общественной жизни на нервную энергію и при господствующихъ пріемахъ современнаго воспитанія, будутъ не въ состояніи удовлетворять предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ и, вслѣдствіе особенностей ихъ порочной, недостаточной и дурно уравновѣшенной организаціи, внесутъ порчу и потрясенія въ общество и лягутъ на него тяжелымъ бременемъ или въ качествѣ кліентовъ заведеній для душевнобольныхъ, или въ качествѣ тюремныхъ сидѣльцевъ и обитателей рабочихъ домовъ или, наконецъ, въ качествѣ различныхъ мало на что пригодныхъ людей.

Къ несчастію, съ этой именно стороны особенно и грѣшитъ современное общество, въ которомъ браки и половыя сожительства такъ часто превращаются или въ актъ заурядоваго наслажденія, или же въ дѣйствіе, опредѣляемое плохо понимаемой выгодой и коммерческимъ разсчетомъ, почти совсѣмъ не осуждаемымъ мало подготовленнымъ общественнымъ мнѣніемъ, этимъ могущественнѣйшимъ, при правильномъ его развитіи, средствомъ упорядоченія всего общественнаго строя и обузданія чудачествъ и пороковъ отдѣльной личности. Поэтому, когда, по выраженію Lucas, „молодость открываетъ объятія старости, сила — слабости, любовь — отвращенію, цвѣтъ здоровья — болѣзни“, и когда общественнымъ мнѣніемъ все въ этой области исключительно предоставляется произволу и усмотрѣнію отдѣльной, часто органически крайне несовершенной личности,— тогда не мудрено, что такъ много нарождается слабыхъ и общественно плохо приспособленныхъ личностей, потрясающихъ общественный порядокъ и посягающихъ на самые жизненные интересы общества.

Но какъ ни рѣшительно вліяніе наслѣдственности на судьбы нарождающихся поколѣній, тѣмъ не менѣе оно не представляется роковымъ и непреоборимымъ. На ряду съ закономъ наслѣдственности дѣйствуетъ другой законъ, законъ измѣненій, законъ приспособляемости къ измѣненнымъ окружающимъ условіямъ, подъ вліяніемъ котораго въ организмѣ могутъ происходить, какъ учитъ опытъ, самыя глубокія измѣненія, разъ только значительныя измѣненія въ окружающей средѣ не совершаются слишкомъ рѣзко и даютъ достаточно времени для постепеннаго приспособленія. На этомъ законѣ и основываются пріемы воспитанія, въ кото-

ромъ, разъ оно разумно организовано, мы имѣемъ могущественное средство для борьбы со зломъ дурнаго унаслѣдованія. „Что наиболѣе важно послѣ прирожденной натуры", справедливо замѣчаетъ профес. Maudsley, „эта натура пріобрѣтенная. Ею личность обязана своему воспитанію. Но здѣсь дѣло идетъ не просто о воспитаніи, которое называется обученіемъ, а о томъ развитіи характера, которое опредѣляется условіями жизни. Несомнѣнно, что человѣкъ можетъ пріобрѣсти своей опытностью хорошее воспитаніе, умѣя съ трудомъ читать и писать, тогда какъ иногда случается, что очень образованный человѣкъ, тѣмъ не менѣе дурно воспитанъ" [649]). „*Физическое и нравственное воспитаніе дѣтей*", говоритъ въ своихъ „Lecons d'hygiene infantile" проф. Fonssagrives, „надъ которыми тяготѣетъ эта угроза (здѣсь авторъ говоритъ о дѣтяхъ, происходящихъ отъ душевно-больныхъ) *несомнѣнно обладаетъ могуществомъ отвратить ее*". Далѣе онъ указываетъ и средства, т.-е. соотвѣтствующіе пріемы воспитанія для достиженія этой, правда, не особенно легкой цѣли [650]). Важное и созидающее, если можно такъ выразиться, значеніе воспитанія признаютъ даже такіе авторы, какъ Ribot и Moreau (de Tour), особенно склонные оттѣнять значеніе наслѣдственнаго элемента [651]). И дѣйствительно наслѣдственно передаются ни вкусы и склонности, какъ какія-то абстрактныя качества, а напротивъ, согласно совершенно вѣрному замѣчанію д-ра Reich [652]), лишь анатомическія особенности органовъ, какъ матеріальный субстратъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и особенности ихъ функцій, изъ совокупности которыхъ, разъ онѣ совершаются созна-

---

649) „La pathol. de l'espr., 163. Говоря о періодѣ половаго развитія д-ръ Leven справедливо замѣчаетъ о могуществѣ такого воспитанія: „Если мозгъ хорошо подготовленъ съ нравственной стороны, то молодой человѣкъ не дастъ увлечь себя пороку и разврату. Онъ будетъ противостоять многочисленнымъ причинамъ увлеченій, которыя онъ находитъ въ своей организаціи и въ окружающемъ мірѣ". Этотъ авторъ основательно считаетъ полезнымъ продолженіе нравственной культуры до 25 лѣтняго возраста (понятно, въ послѣднее время въ формѣ направленія совѣтами), когда нервные центры пріобрѣтаютъ полную устойчивость и когда хорошо подготовленный къ жизненной борьбѣ человѣкъ сравнительно безъ труда противостоитъ жизненнымъ соблазнамъ и невзгодамъ. См. его сочин.: „Estomac etc erveau", 224 и сл.

650) См. стр. 517 и 524 и сл.

651) Ribot, 331 и сл., 379 и сл.; „Psychol. morb., 250.

652) „Die Erblichk eit etc", 16.

гельно, и слагается психическая жизнь. Особенности же организаціи вообще и отдѣльныхъ органовъ въ частности вырабатываются не какимъ то совершенно неизвѣстнымъ процессомъ, а могущественнѣйшимъ средствомъ измѣненія организмовъ,—упражненіемъ съ одной стороны и неупражненіемъ съ другой. Сказать, что такая-то особенность наслѣдственна, еще не значитъ рѣшить вопросъ о ея устойчивости. Если у лица А. она унаслѣдована, то у лица В или С. она была пріобрѣтена и при томъ пріобрѣтена, при посредствѣ упражненій. Нѣкто Р., напримѣръ, имѣлъ привычку ложиться на спину и скрещивать правую ногу на лѣвую. Одна изъ его дочерей принесла съ собой на свѣтъ эту привычку и еще въ качкѣ, будучи грудным ребенкомъ, принимала то же положеніе, не смотря на препятствія [653]). Такимъ образомъ, у этого ребенка привычка Р. перешла на степень инстинкта или унаслѣдованной привычки. тогда какъ у самого Р. *она была выработана упражненіемъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ вліяній.* А если органическія особенности вырабатываются упражненіями, то ими же или разсчитанными неупражненіями они могутъ быть и уничтожаемы или замѣняемы новыми. На это возразятъ. пожалуй, что вырабатывается вновь то, что не было унаслѣдовано. и что унаслѣдованное уже слишкомъ прочно заложено, чтобы быть измѣнено въ теченіи одного поколѣнія. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда одна пріобрѣтенная въ теченіи жизни индивидуума особенность не смѣняется другой, также имъ пріобрѣтенной, всегда измѣняется особенность наслѣдственно прирожденная. Въ такихъ случаяхъ выработкѣ той или иной особенности того или другаго органа предшествуетъ не полное отсутствіе въ немъ особенностей, а только отсутсутствіе вновь вырабатываемой и являющейся на смѣну какой-либо старой, часто унаслѣдованной. Конечно, унаслѣдованное измѣняется труднѣй, но все же измѣняется. Способность хожденія на двухъ ногахъ глубоко унаслѣдована человѣкомъ, а между тѣмъ для своего развитія она требуетъ упражненій. Послѣднія могутъ довести ее до высокой степени совершенства. а ихъ отсутствіе, смотря по степени,

---

653) Ribot „L'hérédité“, 220.

почти вовсе атрофировать ее. До какого часто удивительнаго совершенства доводитъ систематическое упражненіе органы,—это мы видимъ на примѣрѣ хотя бы акробатовъ. Правда, у нихъ дѣло идетъ о мускульномъ развитіи. Но какимъ законамъ слѣдуетъ развитіе мускулатуры, такимъ же законамъ слѣдуетъ и развитіе всѣхъ остальныхъ органовъ, составляющее необходимый матеріальный субстратъ нравственныхъ качествъ [654]). Поэтому разсчитанное, систематическое упражненіе и неупражненіе, подкрѣпляемыя, конечно, благопріятной гигіенической обстановкой и соотвѣтствующимъ питаніемъ, даютъ въ руки воспитателя достаточныя средства для разрѣшенія возлагаемой на него хотя и трудной, но доступной задачи.

Въ животномъ царствѣ намъ извѣстно множество примѣровъ глубокихъ конституціональныхъ измѣненій, совершающихся въ теченіи одного поколѣнія, подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій. Измѣненіями въ пищѣ рабочья пчела превращается въ матку [655]) и тѣми же измѣненіями желудокъ зерноядной птицы превращается въ желудокъ плотоядной и наоборотъ [656]). О человѣкѣ намъ извѣстны такіе же факты. Lucas разсказываетъ, напр., про одного шведа, сынъ котораго, черезъ посредство отца, унаслѣдовалъ отъ дѣда странную особенность,—невольное отрыганіе и пережевываніе жвачки, но путемъ усилій воли — стало быть задержки въ упражненіи—отдѣлался отъ нея [657]). Въ своемъ сочиненіи „Traité des dégénérescences“ Morel приводитъ выдержку изъ письма къ нему д-ра Buchez, въ которомъ послѣдній сообщаетъ, что у людей, переселяющихся изъ холоднаго въ жаркій поясъ, въ организмѣ совершаются глубокія измѣненія: кровообращеніе ускоряется, количество крови убавляется, а размѣры печени и количество желчи увеличиваются и т. д., и что эти измѣненія передаются и наслѣдственно [658]). Если въ данномъ случаѣ глубокія измѣ-

---

654) Во второмъ выпускѣ, говоря о выработкѣ различныхъ способностей, я буду имѣть случай привесть примѣры органическихъ измѣненій подъ вліяніемъ упражненій.

655) Carpenter: „Principles of ment. physiol.“, изд. 6-е, 59 и 60.

656) Semper: „Die natürlichen existenz bedingung. der Thiere, 83 и 84.

657) Traité de l'héréd. nat., II, 696.

658) См. 31 стр

ненія унаслѣдованной организаціи вызваны вліяніями нерасчитанными, то въ другихъ случаяхъ желанныя измѣненія могутъ быть вызываемы и вліяніями расчитанными, т. е. пріемами воспитанія. Послѣдніе, какъ видно, напр., изъ наблюденія, приводимаго д-мъ Voisin, могущественно вліяютъ даже на такихъ обездоленныхъ природою существъ, какъ идіоты. Въ случаѣ, сообщаемомъ этимъ авторомъ, у одной идіотки. отличавшейся дурными склонностями и вступившей 29 лѣтъ въ Salpêtriere, подъ вліяніемъ воспитанія, сравнительно значительно увеличились даже измѣренія черепа; окружность его увеличилась, напр., на 10 мил., лобный діаметръ на 4 мил. и т. д. [659]). Говоря о воспитаніи идіотовъ, Voisin, приводитъ другой случай значительнаго исправленія и развитія хорошихъ чувствъ умѣлыми пріемами директора учрежденія въ одномъ изъ такихъ дѣтей, отличавшимся своей полной невыносимостью для окружающихъ [660]). Тотъ же авторъ разсказываетъ про одного мальчика (подробности см. въ 584-мъ примѣчаніи къ этой книгѣ), отмѣченнаго неблагопріятной наслѣдственностью и отличавшагося чрезвычайно сквернымъ и невыносимымъ характеромъ и самыми дурными склонностями и поступками. Впослѣдствіи у него развилась эпилепсія, послѣ излѣченія которой онъ былъ порученъ особому воспитателю. Благодаря послѣднему, удалось „значительно улучшить нѣкоторыя стороны его характера и уничтожить многіе его пороки“ [661]). Brace также приводитъ примѣры счастливыхъ измѣненій, произведенныхъ воспитаніемъ, которое порвало нить унаслѣдованія пауперизма, бродяжества и преступленія [662]).

„Вліяніе, оказываемое на дѣтей въ Бисетрѣ“, говоритъ д-ръ Paulmier, „показываетъ до какой степени возможно измѣнить эти непокорныя натуры, исправить ихъ инстинкты, возбудить ихъ соревнованіе, устранить и ослабить ихъ вспыльчивость, *сдѣлать ихъ соціабельными* и хорошо поступающими (bienfaisants), однимъ словомъ, приспособить ихъ къ жизни“ [663]).

---

659) См. цитир. уже сочин. 365 и 366.

660) Тамъ же, 389; интер. вся глава 383—401.

661) Тамъ же, 29 и 30.

662) „The danger. clas“, 44 и 45.

663) „Des affections mentales chez les enfants“, 26.

Роковое вліяніе нѣкоторыхъ наслѣдственно передаваемыхъ особенностей заключается не столько въ ихъ непреоборимости путемъ воспитанія, сколько въ большинствѣ случаевъ въ недостаткахъ и ошибочности послѣдняго. Основныя порочныя особенности остова психической личности обыкновенно остаются неподмѣченными и неизмѣненными какъ въ своемъ существованіи, такъ и въ своемъ дѣйствіи неподготовленными и часто вовсе неспособными воспитателями. „Для дѣтей, родившихся отъ невро—или психопатическихъ родителей, родная семья составляетъ самую опасную воспитательную среду“, справедливо замѣчаетъ д-ръ Сикорскій, „потому именно, что ненормальныя прирожденныя черты характера дѣтей находятъ въ ней соотвѣтственную почву и условія дальнѣйшаго развитія въ томъ же направленіи, что и у родителей“ [664]). Что авторъ говоритъ о невро—и психопатическихъ семьяхъ, то же нужно сказать и о всѣхъ порочныхъ семьяхъ вообще. Въ нихъ неразумный ребенокъ, предоставленный свободному влеченію наслѣдственно переданныхъ ему порочныхъ сторонъ его характера, неизмѣненныхъ и неослабленныхъ разумнымъ воспитаніемъ, понятно, неудержимо будетъ стремиться по пути своего паденія, поощряемый еще примѣромъ и вліяніемъ взрослыхъ. Такъ прирожденно-истощенныя организаціи, переданныя какимъ-нибудь ветераномъ - пьяницей своимъ дѣтямъ, понятно, неудержимо будутъ влечь этихъ послѣднихъ ко всевозможнымъ искуственнымъ возбудителямъ, къ бездѣлію, вынужденнымъ обманамъ и проч. То же нужно сказать и о наслѣдственно передаваемыхъ половыхъ организаціяхъ и другихъ видахъ порочныхъ организацій. А между тѣмъ и онѣ, при разумной культурѣ, могли бы получить иное направленіе, не находящееся въ противорѣчіи съ условіями общественнаго порядка, спокойствія и преуспѣянія. Совершенно справедливо замѣчаетъ д-ръ Reich, что если органически истощенный злоупотребленіями алкоголя отецъ передаетъ своему ребенку несоотвѣтственно слабо развитую грудную клѣтку и черезъ чуръ раздражительную нервную систему, и если послѣдній попадаетъ въ

---

[664]) «Вѣстн. клин. и судебн. псих.», вып. II. «Задачи гигіены воспитанія», 127. Можно только усиленно рекомендовать эту прекрасную статью.

неблагопріятныя условія, то у него неминуемо развивается чахотка, или эпилепсія, или какое-нибудь другое убожество. Напротивъ, если у того же ребенка соотвѣтствующими гимнастическими упражненіями будетъ развита грудная клѣтка, холодной водой—укрѣплена кожа, надлежащимъ питаніемъ—поддержанъ нормальный составъ крови, хорошимъ воспитаніемъ—укрѣпленъ духъ, то переданнаго наслѣдства почти не останется и слѣдовъ [665]).

Нельзя, конечно, безусловно отрицать, что нѣкоторыя дѣти родятся съ такими порочностями организма (я не говорю здѣсь о совершенныхъ идіотахъ), которыя дѣлаютъ крайне затруднительнымъ поднятіе ихъ до типа нормальнаго общественнаго человѣка. Но такихъ дѣтей, во-первыхъ, сравнительно очень мало, а во-вторыхъ, и для нихъ разумное и индивидуализированное воспитаніе, имѣющее въ виду особенности остава психической личности, можетъ сдѣлать весьма многое. Главная задача состоитъ въ томъ, чтобы воспитатель былъ въ состояніи, по своему умственному развитію и познаніямъ, подмѣтить въ каждомъ случаѣ особенности этого остава и, путемъ расчитанныхъ воздѣйствій, съумѣлъ бы воздѣйствовать на ихъ измѣненіе.

Изъ всего сказаннаго становится понятно важное, можно сказать, рѣшающее значеніе воспитанія. Поэтому, если общество, во имя своихъ будущихъ судебъ, усиленно заинтересовано въ особенностяхъ брачныхъ сопряженій, то оно не менѣе жизненно заинтересовано и въ правильной организаціи воспитанія массъ. Это послѣднее оно не можетъ и не должно представлять неограниченному произволу отдѣльныхъ, часто развращенныхъ личностей, къ несчастію для себя и для всего общества становящихся родителями.

Этимъ я и закончу введеніе. Въ немъ я старался возможно точно изложить выводы, къ которымъ приводятъ добытые современною наукою факты. Насколько удовлетворительно выполнена мною эта задача судить, конечно, не мнѣ. Впрочемъ, въ теченіи всего изложенія, по скольку я не являлся лишь излагателемъ чужихъ мнѣній, я держался

---

665) «Die Erblichkeit», 16 и 17.

почвы опыта и наблюденія, а на этой почвѣ всѣ положенія сравнительно легко допускаютъ провѣрку и исправленіе.

Развитое и проведенное мною понятіе о порочномъ и недостаточномъ организмѣ не представляетъ собою чего-либо новаго. Это то же понятіе о порочномъ и незадачливомъ человѣкѣ, съ тою лишь разницею, что послѣднее имѣетъ въ виду исключительно психическую сторону, тогда какъ первое — нераздѣльную психо-физическую. Нераздѣльность же этихъ сторонъ составляетъ положеніе, поставленное современной наукой внѣ всякихъ сомнѣній и признаваемое всѣми научными дѣятелями, какъ бы кто изъ нихъ не смотрѣлъ на сущность сознанія. „Пока психическая и физическая стороны человѣческой“ природы изучаются раздѣльно другъ отъ друга, говоритъ д-ръ Carpenter, „до тѣхъ поръ, по мнѣнію автора, не можетъ быть достигнутъ никакой прогрессъ въ наукѣ психологіи, что „Богъ соединилъ вмѣстѣ“. то напрасно человѣкъ будетъ питаться „разлучить“ [665*]). „Экспериментальная психологія“, совершенно вѣрно замѣчаетъ Ribot. „ограничивается лишь фактами, отсылая къ метафизикѣ всѣ изысканія первыхъ причинъ“, а потому, съ научной точки зрѣнія вполнѣ равнозначно. будемъ-ли мы разсматривать „мысль, какъ простую функцію нервной системы или, напротивъ, нервную систему только какъ условіе мысли“ [666]).

Понятіе порочнаго организма я поставилъ въ связь съ понятіемъ объ организмѣ вырождающемся. Порочность психо-

---

[665*]) См. «Principles of ment. physiol», 2. «Съ тѣхъ поръ, какъ нашли нужнымъ провести пограничную линію между изученіемъ физической и психической стороны человѣка», писалъ еще Cabanis, «положенія, относящіяся къ послѣднему необходимо затемнились неопредѣленностью метафизическихъ гипотезъ. Послѣ ихъ введенія въ изученіе нравственныхъ наукъ, не оставалось болѣе никакого прочнаго основанія, какого опредѣленнаго пункта, къ которымъ бы можно было пріурочить результаты наблюденія и опыта». «Изученіе физической стороны человѣка», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «одинаково интересно для медика и моралиста: оно почти одинаково необходимо для обоихъ».

«Моралистъ старается проникнуть въ наиболѣе сокровенные процессы, которые представляютъ собой функціи интеллекта и опредѣленія воли. Онъ ищетъ въ нихъ правила, которыя должны управлять жизнію, и пути, ведущіе къ счастію». «Rapports du physique et du moral», 43 и 45.

[666]) «L'hérédité», 1-е изд., 169 и 170.

физической организаціи, проявляющаяся въ дѣйствіяхъ, запрещаемыхъ не только нравственностью— этой совокупностью необходимыхъ правилъ, выработанныхъ вѣковымъ опытомъ народовъ, — но и уголовнымъ кодексомъ, въ большей или меньшей степени, трудно согласима съ жизнію въ обществѣ, въ которомъ только и можетъ совершаться дальнѣйшее развитіе человѣка. Отсюда, вѣроятно, и происходитъ вѣрованіе народовъ о тяготѣніи неоткрытаго преступленія надъ судьбою нисходящихъ. У человѣка, изначала приспособленнаго къ общественной жизни, такія порочности могутъ вырабатываться и развиваться только подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій, порождающихъ большій или меньшій разладъ между условіями его психо-физической организаціи и безусловными требованіями общественной жизни. А это и есть процессъ деградаціи, который, разъ его теченіе не будетъ во время остановлено благопріятными вліяніями, приводитъ къ противоположеніямъ съ окружающими, къ неудачамъ въ жизненной борьбѣ, къ новымъ органическимъ ухудшеніямъ, а затѣмъ и къ конечному упадку и угасанію рода, по своимъ особенностямъ ставшаго неспособнымъ продолжать жизнь, при условіяхъ окружающей обстановки. „Преступники не представляютъ собою возвратъ къ естественному предшествующему состоянію“, основательно замѣчаетъ д-ръ Féré, „это анормальные, *вслѣдствіе дурной организаціи*, или вслѣдствіе болѣзни“ [667]). „Въ какой бы формѣ или степени не являлось преступленіе“, говоритъ также г. Dugdale, „*оно всегда есть указаніе на недостатокъ уравновѣшанности, порождаемый какого бы то ни было рода немощью*. которая нуждается въ воздѣйствіяхъ, приспособленныхъ къ условіямъ породившимъ ее“ [668]).

Въ вопросѣ объ исправимости преступника я всегда раздѣлялъ, по моему мнѣнію, глубоко вѣрную и съ научной

---

[667]) См. «Archives de Neurologie», № 19 за 1884 г. «La famile nevropathique», 17. Въ другомъ мѣстѣ онъ идетъ даже нѣсколько далѣе. «Порокъ, преступленіе и сумасшествіе говоритъ онъ, раздѣляются только общественными предразсудками; они соединяются ихъ общимъ характеромъ дѣятельности», 15.

[668]) „The Jukes“, Ш. „Весь вопросъ о воспитательномъ вліяніи на преступленіе, порокъ и пауперизмъ“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „зиждется исключительно на физіологическомъ, а не на сентиментальномъ или метафизическомъ основаніи“, стр. 55.

точки зрѣнія мысль извѣстнаго иниціатора лондонскаго международнаго тюремнаго конгресса, покойнаго д-ра Wines. „Все это“. говоритъ онъ, „не есть-ли очевидное доказательство, что *мудро* обращаться къ лучшимъ чувствамъ человѣчества даже тогда, когда мы имѣемъ дѣло съ людьми низкими и деградированными. Обращайтесь съ виновникомъ зла, *какъ съ себѣ подобнымъ* и болѣе. нежели вѣроятно, что его воля отзовется на вашъ призывъ: обращайтесь съ нимъ. какъ съ собакой и онъ будетъ дѣйствовать, какъ она“ [679]).

Я, впрочемъ, не расчитываю и не надѣюсь на немедленное проведеніе всѣхъ принциповъ истинной теоріи исправленія въ практику жизни. Развитіе взглядовъ общества, въ его цѣломъ, совершается медленно, да и остатки воззрѣній, доставшихся намъ по наслѣдству отъ эпохи междуродовыхъ войнъ (иначе называемой эпохой „кровной мести“) и выкуповъ отчасти еще сохраняютъ свою жизненность. Но дѣло прикладной науки точно излагать выводы по отношенію къ той или иной жизнію поставленной цѣли, къ которымъ приводитъ развитіе соотвѣтствующихъ чистыхъ наукъ, предоставляя практикѣ ихъ постепенное проведеніе въ жизнь, по мѣрѣ приспособленія къ нимъ общественнаго сознанія

---

[679]) См. „Bulletin de la Societé Géner des prisons». № 1, 1878 г. ст. д-ра Wines: Программа пенитенціарной реформы въ Соединенныхъ Штатахъ, 187.